

смена

сентябрь

2001

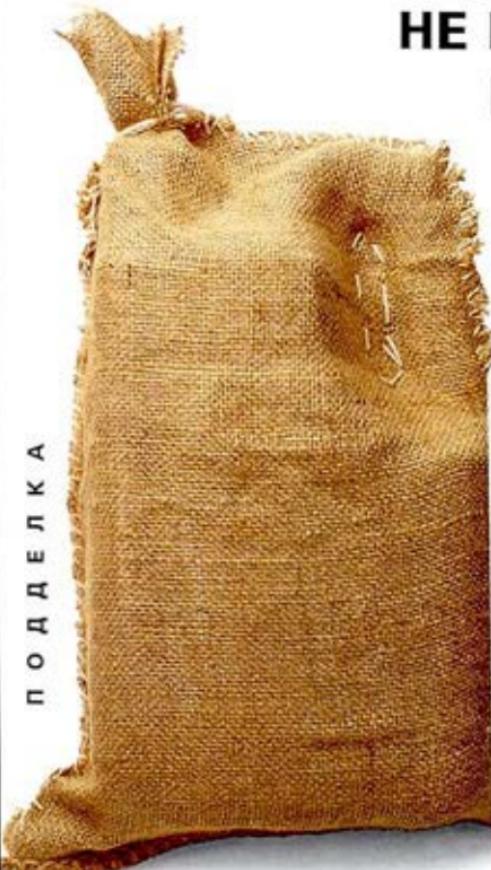
сентябрь

Сергей Еремин
Лодранка

Александр Экштейн **Лунные бабочки**

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

БЕРИ
НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам.главного редактора

Борис Данишевский

Николай Левицев

зам.главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Памара Чилина

Сдано в набор 23.7.2001.

Подписано к печати 14.8.2001.

Печать офсетная.

Заказ № 2036

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14.

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"

[www.cron.ru](http://studio.cron.ru) [<http://studio.cron.ru>]

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати,

Рег.№ 014832.

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ООО ОИД "Медиа-Пресса"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию:

257-42-29, 257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2001.

**36 Аллан Александер
Милл**

**ГРЕЗЫ МИСТЕРА
ФАЙНДЛЕЙТЕРА**

Зарубежный рассказ

**106 Александр Экштейн
ЛУННЫЕ БАБОЧКИ**

Остросюжетный роман

**214 Андрей Дышев
КАТАНИЕ НА ЯХТЕ
В БАРХАТНЫЙ
СЕЗОН**

Криминальная повесть

9

В НОМЕРЕ:

стр. 68

На 1-ой обложке:
Фото FOTO BANK.

**4 Александр Анин
УГЛИЧСКИЕ
ФАНТАЗЕРЫ**

**16 Читатель - "Смена" -
читатель**

**УЧЕНЬЕ — СВЕТ
ИЛИ МУЧЕНИЕ?**

**96 Леонид Лернер
ЧУДО БОЛЬШОГО
ГОРОДА**

**176 Леонид Шафов
ПИСЬМО АНГЕЛУ
БЕЗДНЫ**

**200 Георгий Целмс
ПОДРАНКИ**

**265 Игорь Лоивинов
ЛЕКАРСТВО
ОТ СТРЕССА**

стр.

**56 Любовь Русева
ЗОДЧИЙ НА ВЕКА**

**68 Лилия Байрамова
КЛОД МОНЕ**

29 Ирина Путяева

**88 Олег Табаков:
"РЕЖИССЕР —
ПРОФЕССИЯ
ХХI ВЕКА"**

**188 Иван Зюзюкин
ВНАЧАЛЕ
БЫЛИ ПРЯНОСТИ**

**260 Татьяна Харламова
РОМАНТИК
ВИОЛОНЧЕЛИ**

**Александр
Экштейн
ОПЕРУПОЛНОМО-
ЧЕННЫЙ АНГЕЛ**

Во второй книге главным героем автор вывел Славу Савоева, с которым, после его исчезновения из Таганрога, произошли невероятные события. Он понял, что является не просто земным человеком, а несет в себе нечто высшее — сильное и таинственное.

**Рекс Стауш
ПОВЕЛИТЕЛЬНИ-
ЦА ПАВИАНОВ**

Снова встреча с давно уже полюбившимся читателям Ниро Вулфом и его бессменным помощником Арчи Гудвином. На этот раз собрание цветоводов-любителей проходит в доме Вулфа, где совершается преступление — в кабинете задушена молодая девушка. Кто же из гостей виновен в ее смерти, ведь членов клуба цветоводства более двухсот? И опять острый аналитический ум знаменитого сыщика помогает решить эту сверхсложную задачу...

стр. 88

октябрь'2001

10

АНОНС:

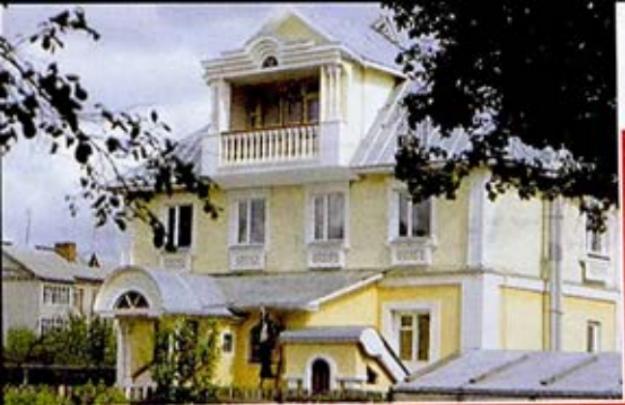
УГЛICHСКИЕ

ФАНТАЗЕРЫ

Александр АННИН

ФОТО Владимира Чейшишвили

Более четырехсот лет минуло со дня трагической гибели царевича Димитрия Угличского, восьмилетнего сына Иоанна Грозного, а древний город, кажется, до сих пор не может до конца прийти в себя от жестоких последствий тех далевых событий. И подобно тому, как великая река замедляет здесь свое течение, наткнувшись на грандиозную угличскую плотину, так и время смирило свою прыть в этом приволжском городне. Чем ныне живут скромные угличане? "Самогоном, ворованными часами с фирмы "Чайна", да, наверное, еще молитвами к Богу", — ответил на мой вопрос пожилой работник местной гостиницы. Но, как выяснилось, это далеко не все интересы здешнего общества.

"И мальчики кровавые..."

Угличане свято верят в то, что небесный покровитель города святой отрок Димитрий был именно убит сторонниками Бориса Годунова, иные версии здесь представляются по меньшей мере оскорбительными. Какое там случайное ранение во время "игры в ножички"? Чушь все это, выдуманная криводушными годуновскими следователями. Иначе для чего было затевать неслыханные по тем временам репрессии, которые обрушил на Углич диктатор "Борисна"? Конечно же, с целью убрать всех свидетелей богоизбранныго убийства престолонаследника.

Старинный храм Димитрия на Крови, что на территории Угличского кремля, готовится возобновить богослужения, а недавно в память о благоверном царевиче

воздвигнута деревянная часовня. Здесь, у резного крылечка, любой местный житель расскажет вам, что к концу XVI века Углич насчитывал около 40 тысяч обывателей всех сословий, в городе было порядка ста храмов. Ну да, деснать, тягаться тогдашним Владимиром или Суздалю! Церкви построили с таким расчетом, чтобы на Пасху, когда православный люд поголовно валит на праздничное богослужение, в храмах можно было свободно стоять и класть поясные поклоны. Подобной "кучности" церквей и часовен не было во всей Руси великой.

Репрессии Бориса Годунова против "бунтарей, учинивших самосуд" над предполагаемыми убийцами царевича, носнулись почти 20 тысяч угличан. Сотни были казнены, иные отправлены в острог, большинство же — высланы на дальнее поселение. И цветущий город зачах, да и впоследствии так и не смог подняться до былой значимости. Вот и теперь в Угличе нет и сорока тысяч жителей, а храмов всего-то семь...

С любопытством выслушивая столь нехитрое объяснение нынешних проблем древнерусского города. Надо же, не коммунистов, не демократов, не Бориса Ельцина винят в своих бедах угличане, а давным-давно почившего в бозе Бориса Годунова! Оригинальная версия, да и общественно-политических страсти не вызывает. Трагедия четырехсотлетней давности по сей день успешно замирает угличан с разным мировоззрением.

Меня, жителя столицы — "города без комплексов" — искренне умиляло то, что угличане в массе своей — народ набожный,уважительный в отношении старых пре-

даний и традиций. Попробуй, скажем, упренни какого-нибудь торговца с Успенской площади — мол, креста на тебе нет — так он сначала покажет нательный крест, а там, глядишь, и нузьнику мать...

Но действующие церкви заполнены в основном туристами. Местная молодежь суетится в поисках заработка и нехитрых развлечений, а у стариков порой нет даже на копеечную свечку. Как сказал мне настоятель недавно возрожденного Воскресенского монастыря игумен Виктор, "люди здесь совестливые, они стыдятся прийти в храм без денег". Вот и получается, что реставрируются и восстанавливаются церкви, соборы и монастыри главным образом в расчете на приезжих, на их поклонничества. Да что там говорить, с таким расчетом строится практически любое начинание в нынешнем Угличе.

Почти Швейцария

По словам первого зама главы угличской администрации Николая Городецкого, уровень безработицы в городе — самый низкий по Ярославской области. Охотно верю, что это действительно так. Формально тысячи людей числятся на "лежачих" предприятиях, они отправлены в бессрочный отпуск без сохранения оплаты труда. Стаж идет, а люди тем временем пробавляются "отхожими промыслами". Однако городской казне, как посетовал тот же Николай Городецкий, туристический бизнес не приносит ощутимых доходов. Все барыши достаются московским, питерским и прочим турфирмам, Московской судоходной компании... Мелкие торговцы су-

венирами тоже не спешат делиться доходами с налоговой инспекцией.

Изобретательность уличан не знает границ. Здесь умеют играть по-крупному: в администрации додумались до организации в Угличе некоего подобия оффшорной зоны. Предприятия и фирмы со всей России могут регистрироваться здесь на льготных условиях — они, снискав, избавлены от местных налогов. Взамен хозяева делают "добровольные" пожертвования в городской бюджет. И, между прочим, так в Угличе набирают по 6 миллионов рублей за год. Недурно, если учесть, что весь годовой бюджет исчисляется ста сороками миллионами.

"А туризм мы займемся вплотную, придумаем, как деньги начать", — уверен Городецкий. И ведь придумает! Пона же многие горожане предпочитают не поднимать понапалам у себя в родных стенах, а сами выезжают с товаром — главным образом в Первопрестольную. На измайловской барахолке можно встретить немало перекупщиков-уличан, расплачивающихся последние старинные иконы, монеты, утварь... Везут в Москву и традиционные угличские изделия — сыр, наручные часы. Только, в отличие от Швейцарии, которая также славится названными товарами, в Угличе их производство год от года сокращается. А знаменитое угличское сливочное масло практически уже не производится: слишком высока себестоимость по сравнению с заполонившими прилавки импортными сортами.

На угличском часовом заводе "Чайна", который был некогда гра-дообразующим предприятием, по-

ложение дел — аховое. Один из руководителей завода объясняет кризис любой конкуренцией со стороны Китая, откуда в Россию катится вал копеечных электронных часов. На "Чайне" же специализируются на достаточно дорогих женских механических часах, некоторые в наши дни якобы трудно сбыть. И если в советское время завод выпускал свыше 400 тысяч часов в месяц, то теперь лишь немногим более 100 тысяч.

Однако в историческом центре города торговля угличскими часами идет довольно бойко. Ступаю на "туристическую тропу" — просторную аллею, которая ведет от Успенской площади к кремлю. Чего только нет на многочисленных лотках: матрешки и платки, колокольчики и игрушки... Если торговец "стоит" на "туристической тропе" — значит, по местным меркам, он кое-чего достиг в мире бизнеса. Но любой здешний лоточник мечтает продавать часы. Вот, к примеру, "матрешечница" Галя, с которой я мимоходом разговорился. "Как успехи?" — начал я с видом изнывающего от снуни туриста. "А ты становишься вместо меня, к концу дня все будешь знать", — огрызнулось миловидное создание. Но, вздохнув, девушка помягчела: "Совсем хреновые дела. По ночам вместо личной жизни матрешки разрисовываю, потом с утра до вечера торгую, а навара почти нет. Вот за эту матрешечку-пятерку прошу всего-то доллар! Не берут, гады. Три года назад я за день по сто штук продавала. Пора бросать это дело, хочу женскими часами торговать".

Продавцы часов — когорта привилегированная. Глянешь на

прилавок — в глазах рябит от разнообразия браслетов. Есть и из серебра, и из золота. "Берите подружке в подарок! — приветливо улыбается пухленькая продавщица. — Вот хорошие часы, браслет с "кошачьим глазом", 350 рублей — и ваши". Отвечаю, что сегодня буду на заводе "Чайна", там в оптовом магазине возьму дешевле. Над моими словами смеялись все, кто их слышал. "Сразу видно, что ты, братон, издалена, — говорит квадратный битюг. — У нас свои поставки, и цены намного ниже оптовых. Даже ниже себестоимости".

На заводе мне потом объяснили сей феномен: часы, продающиеся с руки, украдены с "родного" завода. Вся угличская мафия — от старших до младших — составила тан свой первоначальный капитал. Выносят часы через проходную, как правило, по деталям, а затем собирают кустарным способом. Так что не стоит рассчитывать на их долговечность.

Сейчас в Угличе разработана новая программа по развитию туризма, согласно которой количество торговых мест в историческом центре будет жестко ограничено, а "левую" продукцию станут изымать. Только вот смогут ли власти все это осуществить? В самом деле, впечатление такое, что нынешняя ситуация в городе вполне устраивает и "верхи", и "низы": практически все горожане, что называется, при деле, не голодают, а, значит, нет здесь и серьезных социальных конфликтов...

Наследники Петра Смирнова

В последние два года городок охвачен каким-то непонятным "му-

зейным бумом". Хоть и богат памятниками истории и религии древний Углич, но жителям, похоже, этого мало. Один за другим открываются новые музеи — и муниципальные, и частные. Как говорят их создатели, "во славу города". По нашей теперешней жизни — явление довольно-таки необычное.

Необычны и сами музеи. Открыт, к примеру, "Музей Волги" — подобного ему нет на протяжении всей великой реки. Здесь экспозиции по истории судоходства, строительства грандиозных сталинских гидротехнических сооружений, рыбных промыслов. В минувшем веке Углич был признанной столицей волжских бурлаков — к началу навигации сюда стекались десятки тысяч "вольношатающихся" — наниматься на предстоящий сезон. Все это сонмище обитало прямо на берегу, дым от бесчисленных костров и густой запах ухи разносился окрест на много верст.

Обогатившись познаниями о Волге-матушке, поднимаюсь на второй этаж особняка: здесь уже второй год принимает "паломников" единственный в России (да и в мире) музей с диковинным называнием "Библиотека русской водки". Правда, если здесь и читают, то главным образом надписи на бутылочных этикетках. Директор музея Владимир Шабалин не без гордости говорит, что в зале собраны образцы 650 сортов водки с 69 "винонурен" России — как дореволюционных, так и нынешних. Причудливые бутылки и штофы, наполненные водкой столетней давности, покупались у коллекционеров. А средства выделял местный бюджет, музей-то муниципаль-

ный. Эти "напложения" вроде бы даже оправдываются: редкий турист откажется побывать в этом водочном царстве. За "погляд" берут 30 рублей — аннулат стоимость поллитровки в ближайшем магазинчике. Не возбранен сюда вход и любознательным детям — правда, всего за 10 рублей.

Но почему же все-таки "библиотека"? Что за фантазия такая? Оказывается, мэр города Элеонора Шереметьева как-то побывала в Париже, и там посетила музей "Библиотека шампанских вин". У французов слово "библиотека" означает, помимо традиционного книгохранилища, еще и тение понятия, как собрание, картотека. Оригинальное название музея запомнилось уличному мэру, и вот нате вам — чем мы хуже?

Владимир Шабалин помянул и расхожую фразу времен не столь удаленных — дескать, музей создан "с целью профилактики пьянства и алкоголизма". Однако... Посмотришь-посмотришь, да и "откушать" потянет. Это завсегда пожалуйста: в занутне стоит дубовый стол со скамьями, красавицы в сарафанах и коношниках подносят посетителям чарки — под огурчин, бутербродик. Дегустация — за отдельную, причем немалую плату. Но разве это может смутить распалившегося заезженого гостя? Порой посетители засиживаются, и вот уже из занутна доносится нестройная песня. Это придает экспозиции дополнительный колорит.

Местные жители музеем гордятся, но сами сюда не ходят — лучше уж бутылку взять. Хотя иногда здесь появляются уличные доморошеные винокуры: делают карандашные наброски со старин-

ных самогонных аппаратов. Самогоноварение, объявленное несколько лет назад уголовно ненаказуемым, пышно процветает в приволжском городке — есть целые слободки, где, почитай, в каждой избе гонят сивуху. Конкуренция убийственная, тут поневоле начнешь изучать технические достижения предков — как исхитриться сварить "поядреней да подешевле".

Между прочим уличане искренне считают свой город чуть ли не всемирной водочной столицей: именно из здешних мест ведет родословную знаменитая династия Смирновых, а поставщик Двора Его Императорского Величества Петр Арсеньевич Смирнов начинал тут карьеру половым в трактире у своего дяди. В общем, вполне уместен в городе музей водки. Но на самом деле российские водочные магнаты происходили не из Углича, а из довольно удаленной деревни Каюрово. Не было и нет в Угличе хмельного производства. Но об этом местные патриоты предпочитают не говорить, и миф о "водочной столице" прочно держится в сознании обывателей.

Настроено известным стал "пьяный" музей, что им всерьез заинтересовался всемирно признанный скульптор Эрнст Неизвестный, проживающий в Нью-Йорке. Было это так. Один из руководителей администрации Ярославской области встретился с мастером в Менсине и предложил ему взяться за ваяние памятника... водке. Даже самому Неизвестному с его богатой фантазией такая идея в голову до сих пор не приходила, и потому он тут же за нее ухватился. Скульптору рассказали

об уникальном уличном музее, возле которого предполагается воздвигнуть монумент, и Неизвестный приехал в приволжский город. Теперь он замышляет нечто невероятное — "пьяный" памятник высотой семь метров. А назначином выступит областная администрация — уличским властям подобный проект не потянут, тем более что монумент будет отлит из бронзы.

Клеопатра с уличской пропиской

Совсем иное отношение у жителей к очередному местному новшеству: в городе объявлено о предстоящем открытии частного "Музея эротики". И если "водочный мемориал" имеет хоть какую-то историческую привязку, то обосновать создание эротического оказалось куда сложнее. Легенд о какой-то повышенной сексуальной антиности уличан на Руси вроде бы не слагали, нет никаких данных и о хотя бы временном пребывании здесь таких личностей, как, скажем, Клеопатра или Казанова. Ну, или, на худой конец, былинного барновского Луки. Что за экспонаты собирается выставить "попечитель" — тоже неясно, но, видимо, это будет нечто потрясающее воображение. Опять же вопрос: если разгоряченным созерцателям водочных бутылок можно предложить "освежиться" в закутке, то что предлагать доведенным до возбуждения посетителям "Музея эротики"? По логике вещей, надо отрывать тут мини-бордель.

Потому-то вокруг создания музея уже год длится своего рода тяжба между населением и адми-

нистрацией. Власти Углича поддерживают начинание — сдается, отцы города приветствуют любое новое диво. Как говорится, наличествует нестандартное мышление. Да вот жители — причем всех возрастов — проявили довольно стройный протест. Говорят, прошли даже гневные митинги, не говоря уж о массовых письмах недовольства. В администрации слегка озадачены таким проявлением патриархальной нравственности: город, в общем-то, пуританским не сливает, как и любой другой туристический центр. Я убедился в этом, проживая в местной гостинице: анкету под окном располагался один из пунктов сбора "девиц для короткого знакомства". Однако в Угличе (что весьма похвально) твердо блещут внешние приличия — то, что допускается под покровом ночи, никак не дозволительно при свете дня.

Потому и единственный в городе сенс-шоп постоянно пребывает буквально в оплеванном состоянии — мало кто из уличан, особенно пожилых, удерживается от смачного плевка, проходя мимо "непотребного заведения". Разглядывать витрину, и уж тем более переступать порог одиозного магазинчика — значит, подвергнуться нелестным пересудам. Владелец "точни" (фамилию просил не указывать) прямо говорит, что "открылся" главным образом для приезжих да еще, разве что, местных шутников, ищащих забавный сувенир. "А массовый, традиционный уличанин сюда не пойдет", — спокойно рассуждает хозяин. Такие вот нравы...

Но туристам здесь прощается практическими все: на приезжих

смотрят как на источник дохода, средств к существованию. Из рук туристов в Угличе нормятся, почитай, от мала до велика: дети по прошайничают на стоянке иного-родных и международных автобусов, девушки (не все, разумеется) зарабатывают древнейшим способом, люди посолидней торгуют сувенирами и антиквариатом. Парни собирают дань и с тех, и с других, и с третьих.

Прямо сняжем, диновинно было видеть старуху с "Полароидом", предлагавшую моментальное фото на Успенской площади. От созерцания колоритной бабули меня отвлекли два малолетних оборванца: "Дядя, дядя, а мы в церковь сходили, поставили свечку за ваше здоровье!" Я смущился было, но тут узнал в пациентах двух вчерашних христарадников, которым я отсыпал горсть мелочи. Пробормотав что-то вроде "молодцы, хорошие детки", я пошел восвояси, а позади услышал, как один выговаривает другому: "Ну вот, я же говорил, что он больше не даст".

Сыр — у коровы на языке

Угличские сыры — еще одна законная гордость здешних мест. Почему-то многие, в том числе еда ли ни весь город, уверены, что варят сей продукт в Угличе испокон веков, чуть ли не со времен удельных князей. Думал так и я, и только здесь узнал, что вплоть до середины XIX века Россия вообще не знала, что такое сыр. Сыром обычно называли творог, а нынешние сырные и твердые сыры считались деликатесом, их лишь изредка привозили как угождение вельможам иностранные дипломаты.

И все-таки угличане, как и в истории с водкой, упрямо твердят, что российское сыроварение ведет свою родословную именно из здешних краев. Тут во все времена разводили столько коров, что молоко давать было некуда. И вот в середине XIX века крестьяне-маслоделы самостоятельно "изобрели" рецепт сыроварения. Получалось у них не очень здорово — что-то вроде современных белых сыров, супруги или лори. Однако молоко куда-то же надо было давать...

А ближе к концу того же века помещик Николай Верещагин (брать известного живописца) совершил турне по Европе и вдоволь наелся там настоящего сыра. Вернувшись в Россию, Верещагин понял, что больше жить без этого деликатеса не может, а купить его в родном отечестве негде. И Верещагин стал родоначальником сыроварения в своих вотчинах. А располагались они недалеко от Углича, на границе Тверской и Ярославской губерний.

"Сыроед" принял скупать кустарные сыроварни аж на сотни верст окрест, объединять их в довольно крупные предприятия и вводить европейские технологии, которыми обогатился в поездне за кордон. Кстати, "изобрел" Верещагин и знаменитое вологодское масло — в его основе лежит рецепт норвежского. Вскоре верещагинская продукция мощным валом обрушилась на рынок и сыр стал повседневной едой в России.

А при чем тут, собственно, Углич и угличский сыр? Тут тоже своя легенда. Крупного промышленного сыроварения здесь никогда не было, но в 1945 году сюда

по заданию Сталина приехал Миноян. Анастас Иванович мотался тогда по городам и весям, подыскивая место для строительства Всесоюзного НИИ сыропродельной промышленности. Нивописный городок настолько понравился Минояну, что он не хотел уезжать: бродил по берегам Волги, по узеньким купеческим улочкам, радовался, что нигде не видно мрачных заводских труб... Да и сырном местным его все-таки угостили — был тут маленький заводик, который, кстати, действовал и во время войны. В общем, выбор был сделан — головной институт разместили в городе, где практически не было сыропродельной промышленности. Что ж, дело, как говорится, за малым: оставалось лишь начать строительство огромного сырзавода. И он открылся здесь в 1975 году. Так что видите, угличский сыр очень даже "молодой".

Обо всем этом мне с юмором рассказал заместитель директора института Геннадий Перфильев. И тут же вполне серьезно добавил, что, конечно же, Миноян учитывал и другие факторы: традиционно развитое молочное животноводство, высокое качество молока.

А суть в том, что не любое молоко годится для приготовления действительно качественного сы-

ра. Существует даже специальный термин: сыропригодность молока. Его я впервые услышал от директора Угличского сырзавода Николая Шергина. Он же и раскрыл мне секрет отменных свойств угличского сыра: ярославские буренки, из поколения в поколение верные верещагинским традициям, будто специально созданы для сыроварения. "Надо очень ухитриться, чтобы из хорошего молока, да при отлаженной технологии, сварить плохой сыр", — считает Николай Александрович.

А варят здесь, кстати, главным образом сыр "Российский" — так уж сложилось по технологии. "Угличский сыр", марка которого разработана в упомянутом НИИ, взяли на вооружение другие отечественные предприятия. Изобрели в институте и специальную сырную массу для космонавтов, впервые ее "запустили" на орбиту в 1977 году, во время совместного советско-американского полета "Союз"- "Аполлон". Так вот, американцы, захватившие на корабль аналогичную штатовскую массу, так и привезли ее с собой назад на землю. Зато "ополовинили" сырные запасы наших парней.

Так что, как видим, слава маленького приволжского городка шагнула не только за пределы страны, но и планеты. ■

Ученые — СВЕТ

Обзор

читательских

откликов

на статью

Н. Смирновой

"Не ходите,

дети, в школу"

(«Смена» № 2,

2001 г.)

Если в наше время на статью в журнале приходит хотя бы 2-3 отклика, значит, статья задела по меньшей мере сто человек. Редакционная почта резко сократилась по целому ряду причин, перечислять которые, нам думается, нет необходимости. Ну, а если писем пришло больше сотни?

Именно это произошло после публикации статьи Натальи Смирновой "Не ходите, дети, в школу". Сразу признаем, что отзывы в подавляющем своем большинстве — резко негативные или просто возмущенные. Но самое интересное, пожалуй, то, кого возмутила статья и чем именно вызвано это возмущение.

Напомним, что речь идет о проблемах школьного образования, точнее, о том, что нынешние школьники вынуждены тратить большую часть учебного времени на усвоение таких дисциплин, которые никогда в жизни им не пригодятся. Тема, мягко говоря, не новая, систему российского образования не пинал только ленивый или уж совсем неграмотный. Почему же эта конкретная публика-

ция вызвала такой шквал эмоций?

Наверное, потому, что впервые критике подвергли не СИСТЕМУ, а ее исполнителей. Ведь автор статьи задела за живое сотни тысяч людей, любящих свою профессию, но любящих именно такой, какая она есть, то есть категорически не желающих что-либо менять в сложившейся системе. Ибо проще выполнять инструкции, сетуя на их тупость и консерватизм, чем внедрять что-то новое. Проще, а главное — безопаснее. Давно ведь известно, что любая инициатива наказуема. А уж в мире нашей школы и подавно.

И потому отклики на статью получились — да простят нас наши дорогие читатели — не столько конструктивными, сколько в высшей степени эмоциональными. Так пишут те, кого, как говорится, задело за живое. За наболевшее. Но у каждого, как выяснилось, "наболело" что-то свое. Что же?

Начнем с письма ярославского филолога Анатолия Хомякова.

или МУЧЕНЬ?

Ваш журнал читаю давно и всегда интересуюсь публикациями в нем. Хочу коснуться темы, поднятой в статье "Не ходите, дети, в школу" Натальи Смирновой.

Суть, "ядро ореха" заботит меня, бывшего некогда школьника, а потом и школьного учителя. Отношение к статье у меня двойственное. Я не любил школу и когда учился, и когда учительствовал (преподавал русский язык и литературу). Но и сейчас жалею, что многое мог бы почерпнуть из школьных лет, а не почерпнул. Но в рене дважды нельзя войти, как писал "темный" Гераклит...

Главное упущение советской школы так называемых "застойных" лет (а я учился с 1961 по 1969 годы в дневной школе, потом перешел в вечернюю) в том, что она не учила решать ни теоретических проблем, ни жизненных задач. Скажу больше: не учила думать. Во всем господствовали сколастика, начетничество.

К счастью, я довольно рано прозрел и презрел (не наламбур,

но близко к нему) школьную премудрость, переключившись на любимых Л. Толстого и Ф. Достоевского. Вот они-то учили размышлять. Я и до сих пор нахожусь под их влиянием. Хотя позднее к ним добавились другие знановые фигуры — М. Пришвин (писатель-философ), Томас Манн с его интеллектуальными романами, ироничный М. Зощенко. А как не вспомнить Рабле, Свифта, Пастернака, Мандельштама, Солженицына, Рубцова? У всех у них мысли тан и трепещут.

Итак, получен диплом о высшем образовании. Стал учить детей. В школе косность, формализм, я — мужчина — был "белой вороной" в женских коллективах. Ноллеги-мужчины, как правило, трудовин и физкультурник. Иногда — директор. Права Н. Смирнова, плохо, когда в школе среди педагогов почти все женщины. Я полагаю: не случаен поэтому кризис и в обществе, и в экономике. Ведь женщины по своей природе чужды новациям, реформам, предпочитают приспособливаться. Многие девушки тянутся к

знаниям, пользуясь достигнутым равноправием. Но, позвольте, что же будет рожать и воспитывать детей? Нет, я не толстовец, просто у меня есть здравый смысл. Россия ежегодно теряет в воспроизводстве населения тысячи детей, как тут не схватиться за голову.

Н школе же ни с какого боку не подступиться. Все неглупые инструкции и распоряжения вязнут в женском болоте. Н. Смирнова правдиво и живописно обрисовала разложение современной школы. А учительские акции — для проформы. Хотя в сельской местности и небольших городах учителя действительно страдают. Работал я в сельской школе, представляю, какой ценой достается хлеб насущный педагогу. Зарплату во время не платят, многие родители учеников не имеют работы, в деревнях полно ворья. Учебников новых не достанешь, высоки тарифы на эл. энергию. Впору "нараул" кричать.

Бывший президент РФ Б.Н. Ельцин первый свой Указ издал о школе. Указ этот нанул в Лету забвения.

Нам бы нового Петра Великого, понимавшего важность "света ученья". Необходим прорыв к новым технологиям, т.к. на старой телеге далеко не уедем. А мы сегодня живем ресурсами прошлого. Со старым багажом в XXI веке нашему обществу не место, но ни школа, ни вузы пока по-современному мыслящих специалистов не готовят. Всякие "юристы, экономисты" — полные профаны в естествознании, философии, они только пользуются благоприятной конъюнктурой, нецивилизованным рынком в России.

Особо хочется сказать о компьютеризации, Интернете. Нельзя видеть в них панацею от всех общественных болячек. Известно, что Дм. Менделеев Периодическую систему химических элементов увидел во сне, а потом набросал ручкой. Свои формулы А. Фридман тоже писал без компьютера, а Циолковский — свои, и тому примеров несть числа. Компьютер — полезное приспособление. Не более. Он количественно увеличивает информационную емкость знаний, но качественно ничем не отличен по сравнению с "Дионондой" Леонардо да Винчи.

Непроизвольно перехожу к другой теме — преподаванию в школах и вузах древних языков, искусств, эстетики. М. Пришвин писал: "Искусство и наука — два крыла человека, помогающие ему постигнуть мир". Но после 1917 г. выбросили из программ древние языки. Жаль, ведь рациональная традиция идет именно из античности. В областных и университетских городах необходимо иметь до пяти гимназий классического типа с углубленным изучением математики и языков.

Анатолий Хомяков,
Ярославль

Что ж, как говорит один наш известный сатирик, "трудно не согласиться". Но вот незадача: автор письма сам себе противоречит. С одной стороны, "со старым багажом в XXI веке не место", с другой — "жалко, что из программы выбросили древние языки". С таким же успехом можно сказать, что не все люди умеют играть на музыкальных инструментах, хотя еще пару веков назад любой образованный человек му-

зицировал запросто, даже не имея слуха. Это входило в программу тогдашнего образования. И беда нашей российской современной школы именно в том и заключается, что в ней по-прежнему преподают по программам классической дореволюционной гимназии. Той самой, где вкладывали в молодые головы практический полный набор знаний. Но сколько новых статей в "энциклопедию" было добавлено с тех пор! А необъятное объять, как известно, невозможно.

Ну, а пример о том, что великие ученые прошлого спокойно обходились без компьютера, вообще не выдерживает никакой критики. Если, конечно, компьютер рассматривать как пишущую машинку с памятью, то можно и без него. Но ведь это не так. Да простит нас уважаемый филолог, но его отношение к технике как раз и является более чем ярким примером нашего школьного образования. В котором очень много того, без чего можно обойтись, и которое пренебрегает тем, без чего обходиться уже невозможно.

Еще одно письмо, на сей раз от школьного логопеда. [Заранее извиняемся перед автором за сокращения — письмо уж очень длинное.]

Для начала позвольте представиться поподробнее: по образованию я педагог-логопед, семь лет педагогического стажа, но при этом всего 28 лет сознательной жизни, если считать от рождения. Так что поспорить с автором статьи могу и с точки зрения практикующего педагога, и с точ-

ки зрения недавнего ученика и студента. Воспоминания свежи, на память, хоть и девичью, не жалуюсь. Я — жительница провинциального городка, разумеется, отличия от столичной жизни есть во всем, в том числе и в школах, но, прочитав статью, подумала я, что мы ничем не хуже в своей дыре. Или не лучше? Одним словом — да, похоже. Все похоже.

Итак, "в голове моей опилини"... Не родился и никогда не рождается на свет тот человек, который, поглядев программу любой школы (а их сейчас превеликое множество), скажет определенно и точно: это хорошо, это плохо, это полезно, это вредно. Это надо детям "вбивать" — это не надо, это пригодится в жизни, а то — никогда. Все познается на практике и во времени. И никем еще не опровергнуто. Да, мы делали в школе много бессмысленных вещей. Я, например, терпеть не могла ту же химию. Но разве не училась я, зубря бесчисленные формулы и решая дурацкие задачи? Училась преодолевать трудности. Училась исматривать варианты решений, когда ни один не подходит. Разве это не нужно для жизни? А вот математика, вернее, арифметика мне так и не далась, хотя учительница у нас была замечательная. Ну не способна я к устному счету. И в магазинах меня таную будут обсчитывать всю жизнь, даже если меня практической арифметике учили бы 24 часа в сутки. Но и это разве не имеет пользы? Поучила я элементарную физику с математикой в школе и поняла, что в данную область я не полезу никогда...

Работа моя, положа руку на сердце, не является любимой.

Но что такое любимая работа, полноценная жизнь, "сделать мир лучше", наконец? Есть ли вообще на это ответ? Ответа нет и ответов много. Сегодня ты счастлив, что ребенок произнес "ре", завтра — по той же причине очарован. А винить во всех жизненных и материальных неурядицах образование? Глупо. Общеизвестно, что только неудачники и дураки ищут виноватых на стороне. Умный человек сам себя хвалит, но сам себя и винит. А гении (так же, как и пьяницы, и бомжи, и неудачники) получались исполнен венов и из образованных, и из необразованных вовсе. А решать — учиться кому, где и сколько, должны, я согласна, только члены семьи ребенка. Обязаловна тут ни к чему (да ее и нет уж давно — опять же сработал критерий истины), но и отбрасыванием по принципу "годен — не годен", "этому в науку, а тому в ремесла" никто посторонний заниматься не должен. Это уже не демократия, это и есть самый натуральный авторитаризм.

Зачем я работаю в школе? Чтобы иметь официальное место работы. На всякий случай. Ведь не дают учителям цивилизованно заняться частной практикой, чтоб не драть налоги с каждой тридцатки!

В школах сейчас молодых преподавателей мало. У нас, в Брянске, если молодой да талантливый продержался в школе после института больше двух лет — нонсенс. То бишь ни в какие ворота не лезет. Дорабатывают в основном до пенсии по старости те, кто плюс к зарплате получают пенсию по выслуге лет. Держатся за свое место такие бренчневской залал-

ни дамы дай Бог всячому. И ведут в учительской разговоры о том, "как раньше было хорошо и как стало плохо и не свежо"...

Не знаю, может быть, неправильно с моей стороны писать о себе... или сам себя не похвалишь... Дело в том, что я против принципа "Не любишь детей — не место тебе в школе". Особой любви к детям я не испытывала никогда. Детей, с которыми работаю я, вообще любить сложновато. Есть учительский прикол: "Что такой идеальный учитель? — Это тот, у него нет любимчиков". Ему одинаково противны все. С одной стороны звучит не слишком-то привлекательно. С другой... Это очень помогает и в обучении, и в общении.

Меня дети любят, слушаются, общаются непринужденно. Нет, я для них не ровня. Стиль общения "запанибрата" я считаю для себя неприемлемым, несмотря на всю его модность в последнее время. Я и малознакомым взрослым людям (даже старшим) не позволяю мне "тыкать". Ученикам тем более. Я не читаю им мораль, не отбираю карты, в которые они решаются перемены напролет, не навязываю им свое мнение. Но я для них все-таки учитель. Уважение нельзя навязать, совершенно права автор статьи. Уважение человек должен заслужить сам. Детям не обязательна любовь учителя — они уйдут и забудут его даже быстрее, чем родителей. Любить должны как раз они, родители. Учитель должен уважать детей не как равных себе, а как будущих равных, и тогда они будут уважать его. И подчиняться ему, кстати, без всякого принуждения.

Научить учиться — вот, наверное, наним должен быть девиз любой российской демократической школы. Звучит немного диковато — "российская демократическая школа", но лучше школы, как и лучше демократии, человечество пока еще ничего не придумало. Пусть ребенку будет интересно читать, считать, писать, заниматься физкультурой — пусть ему будет хоть что-нибудь интересно! Вот этому должны его учить и родители (всю жизнь), и учителя, и друзья, и родные, и все. Но невозможно стать писателем, не умея писать, стать художником, не зная правил перспективы, стать космонавтом, наконец, без математики! Поэтому начала начал знать должны все. Может быть, как раз школа и учит этому? Вернее, и этому тоже? А среднее арифметическое число подлецов, семейных деспотов, скрытых маньяков и других малоприятных типов не слишком-то изменяется с течением веков. Но ведь и это — закон жизни, закон равновесия в мире добра и зла.

Вот в наше непролазные философские дебри углубились мы с вами. Впрочем, лучше дебри философские, чем экономико-политические. Я туда и лезть-то не хочу, хотя надо было бы, а? Но это — еще пятнадцать листов в клеточку, а вы от моих трех уже в отключке, должно быть, если дочитали до сих пор. А представляете, заново все это писать! Нет, не представляете... Это у вас там, в Москве, компьютеры на каждом шагу. А у нас в Брянске, в школе, прошу прощения, туалет на улице. И в то время, как "космические корабли бороздят", я пишу от руки

на выданных из тетрадки листочках. Вы уж извините меня, пожалуйста. Ну нет у нас компьютера, нет!!!

Огромное спасибо всем, кто дочитал мое письмо до конца. Огромное спасибо Наталье Смирновой за ее статью. Но, пожалуйста, передайте ей, что на свете — в России, в Брянске, есть человек, которому не жалко потраченных лет. Тех самых, школьных, чудесных. Они не были вполне чудесными, но они были моими. Это — часть моей жизни. Неподъемлемая часть. Возможна, даже и лучшая.

Татьяна Кусачева,
Брянск

Вот тут уже, как говорится, ближе к делу. "Особой любви к детям я не испытывала никогда". Тут же возникает встречный вопрос: а зачем тогда с ними работать? И как можно с ними работать? По принципу "вас много, а я одна"? Тогда есть целая куча замечательных мест, где с людьми можно вообще не работать, а только с бумагами. Городской народного образования, например. Или научная деятельность. Или архив.

Но самое интересное, что Татьяна детей, судя по всему, любит. Иначе не стала бы тратить столько времени на письмо, да и статью вряд ли дочитала бы до конца. И уж, конечно, не написала бы последнего абзаца.

Радует, что в дискуссии о школе приняли участие и сами школьники. Вот отрывок из письма Татьяны К., ученицы 11 класса, будущего учителя, как она сама себя представляет.

Нак можно такое писать? Я, конечно, согласна, что в школе мы получаем многое, что в дальнейшем не пригодится. Но если мы не будем знать хотя бы основы какой-либо науки (а именно основы дает школа), скоро превратимся в обезьян. И как ребенок захочет стать, например, биологом, если не будет знать, что такое биология? И для чего тогда все открытия в науке, если о них никто не узнает?

Вот вам то же самое заблуждение: "нужно знать основы каждой науки". Кто бы спорил! Но, во-первых, Таня, все науки все равно постичь невозможно в рамках школьной программы (ту же философию, например, или генную инженерию). А, во-вторых, основа основе рознь. Сложнейшие формулы полимеров — это основы? Или математические уравнения с несколькими неизвестными? А анатомия лягушек, обороны, создатель?

Почитаем письмо из Белоруссии, из г. Жодино. Автор сама себя прекрасно представила.

Соболевская Александра Александровна. 38 лет проработала учителем английского языка, 12 лет преподавала этику и психологию семейных отношений. Читая статью Н. Смирновой, в чем-то с ней соглашалась, а о чем-то хотелось поспорить. Хотя, должна заметить, что я согласна с ней процентов на 85. Будучи школьницей старших классов, а потом и учительницей, я не раз пыталась понять: кто, как и по какому принципу отбирает материал для школьных программ. А когда мои

собственные дети пошли в школу, я уж совсем усомнилась в осмысленности отбора материала для изучения. Мои собственные учебнические воспоминания связаны скорее с личностью учителя, чем с тем, что мы изучали. Учитель литературы в старших классах не столько беседовал с нами о художественных достоинствах того или иного произведения, сколько переводил все к реальностям окружающей жизни. Это были 50-60 годы. Наш Филипп Онуфриевич прошел войну, многое повидал, был страстным книголюбом, мудро и настойчиво готовил нас к жизни. Годы спустя, когда я поняла, что иногда цитирую ученикам именно его, сама следую давним советам своего Учителя, только тогда я в полной мере оценила значение учителя в жизни. И таких педагогов у нас в школе было несколько человек, хотя были и те, кто вызывал только насмешку и неприязнь.

Хотелось бы мне сегодня сказать, что сложные задачи по геометрии с применением тригонометрии не пригодились мне в будущей учебе и жизни. Но я до сих пор помню то ощущение счастья, которое испытывала, решив труднейшую задачу. Огромное счастье: Я МОГУ!

Физику я просто ненавидела, терпеть не могла историю, зато на географической карте могла быстро и без труда найти любой самый маленький островок. Люто ненавидела уроки ботаники, а сегодня могу читать лекции для дачников по практическому овощеводству. Трудно было бы мне определиться в 5-6 классе, что я должна изучать, а что нет. Но в качестве учительницы, мамы, а

теперь уже и бабушки, я считаю, что для большинства не нужна сложная математика, химическая валентность, номера орфограмм, а нужны практические, конкретные знания, которые подготовят человека к реальной жизни с проблемами быта, плохой экологии...

Считаю, что отбор учеников надо делать после 6-7 классов. Я очень обрадовалась, когда лет 10 назад были сделаны такие попытки. Но как они были сделаны? Формировались классы с углубленным изучением того или иного предмета, но программы всех остальных предметов оставались обязательными на "базовом уровне". В английском классе программа по математике была такой же, как в биологическом или обычном. Возросли нагрузки на детей, посыпались болезни. О качестве преподавания в таких классах и говорить не приходится. На мой взгляд, один из десяти педагогов имел право работать в таких классах, а работали все, кто хотел или ного заставили. Если не рассматривать школу как "намеру хранения", то 12 лет, на мой взгляд, не нужны. Упростить программы для базового уровня, пораньше ввести настоящую дифференциацию, учить детей в школе не только наукам, но и тому, как выжить в экстремальных условиях, как зарабатывать деньги, как строить отношения с окружающими, как сказать "нет" алкоголю и наркотикам, как беречь и защищать окружающую среду. И массе других полезных и необходимых вещей. Но опять все упирается в личность учителя, его профессионализм. Не секрет, что многие в педагоги идут не по при-

званию. Спрашиваю у заминутой, неуверенной, со средним уровнем интеллекта выпускницы: "Почему ты идешь в пед?" — А куда еще?

Что касается вымогательства в школе, то оно расцветает все ярче, но не везде. Если в школе администрация не берет "подарков", если большинство учителей имеет чувство достоинства, то любители вымогать в такой школе почуют себя неуютно. Сами родители порой просто навязывают свои "знаки внимания" учителю. В последние годы моей работы я дважды столкнулась с этим. И оба раза "дарители" не могли понять мой отказ, ушли с обидой. Все возмущаются, что к врачу без взятки не пойдешь. Ходила и ходжу. А если что-то не устраивает, иду туда, где есть платные услуги по разумной цене. Я плачу деньги, получаю квитанцию, знаю предел ожидаемого, могу что-то потребовать. Да, на пенсию многое не полечишься, но на взятку уйдет не меньше, а еще будешь в роли просителя.

Так и в школе. Не понесут родители, ничего не случится. Оценка будет, может быть, немного хуже, но знания от этого не пострадают.

Нажется, потихоньку начинет вырисовываться суть вопроса. Дело не в школе, как таковой, дело в личности учителя. Если учитель — Личность, он способен привить любовь к любому предмету, будь этот предмет хоть трижды не нужен в повседневной жизни. Другой вопрос, нужно ли тратить на это время. Безусловно, в шестом, а тем более в пятом классе довольно трудно определиться с выбором профессии.

Но есть у ребенка способности к точным наукам или нет, выясняется достаточно быстро, равно как и наличие (или отсутствие) каких-то гуманитарных талантов. Не хочется никого обидеть, но замечено, что так называемые "золотые медалисты", то есть люди, однажды хорошо успевающие по всем предметам, крайне редко становятся выдающимися специалистами в какой-то одной области. Чаще всего они так и остаются блестательными дилетантами во всем.

Следующее письмо показалось нам интересным потому, что оно написано человеком, никакого отношения к проблемам образования не имеющим.

Статья Натальи Смирновой "Не ходите, дети, в школу" очень спорная, в ней есть много интересного, но есть и суждения, с которыми нельзя согласиться. Мне трудно судить в вопросах педагогики, я — врач, но даже мне представляется многое очень спорным.

Безусловно, согласен с тем, что введение в школах повсеместно платного образования — это безумие. Страна потеряет огромное количество талантливых молодых людей, ведь у многих нет даже кошелька, а не только чего-то в кошельке. Значит, в вузах будут учиться дети только состоятельных родителей. И можно себе представить, какая тогда будет у нас наука через 15-20 лет. А вот Япония своей задачей ставит получение бесплатного высшего образования всеми, кто способен учиться. Вот это забота о развитии науки!

Что касается поборов при поступлении в институт и во время учебы, то для того, чтобы положить этому конец, нужно только желание министерства образования и ректоров вузов. Такого желания ни у тех, ни у других не видно.

Сколько лет надо учить детей в школе? Жизнь показала, сколько и чему надо учить. Согласитесь, что в начальных классах только единицы среди многих детей выявляют свои таланты (музыканты, художники, спортсмены). Но это ведь единицы! Да и они свое образование не заканчивают в 4 классе, а продолжают учиться. А все остальные за время учебы в школе успевают "переболеть" многими предметами. И слава Богу, на здоровье! Круг занятий ребенка расширяется, знания таблицы умножения ему уже недостаточно!

Чему учить в школе? Древние мудрецы говорили: если ты не знал науку добра, то любые другие науки принесут тебе только вред. И это должно проходить красной строкой через все 10 лет учебы в школе.

Учить надо прежде всего русскому языку. Н. Смирнова считает, что детей надо учить языку, на котором говорят сейчас. Думаю, что это мнение глубоко ошибочное. Тому языку их усердно учат наше радио, телевидение, да и во многом современная литература тоже. Молодое поколение в школе надо учить не "по фене ботать", а прежде всего языку Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова. Иначе о какой культуре вообще можно говорить? Наши НИИ Министерства образования должны создать массу интересных докумен-

тальных фильмов по литературе, языку, истории, географии и другим дисциплинам. И тогда даже абстрактный предмет будет усваиваться учениками с интересом.

И еще один момент. Всех нас беспокоит нравственность педагога. Безнравственность некоторой части из них бросает тень на всех. Надо задуматься вот над чем: воспитатель сам постоянно нуждается в воспитании. А что наш учитель? Обсуждается ли эта проблема в школе? Не знаю. Наш учитель так затуркан (извините за выражение), что во время педсовета за обсуждением дисциплины, успеваемости, ремонта школы он не касается вопросов воспитания. Сюда относятся и вопросы репетиторства. Когда я учился, у нас для отстающих организовывали дополнительные занятия, а для тех, кто хочет знать больше — кружки. Где они сейчас?

Николай Дотоль,
г. Монино
Московской обл.

И опять все замечательно, и опять хочется немедленно со всем согласиться, но... Но дело в том, что все опять упирается в личность педагога. Да, преподаватели затурканы и замотаны, унижены государством, запуганы (иногда в буквальном смысле слова!) учениками и их родителями. Но, простите, все то же самое происходит и с медициной. А слово "инженер" не так давно считалось чуть ли не ругательным. У нас все общество некоторым образом переношено, а не только система школьного образования. И учителей к нам не с Марса присыпают, и не в питомниках выращивают, они — продукт нашего

же общества. То же самое — к тезисам о поборах и безнравственности. О духовности и бездуховности. Честных, порядочных и культурных учителей среди педагогов ровно столько, сколько таких людей в обществе в целом. Не больше, но и не меньше. Только вот давайте помнить, что от алчного и не слишком грамотного чиновника или геолога никто не требует быть примером для подрастающего поколения, причем ежедневно, как от учителя школы.

Приведем еще одно, теперь уже последнее, письмо нашей постоянной читательницы, педагога с 30-летним стажем.

Полагаю, статья Натальи Смирновой "Не ходите, дети, в школу" не оставит равнодушным никого, и потому хочется выразить благодарность как автору, так и редакции за поднятый вопрос по поводу школы. В целом трудно не согласиться с автором по многим затронутым темам. Взяться же за перо заставила меня спонтанная дискуссия, возникшая в жилинторе по поводу системы образования, плохих школ и недобросовестных учителей. Сходство позиций автора статьи и работников жилинторы поразило меня! Но неумение отличить причину от следствия, простительное не очень образованным сантехникам, никак не простительно, надо полагать, достаточно образованному автору статьи. Как же можно всю вину за неблагополучное положение в школе сваливать на плечи женщин-учительниц, униженных нищенскими зарплатами и отсутствием должного внима-

ния со стороны правительства? Как случилось, что в современной школе работают только женщины, зачастую не имеющие специального педагогического образования? Что сделало общество для привлечения в школу талантливых мужчин, почему для них работа педагога стала столь непрестижной? Как может общество мириться с таким положением вещей? Или люди перестали понимать значение воспитания? А совет детям не ходить в школу автор могла бы и не давать — сейчас в нашей стране больше беспризорников, чем во время войны. Автор оставила впечатление человека недоброго и необъективного, может быть, ей просто не повезло на встречу с хорошими педагогами. А, может, она специально написала эту статью, чтобы всколыхнуть общество и заставить его пересмотреть свое отношение к вопросам воспитания подрастающего поколения, благополучным которое назвать никак нельзя? Тогда автору спасибо еще раз.

Нинель Беляева,
Санкт-Петербург

Комментарии, как нам кажется, излишни. А как вы думаете, дорогой читатель, для чего была написана эта статья? Чтобы просто пнуть женщин-учителей? Во-первых, вряд ли интеллигентный человек станет это делать, а, во-вторых, такую статью "Смена" никогда бы не опубликовала.

Именно поэтому мы не публикуем еще одно, достаточно интересное письмо. Автор в постскриптуме поставила условие "из категории обязательных": либо печатать полностью, либо выбро-

сить в мусорную корзину. Полностью опубликовать его нет возможности: письмо на самом деле объемом во вполне полноценную статью, так что некоторые нупюры были просто необходимы. И фамилию автора, естественно, не называем. Но обойти письмо молчанием тоже не можем.

Написала письмо студентка пединститута (заметьте, еще только студентка!), абсолютно и безоговорочно уверенная в том, что знает о школе и об учителях практически все. То есть из категории людей, у которых существует только два мнения: их и неправильное. Короче, с ее точки зрения статья Натальи Смирновой — это "беспрецедентная, наглая ложь в адрес учителей". Написано, заметим, человеком, обвиняющим ту же Смирнову в злобности и желчи. Человеком, кстати говоря, не слишком грамотным: нельзя "обзываться на" кого-либо, а в письме такой пассаж присутствует. При таком русском языке не помогут ни "багряный", ни даже "лазоревый". И слова типа "абсолютная чушь" тоже, между прочим, не входят в разряд подходящих для дискуссии на мало-мальски интеллигентном уровне.

Думается, автор письма себя узнает, а нас поймет правильно. Только вот что еще хочется добавить: уважаемая студентка, в таком тоне, как написано Ваше письмо, общаться со старшими не принято. Тем более это не лицу человеку, который вот-вот станет учителем. Это — очень непедагогичная манера поведения, ибо практика показала, что ученик от учителя падает так же недалеко, как яблоко от яблони.

Итак, дорогие читатели, обзор наиболее интересных ваших писем о школе мы на этом занячи-ваем. Но тему реформы школьного образования не закрываем. Ведь что-то радикальное в этой области сразу и повсеместно осуществить невозможно. К тому же, и учителя, и ученики, и родители, то есть те, кто в этой реформе больше всех заинтересован, — вот они, какие есть, и других долго еще не будет. При условии, что каждый родитель страстно желает, чтобы его отпрыск закончил любой вуз — желательно, возможно более престижный. С этой целью именно родители создали специальный "черный рынок приема в вуз", — самый гнусный из всех "черных рынков" страны, где шагу не ступишь без сотенной или тысячной взятки. И не беда, что треть проскочивших приемные экзамены быстро отсеивается по профпригодности. Не беда, что по специальности идут работать лишь считанные проценты выпускников вузов. Главное, чтобы ребенок возможно скорее пересел со школьной скамьи на студенческую и возможно дольше просидел бы на ней — желательно, до его, ребенка, собственной пенсии.

Ясно, что при таких условиях любые предложения свыше об изменениях существующего положения будут гласом вопиющего в пустыне. И **министр образования РФ Владимир Филиппов** не может этого не понимать. А вот как он это понимает, мы узнали из интервью министра в Интернете, которое приводим в сокращенном виде.

— С вашей точки зрения сейчас нагрузка в школах нормаль-

ная? Или ситуация близка к экстремальной?

— Действительно, за последнее десятилетие мы жутчайшим образом перегрузили детей в школе. Физика, химия, биология, особенно их сложнейшие разделы не всегда нужны в жизни. И в итоге такие страшные цифры: 40% учащихся просто запрещено заниматься физкультурой. Можно только... лечебной. То есть мы своими руками делаем детей больными.

Идеалом должно быть не два часа физкультуры в неделю, а ежедневная мышечная нагрузка. Пусть дети играют, двигаются — без оценок. Сейчас стали строить на 3-4 школы один крытый спортивный комплекс, чтобы дети могли пользоваться им круглый год. Уже что-то!

Детям нужны элементарные знания для выживания. Например, как оказать первую медицинскую помощь. Им нужны навыки бесконфликтного общения с людьми. Разве это менее важно, чем закон Бойля-Мариотта? А зоология? А правоведение, чтобы подросток знал: за все безобразия придется отвечать. Ребенку надо развивать в себе навыки в сфере искусства: в танцах, в рисовании, пении и т.д. Фактически это и есть содержание реформы образования. Западные эксперты провели опрос школьников многих стран мира по поводу практической ориентации знаний. Мы были поражены, что наши дети оказались в хвосте.

Реформа предусматривает на 20% разгрузить детей в школе. Ввести здоровый образ жизни и практическую ориентацию знаний. А то получается, что мы

учим детей физике, а ребенок не может отремонтировать даже утюг.

— Как сейчас бедным талантливым ребятам получить высшее образование?

— Сейчас вузы 60% денег зарабатывают сами. Лет 20 назад у нас было 220 студентов на 10 тыс. человек. Нынче стало больше — 290 студентов. Раньше все учились только бесплатно. Мы ввели платное образование, расширив его доступность. Потому как нынешний бюджет гарантирует бесплатное образование только 170 студентам на 10 тысяч населения. И единый государственный экзамен нужен именно для того, чтобы дать возможность способным ребятам из глубинки поступить в столичные вузы. Нынче способный мальчик из уральской, якутской деревни не поедет в Москву даже пробовать сдать вступительный экзамен. Потому что у его мамы нет денег на билет. 12 тысяч рублей стоит билет из Сибири и обратно. При ее зарплате в 800 рублей. Теперь вступительные экзамены мы будем принимать у детей на месте. Потом они, нигде не выезжая, посылают свои набранные баллы в 5-10 вузов. И уже вузы отбирают этих способных ребят. А их по стране больше, чем в столице. Вот пример. В Высший химический колледж при МГУ в прошлом году при огромном конкурсе поступил только один москвич, а в этом — всего два. Остальные — с периферии. Вот где способные и талантливые!

— А корень всех бед — отсутствие у школы средств?

— Нет, конечно. Когда вводили платное образование, то имели в виду желание как-то поддерживать государственную систему образования. Ввели частные вузы — деньги пошли в эти вузы. Качество образования рухнуло. Где ошибка? Надо было вводить платное образование в государственных вузах. И тогда решили бы две проблемы: этими "частными деньгами" мы поддержали бы государственную систему образования и гарантировали качество образования. Сейчас у нас реализуется и программа "Шаг в будущее". Мы отбираем лучших и талантливых. И за ними все ренторы гоняются.

Поддерживаем олимпиады, хотя в масштабах страны это очень дорогостоящая процедура. Но президент Путин дал указание: найти денег столько, сколько нужно для посылки наших талантливых ребят на международные олимпиады. Однако есть другая проблема: как поддерживать многочисленные дома-интернаты, слабоумных детей, неуспевающих, чтобы не оторвался этот верхний слой одаренных от нижнего слоя?

Наше нынешнее образование очень плохое в его практической направленности. И без его реформы нам не обойтись.

Благодарим всех читателей, принявших участие в обсуждении статей Н. Смирновой "Не ходите, дети, в школу" и "Есть ли шанс стать образованным человеком".

Желаем всем удач и успехов! ■

Ирина ПУТЯЕВА

* * *

*Распачалься, сентябрь, распачалься!
Людские сердца тусуют.
Раскаянье — как распятье,
а рядом кресты пустуют.
Предательство неизбежно.
Но по бокалам не...
не разливается нежность, пульсирующая во мне.
Важнее душа иль кожа,
веревка или петля?
Кто ты, случайный прохожий?
Может, случайно — Я!*

* * *

*Свою суть обнажив,
скинув тленность нарядов,
обрывается жизнь,
точно нить Ариадны.
И судимы судьбой,
под прицелом сомнений
разминулись с тобой
в лабиринте мгновений.
И к истокам спеша,
чтобы вновь возвратиться,
к небу рвется душа
перелетною птицей.*

* * *

*Побудь со мной!
Побудь со мной!
Побудь строкой, струной
а, впрочем,
в стране воскресших одиночеств
я — как за каменной стеной.
За мной, —
гарантий, впрочем, нет, —
однажды тень моя вернется,
как тень любая поклянется
быть рядом до скончанья лет.
Я ей кивну:
— Привет.
— Привет.
Песчаный пляж.
Пора прилива.
И бьет волна о парапет
сильней, чем посох пилигрима.*

*Мы странники.
Но странен путь
от поцелуев до проклятий...
И я страшусь твоих объятий,
и ты мои прости. Забудь.
Еще лишь миг побудь со мной
в стране воскресших одиночеств.
А там, за каменной стеной,
уж время пусты летит...
как хочет.*

* * *

*Сон настоящ на травах...
Чтоб его превозмочь —
с плеч заношенный траур
скинет белая ночь.
И в любовном томленьи,
проскользнув между нами,
упадет на колени
и заплачет дождями.
Утром зябкую проседль
заплетет над водою
и направится в осень
желтолицей вдовою.*

* * *

*В году так много дней!
Так календарь изношен!
Не вытащить из ножен
мне короля трефей...
А ночь глядит в окно
и молча звезды мечет
на черное сукно,
и оплавляет свечи...
Тот несказанно рад,
кто пересилил тягу
к словам...
Я ж молча лягу
в тени немых оград.
Перетасую суть:
то, чем живу,
и то, чем...
я прежде обнесу
высоким многоточьем!..*

СОНЕТ

*Стальная капля дождя,
что вспарывает рассветы,
слезой сквозь меня пройдя,
врывалясь в мои сонеты.*

*И стройный итог из строк,
подобранный скupo и строго,
как маленький узелок,
который взяла в дорогу.*

*Мне от тропы не отречься,
идущей от Черной речки,
когда суждено идти —*

*в прицельном гудящем мире,
живой мишеню, как в тире,
с отметинкой на груди.*

* * *

*Я вам пишу...
Мне очень жаль,
что жизнь моя —*

диктант с ошибками.

*Без черных клавиш
мой рояль.*

*Скрипичный ключ —
лоза ожившая.*

*Пусть в черном
черный господин
придет и спросит:
— что потом?..*

*Да ничего: цветет жасмин,
цветет и пахнет белым шепотом.*

Как холодно.

Согрей до дна.

*И руки положи
на плечи мне.*

*Ночь на подрамнике окна
как будто бы квадрат Малевича.*

* * *

*Маятником маяться.
Маленькою быть.
И грехи замаливать
в крестике орбит.
Есть любви лишь промысел,
да прощенья власть.
Не свалиться б в пропасти,
в небо не упасть...
Из надежд обманчивых
пусть одежд не сшить —
в белых одуванчиках
души будут жить.*

Пра на

Фазиль ИСКАНДЕР

Эту собаку я много раз видел, проходя по одной из улиц нашего поселка. Крыльцо дома, который она сторожила, находилось примерно в метре от забора. Каждый раз, почуяв, что кто-то проходит по этой малолюдной улице мимо ее дома (забор был глухой), она с лаем взбегала на высокое крыльцо, вскакивала передними лапами на перила и с такой яростью облавивала прохожего, что, казалось, вот-вот перемахнет через забор и навалится на него.

Крыльцо жалобно скрипело, когда она в лае дергалась от нетерпенья и грудью таранила перила. Это была огромная, рыжая, шерстистая, как медведь, пастушеская овчарка. Не исключено, что малолюдной улицу сделала именно она.

Каждый раз, проходя мимо этого дома, я испытывал, мягко говоря, некоторое неудобство. А вдруг перепрыгнет через забор? И что за неимоверная пасть!

Как-то возле дома, где жила эта собака, меня остановили две встречные старушки. Нашли, где остановить! Они были не по возрасту бодры и звонкованны.

— Вы знаете хозяина этого дома? — спросила одна из них, упрямо перекривая лай собаки.

— Нет, — сказал я, — а что?

Я подумал, что она пожалуется на собаку, гремевшую с крыльца.

ВО ГНЕВ

— Посмотрите, какие у него яблоки! — воскликнула старушка и протянула руку в сторону забора, — во всем Подмосковье неурожай яблок, а у него ветви ломятся! Надо выяснить!

В самом деле, вершины яблонь, видневшиеся за оградой, были густо усеяны краснобокими плодами. Я впервые обратил на это внимание. Когда старушка протянула руку в сторону яблонь, лай собаки сделался особенно неистовым.

— Ветви ломятся! — с рыдающим восторгом повторили старушки хором, протянув уже две руки в сторону яблонь. Собака окончательно взбесилась.

Но старушки, потрясенные урожаем чужих яблонь, ничего не замечали. Зависть делала их бесстрашными, точно так же, как ярость собаки делала меня ненаблюдательным.

Вскоре я уехал в далекую командировку. Зимой, вернувшись домой, я однажды гулял во дворе по дорожке, вытоптанной в снегу. И вдруг эта собака, как в бредовом сне, выскочила из-за дома и вышла на дорожку, по которой я гулял. Я сразу ее узнал. С другой собакой спутать ее было невозможно. Не зная, как быть, я остановился, стараясь быть неузнанным за счет зимней одежды.

Она медленно шла навстречу мне, еще не замечая меня и внюхиваясь в какие-то следы на снегу. Поравнявшись со

мной, она мимоходом, небрежно,нюхнула меня и пошла дальше. Вздох облегчения. Я успел заметить, что ее длинная рыжая шерсть кое-где свалилась. Смешно сказать, но в первую минуту, когда я ее увидел, у меня мелькнула мысль, что она ищет именно меня, как злостного нарушителя ее предупредительного лая.

Потом сосед рассказал мне, что ее хозяин внезапно куда-то переехал, бросив собаку, заодно, надо полагать, с потрясшими воображение старушек яблонями. Почему-то мне в голову полезли вздорные мысли. Например, уехал он, успев собрать урожай яблок или так спешил, что оставил его нетронутым? Или слегка натряс на дорогу? У старушек спросить, что ли? Но где их найти? Мысль, что он сбежал как раз от этих настырных старушек, тоже пришла мне в голову, но я ее тут же отогнал. А не поспешил ли я с этим?

Одним словом, эта собака еще много раз входила в наш двор, почему-то всегда вынюхивая неведомые следы. Искала хозяина, что ли? Теперь она кормилась, где придется. Возможно, сосед мой тоже ее подкармливал.

Несколько раз я видел, как наши дворовые собаки бежали за ней и облавили ее. Впрочем, слишком близко подойти к ней они боялись. Она не отвечала им и не оборачивалась на них, продолжая идти своим непонятным путем.

Кто бы при ней ни вошел во двор, она ни разу не взлаяла, а шла своей дорогой, упорно внюхиваясь в какие-то следы.

Однажды ночью ко мне приехал мой друг. У него была своя машина. По моей просьбе он отвозил мой телевизор на починку. Войдя в дом, он поставил телевизор на тумбочку, тяжело вздохнул и сказал:

— Только вынул телевизор из багажника и пошел тропинкой в сторону твоего дома, как вдруг — страшная собака идет навстречу. Ночь. Откуда она взялась? Куда деться? Да еще в руках телевизор! Ну, думаю, если нападет, твой телевизор разобьет о ее голову и, кстати, навсегда отпадет причина починять его. Но, вижу, заметив меня, а, может, поняв мое намеренье, она соскочила с тропы и куда-то уковыляла по снегу. Ну и чудище!

...Между прочим все починяют телевизоры, но никто не починяет головы, поврежденные телевизором, — неожиданно закончил он свой монолог.

Я согласно кивнул головой и улыбнулся на его последнюю реплику, ненавязчиво намекая, что моя голова еще не повреждена телевизором.

Появление собаки в нашем дворе становилось привычным. Однажды мы с ней еще раз встретились на той же тропе. На этот раз она почему-то более внимательно обнюхала меня. Мне стало ее жалко. Я осторожно погладил ей голову, а потом стал почесывать ее неимоверную холку.

И вдруг она покорно брякнулась на спину, приподняв свои могучие, сейчас блаженно расслабленные лапы. Она явно ожидала, что я приласкаю ее. Я приподнял ногу и стал почесывать ей брюхо. Она заурчала от удовольствия. Возможно, так ласкал ее хозяин. Я довольно долго почесывал ей брюхо, чувствуя ее удовольствие и от этого сам испытывая удовольствие.

И вдруг моя нога, стоявшая на ледяной тропе, поскользнулась, я потерял равновесие и невольно ногой, почесывавшей собаку, резко наступил ей на лапу. Она взвыла, вскочила и побежала от меня, продолжая выть и, главное, несколько раз недоумменно оглянувшись на меня.

Никогда не забуду ее недоуменные оглядки! Нельзя делать добро, стоя на одной ноге! Надо было нагнуться и почесать ей брюхо рукой. Но очень уж она была грязная.

И это та страшная собака! Она не зарычала от неожиданной боли, не вцепилась в мою ногу, а только взвыла и побежала. Видимо, потеряв хозяина, она поняла, что потеряла право на гнев.

Я хотел в знак примирения в следующий раз устроить ей пиршество, но, увы, больше она в нашем дворе не появлялась. ■

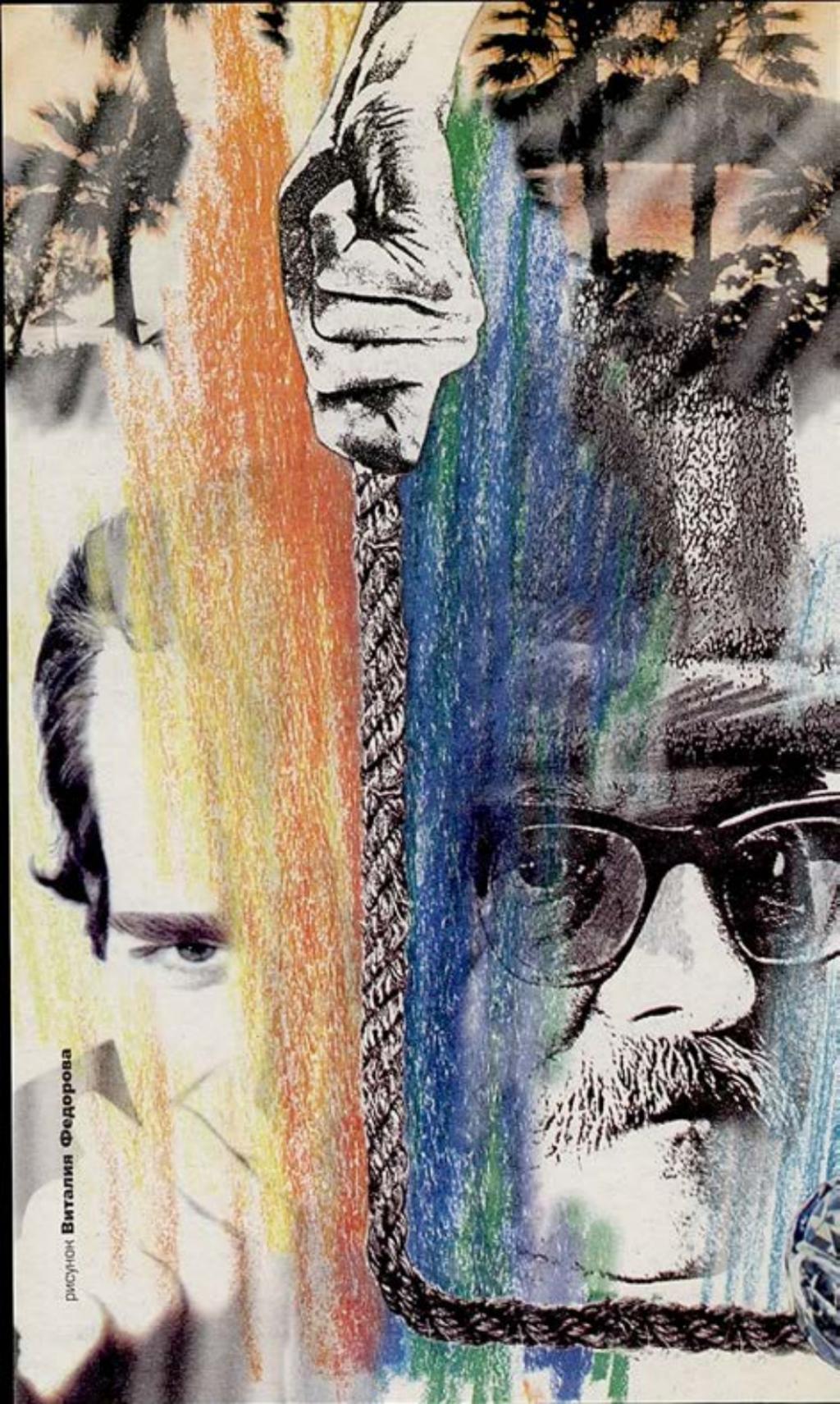

рисунок Виталия Федорова

Грезы мистера Файндлейтера

Алан Александр МИЛН

1

Мистер Эрнест Файндлейтер, банковский менеджер, сорока восьми лет от роду, примерный семьянин, частенько грезил наяву. Разнообразием его грезы не отличались. Их было всего две, но каждую мистер Файндлейтер трепетно любил.

В первой он и очаровательная туземная девушка (ну, не совсем туземная, с примесью европейской крови) лежали бок о бок на белоснежном песке острова, затерянного в теплых водах Тихого океана. Он — в шляпе из пальмовых листьев, которую сплела для него девушка, она — в ожерелье из кораллов, которые он нанизал на нитку. никакая другая одежда не скрывала красоты их обнаженных тел. Мистер Файндлейтер мог позволить себе такую роскошь, поскольку шесть месяцев, предшествующие событиям, о которых он грезил, ушли на вырубку деревьев, постройку хижины, короче, на обустройство нового места жительства, и превратили его почти что в Аполлона. Скоро они войдут в лазурную воду ("без шляпы", всякий раз напоминает он себе) и неторопливо поплынут к коралловому рифу. Мистер Файндлейтер теперь плавает, как рыба. Поначалу он хотел спасти девушку от акулы, но вскорости отбросил столь глупые мысли. И не только потому, что акулы пришли бы совсем некстати в нежащейся под жарким солнцем лагуне. Девушка уже принадлежала ему, так к чему ненужное геройство? Потом, столь же неторопливо, они вернутся на берег, выпьют... кваса? кавы? — Файндлейтер отметил про себя, что надо посмотреть в энциклопедии названия местных напитков: точность нужна и в самых мелких деталях, угостят друг друга сочными гуавой, индийскими финиками, гранатами. И займутся любовью. А может, лучше наоборот: на первое — любовь, напитки и фрукты — на второе? Что ж, решать он предоставит Лаладж. Именно так он ее называл. Поначалу он остановил свой выбор на Хула-Хула, но потом выяснилось, что так называется то ли тропическая птичка, то ли танец.

События второй грезы разворачивались в Англии. Он возвращается домой из Консервативного клуба Эксминстера и видит стоящий у ворот автомобиль. А когда открывает входную дверь, из кухни выбегает залитая слезами Бриджет. "О, сэр!"

причитает она. — Госпожа! Госпожа!” Над головой слышатся решительные шаги. На лестнице появляются ноги доктора Мэнли. Вот он спускается в маленький холл, дружески кладет руку на плечо мистера Файндлейтера. “Мужайтесь, Файндлейтер, — молвят он. — Смерть, этот Великий Потрошитель. Рано или поздно нас всех ждет такой же удел. Обширный инсульт. Я ничего не смог поделать”.

Если кто-то подумал, что одна из грез являлась естественным продолжением второй, то это не так. В голове мистера Файндлейтера эти грезы существовали совершенно автономно, не пересекаясь, не накладываясь друг на друга. В первой Минни не было и в помине, ни в прошлом, ни в настоящем. Естественно, ей не было места на маленьком островке с белоснежным песком, но мистер Файндлейтер, отправляясь туда, отказывался захватить с собой даже воспоминания о жене. Из прошлого он помнил лишь шесть месяцев, которые ушли на то, чтобы сбросить лишний жир, нарастить мускулатуру и приобрести должный загар, дабы Лаладж не могла перед ним устоять. Поэтому можно утверждать, что истоки этой грезы надо искать в том знаменательном дне, имевшем место не быть двадцать лет тому назад, когда мистер Файндлейтер решил не просить Минни выйти за него замуж, или, попросив, получил отказ. Во всем мире не было никого, кроме него и Лаладж. В прошлом, настоящем и будущем.

Не следует также думать, что мистер Файндлейтер принадлежал к тем мужчинам, которые жаждали амурных приключений в реальной жизни, но он мог только мечтать о них, потому что ревнивая жена держала его на коротком поводке. Он не воспринимал Лаладж как любовницу. Она дарила ему все то, что он хотел бы получать от Минни, увы... Ведь хотелось-то мистеру Файндлейтеру совсем ничего: взаимопонимания, дружеского общения, оценки по достоинству, любви, добрых слов, счастья, покоя. А раз у Лаладж было все то, что отсутствовало у Минни, ей досталось и прекрасное тело, которого она совершенно не стыдилась. И его тело не вызывало у нее пренебрежительных комментариев. Вот они и лежали бок о бок, одни в целом мире, на белоснежном песочке, у ласкового океана, и болтали, как зайдычные друзья. Лаладж говорила на английском с таким очаровательным акцентом (по мнению мистера Файндлейтера, ее отцом был ирландец, выбравшийся на остров с потерпевшего крушение корабля), что хотелось просто лежать и слушать ее голосок, как он слушал бы божественную музыку. Иногда, уже по возвращении в реальную жизнь, мистеру Файндлейтеру казалось, что голосок Лаладж — это лучшее, что у нее есть.

Вторая греза также была завершенной и самодостаточной. Ее осуществление, если б такое могло случиться, не привело бы к тому, что мистер Файндлейтер первым же рейсом отправился бы в Южные моря, в надежде встретить настоящую Лаладж. Ее

осуществление само по себе безмерно осчастливило бы мистера Файндлейтера. Завтракать по воскресеньям в постели только потому, что ему хотелось завтракать по воскресеньям в постели; решать кроссворд или раскладывать пасьянс по вечерам, не слыша реплик "опять этот вечный пасьянс" или "вечный кроссворд"; читать то, что хотелось (любил мистер Файндлейтер приключенческие романы и не считал, что читают их только дети); сидеть и грезить наяву для удовольствия, а не с тем, чтобы отвлечься от криков жены, закатывающей ему очередной скандал; болтать на вечеринке с симпатичной женщиной без того, чтобы на обратном пути ей перемыли все кости, а ему напомнили о его седине, лыстине, глухоте и боли в суставах, по причине наличия которых любая симпатичная женщина могла общаться с ним исключительно из жалости... Мистер Файндлейтер мог бы продолжать и продолжать, перечисляя те блага, которые несла с собой восхитительная фраза доктора Мэнли: "Я ничего не смог поделать".

Вот тут большинство читателей могло бы сказать, что реализация первой грезы мистера Файндлейтера потребовала бы чуда, тогда как осуществление второй — дело житейское: жена, случалось, умирала раньше мужа. Но мистер Файндлейтер придерживался противоположного мнения. Он мог бы поверить в исполнение первой грезы, но не второй. Весь жизненный опыт мистера Файндлейтера говорил за то, что вторая греза так и останется грезой. Если уж кому и суждено умереть, так только не Минни...

И внезапно в голове мистера Файндлейтера начала формироваться третья греза. Зачата она была, хотя в тот момент мистер Файндлейтер об этом не подозревал, в туалете Консервативного клуба Эксминстера, а родилась в жаркий летний день, когда он спустился с холма на залитую солнцем дорогу и увидел пустой "бьюик".

2

На ленч мистер Файндлейтер всегда приходил в Клуб. Уважаемый менеджер эксминстерского отделения банка, росточка среднего, с чисто выбритым, меланхоличным лицом. С первого рабочего дня он носил очки в тяжелой роговой оправе, которые не столько улучшали его зрение, как придавали солидности, из одежды отдавал предпочтение короткому черному пиджаку, серым фланелевым брюкам и котелку. Этот демократичный наряд облегчал ему путь к сердцам как городских, так и сельских клиентов. Он подумывал над тем, чтобы написать историю Эксминстера, но к работе еще не приступал, хотя друзья уговаривали его взяться за перо, а Минни — отговаривала. Мистер Файндлейтер находил, что думать легче, чем делать.

В тот знаменательный день после ленча мистеру Файндлейтеру приспичило пойти в туалет, и, как обычно, он запер дверь

кабинки на задвижку. Какой-то дефект в задвижке привел к тому, что мистер Файндлейтер не смог открыть дверь. После нескольких неудачных попыток он уже начал склоняться к мысли, что должен поступиться своим достоинством и позвать на помощь, потому что иначе в банк ему не попасть. Однако подумал, а нельзя ли вылезти через окно, открыл нижнюю половину, выглянул наружу и, к своему изумлению, обнаружил, что до земли добрых тридцать футов. А стена с окном туалета расположена так, что его не видно ни из окон первого этажа клуба, ни с улицы. В общем, будь у него веревка в тридцать футов длиной, он бы мог самостоятельно выбраться из кабинки. Веревки, однако, не было, и перед тем, как сдаться, мистер Файндлейтер предпринял еще одну отчаянную атаку на задвижку. И, видать, застал ее врасплох. Резкий, решительный рывок и... "Победа!" — триумфально воскликнул мистер Файндлейтер и покинул кабинку с гордо поднятой головой. Выходя из клуба, он заметил, как Роджер, клубный швейцар, оторвался от газеты, взглянул на него и вычеркнул из списка членов клуба, оставшихся на вверенной ему территории. "Наверное, я ухожу последним, — подумал мистер Файндлейтер. — До пяти часов клуб, скорее всего, пустует. Интересно, чем занимается в это время Роджер?"

Несколько недель спустя мистер Файндлейтер вновь оказался в неприятной ситуации. На поезде он поехал на деловую встречу с очень важным клиентом, которого болезнь временно приковала к койке. За ним прислали "роллс", накормили ленчом, а после завершения всех дел предложили отвезти на станцию. Но день выдался чудесный, он никогда не бывал в тех местах, а потому выразил желание прогуляться до станции пешком. Хозяин поместья дал мистеру Файндлейтеру подробные инструкции, которые вылетели из его головы после первой сотни шагов. А уж полчаса спустя у мистера Файндлейтера не осталось ни малейших сомнений в том, что он заблудился. Окружающая территория по плотности населения могла конкурировать с островом Лаландж. Продвигаясь, как он надеялся, в правильном направлении, мистер Файндлейтер вышел-таки к асфальтовой дороге. Устремился к ней, прорвался сквозь зеленую изгородь и, к своему облегчению, увидел стоящий вдвадцати ярдах от него легковой автомобиль. Это творение цивилизации попалось ему на глаза очень даже вовремя, потому что мистер Файндлейтер уже начал паниковать. А теперь он с легким сердцем зашагал к автомобилю, в уверенности, что ему укажут кратчайший путь до станции, а может, и подвезут. Этот уголок Англии мистеру Файндлейтеру уже изрядно поднадоел.

Но в автомобиле он никого не нашел. Он увидел, что окна опущены, то есть дверцы наверняка не заперты. Сие указывало, что водитель и пассажиры (пассажирка?) прогуливаются

где-то поблизости. Мистер Файндлейтер прислушался к голосам, но ничего не услышал. В этот тихий жаркий день вся природа, казалось, дремала, наслаждаясь тишиной и покоем. У мистера Файндлейтера даже возникла мысль, что каким-то чудом его перенесло в мир, где он — единственный представитель рода человеческого, а перед ним стоит волшебный автомобиль, который может двигаться сам по себе. И нечего удивляться, если мгновение спустя он уедет, оставив мистера Файндлейтера посреди дороги. Тут он решил, что в кармане за спинкой водительского сиденья может быть карта, которая позволит ему определить, где он сейчас находится. Мистер Файндлейтер нервно оглянулся, дабы убедиться, что он по-прежнему один-одинешенек, открыл дверцу, сунул руку в карман. Карты он там не нашел, зато его пальцы нашупали некий предмет, который в детективных романах звался револьвером...

Мистер Файндлейтер вытащил револьвер, оглядел его. Как и все страстные поклонники приключенческой литературы, мистер Файндлейтер всегда мечтал о собственном револьвере. Но теперь появился еще один повод для того, чтобы заиметь оружие. Поначалу мистер Файндлейтер даже мог не вспомнить, какой именно. Просто знал, что револьвер ему необходим, и это первый, а возможно, и последний шанс обзавестись таковым. Даже если хозяин автомобиля вернется, куда ж ему деваться, едва ли он сразу полезет в карман за спинкой сиденья, чтобы посмотреть, на месте ли револьвер. А потом, у него, скорее всего, нет разрешения на ношение оружия, так что он не сообщит о пропаже в полицию. Впервые в жизни мистер Файндлейтер решил что-то украсть, но почему-то он не воспринимал сей поступок, как кражу. Он лишь подчинялся Внутреннему Голосу, который заявил твердо и решительно, отсекая любые возражения: *"Не спорь. Бери и уходи"*. Мистер Файндлейтер взял револьвер и ушел. Интуиция подсказывала ему, что идти надо в том направлении, куда смотрел капот автомобиля. Но мистер Файндлейтер опасался, что его нагонят, а потому зашагал в противоположную сторону. Не удивительно, что какое-то время спустя дорога вывела его к железнодорожной станции.

3

Вот тут и проклонулась третья грэза мистера Файндлейтера. Не фантазия, не псевдореальный мир, грэза, которая в должный момент могла стать фактом жизни.

Орудие, мотив, возможность: три обязательные вехи, которыми каждый убийца обязательно метит свой путь к смерти. И речь тут идет как о смерти жертвы, так и, во многих случаях, смерти убийцы по приговору суда. Поэтому, чтобы совершить убийство и выйти сухим из воды, необходимо скрыть эти вехи от посторонних глаз. Так уж получилось, что мистер Файндлейтер мог это сделать. Судите сами.

Сокрытое орудие убийства: револьвер. Тот самый револьвер, который сейчас лежал в его сейфе. Выйти через него на мистера Файндлейтера не представлялось возможным.

Сокрытая возможность: окно туалета. Он еще не продумал этот вариант, но знал (по крайней мере, чувствовал, что знает), что окно сыграет ключевую роль в его алиби: Роджер покажет, что он, мистер Файндлейтер, был в клубе в то самое время, когда в клубе его не было.

Сокрытый мотив: с этим вообще никаких проблем. В детективных историях убедительно доказано, что полиция признает только два мотива убийства жены: Деньги и Другая Женщина. Помимо Лаладж, другой женщины у мистера Файндлейтера не было. Образцовый муж, другого слова и не подберешь. Что же касается денег, то они у Минни, конечно, водились, пусть ее состояние и не поражало воображение. Но мистер Файндлейтер уже знал, как избавиться от этой помехи. Благо, время у него было.

Он давно уже убедился, что убийцы всегда в цейтноте, потому что для них убийство — крайнее средство, к которому они прибегают для решения той или иной проблемы. Если ты покупаешь в понедельник фальшивую бороду, во вторник — стрижин, а в среду уже ходишь в этой самой бороде и подсыпаешь стрижину намеченной жертве, подозрение, естественно, падает на тебя. Но достаточно подождать год, и кто вспомнит о твоих покупках? Имея в своем распоряжении достаточно времени, можно свернуть горы. Вот и мистер Файндлейтер решил не торопиться. На подготовку он отвел год. Всего лишь один год, и его сладкая греза станет явью.

Но к делу приступил в тот же вечер.

— Извини, что спрашиваю, Минни, — начал он, не отводя взгляда от разложенного пасьянса. — Я понимаю, что это твое личное дело, но скажи, ты составила завещание?

— С чего это ты вспомнил о моем завещании?

— Видишь ли, сегодня меня попросили засвидетельствовать завещание одной дамы, у нас в банке это обычное дело, вот я и подумал о тебе. Женщины так редко пишут завещания.

— Наверное, у нее есть деньги, которые она может кому-то завещать. У меня их нет.

— Но твои личные вещи. И, насколько я помню, во время войны ты покупала сберегательные сертификаты.

Минни с неохотой пришлось признать его правоту.

— А какой смысл составлять завещание замужней женщины? Все равно наследником становится ее муж.

— Только в том случае, когда завещания нет. Ты можешь оставить свои вещи и сбережения кому угодно. Бланк можно взять в нашем банке. Морган тебе все объяснит.

— Я вижу, ты уже все за меня продумал. И кому, по твоему разумению, я должна оставить мои бриллианты и норковые шубы?

Мистер Файндлейтер улыбнулся собственной сообразительности и накрыл черной семеркой красную восьмерку.

— Мне.

— Вот уж нет. Но позволь узнать, как ты распорядишься моими вещами?

— Я всегда могу их продать. К примеру, та броши, что подарили тебе дядя Герберт. За нее можно выручить кругленькую сумму.

— Ну...

— Конечно, до этого дело не дойдет, потому что ты собираешься оставить ее старшей дочери своей сестры. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

— Правильное впечатление.

— Тогда ты должна написать об этом в своем завещании. Иначе броши отойдет мне, а я могу отдать ее... тут! Ну, наконец-то. Теперь все получится как нельзя лучше. — Возникла долгая пауза, которую мистер Файндлейтер и нарушил. — Этим утром пришло письмо от Роберта. В сентябре Грейс идет в школу. Я тебе говорил?

Через несколько дней Минни составила завещание. Оставила все Кэрри, своей сестре, за исключением броши, которая отошла Моне. Будь у нее гремучая змея, она бы отписала ее Грейс, племяннице мистера Файндлейтера.

Итак, он позаботился о том, чтобы *мотив*, как и *средства*, не могли вывести полицию на него. Оставалась *возможность*. И мистер Файндлейтер, не торопясь, начал готовить себе алиби. Разумеется, вопрос представлял для него исключительно академический интерес.

4

Поначалу мистер Файндлейтер хотел выписать все "за" и "против" своего алиби, на манер Робинзона Крузо, но потом сообразил, что бумаге доверять не следует. Однако ему требовалось доверенное лицо, конечно же, воображаемое, можно сказать, адвокат дьявола, который нашупывал бы слабые места в его планах и помогал от них избавляться. Он сразу же решил, что на этот пост лучшего, чем Лаладж, кандидата просто не найти. Сами понимаете, лежать рядом с Лаладж на мягком песочке, под теплым солнцем и обстоятельно обсуждать с ней возникающие в голове идеи куда приятнее, чем выкладывать их кому-нибудь бывшему суперинтенданту полиции с каменной бульдожьей физиономией. Опять же, в разговоре с Лаладж не было необходимости называть туалет ванной, как пришлось бы, рассуждая на ту же тему (гипотетический вариант) с Минни.

Мистер Файндлейтер. Такова, дорогая, идея. В самых общих чертах. Теперь хотелось бы послушать твои комментарии. Относительно общего плана. Насчет того, как выбираться из окна туалета, мы поговорим позже.

Лаладж. Ты говоришь, у служанки этот день выходной?

Мистер Файндлейтер. Совершенно верно. Иначе ничего не выйдет. Среда — единственный подходящий день.

Лаладж. Тогда тебе следует каждую среду проводить в клубе вторую половину дня.

Мистер Файндлейтер. Очень хорошо, дорогая. Очень хорошо. Сделаю себе пометку (пометка 1). Надо только найти какую-то причину. Что еще?

Лаладж. В Клубе должен быть второй выход, через кухню. Ты должен знать наверняка, что никто не может выйти этим путем незамеченным.

Мистер Файндлейтер. Какая же ты умница, дорогая. Я об этом совсем не подумал.

Лаладж. Когда ты собираешься уйти?

Мистер Файндлейтер. В половине четвертого. Чтобы вернуться без десяти четыре. Разумеется, придется провести генеральную репетицию и уточнить, сколько уйдет времени.

Лаладж. В половине четвертого на кухне должны быть люди, не так ли?

Мистер Файндлейтер. Да, но в этом надо убедиться (пометка 2). Также надо проверить, что и Роджер в этот промежуток времени всегда на посту (пометка 3). Великолепно, Лаладж. Есть еще предложения?

Лаладж (потягиваясь). Пока нет, дорогой. Добавлю только, что я тебя люблю.

Короткий интервал: мистер Файндлейтер забыл о своей третьей грэзе, полностью погрузившись в первую.

Мистер Файндлейтер (возвращаясь к незаконченному делу). Давай вспомним, на чем мы остановились. Итак, все знают, что по средам вторую половину дня я провожу в клубе. В ту самую среду Роджер видит, как я прихожу на ленч...

Лаладж (сонно). Приходишь с опозданием.

Мистер Файндлейтер. Это еще почему?

Лаладж. Возьми за правило по средам приходить на ленч попозже, чтобы не затеряться в толпе. Иначе показания Роджера поставят под сомнение. Мог ли он заметить тебя, если одновременно мимо него прошло столько людей?

Мистер Файндлейтер. Отлично (пометка 4). Значит, Роджер видит, как я вхожу в клуб, но не видит, как выхожу. Черт, опять неувязка. На обратном пути я тоже могу проскользнуть в толпе.

Лаладж. В три часа попроси Роджера соединить тебя с кем-нибудь по телефону. И пусть это войдет у тебя в привычку. Обращайся к нему с аналогичной просьбой не каждую среду, но раз или два в месяц. Единственный звонок именно в день смерти Минни может показаться подозрительным.

Мистер Файндлейтер. Дорогая, ты прелесть (пометка 5). Очень хорошо. В три часа я был в клубе, Роджер поклянется,

что я не выходил через парадную дверь, люди на кухне (есть у меня такая пометка? Да, есть) поклянутся, что я не выходил через кухню, а других выходов из клуба нет. И все будет выглядеть естественно, потому что каждую среду остаюсь в клубе после ленча. Великолепно. А теперь, дорогая, не сплавать ли нам до рифа и обратно?

Вот так мистер Файндлейтер наконец-то приступил к написанию *"Краткой истории Эксминстера"*. По средам банк закрывался рано. Обычно мистер Файндлейтер приходил домой к чаю, чтобы помочь Минни накрыть на стол: у Бриджет, как вы помните, в среду был выходной. Менять что-либо, одобрение Минни, задача не из простых, но мистеру Файндлейтеру удалось с ней справиться. Благо, нашлась и причина, объясняющая его пребывание в клубе после ленча: тамошние архивы содержали массу бесценной информации по истории города. Упомянул он и о том, что миссис Брайс, приезжавшая в Эксминстер каждую среду и заглядывавшая к нему на чай, предпочитает общаться с Минни наедине. В последнем он не грешил против истины. Действительно, не успевал мистер Файндлейтер торопливо выпить первую чашку чая, как ему намекали, что миссис Брайс не будет возражать (Минни, во всяком случае, в этом не сомневалась), если он решит реализовать давно вынашиваемое желание выкосить лужайку. Среда у миссис Брайс была расписана по минутам. Утро она проводила в парикмахерской, на ленч заходила к сестре мужа, потом посещала его могилу. У ворот Бэлморала она появлялась ровно в 3:45, с тем, чтобы в 5:20 сесть в автобус и уехать домой. Мистеру Файндлейтеру миссис Брайс изрядно поднадоела, но его греала мысль, что именно ей выпадет честь обнаружить тело.

Мистер Файндлейтер. Итак, мы со всем разобрались. Я учел все твои замечания, дорогая, и теперь дорога открыта.

Лаладж. Каждую среду ты приходишь в клуб с пакетом?

Мистер Файндлейтер. Нет. Зачем? Пока я только делаю выписки для книги.

Лаладж. Дорогой! Что бы ты без меня...

Очередная пауза, вызванная возвращением в первую грезу.

Мистер Файндлейтер. Так что ты говорила насчет пакета?

Лаладж. Подумай о тех вещах, которые тебе придется пронести в клуб.

Мистер Файндлейтер. Да, давай подумаем. Так трудно сразу все предусмотреть. Разумеется, мне потребуется веревка и, это очень дальняя мысль, Лаладж, полотенца, чтобы она не оставила следов на трубе и подоконнике. Что еще?

Лаладж. Дорогой, тебе же придется изменить внешность!

Изменить внешность! С одной стороны, мистеру Файндлейтеру всегда хотелось заиметь револьвер, с другой — изменить внешность! Конечно же, без этого не обойтись! Но действовать тут надо с умом, не переборщить. Но каким должен быть необ-

ходимый минимум? Насчет одежды понятно: пиджак спортивного покроя и шляпа с мягкими полями вместо черного пиджака и котелка. Может, еще галстук яркой расцветки. Лицо? Очки — убрать, усы — добавить, сгодятся и защечные каучуковые вкладыши. Придется изменить голос, если вдруг кто-то к нему обратится. Походка? Тут помогут подпятники, которые также добавят ему и рост. В детективных романах, кстати, не раз указывалось: загадочный незнакомец в очках с тяжелой роговой оправой всегда вызывал у полиции мысли о том, что предполагаемый убийца изменил внешность. Мистер же Файндлейтер, наоборот, избавлялся от очков, поэтому никаких подозрений у полиции возникнуть не могло.

По делам ему приходилось бывать в Лондоне. Он купил длинные, пшеничного цвета, усы, подстриг их и перекрасил. В другую поездку (и в другом магазине) приобрел подпятники и защечные вкладыши. Из магазина готовой одежды вышел с пиджаком спортивного покроя и шляпой с широкими мягкими полями. Обсудил свои приобретения с Лаладж, и она согласилась с тем, что все идет как по-писаному. Но однажды вечером...

Лаладж. Дорогой!

Мистер Файндлейтер. Что?

Лаладж. Ты умеешь лазать по веревке?

Мистер Файндлейтер. Дорогая, думаю, любой в меру подвижный человек сможет спуститься по веревке.

Лаладж. Но тебе придется еще и подняться.

Мистер Файндлейтер. Ой!

К счастью, как он всегда себе говорил, спешить ему было некуда. Он купил веревку: "хочу, вот сделать качели для моего маленького мальчика, но веревка должна быть достаточно прочная, чтобы при необходимости выдержать и вес матери. Вдвоем они весят примерно столько же, что и я". Теперь ему оставалось только научиться залезать по ней и накачать мускулы. И мистер Файндлейтер с энтузиазмом брался за любую тяжелую работу в саду, чем немало изумил Минни: она уже не знала, поощрять ей новую инициативу мужа или нет. Конечно, тяжелой работы в саду хватало, и она с удовольствием указывала мистеру Файндлейтеру, что и как надо делать. С другой стороны, ей не хотелось, чтобы он оставался крепким и сильным, тогда как она все расплывалась и расплывалась. Она ведь убеждала его, что он слишком старый, чтобы вызвать интерес в других женщинах. Работой по саду мистер Файндлейтер не ограничивался. Утром он делал зарядку в ванной, качал мышцы и по вечерам. А как-то в уик-энд, когда Минни уехала на несколько дней к сестре, снял пиджак и жилетку, обмотался веревкой, надел макинтош и пошел в Лейкхэмский лес. Нашел подходящее дерево, залез на него, закрепил веревку (по предложению Лаладж он научился вязать узлы) и приступил к тре-

нировке. Поначалу дело шло туго, но к моменту ухода из лесу на то, чтобы спуститься вниз, забраться наверх, развязать и сложить веревку, у него уходило две минуты и двадцать секунд. Правда, к этому достижению он шел долгих шесть месяцев...

И он не переставал строить планы, днем и вечером обсуждая с Лаладж мельчайшие нюансы. Ведь он задумал идеальное преступление.

5

Идеальное преступление, как и триумфально поставленная пьеса, требует генеральной репетиции. И вот как-то в июне, в среду, в четвертом часу, за неделю до "Дня Ч", на Поттерс-лейн появился странный мужчина. Ростом выше среднего, с необычной походкой: при каждом шаге он далеко выбрасывал ногу вперед. Мужчина подошел к воротам Бэлморала, помялся, нервно подергал себя за ус, а потом, расправив плечи, решительно двинулся к дому. "Ничего страшного, — убеждал он себя, но, похоже, без особого успеха. — Я всегда смогу сказать, что это шутка". Позвонил в звонок. "Иду, иду!" — раздалось из глубины дома, а минутой позже Минни открыла дверь.

— Сегодня ты рано, дорогой, не так... — она осеклась, увидев перед собой незнакомца. — Ой, пожалуйста, извините.

Мистер Файндлейтер хотел уже улыбнуться, показывая, что прощает ее, но передумал. Начал было снимать шляпу, но остановился, решив, что делать этого не следует.

— Э... здесь живет мистер Сандерс? — приглушенно спросил он.

— Кто?

— Мистер Сандерс.

— Это дом мистера Файндлейтера.

— Ой, простите великодушно. Должно быть, ошибся адресом. — Он вновь приложился рукой к шляпе и повернулся, чтобы уйти.

— На Поттерс-лейн Сандерсы не живут. Наверное, вы свернули не на ту улицу.

— Премного вам благодарен.

Он вышел из ворот все той же странной походкой, выбрасывая вперед ноги. На Поттерс-лейн столкнулся нос к носу с миссис Брайс. Она не удостоила его взглядом. Он ответил тем же. До чего же приятно проигнорировать миссис Брайс! Пять минут спустя он уже был в туалете. Еще через пять сидел в библиотеке: кропал "Краткую историю Эксмистера".

Генеральная репетиция показала, что препятствий на пути к заветной цели не осталось. Конечно, она несколько отличалась от самого спектакля. Во-первых, предстояло выстрелить, во-вторых, он собирался добираться до клуба задворками, выйдя через черный ход. И быстрее, и безопаснее: вдруг кто-то ус-

лышил выстрел. Мистер Файндлейтер даже подумал, что и в дом лучше войти с черного хода.

Однако, как бы успешно ни проходила генеральная репетиция, актер всегда страшится премьеры. В театре даже бытует мнение, что идеальная генеральная репетиция чуть ли не гарантирует полный провал. Всю последующую неделю мистер Файндлейтер провел в разговорах с Лаладж. Вернее, говорил только он: Лаладж слушала. Монологи эти не отличались разнообразием. Не будь Лаладж ангелом, они бы ей изрядно поднадоели.

— Видишь ли, дорогая, до последнего момента я могу притворяться... я хочу сказать, пока еще ничего не сделано. Я занимался лишь подготовкой... Разумеется, дорогая, я собираюсь это сделать, но не обязательно же в следующую среду. Может, через неделю. Нет, нет, пожалуй, что в следующую. Я лишь хочу сказать... — А затем продолжал с мольбой в голосе: — Это же все наши фантазии, не так ли, Лаладж? Мы с тобой такие выдумщики. Ты с этим согласна, дорогая? Я хочу сказать, никто же не собирается убивать свою жену!

После долгой паузы мистер Файндлейтер заводил другую пластинку.

— Конечно же, я это сделаю. Она отвратительна. Она загубила мою жизнь. Боже мой, из-за нее я провел в аду двадцать лет. Двадцать лет моей жизни! Да, это был ад. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, сколько же я от нее натерпелся. Едва ли какой мужчина выдержал бы такое. И никто не знает, какие муки мне пришлось вынести. Даже если меня поймают и повесят, я не раскаюсь в содеянном. Но меня не поймают, не так ли, Лаладж? Мы им не по зубам.

И так далее, и так далее, в том же духе...

Во вторник мистер Файндлейтер вернулся из банка в положенное время. Он принял окончательное решение дать Минни еще один, последний шанс. Если в этот вечер она будет вести себя, как обычно, тогда завтра... Но, если... С этой мыслью он вставил ключ в замочную скважину, повернул, открыл дверь, переступил порог.

Из кухни выбежала заплаканная Бриджет.

— О, сэр, — запричитала она. — Госпожа!

Решительные шаги послышались над головой, на лестнице показались ноги доктора Мэнли. Он спустился в маленький холл, дружески положил руку на плечо мистера Файндлейтера.

— Мужайтесь, Файндлейтер, — молвил доктор. — Вас ждет ужасная весть. Ваша дорогая жена... внезапный обширный инсульт. Все кончилось до моего приезда. Я ничего не смог поделать. Мой бедный, бедный друг.

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

от рождения до...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Продолжаем публикацию о значении имен, их тайном смысле и влиянии на судьбу и характер человека. Как уже говорилось, речь идет не обо всех именах, а лишь о наиболее распространенных. Но специалисты отмечают, что чем реже и экзотичнее имя, тем больше шансов у его носителя (или носительницы) прожить не слишком простую жизнь.

Кстати, многие читатели задают вопрос: какая разница между днем рождения и именами? Большая. Именины — это день памяти святого, именем которого вы названы. Идеально, если день рождения совпадает с этим днем, но в настоящее время это случается не часто. Поэтому именами является ближайшая дата памяти вашего святого ПОСЛЕ дня рождения.

Итак, очередные имена на буквы "Ж", "З", "И" и "Н".

ЖАННА. Французский вариант имени Иоанна.

Жанна в детстве очень своеобразный ребенок. Характером больше похожа на отца. Перенимает у него упрямство, настырность, себялюбие. Любит настольные игры, принимает участие в мальчишеских забавах. Старается дружить со всеми, но обид не прощает и может даже подраться.

Часто выбирает мужскую профессию, может стать, например, отличным водителем. В одежде предпочитает брюки-джинсы, в нарядном платье ее можно увидеть очень редко — только на на-

ком-нибудь новогоднем балу. Может быть неотразимой, но пользуется этим редко. Очень " заводная", всегда найдет нужные слова в любой ситуации.

Быстро выйти замуж не стремится, так как успевает получить специальность и поработать. Связывает свою жизнь с человеком, которого знает давно и хорошо, иногда это может быть товарищ со школьных времен. Жанна в семье лидер. Муж всегда может положиться на ее интуицию и энергию.

Занимается домашним хозяйством по настроению. В воспита-

нии детей исповедует строгость, четкое распределение обязанностей.

Проблемы со здоровьем возникают редко, но всегда серьезные. Наиболее уязвимые органы — печень и желчный пузырь.

Будет счастлива в браке с Артемом, Вадимом, Дмитрием, Максимом. Не сложатся отношения с Афанасием, Борисом, Олегом, Семеном.

ЗИНАИДА. Имя имеет древнегреческое происхождение, означает "рожденная Зевсом".

Зинаида в детстве несколько высокомерна и холодновата. Любит быть первой во всем, часто ссорится со сверстниками. Напризна и нетерпелива.

В школе стремится быть на виду у учителей, заискивает перед старшими. Учится хорошо, ей нравится, когда ее хвалят и ставят в пример другим детям.

С возрастом появляется способность делать усилия над собой, скрывать острые углы своего характера. Из Зинаид выходят не плохие бухгалтеры, продавцы, секретарши. Зинаиды-учителя отличаются излишней придиличностью.

Зинаида редко имеет красивую внешность, но от природы наделена обаянием, умеет эффектно и в выгодном свете преподнести себя. Как правило, очень страстная натура, любит всяческие вечеринки, танцы, дискотеки. Мужчины всегда обращают на нее внимание.

Умело скрывая свои лидерские наклонности, демонстрирует готовность подчиняться мужчине, но в браке мужу придется согла-

ситься с командирской натурой Зинаиды. В семье заведует всеми финансами и определяет, что лучше всего делать мужу и детям в данную минуту. Много внимания уделяет благоустройству квартиры.

Здоровье довольно хрупкое, с молодости возникают проблемы с сердцем, которое нужно очень беречь.

Больше всего шансов на счастливый брак с Владимиром, Захаром, Павлом, Степаном, Юрием. Менее благоприятен брак с Дмитрием, Денисом, Иваном, Станиславом, Яковом.

ЗОЯ. В переводе с древнегреческого означает "жизнь".

Девочка Зоя — это послушный и приветливый ребенок. Родители балуют ее, она их любимица. Верит сказкам и сильно огорчается, когда узнает, что Деда Мороза на самом деле не бывает, а вместо него приходит переодетый дядяна. Дружит больше с девочками, мальчишеск сторонится, часто придумывает всякие страшные истории и рассказывает их своим погружням с большой убедительностью. Рано начинает помогать матери по хозяйству.

Больших успехов добивается в изучении гуманитарных наук, любит разводить цветы. Может выбрать профессию ботаника, животновода, учителя. Накое-нибудь серьезное событие в жизни может привести Зою к религии. Она будет верить в Бога, но в церковь ходить не будет.

Зоя обладает способностью сразу различать хороших и плохих людей. Она не верит слухам, а в первую очередь доверяет своему внутреннему чувству, интуиции.

Способна улавливать малейшие изменения в душевном состоянии близкого человека. У нее не бывает конфликтов с мужем и близкими.

Способна поддерживать хорошие отношения с коллегами по работе и соседями. Зоя плохо переносит быструю перемену обстановки, связанную с переездами. Частые смены впечатлений и новые люди ее утомляют, а в остальном проблем со здоровьем нет.

Зоя преданная жена, любящая мать. Будет жить в согласии с мужем по имени Александр, Борис, Валерий, Виктор, Иван, Семен. Следует остеречься замужества с Виталием, Евгением, Ильёй, Кириллом, Юрием.

ИВАН. Это имя имеет старинную форму Иоанн древнееврейского происхождения, означающую "Яхве (Бог) смилился, помиловал".

Мальчики с таким именем имеют самый разный характер: могут быть тихими и неприметными, непоседами и буйными. В Иванах возможно сочетание самых разнообразных качеств: силы и слабости, добра и жестокости, нежности и гнева.

Имеют чрезвычайно широкий круг интересов и увлечений, за многое берутся и многое им удается сделать. Иваны встречаются среди людей самых разных профессий, они могут быть лесорубами, поэтами, летчиками, врачами, грузчиками. Открыты навстречу всему миру, всегда в курсе дел своих родственников и близких. Иваны, как правило, щедры, но встречаются и скупые.

Женщине, решившей связать свою судьбу с Иваном, надо пом-

нить, что ее будет ждать бесшабашная жизнь. Дом всегда будет открыт, череда гостей никогда не будет прерываться. Иван доверчив и отзывчив. Он гибок, но может быть и упрямым, если дело касается его кровных интересов.

Дорожит браком, но может увлечься одной из подружек жены. Не ревнив. В домашнем хозяйстве работу делит на мужскую и женскую и свою часть дел выполняет без напоминаний. Дети очень любят отцов, носящих имя Иван.

Слабое место — позвоночник, но вообще здоровье отличное, поэтому часто Иван им пренебрегает.

Счастье в браке ждет Ивана с женщиной, имеющей имя Алла, Валентина, Екатерина, Елизавета, Зоя, Ирина, Мария. Мало подходит Варвара, Елена, Зинаида, Лариса, Лидия, Майя, Надежда, Римма.

ИГОРЬ. Имя имеет скандическое происхождение от слова "вар" и означает "войнство, сила".

Мальчики Игори — живые и подвижные дети. Они очень способны, хорошо учатся, больше всего им удается математика. Но из-за их неугомонного характера родителям приходится часто наведываться в школу для общения с учителями.

Внешне больше похожи на мать, а характером на отца. Увлекаются спортом, могут добиться очень больших достижений. Не всегда Игорям удается получить высшее образование, так как им не хватает усидчивости и упорства. По профессии Игори могут стать инженерами и токарями,

юристами и водителями, учителями и тренерами.

Характер противоречив. Игори упрямые, трудно приспособляются к окружающей обстановке. Легко сходятся с людьми, но и быстро расстаются. Наибольших успехов Игори добиваются в более старшем возрасте. Всего добиваются своим трудом. Избегают необязательных людей.

Пользуются успехом у женщин и сами уделяют им большое внимание. Игори чрезмерно ревнивы, в браке стремятся к лидерству, навязывают супруге свое мнение.

Игорь, как правило, ведет очень напряженную жизнь, у него часто болит горло, но самое слабое место — печень.

В спутницы жизни Игорям пострадают Вероника, Елена, Ирина, Наталья, Оксана, Ольга. Рискнованным может оказаться брак с Аллой, Елизаветой, Любовью, Людмилой, Полиной, Раисой, Тамарой, Татьяной.

ИЛЬЯ. Русская форма древнееврейского имени Илия, означающего "сила божья".

Илья — очень хозяйственный человек. С детства приучается оказывать помощь отцу и матери во всех домашних делах и овладевает самыми разными навыками: может участвовать в строительных работах на дачном участке, выращивать урожай в саду и на огороде, ремонтировать бытовую технику.

С Ильей не будет особых проблем, если следить за кругом его знакомых, так как он не очень разборчив в выборе друзей и легко поддается дурному влиянию.

Обладает острым умом. В характере у Ильи преобладают мате-

ринские черты. В споре вспыльчив, но быстро берет себя в руки и готов взять вину на себя.

По профессии Илья может быть врачом, учителем, следователем, слесарем.

Слабых мест в здоровье практически нет, но часто бывают пищевые отравления из-за легкомыслия и некоторого гурманства.

К созданию семьи Илья подходит обстоятельно и по-хозяйски. Не женится до тех пор, пока не будет уверен, что способен своим заработком обеспечить семью. Очень любит детей. При всей своей привязанности к семье и дому любит путешествовать.

Счастливый брак вероятен с теми, кого зовут Анна, Вера, Наталья, Софья. Менее подходят для брака Галина, Елизавета, Маргарита, Татьяна.

ИННА. Это старорусское мужское имя, употребляемое в настоящее время как женское. По одной из версий имя происходит от слова "инна", означающее "бурный поток".

Инна с детства отличается тяжелым характером. Бывает упрямой, может довести до слез мать. Не прощает даже маленькие слабости своим друзьям, а зло, причиненное ей, не забывает никогда, хотя сама и не мстительна. Обладает живым умом, способна удивить смелыми и оригинальными мыслями.

В поступках самостоятельна, не подстраивается под мнение окружающих. Повзрослев, способна по необходимости уступить приятному ей человеку, но сделает она это вопреки своим принципам. Мучается от своего характера, от этого — дисгармония и все болезни.

Инна может стать журналистом, парикмахером, инженером, фотокорреспондентом, директором магазина.

Брак с Инной для любого мужчины сложится непросто. От своего избранника она ждет абсолютной честности и открытости. Ревнива, но в ее преданности и верности сомнений никогда возникнуть не может.

Любит детей и к их воспитанию относится очень ответственно. Стремится устроить своих детей в спортивную секцию, музыкальную школу. Инна с детства умеет хорошо готовить, ей нравится экспериментировать со всем возможными рецептами. Рассчитывает на внимание мужа и постоянно ждет от него похвал.

Скорее всего повезет в браке с Александром, Владимиром, Константином, Петром, Яковом. Менее удачным может получиться брак с Вадимом, Василием, Иваном, Николаем, Романом.

ИРИНА. Имя древнегреческого происхождения, означает "мир, покой".

В детские годы Ирина самостоятельна и решительна. Стремится больше находиться в обществе отца, чем матери. Имеет хорошие способности, учеба не требует от нее особых усилий. Способна реально подходить к оценке окружающей ее действительности. Любит читать фантастические романы и детективы, увлекается спортом. Но проливать слезы, сопереживая героям книги, никогда не будет, так как чувство сентиментальности ей не свойственно, наоборот, в ее характере присутствует жестокость.

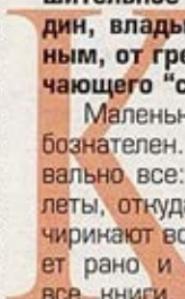
После окончания школы для Ирины важным моментом в жизни становится приобретение специальности, а затем и профессиональный рост. Ответственно подходит к выполнению любой работы. Общительна, быстро устанавливает контакт с незнакомыми людьми. Но в компании лучше чувствует себя среди мужчин, в женском обществе ей становится скучно.

Ирина — влюбчивая натура, но головы в увлечениях не теряет, всегда стремится сохранить независимость. К выбору мужа подходит основательно. Будет преданной, верной женой, но в замужестве Ирина никогда не подчиняет полностью свою жизнь интересам мужа и домашнему очагу. Профессиональная деятельность в ее жизни всегда играет существенную роль. Ирина умеет хорошо готовить, увлекается модными системами воспитания детей.

Счастливо сложится брак с Андреем, Борисом, Иваном, Леонидом, Сергеем, Степаном. Меньше повезет с Валерием, Дмитрием, Константином, Романом.

КИРИЛЛ. Имя древнегреческого происхождения, уменьшительное от "кир" — "господин, владыка". По другим данным, от греческого слова, означающего "солнце".

Маленький Кирилл очень любознателен. Его интересует буквально все: почему летают самолеты, откуда берутся дети, зачем чирикают воробы. Читать начинает рано и быстро проглатывает все книги, имеющиеся в доме, иногда совсем не понимая содержания. Обладает хорошей памятью. С детства усваивает правила

хорошего поведения и в школе учителя ставят его в пример другим детям.

От чрезмерной положительности у Кирилла могут проявиться признаки зазнайства, он может стать эгоистом. Стремится повсюду быть первым — и в учебе, и в играх. Относится к людям с повышенной самооценкой. Любит покрасоваться и постоянно ждет похвалы в свой адрес. В споре его в первую очередь привлекает возможность проявить свои знания и способности, истина для него оказывается на втором месте.

Слабые места в здоровье Кирилла — кровообращение и система пищеварения.

При выборе жены думает о том, какое она будет производить впечатление на окружающих. С ревностью относится к знакомым жены, сам, как правило, не изменяет. Оказывает помощь по дому, но только если его об этом попросят.

Удачным может оказаться брак с Аллой, Еленой, Маргаритой, Онсаной, Риммой, Эльвирай. Вряд ли принесет счастье брак с Валерией, Екатериной, Лидией, Майей, Мариной, Надеждой, Еленой.

КОНСТАНТИН. В основе этого имени латинский корень, означающий "стойкий, постоянный".

В детстве очень боязлив, постоянно находится в состоянии тревоги. Трудно привыкает к чужим людям и новой обстановке. Привыкание к детскому саду и школе потребует от Константина значительных усилий и будет стоять родителям немалых волнений.

С возрастом избавится от комплекса страха, но сходить с людьми будет трудно. Друзей имеет немного, но все они проверены временем.

Константин — ответственный и добросовестный работник. Своему делу отдает всю душу. С подчиненными деликатен, его признаки больше похожи на просьбы.

Может расстраиваться из-за мелочей. У Константина тонкое чутье на прекрасное. Он способен увидеть в человеке едва заметные достоинства и открыть их другим. В то же время Константин может увлечься яркой и эффектной женщиной, добиваться ее расположения. Женившись на такой женщине и обнаружив ее душевную и нравственную пустоту, быстро охладевает в своих чувствах. Развод переносит тяжело. Настороженно относится к теще. Дружит со взрослыми детьми.

Здоровье у Константина, как правило, отменное, но необходимо последить за функционированием системы внутренней секреции.

Удачен брак с Анной, Викторией, Евгенией, Инной, Любовью, Полиной, Риммой, Софьей. Скорее всего не подойдут для брака Александра, Вероника, Ирина, Клавдия, Марина, Наталья, Ольга.

КЛАВДИЯ. Женская форма имени Клавдий, происходящего от латинского слова "клиудиус" — "хромой".

Клава — спокойная и уравновешенная девочка. В детстве часто болеет и много времени проводит в обществе матери, но не становится избалованным и наприженным ребенком. Учится хорошо,

трудолюбива и настойчива. Среди одноклассников не выделяется, но большинство сверстников испытывает к ней симпатию. Взрослая Клавдия умеет терпеливо переносить все невзгоды в жизни, никогда не обременяет окружающих своими проблемами и готова сама оказать посильную помощь попавшему в затруднительное положение человеку.

Мужу Клавдии не на что будет пожаловаться, так как Клавдия прекрасная жена, отличная хозяйка, любящая мать и хорошо зарабатывает. Она экономна и предусмотрительна в мелочах.

У Клавдии везде все складывается удачно: на работе, дома, в отношениях с близкими и соседями, но иногда ей вредит отсутствие "женской хитрости", когда надо суметь и не сорвать, но и правды не сказать. Последствия излишней прямоты бывают для Клавдии очень неприятными.

Клавдии категорически нельзя курить, она предрасположена к заболеваниям легких и бронхов.

Надежным будет брак с Алексеем, Андреем, Виктором, Романом, Федором. Неудачно отношения в браке могут сложиться с Константином, Никитой, Сергеем, Юрием.

КЛАРА. Имя происходит от латинского слова "клара" — "ясная, светлая".

Клара в детстве производит впечатление серьезной и вдумчивой девочки. Родителям не будет доставлять никаких хлопот. Она хорошо учится и во всем послушна.

У Клары и в школе, и в студенческие годы всегда огромное множество подруг и знакомых. Она

доброжелательна, покладиста и люди тянутся к ней. Не страдает болтливостью и способна тихо, спокойно выслушать собеседника, дать возможность излить свою душу. При этом сама никогда не будет надоедать со своими заботами, считая, что откровенничать можно только лишь с очень близкими и родными людьми.

Стремится получить высшее образование и хорошую специальность с таким расчетом, чтобы быть уверенной в завтрашнем дне. Неплохой работник, но на первом месте у нее всегда семья и дом. Выбирает профессию педагога, инженера, врача, продавца.

Клара обычно держится в стороне от молодых людей с эффектной внешностью, броско одетых. Больше ценит мужчин с богатым внутренним миром, способных на благородные поступки и настоящие чувства. Замуж выходит за мужчину, твердо стоящего на ногах, умеющего хорошо обеспечивать семью. Больше всего в семейных отношениях ценит стабильность. Клара — хорошая хозяйка, много времени проводит с детьми, которые становятся ее лучшими друзьями. Одевается скромно, но со вкусом, косметикой пользуется в меру.

С возрастом возникают проблемы с нервной системой и сердцем, но при правильном образе жизни Клара легко с этим справляется.

Клара будет счастлива в браке с Борисом, Виктором, Михаилом, Олегом, Семеном, Степаном. Менее удачным будет брак с Анатолием, Валерием, Денисом, Станиславом. ■

Любовь РУСЕВА

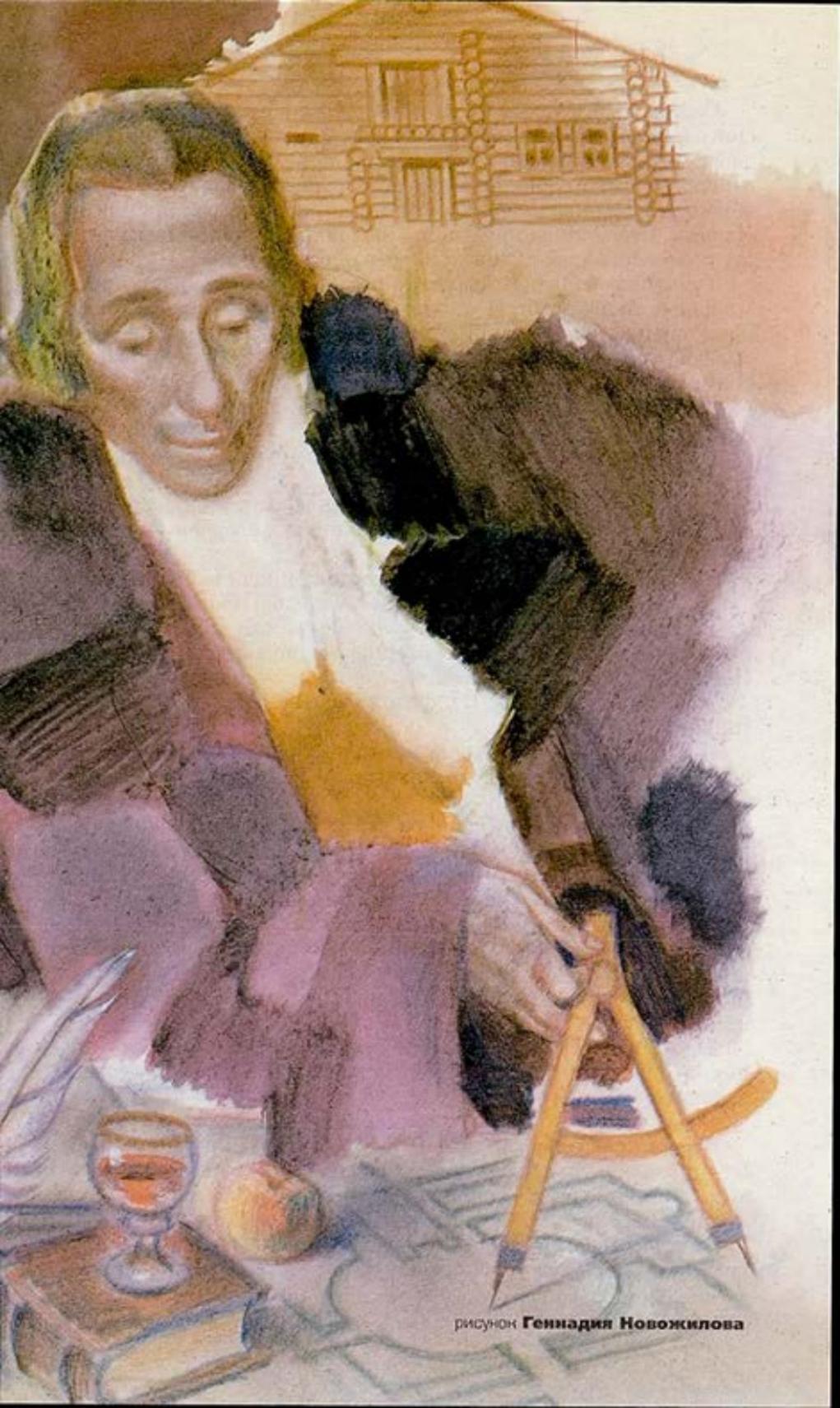

рисунок Геннадия Новожилова

Стриженые зеленые аллеи убегают в синеву. Краски Версальского парка в середине мая очень сочны и нежны. 13 мая 1764 года французский король Людовик XV дал в своей летней резиденции аудиенцию Василию Баженову, русскому зодчему, который обучался в Парижской академии и совершенствовал мастерство в Италии. Стоя у окна приемной, Людовик с придирчивым вниманием рассматривал рисунки иностранного гостя.

Тучный король был высокого роста, с жирной шеей, круглыми навыкате глазами. Носил он серый, в мелких кольцах парик, шелковый лилового цвета кафтан, на котором красовалась лента ордена св. Духа. Разговаривая, тяжело дышал. Покончив с осмотром, его величество изволил произнести:

— Я оставляю вас архитектором двора, — и протянул зодчему папку с рисунками.

Подталкиваемый учителем, Баженов опустился на одно колено.

— Сир, — от волнения Василий путал французские слова, — я безгранично восхищен вашим вниманием и огорчен тем, что недостоин его.

— Вы отказываетесь? — удивленно приподнял брови король.

Не дожидаясь ответа, Людовик XV грузно пошел к дверям.

Бедный Шарль де Вальи стоял, как громом пораженный. Это развеселило Баженова, и он совершенно оправился. Всю дорогу в Париж французский архитектор повторял, качая головой:

— И вы отказались? Непостижимо! Вы, который так любите Париж, Францию...

— Да, это верно, учитель, я люблю Францию, привык к ней, но родину, Москву я люблю еще больше.

Василий Иванович Баженов родился 1 марта 1737 года в селе Дольском Малоярославского уезда Калужской губернии. Судьбе угодно было, чтобы новорожденный вместе с молоком матери впитал в себя перезвон московских колоколов и рос среди великолепных творений великих итальянских, греческих и русских зодчих. Всего два месяца ему исполнилось, когда отец получил небольшое повышение. Его перевели в Кремлевскую придворную церковь, что у Иоанна Предтечи за Золотой решеткой.

Неприветливо встретила новых жителей Первопрестольная — Москва горела. Пожар свирепствовал несколько дней, словно предвещая будущему гению отечественного зодчества трагичную судьбу.

Василий рос впечатлительным ребенком, но своеобразным. Ему чужды были детские утех. Не любил он играть со сверстниками, а все рисовал церкви, дворцы, да срисовывал затейливые надписи на могильных плитах. “Рисовать я учился на песке, на бумаге, на стенах, — писал он в своей автобиографии, — и на всяком таком месте, где я находил за способ, и так я продолжался лет

до десяти, между прочим по зимам из снегу делывал палаты и статуи".

Отец и не помышлял о другом будущем сына, кроме как церковная служба. Поэтому Василий дни напролет денно и нощно должен был находиться в храме. Во время службы зоркий глаз Василия выхватывал из толпы молящихся какую-нибудь колоритную фигуру и представлял ее в образе святого или исчадия ада. Он был одарен богатой фантазией: "Я всех святых из церквей переносил мыслями под переходы на стены и делал их своей композицией, за чем меня заставали и секли часто".

Видения и различные образы, рисовавшиеся в воображении, как-то чуть не погубили Василия. В морозную ночь он проснулся, охваченный беспокойством. Сунул босые ноги в валенки, накинул на ночную рубашку старый козлиный тулупчик и вышел на улицу. На мальчика нашло настоящее вдохновение. Он лепил колонны, лестницы, купола, статуи, арки, фигуры... Скатывал снег в "блоки", обливал их колодезной водой и, когда те замерзали, воружал друг на друга. За ночь вырос целый снежный городок.

Этот страстный ночной порыв свалил юного зодчего. Он бредил, его бросало то в жар, то в холод. Отец неусыпно выхаживал тяжело заболевшего сына. Но событие это имело решающее значение в судьбе мальчика. Именно во время болезни он дерзнул пойти против воли отца, заявив, что не станет попом. Скрепя сердце Баженов-старший уступил и отдал сына учиться в архитектурную школу князя Дмитрия Ухтомского, числившуюся при Сенате.

Князь Дмитрий, как и его брат Сергей, был архитектором и принимал участие в украшении Кремля при Елизавете Петровне. Он возводил Красные ворота, сгоревшие в пожаре 1748 года, строил колокольню в Троицкой лавре. Прекрасно понимая, что строить должны подготовленные люди, князь Дмитрий добился основания архитектурной школы, в которой обучал учеников "архитектуре цывилис". Ухтомский обратил внимание на дарования Баженова, и когда в Москве был основан Университет, записал туда любимого ученика.

В январе 1758 года по приказу императрицы Баженов в числе лучших питомцев Университета, способных к изящным наукам, прибыл в Петербург, где была открыта Императорская Академия художеств.

Василий оказался настолько сведущим в рисунке и талантливым в архитектурном деле, что учитель архитектуры С.И.Чевакинский сделал его своим помощником при постройке Николаевского морского собора.

Когда открыли академические классы, Баженова по результатам экзаменов определили в архитектурный класс. Он стал работать у Де-ла-Мотта и Кокоринова. Успехи юноши превзошли все ожидания. Уже 12 января 1760 года Кокоринов написал президенту Академии И.И.Шувалову представление: "Санкт-Петербург

бургской Академии художеств студент В. Баженов, по особливой своей склонности к архитектурной науке, прилежным своим учением столько приобрел знаний как в начальных пропорциях, так и в рисунках архитектурных, — чем впредь хорошую надежду в себе обещает... Я осмеливаюсь, за его прилежность и особливый успех, всепокорнейше представить к произведению в архитекторы второго класса, кондукторы, с жалованьем по 120 р."

1 мая последовал указ Сената: "быть ему архитектурным помощником в ранге пропорщика". Баженова определили состоять при графе Растрелли, указания которого он должен был выполнять. Блестящие способности сразу же отличили юношу в Академии и поставили на особое положение — благодаря успехам ему сразу присвоили звание "рисовального учителя", архитекторско-го помощника и кондуктора над сорока питомцами Академии.

Вскоре новая милость: 9 сентября по представлению Кокоринова о новых успехах, сделанных в короткое время, Баженов для усовершенствования в архитектурном искусстве отправляется в Париж с содержанием 350 рублей в год.

В Париже Баженов был представлен прославленному живописцу и королевскому архитектору Шарлю де Вальи. Привезенные русским юношем эскизы и учебные проекты произвели на французского мастера неплохое впечатление, но, проэкзаменовав его, де Вальи убедился в некоторых пробелах, особенно в математике.

— Прекрасное всегда спокойно и величаво. Древние никогда не стремились воздействовать на чувства. Ибо всякое насилие над чувствами есть неуважение к человеку. Вы спросите: чем же пленяют наше воображение и будоражат чувства строения древних? Математика, друг мой, во всем повинна математика и геометрия. Заметьте, что красота всадника не в лихости движения, а в тренированности тела. Экзерции и формулы — вот чем надлежит вам заняться.

Баженов много и упорно работал. Он выполнил несколько архитектурных моделей знаменитых зданий из дерева и пробки, в том числе и луврской галереи. Такая творческая плодовитость покорила учителя. Де Вальи прочил своему ученику великое будущее. О Баженове заговорил Париж.

"Об этом человеке мне говорят до невероятности много хорошего, — писал Шувалову русский посол граф Чернышев, — думают даже, что в ближайшем собрании архитекторов он получит первую награду за сочиненный им проект Дома инвалидов, необыкновенно прекрасный. В то же время говорят, что поведение и нравственность его отвечают его таланту, но бедняк лишен нужных средств к жизни. Если бы вы к его жалованью прибавили сотенку-другую рублей, его положение сделалось бы лучше. Он будет еще прилежнее, и такое вознаграждение заслуг послужит к чести нашей страны. Он много говорит о своем отце; я полагаю, любезный друг, что вы хорошо сделаете, ежели соблаговолите его

к нему послать. Это есть средство делать людей полезными стране и дать им возможность навеки вас прославить".

Проект Дома инвалидов явился не только "аттестатом зрелости" мастера, но и свидетельствовал о пристрастии Баженова к грандиозным масштабам, которые в будущем гениально воплотятся в Большом Кремлевском дворце.

Ансамблем Дома инвалидов, состоящим из множества зданий, соединенных воедино сложной системой внутренних дворов и площадей, Василий Иванович продемонстрировал блестящие инженерно-архитектурные знания. Защита проекта на экзамене в Парижской академии превратилась в фурор. Баженов должен был получить золотую медаль, но помешало вероисповедание, так как медаль вручалась только католикам. Поэтому, в доказательство его прав на эту высшую награду, ему вручили диплом за подпись академиков: Леруа, Сюфлота, Габриеля, академического секретаря маркиза де Мариньи. Впервые русский зодчий получил европейское признание.

Узнав об успехе Баженова, Петербургская Академия художеств произвела его 19 августа 1762 года в адъюнкты с увеличением оклада до 400 рублей и с назначением ехать для усовершенствования в Рим.

В Италии Баженова ждал новый триумф.

Кокоринов писал своему ученику в Рим, что, вернувшись в Россию, он обязан будет представить не только отчет о пребывании за границей, но и журнал, в который необходимо записывать все увиденное, изученное и свои впечатления: "... а особливо по прибытии в Петербург вы непременно должны будете представить журнал всего вашего вояжа и что примечание достойно, будете видеть в таких местах; вы можете оставаться в Риме год или полтора, а после изволите объездить и осмотреть знатнейшие города и академии в Италии с тою же суммой, и об отъезде в Санкт-Петербург ожидать ордена; наиболее всего рекомендую употребить время вашего вояжирования к славе своего отечества и к собственному благополучию".

В Риме Баженов сильно нуждался в деньгах из-за нераспорядительности Академии, которая забывала высылать деньги зодчему. Ему приходилось брать заказы, чтобы прокормиться и иметь возможность учиться. Несмотря на трудности, успехи его были еще более ошеломляющие. Публичный академический экзамен в Риме в 1764 году доставил ему звание академика с преимуществом быть действительным профессором архитектуры Римской академии. Вслед за этим его приняли в свои почетные члены Флорентийская, Клементинская и Болонская академии.

Получив приказание возвратиться в Россию, Баженов в конце 1764 года отправился из Рима через Тоскану в Венецию, а оттуда в Париж, где и был представлен французскому королю Людовику XV.

“Я на родине. Господи, благодарю тебя. Снова дышу я воздухом России...” 8 мая 1765 года Баженов прибыл в Петербург к самому открытию Академии художеств по новому, данному ей уставу. Но отечество встретило свое восходящее светило неприветливо, даже враждебно. По непонятным причинам Академия отнеслась к Василию Ивановичу строже, чем к остальным вернувшимся пансионерам, и в нарушение устава заставила Баженова снова сдавать экзамен.

Видно, Европа нашим — не указ. Петербург — это вам не Италия какая-то или Франция — здесь эти штучки не пройдут. Ишь, профессором его там удостоили, в академики приняли, наихристианнейший король Людовик своим придворным архитектором хотел сделать. А у нас, поди докажи еще, на что ты способен.

И Баженов доказал. Ему поручили представить “проект увеселительного императорского на Екатерингофском месте дома” с подробным объяснением всего устройства и расположения зданий. Архитектор представил несколько вариантов — на разные вкусы.

“Июня двадцать осьмого дня, в третью годовщину восшествия на престол государыни нашей, состоялась торжественная инаугурация Санкт-Петербургской Академии художеств, — писал Баженов в своей автобиографии. — В конференц-зале учреждена была выставка работ пансионеров, нововъезженных из чужих краев. Я также разместил свои чертежи, итальянские рисунки и меж них наяду, пляшущую под древом. Сей офорт гравирован мною в Риме и от Шарля де Вальи весьма одобрен был”.

Накануне торжества в Академию пожаловал великий князь Павел Петрович. В журнале-дневнике Баженов записал о встрече с наследником: “В девять часов поутру галерея наполнилась шумом. Выбежав, увидел я ществующего к осмотру наследника, великого князя Павла Петровича, в сопутствии наставников своих.

Цесаревичу лет двенадцать. Подвижной очень, с бледным лицом, носик пуговкой и большие бегающие глаза. Одет в малиновый шитый золотом кафтанчик, присвоенный почетным любителям Академии, в туго завитом паричке и рука на шпаге.

Осмотрев мои работы, изволил беседовать приватно. С видимым любопытством расспрашивал о нравах парижан, итальянцев, о всяческих порядках жизни и строениях. На прощанье протянул руку и, улыбнувшись, сказал:

— А видать, вы отменного нраву”.

Рассматривая античные сюжеты баженовских полотен, архитектурные эскизы и неосуществленные проекты, наследник поинтересовался:

— А что, все сие предназначено для украшения стен или такие красности возможны в натуре?

— Ежели вашему высочеству будет угодно, то почему бы и нет.

— Правда? — усомнился цесаревич, уставившись на архитектора большими глазами.

— Не имею такой надобности вводить в заблуждение, а тем паче лгать вашему высочеству.

— Отлично! — резко, не по-детски серьезно, с хитрым прищуром глаз отчеканил Павел. — Мне нравится ваше художество. Я велю доложить об этом матушке, а вас милости прошу откусывать в моем “дворике”, разделить со мною скучу.

Баженов поблагодарил важного гостя, пообещав прибыть в назначенный час в малый двор его высочества.

В день праздника Екатерина II прибыла в Академию художеств в парчовой робе, с голубой лентой через грудь, счастливая и улыбающаяся. Императрица последовала под балдахин, перед которым стоял стол с грамотами, печатями, дипломами Академии. После торжественных приветствий императрице началось представление. Баженов был один из первых. Императрица встала, чтобы вручить диплом Баженову. Архитектор, преклонив колени, припал к руке императрицы “с чувством готовности умножить славу ее художествами”.

— Кажется, это о вас Шувалов говорил мне однажды, что Бог не обидел вас талантом, а поездка в чужие края принесла вам пользу. Я надеюсь, что господин архитектор употребит все старания свои во славу отчизны.

— Ваше величество, смею заверить, что для меня нет мечты более желанной, — с легким поклоном ответил Баженов.

— Токмо учтите, что ныне мы желаем строить не хуже, чем в Европе.

— Как вам будет угодно, ваше величество.

Проект здания увеселительного дворца в Екатерингофском парке с оранжереями, зверинцем, каруселями и прочими затеями роскоши того времени, сочиненный Баженовым по академической программе на степень профессора, был одобрен, признан советом Академии достойным, но автор проекта оставлен в звании академика, которое он уже получил три года назад. Эта несправедливость заставила Баженова уволиться из Академии Художеств.

Фаворит императрицы граф Григорий Григорьевич Орлов, оказывавший поддержку русским талантам, определил Василия Ивановича в свое артиллерийское ведомство главным архитектором, с чином капитана. В этой должности Баженов построил в Петербурге здание Арсенала на Литейной улице. По заказу императрицы зодчий создает проект Института благородных девиц при Смольном монастыре, который потряс всех органичным сочетанием многообразных традиционных форм отечественной архитектуры. К сожалению, этот проект остался неосуществленным.

В это же время он построил дворец в стиле классицизма для цесаревича Павла Петровича на Каменном острове. Несмотря на милость наследника и покровительство Орлова, Баженову неуютно в Петербурге, он рвется в любимую Москву. Граф Орлов, родившийся в Белокаменной, с пониманием относится к стремле-

нию своего подчиненного и находит ему работу в этом городе. В 1767 году он командирует его в Москву "для казенных артиллерийских надобностей". Здесь Баженов строит здания арсенала и сената, колокольню при церкви Преображения или Всех Скорбящих Радости и новый иконостас.

Вскоре после приезда в Москву Баженов женится на Аграфене Лукиничне Красухиной. Она была единственной дочерью каширского дворянина, рано умершего в чине сержанта. В небогатом имении семьи всеми делами ведал "невеста откуда и как назначенный опекун" Гладилин. Опекуну свойствен был авантюризм, к тому же он был человеком жадным. Пользуясь безропотностью и кротостью законной наследницы, он мечтал окончательно завладеть имением сироты. Девушка и ее опекун жили в это время в Замоскворечье в доме Каржавина. Василий Иванович, навещавший своего друга, познакомился с сиротой. Между ними вспыхнула любовь с первого взгляда, и вскоре они поженились.

В этот период митрополит Амвросий руководит восстановительными работами кремлевских святынь. До начала страшной чумы и чумного бунта первозданный вид успели придать Благовещенскому собору, вернув ему прежнюю красоту и величие. В реставрационных работах принимал участие и Василий Иванович. Он жил в Кремле и был очевидцем разгрома Чудова монастыря бунтовщиками.

Зодчий деятельно помогал Григорию Орлову, приехавшему спасать умирающий город. Для борьбы с чумой приказал организовать 10 новых кладбищ подальше от города (за Преображенской, Крестовской и Семеновской заставами; на Коломенской дороге, на Воробьевых горах; за Дорогомиловской и Даниловской слободами; при церкви святого Лазаря, что на Убогом дому, за Новою Слободою, что в Сущеве, за Преснею, что на Ваганькове). Жители не желали хоронить родственников на них и прятали трупы. Чтобы прекратить это, необходимо было срочно на новых кладбищах возвести церкви. Эту работу делал Баженов, который проектировал и возводил храмы. Некоторые из них сохранились и в наши дни.

В это время в голове Баженова зреет план грандиозной реконструкции Кремля. Он составляет проект огромного дворца на месте кремлевских стен.

— Решил я все древности кремлевские в единый ансамбль объединить. Центром его замыслил я площадь с амфитеатром для народных собраний. Здесь же — обелиски и триумфальная колonna, а по сторонам сего венца конные фигуры трубящих слав. Отсюда — дороги к воротам Кремля, во глубину России, дороги на Петербург, Ярославль и Владимир. Не крепостью неприступной мыслю себе я Кремль, в коем от врагов когда-то удобно было скрываться, а местом добродетели, просвещения и славы народной. Посему намерен красоту его обернуть лицом к первопрестольной столице.

Несмотря на тесное расположение Кремля, Баженов изобрел план и фасад, единственный по огромности своей и величественности. В Кремле вместо стен, служивших оградой святынь и дворцов, он проектировал сплошной ряд зданий. Одна модель стоила 60 000 рублей, а само здание должно было обойтись казне в 30 миллионов.

Показанный Орлову проект поразил вельможу. Граф вначале усомнился в возможности его реализовать, но зодчий убедил его, и фаворит отправился к императрице. Екатерина Алексеевна поняла не только замысел автора, но и политическое значение невиданного по грандиозности дворца. Заканчивалась русско-турецкая война, и Европа трубила о русской пустой казне. Чтобы доказать миру, что Россия не находится на грани катастрофы, императрица подписывает проект. Торжественная закладка произошла 9 августа 1773 года.

Празднование победы в войне и заключение мира отмечалось в Москве. Иностранцам показали макет нового Кремлевского дворца. Эффект превзошел все ожидания и выполнил свою роль — гости были поражены проектом Баженова, о нем заговорила Европа.

Но чудо это так и не увидело свет. Печальна судьба и царицынского дворца. Императрица пожелала иметь свой Лувр и заказала проект Василию Ивановичу. Но, посетив строительство, нашла его мрачным и отстранила от дел архитектора, передав строительство Казакову.

Но, как это часто и бывает, планировка была здесь ни при чем. Перемена в служебной карьере зодчего и немилость императрицы объяснялись тем, что Баженов стал не просто активным масоном, но именно он завлек наследника престола в орден и был связующим звеном между Павлом Петровичем и масонскими ложами. Именно благодаря уговорам Баженова Павел дал согласие на избрание его в верховные мастера.

Екатерине попали в руки письма Василия Ивановича с отчетами о переговорах и содержанием разговоров с цесаревичем. В этих переписках она заподозрила политические цели. Гнев императрицы обрушился на Баженова, но все ограничилось отстранением от должности и прекращением заказов. Государыня пощадила гениального зодчего, она не заключила его, как Новикова, в крепость. Более того, через несколько лет Екатерина дозволила Баженову поступить на службу к Павлу по адмиралтейств-коллегии.

Лишившись места, Василий Иванович остро нуждался. Он вынужден был продать несколько домов в Москве и имение жены. Баженов открыл курсы, в которых обучал мальчиков, стал снова принимать заказы от частных лиц.

Творческий диапазон зодчего отличался большим размахом. Наряду со скромными, но полными изящества зданиями, он строил в Москве и дворцовые сооружения. На Воздвиженке Баженов

создал для графа Разумовского дворец, отличавшийся как сложностью разработки объема, так и тонкой проработкой декоративных деталей.

Но истинным шедевром отечественного зодчества является дом Пашкова. Эту жемчужину русской архитектуры Василий Иванович построил всего за три года. Дом Пашкова с боковыми флигелями, украшенными четырехколонными портиками, легко и свободно поднимается ввысь, продолжая линию подъема холма, расположенного на стыке улиц. Баженов придал зданию характер праздничного общественного сооружения. При кажущейся пышности и богатстве украшений дом Пашкова прост и несложен по своей композиции.

В 1792 году Баженов поступает на службу к наследнику престола. Он строит в Кронштадте лесные, провиантские и сухарные магазины с печами собственного изобретения, несколько казарм для морских служителей, некоторые училища и многие другие здания; в Гатчине и Павловске — дворцы с садами и крепостью. Из построек, произведенных им в Петербурге, Баженову принадлежат также инвалидный дом на Каменном острове с церковью Иоанна Предтечи, первый экзерциргауз близ Зимнего дворца и каменный корабельный сарай с двухэтажными мастерскими внутри Главного адмиралтейства.

8 ноября скончалась императрица Екатерина Великая. Вступив на престол, Павел тотчас произвел Баженова из коллежских советников сразу в действительные статские советники, пожаловал орден Св. Анны 2-й степени и подарил ему 1000 душ крестьян. Император назначил его вице-президентом Академии художеств.

Василий Иванович должен был произвести реформу в академии, навести порядок и поправить финансы, совершенно расстроенные предыдущим правлением и, наконец, представить объяснение по вопросу, что следовало бы сделать, чтобы сообщить надлежащий ход развитию талантов русских художников в Академии художеств. Баженов представил государю обширный план преобразований.

Зодчий считал, что Академия — не рисовальная школа, поэтому не следует туда принимать детей. По его мнению “учителя и мастера художников, пользующиеся академическим жалованьем, должны работу свою, какова бы она ни была, т.е. собственная или заказная, партикулярная или казенная, — делать в академическом классе, с такою же свободою, как в своей комнате, — сие будет тем полезнее для воспитанников, что будет тогда кому направлять их в рисунке и давать им мысли”.

Коснувшись материальных вопросов, он пишет, что “Академия с благодарною радостью примет дар Монархий, если благоприятно будет ваше императорское величество повелеть: отбракованные картины с эстампами, которые есть великое число во дворцовых кладовых, не стоящее того, чтоб украшать царские

чертоги, да отпадутся Академии Художеств, где они могут служить еще с величайшою пользою для воспитанников".

Император, выражая соизволение или одобрение на те или иные предложения Баженова, пишет ему: "С большим удовольствием вижу употребление, которое делаете вы из известных мне талантов и способностей ваших по части художеств, всякого одобрения достойное. Продолжайте таковые упражнения, Вам отличную похвалу приносящие, уверяясь в том, что усердие и труды ваши мне всегда будут приятны и приобретут вам мое благоволение".

Павел Петрович поручил архитектору составить проект Михайловского замка. За образец Баженов взял генуэзский дворец. Началось строительство под его распоряжением. По баженовскому же проекту и плану, с небольшими изменениями, был построен его учеником Воронихиным Казанский собор в подражание римской соборной церкви Св. Апостолов Петра и Павла.

Император приказал зодчему приготовить собрания чертежей для исторического исследования отечественных архитектурных памятников. Баженов с жаром взялся за работу, но неожиданная смерть положила конец всем этим начинаниям. Василий Иванович скончался от паралича 2 августа 1799 года, оставив после себя множество архитектурных записок и невоплощенных планов.

Умирая, он подвел черту своего жизненного пути. "Своими моделями Лувра и храма Весты, проектом Инвалидного дома и другими работами я не токмо порадовал учителей своих, но и доказал, что русские в сложных науках зодчества тоже весьма преуспеть могут. Но не поняли некоторые из просвещенных европейцев, что для нас, русских, мастерство и знания — это токма азбука художества. Не техникою художества прельщают нас творения русских, кои землю российскую украшают. Наш взор более пленяет самобытность. Творение без самобытности — это все равно, что человек, лишенный души и сердца. Однако же глупо вкусы, привычки и нравы своего народа чужому племени навязывать. Можно, конечно, и техникою ограничиться, не думая о душе творения. Но сие неизбежно влечет за собою и перестройку душевную, но токмо уже в самом себе, в архитектуре человеческой. Потому и не стал я архитектором французским или итальянским. С большей охотою выполнял я какую ни на есть черную работу. Заработав немного денег, отправился я бродяжничать по Италии. Был в Генуе, Пизе, Флоренции, побывал в сказочном граде Венеции. Сие путешествие было для меня много полезно..."

Не скажу, чтобы жизнь моя в родном отечестве была легкой. Но на судьбу не жалуюсь. Лучше сносить обиды у себя дома, чем всю жизнь холопствовать в чужих краях и довольствие испытывать не душою, а лишь телом, постоянно в праздности пребывающим. Этим я хочу оправдать и те неудобства, — обратился он к своим детям, — кои по моей вине выпали на вашу долю. Потому не судите меня строго. Ибо честен был я даже тогда, когда в чем либо заблуждался..."

Невинные в свадьбе. 1866.

Лилия БАЙРАМОВА

Клод Моне

Едва ли в истории мировой живописи можно найти художника более радостного, праздничного и открытого миру, чем французский эпикуреец Клод Моне. Среди его бесчисленных полотен почти нет таких, в которых слышалась бы нота усталости или раздражения, уныния или недовольства собой, но зато почти каждое из них — стремительный бег навстречу счастью, восторженное биение сердца.

Родился этот счастливец, которого в детстве звали вовсе не Клод, а Оскар, 14 ноября 1840 года в Париже, а в шесть его увезли на Атлантическое побережье в Гавр, где его отец открыл бакалейную лавку.

Как и большинство художественно одаренных натур, он ненавидел школу, предпочитая вместо занятий слоняться в шумном, грязном и суеверном порту. Лениво прогуливаясь по набережной мимо испанских и английских кораблей, он заглядывался на бьющиеся по ветру разноцветные флаги, и кто знает, быть может, именно тогда в его сердце зародилась любовь к морю, к бесконечной игре бликов и красок на пляшущей от ветра воде, а разноязыкая праздная толпа с белоснежными платьями женщин и кофейными котелками мужчин навсегда отпечаталась в его глазах как несомненный оттиск человеческого счастья.

Другой его слабостью и страстью было рисование шаржей на своих учителей и знакомых. Легким движением пера он выводил чай-нибудь горбатый нос и тонкие ножки — выходило забавно. Как-то он выставил свои "шедевры" в ближайшей лавочке, и ими заинтересовалась местная знаменитость — Эжен Буден, симпатичный художник. Тот был настолько добр к Моне, что стал брать его с собой на этюды. Через полгода Моне, который из чувства противоречия взял себе имя Клод, решил стать художником.

Как и всякого провинциала, Клода неудержимо тянуло в Париж, и он уговорил родителей отправить его туда на каникулы. Спустя неделю он уже разгуливал по Салону, и никакая сила не могла заставить его вернуться домой. Только армейский призыв был способен вытряхнуть молодого человека из столицы. Правда, сердобольный папаша предлагал выкупить сына при условии, что тот займется торговлей, но упрямый Моне предпочел службу в алжирском полку. Роскошь африканской природы восхитила Моне, но через два года по болезни его отправили в отпуск, и больше в армию он не вернулся.

Теперь заботой родных стали поиски ему солидного преподавателя в столице. Поначалу Клод учился у некоего Тульмуша, а затем перебрался в так называемую "Свободную академию" Глей-

ра. Увы, это почтенное заведение, выпускавшее крепких ремесленников, умевших с блеском отрисовать фигуру Геракла, очень мало соответствовало духу бойкого и живого провинциала. Ему хотелось жизни, а здесь предлагали скуку и мертвичину, его тянуло к современности, а их кормили античными темами. Слава Богу, среди его партнеров по Академии нашлись такие же, как и он, живые ребята — сын бедного портного Огюст Ренуар, аристократ Фредерик Базиль и застенчивый англичанин Альфред Сислей. Компанией им было легче отбиваться от нападок педантичного Глейра.

В начале 1864 года "Свободная академия" прекратила существование, и приятели все свободное время теперь отдавали работе на пленэре. Нужно было пробиваться в Салон, это было единственное место, которое открывало художников. С целью написать что-нибудь значительное для Салона Моне едет в маленький городишко Онфлер в устье Сены, место своего рода паломничества

французских художников. И в марте 1865 года он уже нес, в толпе многочисленных претендентов, две марины в Салон — вещи довольно безликие и непохожие на работы будущего раскрепощенного художника. Выставком они прошли свободно и даже получили хорошую прессу. Единственная заминка произошла от сходства его фамилии с фамилией Эдуарда Мане, что создавало

путаницу и страшно злило Эдуарда. Атаку же на следующий Салон Моне предпринял огромной вещью, которую написал вспыхах буквально за четыре дня до его открытия. Это была женская фигура в натуральную величину, писанная с его возлюбленной Камиллы Донсье. Моне нарядил Камиллу в зеленое полосатое платье и меховой жакет, повернув ее почему-то спиной к зрителям.

Эта вполне еще ортодоксальная вещь, с явно позирующей фигурой и с темным музейным фоном, снова имела успех в Салоне, но, судя по всему, в последний раз. Дальше отношения с официальным искусством начали портиться, как и у всей группы будущих импрессионистов. Тем более что в следующем году в живописи Моне произошел перелом, и он от темного музейного колорита перешел вдруг во что-то пленительное, светлое и радостное, словно набрел на золотоносную жилу, которая осветила его картины солнечным светом. Именно тогда он написал свои первые, ставшие знаменитыми вещи — "Женщины в саду", "Терраса на море около Гавра" и очень популярную в России "Даму в саду".

Вместе с освещением колорита в его живопись пришла и новая тема, ставшая определяющей в творчестве. Это тема — простое человеческое счастье. Счастье от того, что светит солнце, в саду распустились цветы, что тепло и уютно, и так не хочется уходить из этого мира.

Увы, неподвижный и застывший Салон, напичканный казенной и скучной живописью, не оценил простых и свежих, как букет только что срезанных роз, картин. Так же как, впрочем, и картин Писсарро, Ренуара, Сислея и всей будущей братии импрессионистов.

Начиналась долгая, томительная эпопея борьбы нового взгляда со старым, молодых, свежих сил со старыми чинушами, не желающими никого пропускать на свои места. Для Моне, как и для большинства его коллег, наступали трудные времена. Родители, воспринявшие было духом от его успеха с "Камиллой", теперь опять приуныли и потеряли веру в него. Кредиторы буквально выжили художника из Парижа. От отчаяния он даже изрезал

свои холсты, но и в изувеченном виде картины продавались каким-то любителям за бесценок.

Ну и самое главное — Камилла. Его милая возлюбленная ждала от него ребенка. Для добропорядочных родителей существование этой парижской "гетеры" было немыслимо. С патриархальной прямолинейностью они ставят вопрос жестоко и больно — либо Камилла, и тогда век не видать ему родительской помощи, либо — он переезжает к своей тетушке, мадам Лекадр, и спокойно занимается живописью. Моне шлет отчаянные письма друзьям, но, как истинный живописец, выбирает живопись.

Приблизительно через год, ценой отказа от родительских денег, он снова возвращается к Камилле, которая родила ему сына. Но вскоре парижская нищета вновь выгоняет его из Парижа, и он

бежит в маленький городок на Атлантике Фекан. Кредиторы преследуют и здесь, безденежье — тоже, и в довершение всего его с семьей выставили из гостиницы. Отчаявшись, он даже пытается утопиться, но в последний момент жажда жизни берет верх.

И тем не менее он активно продолжает работать. В 1869 году в поисках нового материала он поселился в прелестном местечке Сен-Мишель близ Буживаля. Вскоре к нему присоединилась и вся честная компания — Ренуар, Писсарро и Сислей, которые жили поблизости и совершали с ним совместные вылазки на пленэр. Эти вылазки и привели их в конце концов к Иль де ла Шоссе и в так называемый "Лягушатник", ставший своеобразной колыбелью импрессионизма.

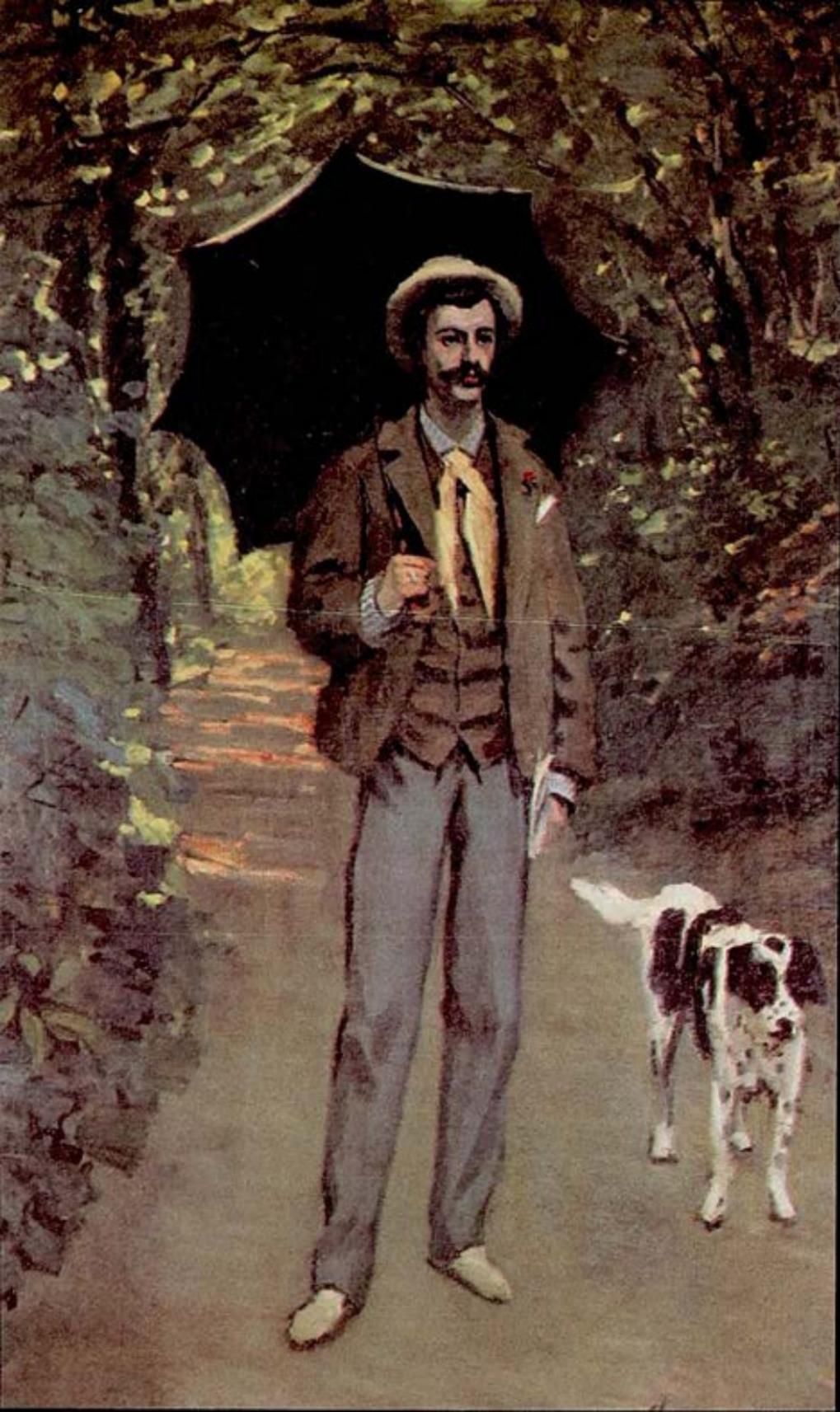
Маленькие бухточки и гавани буквально кишили парусниками и гребными лодками, группы нарядных женщин и подвыпивших мужчин сновали по берегу. Один из рукавов Сены огибал остров Иль де ла Шоссе и образовывал здесь лагуну стоячей мелкой воды, прозванную "Лягушатником". Вот туда-то и устремились Моне и Ренуар. Для обоих любителей прекрасного это был лакомый кусочек. Яркие женские платья и светлые брюки мужчин, листья деревьев, лодки и колеблющаяся вода с бесконечно переливающимися бликами складывались в такую красивую живописную массу, что руки сами склонялись к "импрессионизму".

Пожалуй, впервые Моне начал писать здесь не конкретных людей, не сюжет, а просто живописные пятна, прихотливо разбросанные по ковру "Лягушатника". Очертания фигур теряли четкие силуэты и материальность и почти расплывались, сливаясь с узором голубовато-желтой ряби. Ничего подобного художники прежде не делали: это была революция, знакомый мир, населенный тысячью персонажей, превратился в одно большое красочное панно. Впервые настроение или прихоть художника стали определяющим законом в мире живописи. Отныне трава могла стать синей, вода — красной, только оттого, что так видел или хотел видеть художник.

Увы, невинные занятия по поиску нового живописного языка прервались в середине 1870 года войной с Германией. Мане и Ренуара взяли на военную службу, Базиль отправился добровольцем, а Моне поспешил с семьей сначала в Гавр, а затем и вовсе вместе со многими беженцами переправился в Англию.

В Англии он свел знакомство с чрезвычайно нужным ему человеком, набирающим силу торговцем картин — Дюраном-Рюэлем. Рюэль был известен в Париже как тонкий ценитель живописи с замечательной интуицией. Но главное, что выгодно отличало его от всех остальных дельцов, — любовь к искусству, в том числе и новаторскому. Именно он вернул на свет в свое время испанцев — Эль Греко и Веласкеса, заставив вновь весь мир поклоняться полузабытым гениям.

Вернувшись во Францию, Моне избрал местом жительства Аржантей, городок на берегу Сены. Здесь он соорудил себе пла-

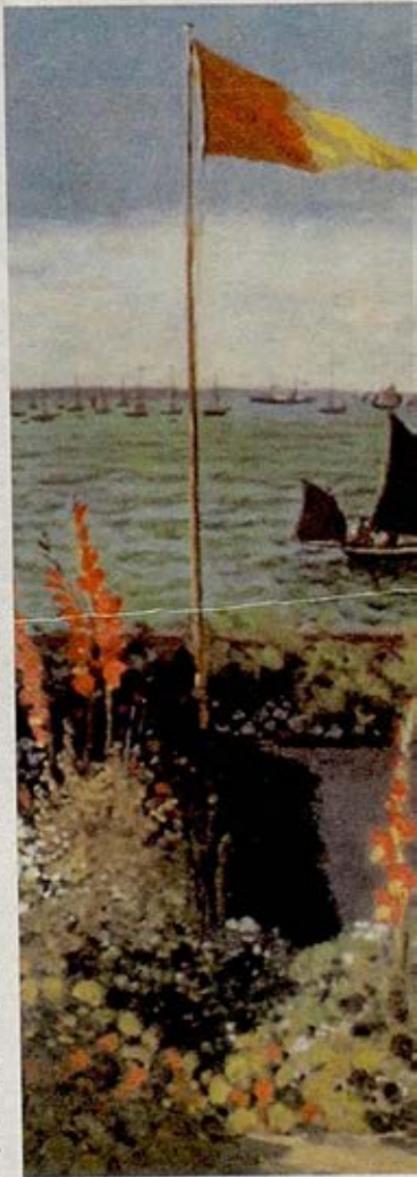

вучую мастерскую и флантировал в ней по реке, заплывая в живописные места — Аньер, Пуасси, Эпине и дальше — Пор-Вилле и Ветея. С утра и до позднего вечера, с ранней весны и до самых последних холодов можно было видеть одинокую фигуру художника, стоящего под тентом на лодке. Как-то Эдуард Мане, пристрастился к реке, не выдержал и воскликнул: "Неужели никто не скажет Моне, чтобы он оставил что-нибудь от реки и для нас?"

Между тем финансовое положение Моне пребывало не в лучшем порядке. Дюран-Рюэль временно приостановил покупки, и пришла пора что-то предпринимать самому. Вот тут-то и всплыла давнишняя мысль Базиля об устройстве самостоятельной выставки. Действительно, настало время разбить стену молчания, окружавшую новых художников. К выставке готовились особенно тщательно и с энтузиазмом: каждый надеялся на успех. Картины развешивали не в алфавитном порядке, как было принято в Салоне, а по жребию. Помещение предоставил модный фотограф Надар на одной из центральных улиц Парижа — Бульваре Капуцинов.

Всего на выставку попало 160 картин, из них 9 — Моне. И среди них ставшая сразу скандально известной — "Восход солнца в Гавре". Правда, Эдмон Ренуар, брат Огюста, составлявший для выставки каталог, остался недоволен названием. "Вычеркните Гавр и назовите ее как-нибудь более общо", — попросил он Моне. "Поставьте вместо этого "Впечатление", — согласился художник.

И вот 15 апреля 1874 года открылась эта едва ли не самая прославленная и скандальная выставка за всю историю живописи, явившая новую эру в развитии мирового искусства. Впервые в истории человечеству в лице парижан показали картины, не имеющие на первый взгляд ничего общего с так называемой объективной действительностью, по крайней мере, с той, какую привыкли видеть на картинах старых художников.

Терраса в Сент-Андресс. 1867.

Вместо четкого, правильного и красивого рисунка, строгой формы и сбитой пластики, пораженные зрители увидели расползающиеся пятна, хаос и отсутствие всякой формы. Особенно возмутил "Закат солнца" Моне, предлагавший в туманной и бесформенной массе угадать закат солнца в порту. Разумеется, никому не могло прийти в голову, что это делается профессионалами специально и что таким образом вырабатывается и ищется новый и более общий язык. Все сочли, что это наглая акция хулиганов и шарлатанов.

Тополя (из серии "Стога сена"). 1891.

Самые глупые и бессмысленные ругательства посыпались на головы бедных художников. "Господа Моне и Писсарро, — писала одна газета, — кажется, объявили войну прекрасному. Впечатление от этих пейзажистов осталось одно: туман и копоть". Другая, вслед за ней, повторяла: "Месье Сезанн, несомненно, сумасшедший; у него начинается приступ белой горячки, когда он рисует".

Один из остроумных критиков зацепился за название картины Моне "Впечатление" ("импрессион") и окрестил всю группу художников "импрессионистами". Но ни один из художественных критиков не разглядел в этой "грязной мазне" ни смысла, ни поисков новой красоты. Прошли долгие годы и даже десятилетия, прежде чем зритель научился видеть мир — цветы и деревья, закат и морскую гладь — глазами когда-то поруганных художников.

Увы, оплатить эту трудную науку художникам пришлось ценой собственной нищеты, страданий и изнурительной борьбы с непонимающим зрителем. Письма и кратенькие записочки Моне пестрят бесконечными жалобами на нужду и дают представление о его действительно отчаянном положении.

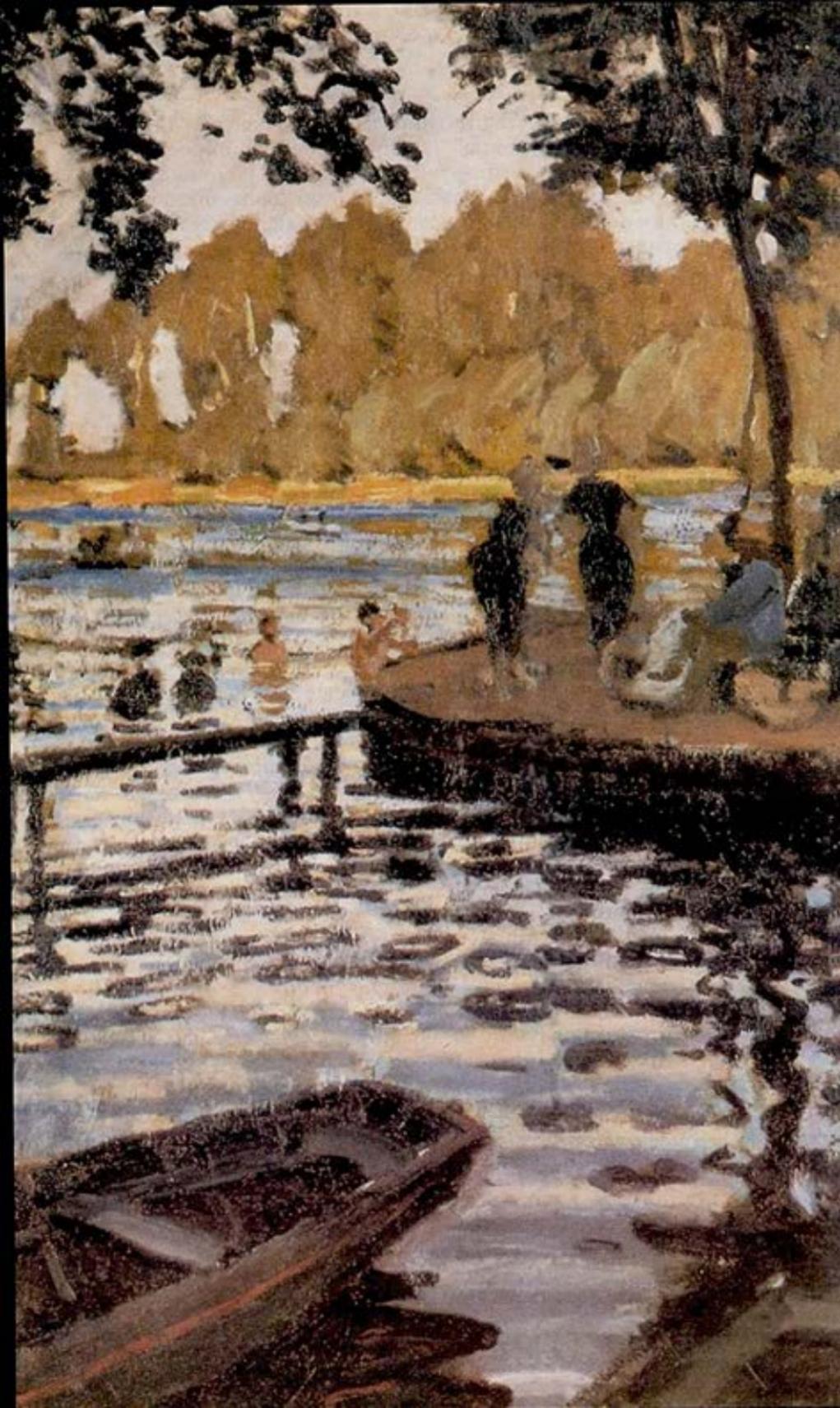
Вот его письмо Золя с криком о помощи: "У нас в доме нет ни одного су, чтобы мы могли хотя бы поддерживать огонь в очаге. В довершение всего жена моя нездорова и нуждается в уходе; она, как вы, вероятно, знаете, родила мне прекрасного мальчишку. Не можете ли вы одолжить мне два-три луидора или хотя бы один?.. Я пробегал вчера весь день, но не смог добить ни сантима".

Однако в начале 1880-х положение Моне начало потихоньку исправляться. Дюран-Рюэль предложил ему достаточно выгодную форму сотрудничества, и теперь художник имел возможность заняться чистой живописью. Это было тем более важно, что семья его значительно пополнилась. После смерти Камиллы он сошелся с Алисой Гошеде, приведшей с собой еще пятерых детей, о которых Моне всегда говорил, что они — "мои дети".

Осенью 1890 года он неожиданно для себя открыл новый способ работы — "серийный". Произошло это совершенно случайно. Как-то он писал два стога на лугах Живерни. Освещение постепенно менялось, и нужно было либо прекращать работу, либо начинать совершенно другую. Художник решил в пользу второго. "Дочка! — крикнул он. — Сбегай, пожалуйста, домой и принеси мне новый холст!" Когда освещение изменилось снова, попросил принести следующий.

Так родилась его знаменитая большая серия стогов, насчитывающая пятнадцать полотен. Моне поставил в ней весьма любопытную и заманчивую живописную задачу — проследить ход освещения в течение целого дня. Выставленная у Дюрана-Рюэля, серия снискала благосклонность у зрителя, постепенно привыкавшего обходиться в живописи без сюжетов.

Следующей значительной серией стала коллекция картин, посвященная экстерьеру Руанского собора. Для ее осуществления он специально отправился в Руан, где снял комнату как раз напротив понравившегося ему собора. В течение долгих месяцев он, словно влюбленный, сидел напротив собора и наблюдал, как солнце или непогода меняют освещение, то зажигая, то гася его

Лагушицы. 1869

тяжелые барочные формы. Нужно было обладать немалым терпением, чтобы в течение почти полутора лет заниматься одной и той же работой: Моне писал собор не только непосредственно на натуре, но и позже — в мастерской, бесконечно переписывая и улучшая картины.

Только в мае 1895 года художник решился выставить итоги всей своей грандиозной работы — двадцать вариаций только одного Руанского собора. Восторженный Писсарро писал своему сыну Люсьену по поводу открывшейся выставки: “Я буду огорчен, если ты не приедешь сюда до закрытия выставки, ведь его “Соборы” рассеются в разные стороны, а их нужно смотреть обязательно вместе... Я восхищен его исключительным мастерством. Все это творчество хладнокровнейшего наблюдателя, умеющего так схватывать и выражать едва уловимые эффекты, как ни один другой мастер”.

Писсарро оказался прав, все “Соборы” в конце концов разоблачили и распродали в разные стороны. Лишь один английский энтузиаст спохватился и предложил французскому правительству выкупить все двадцать полотен, но то, естественно, отмахнулось. До сих пор неизвестна судьба многих “руанских” холстов, и потому редкая серия сохранилась лишь в воспоминаниях современников.

В это время почти вся жизнь Моне сосредоточилась в его чудесном саду в Живерни, из которого он почти уже не выезжал. Наконец-то деньги и отсутствие материальных забот позволили сосредоточить все усилия на приятных и красивых вещах. Он заботился о своем саде и лелеял его так же, как и свою прекрасную живопись, создавая из него своего рода живую картину.

Особую радость художнику доставляла вода, которую он теперь наблюдал не в широких масштабах, а в прелестных маленьких прудиках, разбросанных по окраинам его обширного сада, через которые он перебросил легкие деревянные мостики. И снова — отражения в воде, густая пышная растительность, цветущие белые лилии, кувшинки, вся эта плотная и причудливо переплетающаяся живописная масса становится его постоянным сюжетом.

В конце 1890-х годов он прерывает милую его сердцу камерную работу ради еще одной большой серии, на этот раз связанной с Темзой. Моне поселился в лондонском отеле рядом со знаменитым мостом Ватерлоо, зданием парламента и Вестминстерским мостом. Журналисты, как всегда заинтригованные его необычной работой, говорили, будто в комнате отеля “Савой”, где жил Моне, находились сотни полотен, передвигавшихся на специальных приспособлениях, на которых художник и фиксировал мельчайшие метеорологические изменения.

На самом деле лондонские красоты были нужны художнику только как предлог для чисто живописных экспериментов. В

Надя в зеленом (Японка), 1876.

его "английских" работах силуэты зданий окончательно теряют свои четкие очертания, расплываясь в розовых и голубых туманах, создавая своеобразные симфонии и поэмы из красок. Наконец, после года работы, в апреле 1904-го, "лондонская" выставка открылась у неизменного Дюрана-Рюэля. Парижане увидели тридцать семь полотен, разделенных на три группы: "Здание парламента", "Мост Чаринг Кросс" и "Мост Ватерлоо". В предисловии к каталогу было написано: "Чудо, почти парадокс, что художнику с помощью красок удалось воссоздать на полотне материю почти неуловимую, запечатлевать солнечный свет, то поляризуя его, то рассеивая во всех направлениях, обогащая бесконечными отражениями..."

В 1908 году Моне на время уезжал в Венецию, которая привела его в совершенное восхищение, — оттуда он привез двадцать девять полотен.

В 1911 году у художника умерла вторая жена, и он замкнулся в своем дивном саду, приказав воздвигнуть вокруг него забор и никого непускать. Лишь двое самых близких друзей имели право на его посещение.

А через три года его постигло новое горе: он потерял своего первого сына Жана, а второй сын Мишель ушел на войну. К тому же у художника начало портиться зрение, что приводило его в отчаяние. Иногда, в минуту раздражения, он хватал свой шпатель и безжалостно кромсал полотно, если у него не выходил какой-нибудь нужный кусок. Могло достаться и другим, вполне "безвинным" полотнам, которые просто находились рядом. Один раз он уничтожил более тридцати своих картин с лилиями. В другой раз скжег работы в саду. "Я научился у Мане, — объяснил он приятелю, — верному способу избавляться от того, чем бываешь недоволен".

Последним и самым грандиозным проектом Моне стала работа над колоссальным "водным пейзажем", который должен был представлять из себя единую панораму, расположенную по окружности в сто метров. Поначалу художник предполагал сделать одно единое полотно, но потом отказался от этой идеи и разделил всю панораму на отдельные части по двенадцать метров шириной, каждая из которых, в свою очередь, делилась на три панно. Темой панорамы была все та же любимая с детства вода и ее отражения.

Впечатление. Восход солнца. 1872.

80-летний Моне мечтал о том, чтобы подарить свою панораму французскому народу, он даже спроектировал специальный двенадцатиугольный красивый павильон для нее и послал дарственное письмо в Администрацию изящных искусств. В строительстве павильона Моне отказали, но решили отдать ему два овальных зала в Музее Оранжери около террасы Тюильри — с условием, что он, в дополнение к двенадцати четырехметровым панно, напишет еще два недостающих.

Эта тяжелая, сложная и изнурительная работа заполнила все последние годы художника. Его зрение с каждым днем все боль-

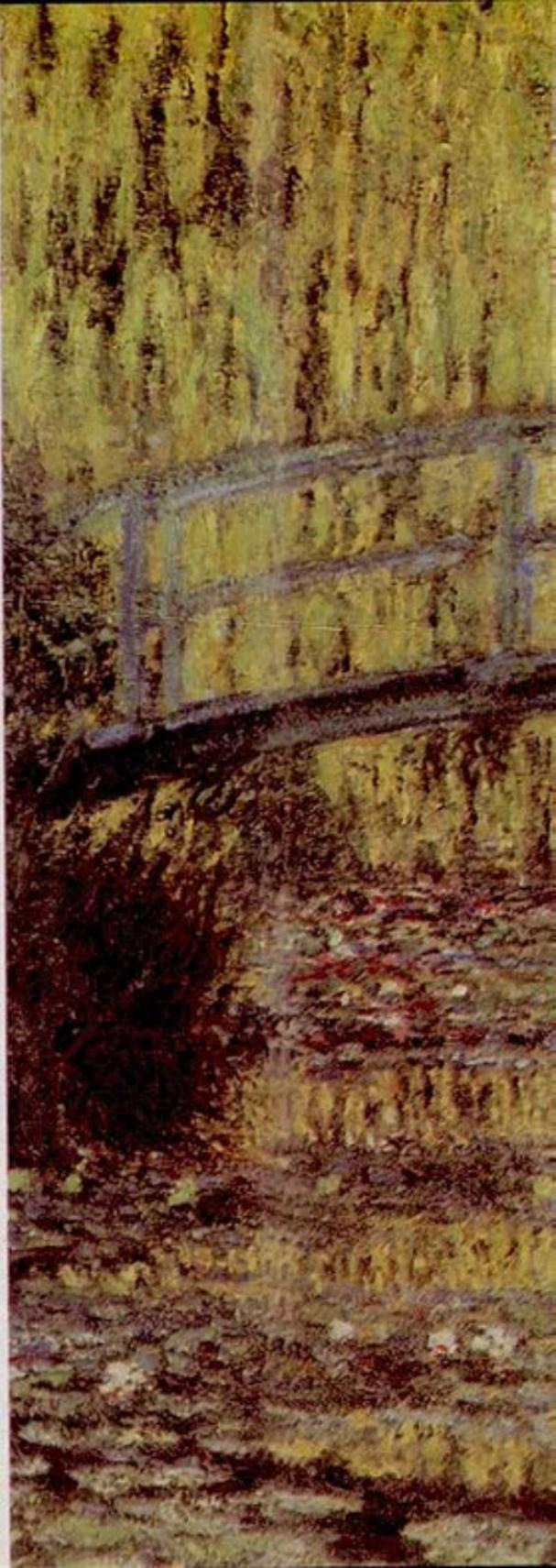

ше слабело, и ему трудно было доводить панно до необходимого совершенства. Иногда он настолько падал духом, что хотел отказаться вообще от этого дара. Наконец решился сделать операцию на глазах, которой так все время боялся, и его зрение немного улучшилось, что и позволило завершить десятилетний каторжный труд — самую большую серию "Нимфеи".

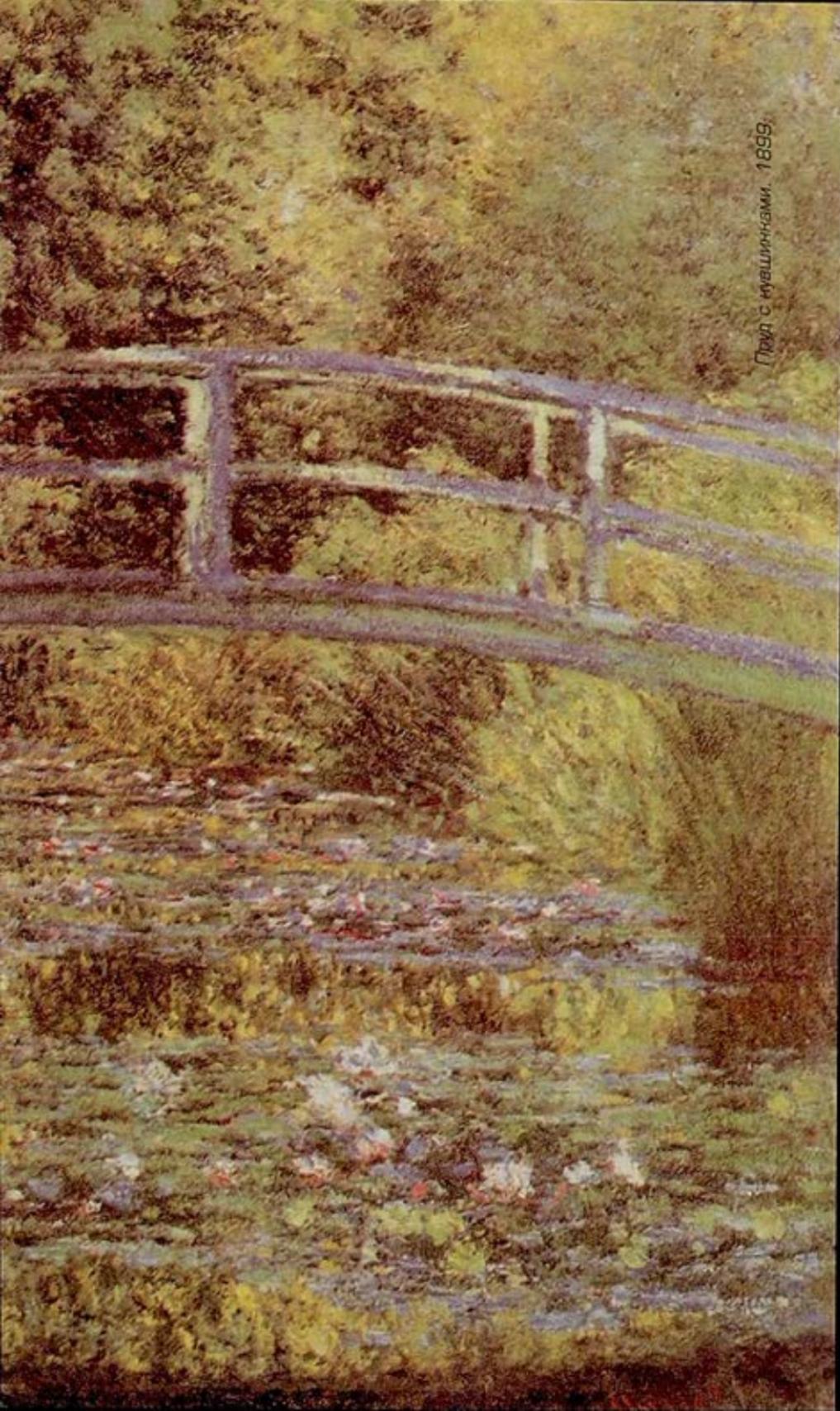
И словно для того, чтобы дать мастеру наконец отдохнуть, его глаза ослепли, и он перестал творить. "Все позади, — печалился Моне. — Я слеп. У меня нет больше никакого стимула жить дальше".

Скончался он через два года, 6 декабря 1926 года, в своем любимом Живерни. Согласно его последней воле, Клода Моне похоронили, как простого крестьянина: отвезли в телеге на ближайшее деревенское кладбище.

■

Пейзаж с кувшинками. 1895.

А было тан. Никому не известный студент третьего курса школы-студии МХАТ со славным мальчишечьим лицом был приглашен на главную роль Саши Номелева в картину Михаила Швейцера "Саша вступает в жизнь". На следующее утро третьекурсник проснулся знаменитым, и для него настал сплошной "Шумный день". И в кино, и в театре.

*Мальчишеское лицо постепенно стало приобретать "товарный вид". Конечно, в строгом соответствии с иерархией: актер, педагог, директор, рентор... А теперь еще и "пастух священных мхатовских коров" — в общем, **Олег Павлович ТАБАКОВ.***

— Знаете, в Японии есть замечательный обычай: если художник меняет манеру, он меняет имя. Конечно, я не тяну на это, но в своей жизни трижды менял представление о себе. Мне предлагали плыть по речке, как глупому бревну, а я говорил: нет, не дождется, я выйду и поволону мое бревно по суше, а потом опять войду в воду и поплыву в другом направлении. Судите сами: я был среди тех пяти, кого позвал под свои знамена Олег Николаевич Ефремов в 56-м, в 70-м я согласился стать директором "Современника", в 76-м ушел из него, а в 86-м все-таки удалось открыть новый театр... А если взглянуть так: я был "успешный" артист, мне надо было думать только об одном — о том, чтобы меня лелеяли-холили. Понимаете? Вот идеал. Однако я все делал "не так". Или не всегда так. Легкомыслия, конечно, во

**Олег
ТАБАКОВ:**

"РЕЖИССЕР. ПРОФЕССИЯ"

мне много, это я скажу вам прямо!..

— Олег Павлович, вы постоянно говорите: русский театр — антерский театр. Вы что, призы-

XXI ВЕКА"

ваете вернуться к театру "дорежиссерскому"?

— Нет, нет. Все не так. Режиссура — это профессия XX века, и нинуда она уже не денется.

Другое дело, что, может быть, она была не всегда серьезна и нравственна... Станиславский создал новую реальность: дал театру XX века первотолчок, пер-

ый импульс. Иногда я думаю, что своей системой он защищался от антерской грубоści, антерской пошлости... Нагромождения, которые превращали его в чудаковатую и нелепую фигуру, язвительно описанную Булгаковым, — именно по этой причине. Он, видимо, иногда испытывал такую боль, что волей-неволей возводил между собой и антерами некие преграды. Между тем система Станиславского — тот золотой запас, который перейдет и в век нынешний, и останется до тех пор, пока человек будет иметь потребность ходить в театр. Я бы сказал, что пророчу ему вечность бытия. В этом смысле возврат к "дорежиссерскому" театру просто невозможен. Как невозможно сноваходить босиком или в домотканой рубахе, "кося" под графа Толстого. Зачем? Режиссура — это важный компонент смысла театра.

— А как вы относитесь к "вспомогательным" театральным дисциплинам? Например, к антропософии, которая в жизни, скажем, Михаила Чехова сыграла роль далеко не "вспомогательную"...

— "Во что веришь, то и есть", — говорил горьковский Лука. Обсуждать антропософию мне не хочется, ибо она давно зачахла, и зачахла оттого, что стала устраивать какие-то "exhibition". Это интимные вещи. Ну как можно рассказывать, например, о любви? По-моему, нельзя, если мы имеем дело, конечно, не с художественной литературой. Что касается Михаила Александровича Чехова, то, считаю, главная его ценность — антерский гений.

И никакой системы, равной или аналогичной системе Станиславского, у него нет. Когда он пытается теоретизировать, то кажется мне очень наивным. Люди же, делающие сегодня из него некую икону, думаю, или не очень образованные, или просто жулиноватые, или сознательно используют Чехова на потребу себе. На мой взгляд, его крошечная книжечка "Путь антера", изданная в двадцатых годах, значительно мощнее и серьезнее, нежели его книга "О технике антера".

— Существует ли для вас проблема патологии антерского самовыражения?

— Это вопрос вида, уровня владения профессией, а в конечном итоге вопрос интеллигентности. Антер только тогда достоин уважения, когда он занимается своим делом. Своим. В противном случае — как и всякий дилетант — либо смешон, либо несологичен. Стало быть, ты чувствуешь стыд, глядя на него.

— Что для вас подлинная антерская импровизация?

— Мера разнообразности в довольно жестком и целесообразном рисунке. Эта мера — мера сегодняшнего состояния твоей психофизики, и очень важно то, что вчера ты делал так, а сегодня — иначе. Это достоинство профессии.

— Как вы считаете, система театрального образования сильно деформировалась?

— Да, недостаточность уровня, несовершенство владения антерской профессией заметны. Говорю об отступлении от тех высоких стандартов, которое, к сожалению, встречается почти повсеместно. Умение уходит в пе-

сон. А ведь русский актер всегда был очень умелым и ухватистым. И даже по-жлобски... Проблема уровня выпускников специалистов перед российскими театральными институтами стоит остро. Количество рабочих мест в театрах сокращается и будет сокращаться. Потому и конкурентоспособность возрастает. В течение долгого времени плохих студентов дотягивали до уровня средних и в этом видели смысл своей педагогической деятельности. В создавшейся ситуации — это порочно. Вопрос отбора, селекции жесткой и жестокой — сегодня вопрос номер один. Мы должны быть уверены, что наш ученик заработает на кусок хлеба...

Для меня важно сохранить преемственность актерского умения. Я, может быть, и ввязался-то в театральное дело только потому, что вину, как умаляется должность актера, сводится к одному из выразительных средств. Занявшись театральной педагогикой, я прежде всего отстаивал и отстаиваю интересы цеха, будем говорить, достоинства моей профессии. И в Европе, и в Америке я вижу многочисленные примеры того, как в педагоги идут неудавшиеся актеры, которые не умеют играть и не способны открывать что-то и в системе, и в себе. А если они не способны открывать и познавать, то результаты сообразны этой неспособности. У меня в этом смысле выгодная позиция: я регулярно преподаю где-то за пределами России: в Европе, в Японии. В Америке, в Кембридже, мы с Александром Поповым основали некоммерческую фир-

му "Рампа", или "Russian-American performance art school", которая прошла полную легитимизацию через министерство юстиции штата. Могут сказать: "Просто вы — способный человек". Нет, дело не в этом. "Испытание на вшивость" пройдено. И по тому, как жадно и серьезно иностранные работодатели планируют мое время, я вижу, что им необходимы наши знания, наше "ноу-хау", которое имеет высокую конкурентоспособность, едва ли не самую высокую в мире.

— Наверное русскому человеку трудно соблюдать строгий иностранный порядок?

— Конечно, в первую неделю экологически свежая еда производит впечатле-

ние, а затем моя неисправимо русская душа начинает мытариться. Но! Я — человек дисциплинированный: много работаю, сплю мало. Конечно, не все иностранные студенты бывают замечательно одарены. Расскажу такой случай. Меня позвали преподавать во Флориду и предложили довольно много денег, вдвое больше, чем обычно. Я удивился: за что? Когда мы приехали на место, то обнаружили коротконо-гих девушек, мечтающих играть Машу Прозорову, Нину Заречную и Раневскую, причем одновременно, — возможно, это были те слова, которые они выучили. После четырех дней занятий я потребовал расторжения договора, и только угроза заплатить большую неустойку остановила меня. Вы знаете, у американцев главная мысль: если я имею деньги и что-то покупаю, то все остальное никакого значения не имеет. После этого случая я решил — довольно, дураков нет, как говорил Том Сойер. Вот тогда и пришла мысль — создать некоммерческую фирму. В результате она стала естественной и органичной частью системы американского театрального образования.

— Олег Павлович, ваши работы в театре и кино просто не перечислишь... А остались ли у вас еще антерские притязания?

— У меня есть несколько ролей, которые хотелось бы реализовать. Это Иудушка Головлев из "Господ Головлевых" Салтыкова-Щедрина, Санчо Панса, старик Ахим из "Власти тьмы", "Ричард III" Шекспира... Весь вопрос в том, насколько совпадут мои планы или, скорее, мои мечты и

планы Театра-студии, или МХАТа, или какого иного театра, потому что я, как уже говорил, человек легкомысленный, и если мне дают возможность сыграть... Конечно, я многое упустил за последние годы как актер. От многое пришлось отказаться. Не успеть просто все сделать. Хотя понимаю и потери свои, понимаю... В форме ли я? Да! Я готов чему-то научиться и надеюсь еще что-то сделать.

— Стало быть, вопрос о преемнике пока закрыли?..

— Как художник я думаю, что шапка Мономаха все же очень тяжела. Тяжела и многотрудна. Есть накие-то дела, которые надо сделать, понимаете? Как говорил товарищ Ленин перед смертью: есть "деишки", надо кое-что "додеять". Я занимаюсь организацией театрального дела с 1974 года и не могу сказать, что нашего полну прибыло. О том, как и куда двигать театр, хотя бы у одного человека должна болеть голова. Постоянно! Пока она болит только у меня.

— В свое время национальную идею Америки выразил кинематограф. Как вы думаете, может ли национальную идею России выразить театр, выполнив тем самым неную объединительную миссию?

— Не думаю. Это вообще не предмет занятий для театра. Объединять страну могут чрезвычайно разнообразные вещи. Америну, например, объединил стыд за Вьетнамскую войну. При том уровне патриотизма и пieteta к флагу он был очень мощным стимулом объединения. Конечно, для определенного поколения... Что такая национальная идея в

России? Мне всегда она кажется на какой-то туманной... (Пауза.) Не в идеях дело! В России все по-другому. Я думаю, что с тем крестом, который был ей дан — в назование ли, во славу ли, Господь ведь тоже выбирает наиболее... любимых, что ли, — Россия свой срок сполна отшагала. Будет ли ее новая национальная идея за- навешена на избранности народа, или на его, народа, терпеливости, не знаю. Не хочу гадать, потому что занятие это вовсе не благодарное. А если говорить о том, как дальше... По сути дела, надо дать людям кусок хлеба и удостовериться в том, что у всех он есть, этот кусок. Вот, на мой взгляд, главная проблема на сегодня. После того можно двигаться и дальше.

— *А нравы как же?*

— Нравы у нас нормальные. Нищему милостыню все равно подают... Я ведь видел в войну... Был конец 42-го, когда по улицам Саратова прогнали первых пленных. И бабушка сказала: "Иди, дай хлеба". Немцам! Другое дело, что это куда-то постоянно загоняется, мы мало думаем о самых основах. То трансцендентность нас занимает, то экзистенциализм, то способность медитировать... Короче говоря, пена. Ведь редко-редко пишут, так сназывать, об основах бытия. О корневой системе человека, о том, откуда он родом, кто он на этой земле — перекати-поле или привязанный к ней и зависимый от нее... Повторяю, всех людей на этой земле нужно избавить от голода, от нищенства, от необходимости значительной части людей жить с протянутой рукой, и в прямом, и в переносном смысле. А

далее все нормально будет. И театр поможет... Только не все театры этим занимаются, многим просто выжить хочется, как и тем нищим с церковной паперти. Вот и получается, что одни театры бедствуют, другие делом занимаются. Все очень разнообразно, мягко говоря.

— *Насколько мне известно, ваша книга "Моя настоящая жизнь", вышедшая в конце прошлого года, выдержала уже второе издание. Удачно то, что, в от-*

личие от других, без "низких истин" вы вполне обошлись...

— Мне они неприятны, правда. Я даже со своими ребятами в театре пытался об этом рассуждать: что движет людьми, когда они пишут ерунду. Думаю, дело все в том, что теми, кто ее пишет, движут элементарные законы торговли. Потому и от ответственности многие себя освобождают. Так что хотя мой душевный стриптиз в этой книге и превышает все санитарные нормы, однако "любовь к отеческим гробам" преобладает. Первоначально она должна была называться "Исповедь счастливого человека", ибо жизнь моя, по Высоцкому, "от зачатия" сложилась счастливо, избавившись от меня не удалось, последние же лет семь я живу, можно сказать, в качестве подарка. Жизнь щедро одаривала меня людьми, их добром, а добро надо помнить и уметь благодарить. Конечно, за мои годы тайн скопилось немало, но, позвольте, у него есть право их открывать? Чтобы не нанести вреда свободе ближнего своего, я, когда писал, не раз говорил себе "нет" и останавливался. В каждом из нас есть остатки совести и еще чего-то...

Век закончился, но итоги его все продолжают подводить. Что вы без сожаления оставляете в прошедшем столетии?

— Театральную дрянь, кабочество, мышиную возню, выяснения, кто главное — режиссер или актеры, нелепость притязаний администраций на принципиальную возможность руководить театрами и наконец совершенно индивидуальные призыва коллег: "Верните нам заботу о нас!" Я не

думаю, что это выход из ситуации, в которой мы оказались, но до тех пор, пока сами не научимся отвечать за себя, надеяться на что-либо не приходится.

— Вам никогда не хотелось податься в большую власть?

— Я отказывался быть депутатом еще союзного парламента. А в российский парламент меня когда-то выдвигали работницы центрального почтамта. Они вообще не представляли себе другого депутата, кроме "Олега Павловича, который играет кота Матроскина". Я как-то вовремя сообразил, что заниматься этим мне не надо. Однажды, когда я был еще совсем молодым, один знаменитый киноактер позволил себе несколько больше, чем ему можно было бы позволить. И его били. И когда он уже лежал на полу, то кричал: "Только не по лицу! Я работаю лицом!"

— Вы любите повторять, что вы, хоть и живете в Москве, но все же остаетесь провинциалом, "провинциалом с трезвым знанием жизни"...

— В этом немножко искривления, немножко правды, немножко желания уйти от словоблудия... А может быть, система самозащиты. Какой же я провинциал? Провинциал в смысле здоровья. Душевного. Самое важное для меня, что я люблю и ненавижу тоже, что и, снарядил, пятьдесят лет назад — так уж сложилась жизнь моя, что правду о чудовищном обществе тоталитаризма, в котором я жил и жила моя страна, я узнал в четырнадцать лет.

— Ну а если бы начать жизнь сначала...

— Я ничего бы не менял... Не только победы были, я и ошибки

совершал, но ни от одной из них отказываться не собираюсь... Предательство бывало. Поражений, пожалуй, не было. Я такой избалованный судьбой человек, что поражений, пожалуй, не терпел. Хотя бывали плохо сыгранные роли, но мне почему-то все равно дули в уши... Уверяю, в тот момент, когда я стану неинтересен, может быть, и как Хемингуэй поступлю... Хотя... сейчас мой маленький сын Пашка — реальный катализатор моей жизненной активности!

— Но мхатовская власть, зачем она-то вам?.. Мало театра на Чаплыгина?

— Если бы у меня было ощущение чрезвычайности ситуации, я бы во МХАТ не пошел ни в коем случае. У меня все есть, и те-

атральное дело налажено. По крайней мере последние работы "подвала" свидетельствуют о его здоровье. Но посмотрите, как мало во МХАТе спектаклей, собирающих полный зал. Это главная проблема. Человек я честолюбивый, потому — неужели вы думаете, что за МХАТ взялся, чтобы потерпеть поражение?! Буду побеждать. Не сразу, конечно. Поскольку меня позвали не на царство, то накое-то время буду себя ощущать человеком из ведомства Сергея Шойгу, но, поговорьте, я заинтересован в самом деле, ибо самое мое хорошее — перенижания и актерские, и зрительские — эти странные зоны молчания — были именно в театре.

Беседовал Олег ДУЛЕНИН.

Леонид ЛЕРНЕР

Чудо большого города

В круглом стадионном зале на кафедре лесоводства, геологии и охраны природы Тимирязевской сельскохозяйственной академии я увидел необыкновенную библиотеку. Тяжелые тома стояли на стеллажах, поражая воображение дивными переплетами. Присмотревшись внимательнее, обнаружил, что все без исключения "книги" — деревянные. То были срезы различных пород деревьев; кора их напоминала корешки древних книг.

Почти все древесное богатство мира собралось на этих полках. А добрая часть "томов" поступила сюда из леса, который находится прямо на территории Москвы и известен под именем лесной опытной Дачи. Питомники Дачи слушают источником озеленения столицы. Такой лес — чудо в большом городе. С ним, по мнению отечественных и зарубежных ученых, не идут в срав-

нение даже такие всемирно известные зеленые массивы, как лондонский Гайд-парк и Булонский лес в Париже, ибо в отличие от этих своих собратьев, не устоявших перед городской цивилизацией, впустивших под свою сень и народные гуляния, и аттракционы, и конные игры, и теннисные корты, — московская лесная Дача по-прежнему является собой истинно природную благодать.

Тайга под балконом

Василий Александрович Мотовин — лесник по призванию, хотя не один десяток лет отдал плотницкому делу. До войны рубил избы на Вологодчине, а после Победы строил дома в Москве. В Москве же и произошло с ним то, о чем он, наверное, мечтал всегда, но что по законам бытия должно было произойти не в большом городе, а в

родной деревне, где лес начинался прямо за порогом избы. Короче: на семидесятом году жизни Мотавнин стал московским лесником.

С балкона десятого этажа, где живет Василий Александрович, могучий лес наносится таежным островом, заброшенным в море железобетона. Город наступает на него со всех сторон, обхватив тесным кольцом асфальта. Трудно даже представить, что когда-то

лес рос здесь свободно и буйно, укрывая могучим шатром пригородные поместья и деревни...

Этот "остров" и есть опытная лесная Дача. Здесь, наперекор цивилизации, растут вековые дубы, сосны и лиственницы, тенут мелкие речушки, ползают ежи и кроты, прыгают белки, шевелятся муравейники, пахнет грибами и малиной. И лишь немногие знают, как сумел выжить этот заповедный угол-

лон, пронизываемый смогом, оглушенный ревом несущихся мимо поездов и машин, наводняемый, вопреки всем охранным заповедям, тысячами местных жителей, и все теснее сжимаемый стенами рвущихся к небу зданий.

Оторвавшись от родных мест, Мотовкин жив воспоминаниями о лесном крае. Однажды в выходной, гуляя по Москве, набрел на лесную опытную Дачу и, потрясенный, ре-

шил во что бы то ни стало перебраться к ней поближе. Перебрался. И, став соседом Дачи, воспринял обиды, чинимые ей городом, как свои собственные. Явился в лесную контору. Тут требовались лесники, умеющие плотничать. Измученные бесконечным людским нашествием, руководители заповедника решили надежно огородить лес. Так Василий Александрович на склоне лет занялся охраной природы — делом, важнее которого, по мнению бывшего плотника, нет ничего на свете.

Теперь ему за восемьдесят и он уже не работает на лесной Даче, но вовсе не потому, что стар — упразднена из-за вынужденной экономии его должность. И теперь Мотовкин охраняет лес, так сказать, на общественных началах. Я подружился с Василием Александровичем и нередко отправляюсь с ним гулять по заповедным тропам, что на языке лесников значит — ходить в обход.

Родословная

Родословная Дачи такова. Когдато здесь располагалось имение Петра Первого. Затем оно перешло к графу Разумовскому. А в XIX веке его приобрел богатый московский аптекарь Шульц, который три десятка лет хищнически эксплуатировал здешние леса. В 1861 году министерство государственных имуществ отнутило у Шульца имение за 250 тысяч рублей для устройства в нем Петровской землемельческой (ныне Тимирязевской сельскохозяйственной) академии. Близ нее поселился известный исследователь русских лесов Варгас-де-Бедемар. Запущенные перелески, прогалины, березки да осинки — вот что представляла собой

тогда будущая Дача. Варгаз-де-Бедемар первым обратил внимание на состояние Дачи и сформулировал правила ведения здешнего лесного хозяйства. Он писал, в частности, что надо заменить расстроенные и худосочные древостоя ценными и продуктивными. "Цель устройства Петровской Дачи, — читают в Таксационной книге, составленной в 1863 году, — состоит в том, чтобы привести ее в такое состояние, при котором она смогла бы всегда служить образцом рациональных приложений начин лесоводства..."

На стенах директорского кабинета висят портреты крупнейших ученых — основателей и руководителей Дачи. Собичевский, Графф, Турский, Несторов, Эйтинген, Тимофеев, Васильев. Они и превратили московскую лесную лабораторию в центр отечественного лесоводства.

Помню, профессор Николай Григорьевич Васильев (уроженец Сибири, исходивший тайгу от Урала до Приморья), принявший кафедру лесоводства Тимирязевки и, соответственно, Дачу перед самой "перестройкой", знакомя меня со своим хозяйством, неожиданно спросил: "Вы бывали в Елабуге? Там никогда не росли сосновые леса, воспетые Шишеним. Нынче многие из тех лесов повырублены. А все же знаменитая пермская сосна сохранилась. Только не под Елабугой, а в десятом квартале нашей Дачи. Пойдете в обход, обратите внимание на "сосны Турского" — весьма приметные деревья".

Воспетая Шишеним

Я иду с Мотовилиным по лесной просеке и всем телом ощущаю,

как в меня входят тишина и прохлада.

— Хочешь взглянуть на Петровскую дубраву?

Сворачиваем на узкую тропинку, уходящую в сумрак тесно стоящих деревьев. Осторожно отводя руками высокие папоротники, выходим на поляну, вокруг которой стоят норяевые дубы-великаны. Мощные стволы в три-четыре обхвата будто навсегда вросли в землю.

— По преданию, дубы эти сажал еще сам Петр, — говорит лесник. — Им уже лет под триста.

Петровская дубрава, быть может, единственное в облике Дачи, что осталось неизменным со дня ее основания. Вот характеристика этого леса, данная таксаторами в 1863 году: "В Петровской Даче произрастают сосна, береза, осина, дуб и ель, изредка встречается клен, козья ива, белая ольха, а также липа, растущая в виде подлеска..." По сути дела, эта характеристика подошла бы и сегодня для любого русско-европейского леса. Но для опытной лесной Дачи она явно устарела. Изреженный дубняк — излюбленное место прогулок светской московской публики, упомянутый в первой таксационной книге, давно исчез, и теперь здесь стоят плотные аллеи красных и пирамидальных дубов. Чахлый осинник сменила лиственница — русская, польская, сибирская... Клены редких видов встречаются на каждом шагу, а липа, бывшая никогда подлеском, захватила почти целый квартал. Что касается сосны, которой старинные таксаторы сулили большое будущее ("здешний суглиновок для нее особенно удобен"), то она стала настоящей царицей московского заповедника: с десятком ее видов занимают "верх-

ние этажи" всех тринадцати кварталов Дачи.

Зачарованный, стою возле настоящей корабельной рощи — "сосен Турского", так окрестили пермскую сосну, высаженную здесь в 1891 году тогдашним директором Дачи профессором Митрофаном Кузьмичом Турским. И вспоминаю любопытную историю, которую мне поведал Васильев. Семена этой сосны, присланые из Пермской губернии, оказывается, были посажены не только в Москве, но и в Польше, и под Тифлисом. А спустя сто лет на Дачу приехали польские лесоводы, и велико же было их изумление, когда они увидели здесь пермскую сосну того же возраста, что и под Варшавой.

Ловушки для ворон

У входа в один из кварталов вижу табличку: "Пробные площади". Здесь экспериментировал профессор Владимир Петрович Тимофеев, который работал и жил прямо на Даче. Он умер двадцать лет назад, но опыты, начатые им, продолжаются.

— Обрати внимание, — поясняет Мотовинин, — деревья тут растут парами: лиственница с елью, сосна с ливой, тополь с березой... При умелом сочетании пород деревья, как братья и сестры, помогают друг другу расти.

Он умолкает, заметив пень с опятами. По грибам прошлась чья-то торопливая рука.

— Вот, не успели появиться — уже обобрали, — хмурится Василий Александрович. — Никак не доходит: в заповеднике ничего не трогать нельзя. Нак-то встретил тут грибника, так он мне говорит: "Жалко тебе, что ли, грибов? Пропадут — никому не достанутся". Да

ведь в природе ничего не пропадает. А грибы, заметь, еще и норы деревьев укрепляют.

В лесу зияла широченная тропа, набитая тысячами прошедших ног.

— Топчут лес. Вот одна из причин сухостоя. Земля прессуется, норы деревьев нечем дышать, они рвутся наружу, оголяются — тут дерево и вовсе пропало.

Он вынимает из-за пояса маленький острый топорик и обрубает сучья у поваленной пихты. Складывает их в кучу, приговаривая:

— Даже мы, лесники, ходим только по просекам. А в самую гущу заходим лишь по делу: замариновать больное дерево, вырубить сухостой, вывезти ветровал. Бывают ведь и критические ситуации: весной 1984-го, летом 1998-го над Дачей пронеслись настоящие ураганы, ветер повалил сотни деревьев.

Вскоре выходим к маленькому озерцу, заросшему осоной. Над тихой водой клонятся ивы, из зеленой ряски выглядывают головки кувшинок. В прибрежных кустах перекликаются певчие дрозды. Это Оленье озеро. Название пришло из легенды, согласно которой царь Алексей Михайлович убил в этом месте оленя. Олени, волки, даже медведи водились здесь вплоть до середины XIX века, но в конце концов не выдержали соседства с растущим городом. А вот птицы остались, размножившись необычайно.

Известный орнитолог, кандидат биологических наук Евгений Равинин, проводивший на Даче наблюдения, подсчитал, что тут гнездится около 75 видов птиц, а по количеству их больше, чем в любом подмосковном лесу. Большая и ма-

А. Н. Поляков, Старший научный сотрудник кафедры лесоводства.

лая синицы, дрозды — певчие и рябинники, пеночки, зарянки, слави-ни-черноголовки... Все эти трунен-ницы и певуны да еще перелетные птицы, которые используют Дачу как место отдыха во время весен-него лета с юга на север, приносят огромную пользу лесу. Но и тут сказывается негативное влияние горо-да: лесные птицы то и дело подвер-гаются налетам серых городских ворон. Решено поставить на Даче специальные ловушки для отлова этих разбойниц.

"Удовольствие владеть лесом"

На изгибе Жабинки, полузысохшей речушки, струящейся через всю Дачу к Тимирязевским прудам, встречаем гидрологов. Отдыхают у родника. Сегодня они обследовали Жабинку и Синичку: устья речек обрезаны железной дорогой, верховья застроены жильем. Удивляются, как эти речки еще дышат. А вода уже заражена городскими стоками. Достают из полевой сумки гидрологическую карту Дачи. Констатируют: за последние полвека из-за дорожных и городских работ уровень территории лесной опытной Дачи сильно понизился по сравнению с уровнем города. В результате сюда устремились городские стоки. Если так будет продолжаться и дальше, заповеднику угрожает серьезнейшая опасность.

— А что можно предпринять? — интересуюсь я.

— Во-первых, срочно начать строительство специального водостока. Во-вторых, полностью обновить старый дренаж. Это даст лесу свежее дыхание, остановит развитие болот.

Но я уже знаю, что такие элементарные проекты осуществить не так-то просто. Заведующий лесной лабораторией Дачи Олег Савельев рассказывал мне, что сталкивался с чиновниками, на самом деле утверждавшими, будто Дача мешает интенсивному развитию города. С таким же успехом можно утверждать, будто речи, гибнущие от ядовитых промышленных сбросов, мешают работе заводов и фабрик. "Порча и уничтожение природы человеком составляет самое труднопреодолимое явление, действие которого все время усиливается", — писал

еще в 30-е годы прошлого века профессор Эйтинген. Поводом к этому, теперь уже не новому выводу, послужили постоянные наблюдения ученых за влиянием на Дачу Виндавской (ныне Рижской) железной дороги, участок которой пролег рядом с Дачей. Эти наблюдения посеяли тревогу: среди деревьев, растущих рядом с железнодорожным полотном, увеличилось количество сухостоя, значительно раньше природных сроков стала опадать листва. Но ведь то было лишь начало... Спустя еще два-три десятка лет Дачу стал душить асфальт, по которому помчались тысячи автомобилей.

250 гектаров... Конечно, это капля в море Москвы, небольшой участок земли, территория одного микрорайона. Но 250 гектаров леса, равного которому нет ни в одном городе мира, — это наша общая гордость, бесценное наследие. Главное достоинство опытной лесной Дачи заключается в ее непрекращающей роли как научного объекта, где были заложены первые в России долгосрочные лесоводческие эксперименты. Здесь собран бесценный генетический фонд. Акклиматизированы и изучены около 140 пород деревьев и кустарников. Продолжаются классические опыты, рассчитанные на десятилетия вперед. Эти исследования включены в международные биологические программы, в том числе в программу ЮНЕСКО "Человек и биосфера". В 1865 году, в первый отчет об организации лесной опытной Дачи были вписаны такие сокровенные слова: "Удовольствие владеть лесом обходится всегда дорого. Но цель этого мероприятия, как государственного, стоит выше коммерческих интересов".

Вместо эпилога

— Я бы даже сказал, неизмеримо выше, — говорит профессор Васильев. (К сожалению, это было последнее его интервью — спустя несколько дней давно уже болевший профессор умер — Л.Л.) — Ведь нынче, как никогда остро, перед нами встают заботы о здоровье большого города. Зеленый массив Дачи — это не только научная лаборатория. Наш заповедник — это своего рода генератор, дающий городу полмиллиарда(!) кубометров кислорода в год.

Он же сообщает мне удивительный парадокс.

— Да будет вам известно, что в научном отношении сибирские и дальневосточные леса, в которых я провел половину жизни, сегодня изучены гораздо лучше и глубже, чем леса коренной Руси: псковские и новгородские, тверские и смоленские, налужские и брянские... Причина, надеюсь, ясна. В связи с открытием новых месторождений и гигантским развитием производительных сил Сибири все главные научные силы были брошены на Восток. Конечно, этому способствовал особый интерес ученых к флоре и фауне тайги, ее экзотике. Но, кажется, настало время вернуться назад, чтобы в плотную заняться восстановлением и сохранением русско-европейского леса.

Приехав в Москву из Уссурийской тайги, Васильев несколько лет провел в экспедициях, изучая здешние леса. Его поразила их запущенность и расстроенность. Конечно, во многом тут была виновата война, которая пожарами прошлась по зеленым рекам России. Сотни тысяч пуль и осколков до сих пор еще сидят в израненных

деревьях, заставляя их умирать медленной смертью. Во многих лесных областях лучшие породы были вырублены захватчиками.

— Да, война — страшное бедствие не только для человека, — тихо произносит ученый. — Странно, что мы порой забываем об этом. И вот, залечивая раны, нанесенные стране огненным лихолетьем, восстанавливая испепеленные села и города, мы, к сожалению, мало думали о наших лесах. Тех самых лесах, которые помогали защищаться, выжить и победить. А потом и строиться.

— Вероятно, еще не поздно вспомнить о своем долге?

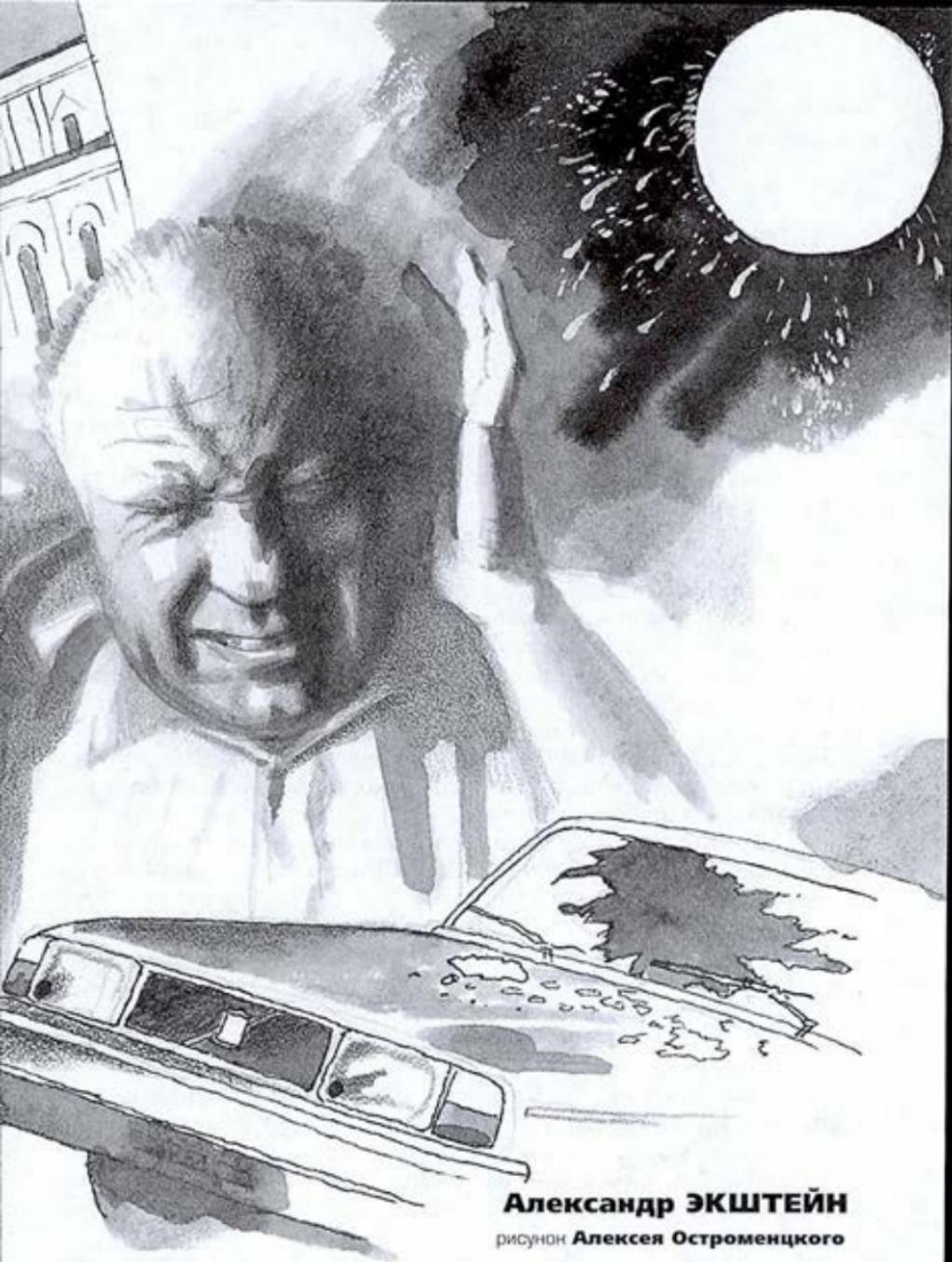
— Нет, не поздно. Но, чтобы вернуть этим лесам былую силу и красоту, понадобится не одно десятилетие. Огромные надежды мы возлагаем на лесную опытную Дачу. Ведь именно здесь многие исчезнувшие породы деревьев обрели, можно сказать, вторую жизнь. Взять хотя бы лиственницу: ее почти не осталось в русских лесах. А нынче, благодаря нашему питомнику, только в Московской области она растет уже на ста тысячах гектаров.

Я иду по лесному заповеднику, вокруг которого стеной высится город. Помнят ли сегодня москвичи, как защищали свой лес в незабываемом 41-м, окружив его противотанковыми рвами и дотами?.. В тот год на Дачу былоброшено 25 фугасов и 116 зажигательных бомб, но и тут москвичи уберегли свое чудо: представьте, каково было тушить пожары в таком лесу! Переносила Дача и страшные засухи, и шквалиные ураганы. Но выстояла, выжила.

Что ждет ее завтра?.. ■

Лунные

Александр ЭКШТЕЙН

рисунок Алексея Остроменцкого

бабочки

Книга первая*. Вторжение Пролог

Мало того, что после московских курсов повышения квалификации, заключающихся в работе помощника официанта в ресторане "Первая скрипка", Игорь Баркалов стал капитаном и старшим инспектором уголовного розыска, так его еще и назначили руководителем следственного отдела первого отделения милиции, которое находилось в самом центре Таганрога и ничем, кроме цифры, не отличалось от третьего отделения милиции городского района "Касперовка".

— Я на тебя надеюсь, — сказал ему перед назначением полковник Самсонов. — В этом районе полно карманников и прочей, посягающей на репутацию города, сволочи. Рецидивистов мало, но правонарушений, как ни странно, от этого не меньше.

Иgorь промолчал. И ему, и Самсонову, и любому оперативнику хорошо известно, что ранее судимые — это не самый сложный случай. Из десяти освобождающихся из мест лишения свободы — семь состоят на связи с оперативниками уголовного розыска. Это и хорошо и плохо, но больше хорошо, хотя в итоге все равно плохо. Гораздо сложнее, особенно в последние годы, работать с несудимыми. Они всегда непредсказуемы. Преступный мир, рождающий двадцать первым веком, стал изощренным, образованным и организованным.

— Карманники и хулиганы, склонные к мордобою, грабежу и изнасилованиям, — заметил Игорь Баркалов, — являются визитной карточкой нашего города...

— Что ты мелешь? — перебил его Самсонов. — Визитной карточкой города является море, театр Чехова, заводы, пароходы, Петр Первый, акации и...

— Слава Савоев, — вставил реплику Игорь Баркалов и, осторожно поглядев в сторону Самсонова, добавил: — И вообще красивый город.

— Слава Савоев, — Самсонов с тоской посмотрел в потолок, — это не визитная карточка, это твой друг и мой подчиненный, а если будешь продолжать ехидничать, то вместо руководства оперативным отделом займешься входящими и исходящими бумагами управления, там капитана смосковленного очень даже не хватает.

На этих словах в кабинет заглянула секретарь, голова в кабинете, а все остальное, вызывающее уважительное внимание у многих мужчин, осталось в приемной:

— Возьмите трубочку, Семен Иосифович, это Рокотов.

— Самсонов слушает.

* Первая трилогия А. Экштейна "Люди Полной Луны" опубликовалась в "Смене" в № 12-99 г., № 8,12-2000 г., № 1-2001 г.

Судя по тому как менялось лицо полковника в ходе общения с трубкой, подсоединенной к мэру, можно было догадаться о его возрастающей зависти к глухим.

— Да вы что, — фальшиво изумился он, — не может быть!

Игорь Баркалов тоже почему-то напрягся и стал внимательно прислушиваться.

— Шесть автомобилей? — равнодушно удивился Самсонов. — Но он же все-таки обезвредил преступника с оружием, и вообще, у нас специфика работы такая. — Он нахмурился и, взяв ручку, сказал собеседнику: — Значит, говорите, витрину ресторана "Таганрог" в одноименной гостинице и второй вагон трамвая? — Лицо Самсонова неожиданно посветлело. — Пострадавших нет, хорошо, и... — Он вскинул брови в неподдельном изумлении. — Сейчас на заводской трубе завода "Красный Колтышчик" занимается рукоприкладством на верхней площадке? Еду, еду, конечно. — Самсонов положил трубку и мрачно посмотрел на Игоря.

— Кто? — Уже давно все понял Игорь Баркалов.

— Слава Савоев, — обреченно вздохнул Самсонов и, покосившись на свои погоны, уточнил: — Визитная карточка.

Глава первая

1

Легкая стервозность Лидии Моисеевны Глебовой воспринималась окружающими ее поклонниками мужского пола, как нежная и многообещающая сексапильность. Видеть в женщине прекрасное даже в том, что со временем будет приводить в бешенство, беда всех мужчин.

Раннее, солнечное и теплое майское утро мчалось навстречу Лидии Глебовой свежими и радостными потоками. В шесть часов утра она каталась на спортивном велосипеде "Трик" вокруг большого поля стадиона "Авангард". Стадион влажил жалкое существование в окружении продуктово-вещевого рынка с одной стороны и трамвайно-автомобильной дороги на фоне пригородного вокзала с другой.

Лидии Моисеевне Глебовой было двадцать лет. Красивые ноги и прекрасное лицо, а все остальное скрыто под белыми шортами и майкой фирмы "Рибок". Судя по притягивающему взоры натяжению шорт, меланхолично покачивающихся влево-вправо на сиденье велосипеда, под ними тоже все было значительным и прекрасным.

"Чудесная девушка Лида" делала круги вокруг стадиона и улыбалась собственным мыслям. На ее стороне была видимая молодость, красота и майское утро, демонстративно пронизанное солнцем, на ее стороне была кипучая многолюдность наполняющегося торговцами и покупателями рынка, а против был лишь один ничем не выделяющийся человек в сером пиджаке и мятых брюках.

2

Наполненные оптимизмом мелодии дня добродушно перетекали в слегка печальное звучание вечера, но Катя Воскобойникова воспринимала это как разминочную гамму грядущего завтра рассвета. Любовь, самая распространенная форма идиотизма, овладела ею. Пульс любви она ощущала даже в кончиках пальцев и мочках ушей, не говоря уже о других, более приспособленных для этого частях тела. Катя всей трепетной сутью семнадцатилетней непуганности была готова к любому, даже самому беспросветному, счастью. Вокруг нее клубился май, цвели каштаны и звучала музыка, комковато выливающаяся из открытой форточки жилого пятиэтажного дома. Она стояла возле здания металлургического колледжа и возбужденно смотрела в сторону магазина "Мелодия". Катя ждала Василия Лаптева и слегка вздрогивала от захлестывающей ее нежности. Любовь семнадцатилетних, если ее отобразить в неприхотливой метафоре, это нечто среднее между необъезженной юной кобылой и окончательной уверенностью психиатра в заболевании своего пациента. Василий Лаптев был настоящим красавцем: нос, губы, ленивая походка мальчика-любимчика, дорогая одежда и томный взгляд для заманивания девочек. Типичный провинциальный плейбой. Катя так страстно и трепетно ждала его, что, конечно же, не могла заметить, как пристально с другой стороны улицы смотрел на нее мужчина в сером пиджаке и мятых брюках. У мужчины было блеклое, невыразительное лицо жителя окраин и странные, напоминающие вдохновение, аристократические руки...

3

— Смысловое значение жизни заключено в смерти, — произнес Анастас Ильин и, внимательно глядя в глаза Славы Савоева, уточнил: — Какого хрена вам от меня надо?

Анастас Ильин, известный по кличке "Стасик", был задержан по обвинению в убийстве Анатолия Лысова, "Лысого", во время драки на квартире у Валентины Карповой, более известной по кличке "Акула".

— А ты по дыне не хочешь, — возмутился Слава Савоев, — философ недоделанный? — Слава вытащил из ящика стола резиновую дубинку и, приподнявшись, огрел ею Ильина по спине, оправдывая свой поступок неоспоримой фразой: — Убивать людей нельзя категорически.

— Больно! — взвизгнул Анастас Ильин, выгибая спину. — Я же все как на духу рассказал, написал и подписал добровольно.

— Да ты что? — Сняв трубку телефона, Слава соединился с Басенком. — Степан, Ильин у тебя с чистосердечным проходит? — Выслушав Степу, он удивленно добавил: — Тогда зачем я его тут бью как собаку, все ребра и зубы повыбивал и стул о голову разбил?

— Но, но! — предостерег его на всякий случай Стасик и крикнул в сторону телефона: — Командир, возвращайся скорее!

Степа Басенок попросил Славу "побеседовать минутку с этим дебилом", пока он, "срочно надо встретиться с агентом", не вернется.

— Ну ладно, ладно, — добродушно успокоил Стасика Слава Савоев, пряча в стол дубинку. — Я же не знал, что ты хороший парень. — Он вытащил из ящика Степиного стола пачку сигарет "Ростов" и протянул их Стасику: — Откупные. — Затем порылся во втором ящике и достал зажигалку. — А это наградные за чистосердечное признание, которое, если честно сказать, никому и даром не надо...

Слава Савоев был прав. Стасика взяли на квартире Акулы возле трупа Анатолия Лысова. Он держался за рукоятку ножа, пятисанитметровое лезвие которого было полностью погружено в левую ягодицу визжащей от ужаса Валентины Карповой.

— Не скажите, — не согласился с ним Стасик, прикуривая сигарету. — Соблюдение формальностей дело серьезное. Доказательная база следствия должна быть солидной. — Он с удивлением посмотрел на сигарету и торопливо затянулся ею три раза подряд во всю силу легких. — Обалденно! Ну ты даешь, начальник.

— Дай сюда, зараза оскотиневшая! — Слава быстро вскочил и стал выдирать из кармана Стасика пачку "Ростова", а тот, не обращая на это внимания, в две затяжки вобрал в себя все КПД сигареты до самого фильтра.

— Верни хотя бы зажигалку, командир. — Стасик едва двигал сухими губами. — Верни огонь моему карману...

— Не понял! — Зашедший в кабинет Степа Басенок принюхался, подошел к ящику стола и, потеснив Савоева, выдвинул его. — Теперь понял. — Он с интересом посмотрел на Стасика. — Ну и как?

— Как на ковре-самолете, — выдохнул из себя восхищение полностью одебилившийся Стасик.

Степа открыл сейф и положил туда улику, кляня себя за лень. Пачка "Ростова", сигареты которой были набиты азиатской коноплей, принадлежала уже арестованному и осужденному на пять лет наркоману-домашнику "Дустику". Степа как бросил изъятую улику в ящик стола, так в течение полугода ежедневно собирался ее уничтожить.

— В принципе, — воздел палец к потолку Анастас Ильин, — Лысого я завалил по пьяни и без вдохновения, а вот студента-красавчика убил в бою, силен был, подонок.

— Да ты что?! — восхитились в один голос Степа и Слава, "с уважением" глядя на вдохновившегося Ильина. Степа даже встал, достал из сейфа злосчастный "Ростов" и подвинул по столу Стасику, а Слава с видом корреспондента столичной газеты сунул под нос "улетевшего в космос" идиота диктофон: — Будь

другом, Анастас, расскажи нам все в деталях и медленно, неужели в бою ты его, гада, урлы?

4

На факультете иностранных языков таганрогского пединститута, где училась Катя Воскобойникова, Василий Лаптев считался самым красивым юношей. Катя была трезвомыслящей девочкой и понимала, что Василия Лаптева нельзя привязать к себе навечно, да эту задачу она и не ставила перед собою в семнадцать лет. Она просто решила сделать его своим первым мужчиной, отдать ему самое дорогое, отдать во что бы то ни стало...

Первый мужчина — это серьезно и в какой-то мере загадочно. Мало кто знает, что, расставаясь с девственностью по любви, женщина на всю жизнь обречена принадлежать первому мужчине. Она этого может не понимать, но сколько бы и от скольких бы мужчин у нее в дальнейшем ни было детей, все они будут обладать характерными чертами первого любимого.

В этот вечер Катя не дождалась Василия Лаптева. Да и вообще с этого вечера всякое ожидание Васи Лаптева теряло смысл. Его убили в трех метрах от памятника Петру Первому, и, как утверждали свидетели, он первым ударил в лицо выпившего мужчину, более того, не остановился на достигнутом, продолжал бить и, сбив с ног, пинал ногами, пока мужчина не отскочил, вытащил нож и воткнул его несколько раз в юное тело прекрасного хулигана.

— Я не хотел его убивать, — пытался оправдаться Стасик, — попугать только.

— Ага, — согласно кивнул Степа Басенок. — Ты ему почку и печень насеквозд пробил и весь кишечник искромсал своей железкой.

— Да ладно тебе, — заступился за Стасика довольный Слава Савоев, — не цепляйся к парню.

— Да я так, — Степа похлопал Стасика по плечу, — пошутил слегка.

Оперативники доброжелательно глядели на Стасика, начавшего по мере ослабления действия конопли осознавать, что он сам себе “накайфовал” двадцать лет лишения свободы в лучшем случае или пожизненное в худшем. Доброжелательность оперативников можно было понять. Убийство студента всколыхнуло город и вызвало недовольное ворчание начальства из Ростова-на-Дону. И вот, пожалуйста, не прошло и двух суток, как они раскрыли не одно, а целых два убийства. Хотя, по большому счету, за убийство Лысого и поврежденную ягодицу Акулы они могли бы выпустить Стасика и под подписку о невыезде до суда.

5

— Значит, ты, мерин, — Слава Савоев с укоризной посмотрел на замордованного сутенёрским бизнесом Рогоняна, — утвер-

---

ждаешь, что интересы вашей кадровой политики совпадали с интересами человека, о котором ты сейчас говоришь?

— Метис я, а не мерин, — гордо вскинул голову Роберт. — Сколько можно путать понятия?

Роберт Рогонян только что пришел на встречу с оперативником и дал ему важную информацию по делу о таинственной пропаже трех молодых женщин. Это дело обрушилось на УВД города как снег на голову. Первой пропала Лариса Мокшина, ранее отбывавшая срок за мошенничество, двадцатичетырехлетняя демонстративная красавица с характерными для женщин этого вида представлениями о роли мужчины на земле, по кличке "Куница". "Братья" Рогоняны пытались уговорить Мокшину возглавить вместе с ними сутенерский бизнес. Они понимали, что ее знание предмета, стервозная красота и тяга к авантюре помогут им увеличить на порядок прибыль и вывести дело на областной уровень...

— Вы какие-то дурные, — сообщила "братьям" Лариса Мокшина, выслушав предложение. — Таганрог не то место, где можно заниматься сутенерством. Это не Москва и не Сочи, вам менты не дадут развернуться никогда, будете всю жизнь в стойле копейки жевать и стучать для них, это раз. Во-вторых, у меня другие планы, я хочу быть богатой, свободной и защищенной, а это означает, что вы ко мне ближе чем на километр подходить не должны, иначе, а это уже в-третьих, я сделаю так, что вам руки-ноги поотрывают.

Роберт и Олег, конечно же, не стали настаивать, Куница была в авторитете, и ее слово кое-что значило в уголовной среде города, но последить за нею "братья" все-таки решили. Им показалось, что Мокшина хочет самостоятельно заняться сутенерством и оттеснить их на обочину жизни.

— ...И вот этот Сирано де Бержерак в карикатурном исполнении, — Слава Савоев еще раз посмотрел на сделанный Робертом из засады слегка смазанный фотоснимок, — украл нашу Мокшину.

Первой хватились именно Куницу, она была подозреваемой в краже денег у Рокецкого Федора Ивановича и находилась под следствием с подпиской о невыезде.

— Да, — кивнул головой Роберт, — он ее два дня пас. Мы вначале не обратили на него внимания, а когда поняли что к чему, было уже поздно. Два амбала в белых халатах ее за руки-ноги подняли, скотчем рот заклеили, сунули в "скорую" и укатили, а этот носатый впереди, возле водителя сидел. Сегодня утром наши информаторы сказали, что видели похожего на него человека и возле Воскобойниковой, и возле Глебовой. Мы за этими девочками тоже наблюдали, особенно за Глебовой, у нее уникальные данные для работы Клеопатрой по вызову в особо представительских случаях. Ну, и всех девушек похитили. Вас в городе не было, вы отгулы взяли и уе-

---

хали куда-то на сутки, а к другим я не имею права на связь выходить.

— Убить бы вас обоих, — вслух помечтал Слава Савоев, — но вы этого еще не заслужили. — Он поднялся, пожал Роберту руку и сказал: — Уголовное дело на твоих девочек-медичек я заводить не стану в этот раз, завтра выйдут из КПЗ, но если еще раз пойдут жалобы на мелкие кражи из квартир клиентов, то ты сам на нарах окажешься.

“Братья” придумали новый вид интимной услуги, которая пользовалась бешеным успехом среди богатых и стареющих мужчин города и которую почти мгновенно стали применять столичные сутенеры. Девочки приезжали к клиенту под видом врача и медсестры “скорой помощи”, мерили температуру, давление, массажировали все подряд, способствуя жизненному тонусу. Вызов “скорой помощи” стоил 300 у/е в час и 800 у/е за ночь.

6

Лариса Мокшина, в отличие от Лидии Глебовой и Кати Воскобойниковой, была жгучей, стройной и опытной брюнеткой с задатками роковой женщины, неохотно завоевавшей титул “Мисс Мира” после пяти лет занятий проституцией и отбывания трехгодичного заключения в колонии общего режима за воровство и мошенничество. И на самом деле, все, исключая титул “Мисс Мира”, имело прямое отношение к внешности и биографии двадцатичетырехлетней Ларисы Семеновны Мокшиной.

После того, как ее три года назад остановил уголовный розыск в лице Игоря Баркалова и Степы Басенка, отправив за воровство и мошенничество в колонию общего режима, она стала скучнее в желаниях. Хотя выглядела так, будто все эти годы провела на курортах Мраморного и Средиземного морей. Это внешне, внутри же в Ларисе бушевали фурии мести. “Гады, — осаждали Ларису мысли, — я вас всех...” Проходивший в этот момент мимо нее преподаватель судомеханического колледжа Рокецкий Федор Иванович приостановился и внимательно посмотрел на Ларису. “Эта девушка прекрасна не только лицом и телом, но, судя по блеску глаз, в ее душе живут ангелы”.

Федор Иванович был возвышенно-простоватой натурой и поэтому не мог знать, что любое поэтическое откровение не более чем сезонное обострение хронического идиотизма.

“Козел, — в свою очередь подумала Лариса Мокшина, глядя на Рокецкого с грустной и доброй улыбкой. — Лох приурошний. Надо его взлохматить”.

— Вам помочь? — кинулся навстречу Федор Иванович. — Можете на меня рассчитывать во всем. Меня зовут Федор, — поставил он точку в знакомстве и бережно взял Ларису за руку.

— А меня Лариса, — представилась Мокшина. — Я не нуждаюсь в помощи, со всем спрашиваю сама. — И восхищенно глядя на Рокецкого, добавила: — А вы чуткий и сильный...

— Стой, Мокшина, не вздумай линять, зараза, — сразу же сбился с вежливого “вы” Игорь Баркалов, выходя из оперативного “жигуленка”. — Тебя вчера видели с Дыховичным, заведующим второй автобазой, у него штука баксов пропала с хаты.

— Я у него на хате не была, — пошла в отказ Лариса и, выдернув свою руку из закаменевшей в судороге руки Федора Ивановича, сообщила ему: — А ты, озабоченный, иди дальше.

— Проверьте карманы, — посоветовал Рокецкому Игорь и, достав из кармана наручники, потряс ими перед лицом Мокшиной. — Соскучилась, Куница, по хозяину, или как?

— Шмонай, начальник, нет у меня баксов, он меня в машине трахнул, на хату не водил.

— Ну ладно, — успокоился Игорь и еще раз обратился к Рокецкому: — Карманы проверили? Смотрите, чтобы потом претензий к милиции не было.

Федор Иванович лишь механически покивал головой.

— Поехали. — Игорь взял Ларису Мокшину под руку и повел к “жигуленку”. — Посмотрим в глаза Дыховичному.

— Ох, ох, начальник какой галантный. — Поддерживаемая Игорем за руку, Лариса села в автомобиль и оттуда помахала Рокецкому: — ЧАО, рогатенький...

Федор Иванович начал приходить в себя лишь после того, как, сунув руку в боковой карман, не обнаружил там бумажника. ДВЕ ТЫСЯЧИ ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ! Он сразу же стал бодрым и агрессивным. Повертел головой, направился к остановке троллейбуса, намереваясь ехать в первое отделение милиции, хотя туда нужно было ехать на трамвае. Две тысячи пятьсот рублей, ничего себе, зарплата за месяц!

Человек в светлом пиджаке и мятых коверковых брюках, наблюдавший за этой сценой, усмехнулся, глядя вслед спешащему на троллейбус Федору Ивановичу. Если раньше лицо человека было совсем невыразительным, то теперь оно стало иронично-умным, а кривоватый нос казался насмешливым и даже в какой-то мере глумливым.

Глава вторая

1

“Не будь я Саша Углокамушкин, если не вижу перед собою пьяного Ренуара. Значит, вот как ходят нетрезвые художники — “ветер в харю, а я шпарю”. Сейчас увидит меня, обрадуется и попросит сто рублей на растворитель для кисточек...”

— Санек! — обрадовался художник-плакатист Владимир Кузнецов, более известный в городской тусовке богемной интелигенции по кличке “Ренуар”. — Как дела? У тебя не найдется

сто рублей на водку для кисточек? А то вот иду на похороны великого "Клода Моне" и чувствую, не дойду, засохну.

— Леня Светлогоров умер? — удивился Саша Углокамушкин, доставая из пиджака сотню и разглядывая через нее солнце.

— Повесился, — тоже присоединился к рассматриванию солнца через купюру Реноар, — в дарагановской психушке. Пошли вместе, проводим коллегу в последний путь.

— Пойдем, — принял предложение Саша Углокамушкин. — Смочим кисточки и пойдем...

2

Леню Светлогорова хоронили за казенный счет в слегка улучшенном варианте. Сыграли роль сделанные на эмоциональном уровне пожертвования хронически бедствующей богемы местного уровня и скучно, но веско высказанное мнение мэра Рокотова:

— Человек, переплюнувший Малевича в искусстве расцветки квадратов, заслуживает, чтобы его похоронили в дубовом гробу и с оркестрово-официальными почестями.

Так что Леню пришли провожать все, даже активно спившиеся творческие люди. Был на похоронах и Мурад Версалиевич Левкоев, психиатр загородной психиатрической больницы Дарагановка, в сопровождении нового главврача, бывшей старшей медсестры, Екатерины Семеновны Хрущ, и они были единственными, кто искренне сожалел о смерти художника...

Смерть

Никаких тоннелей, в конце которых виден свет, после смерти не бывает. Как не бывает и состояния клинической смерти — это условный диагноз, констатирующий на самом деле состояние клинической жизни. Если мы зачерпнем ведром воду из океана и нальем ее в аквариум — это не значит, что мы обзавелись домашним океаном. А именно этим, "одомашниванием океана", мы занимаемся, когда пристегиваем к действию Смерть мелкие понятия, как "клиническая", "творческая", "нравственная". Смерть невероятно роскошное действие, в ее упругой, стремительной силе даже понятие "бесконечность" становится менее масштабным и более уютным, а "вечность" похожа на кошку, нуждающуюся в ласке и защите. Смерть не объяснима жизненными словами, и говорить о ней приходится приблизительно, в режиме метафоры. Серебристо-призрачные, словно иней на паутине, колокольчиковые звучания Смерти несовместимы с канализационными мелодиями жизни. Смерть похожа на молитву Бога, обращенную к людям, а мы, своим стремлением к физическому бессмертию, добиваемся того, что, по мере развития нашего стремления, Его молитва к нам будет звучать все тише и реже, а когда она утихнет навсегда,

---

к нам подойдет некто Черный и Беспощадный. Он скажет все-го лишь одно Слово, и оно будет последним...

— Смотри, смотри, — стал толкать Сашу Углокамушкина в бок Ренуар. — Видишь бабку толстую в инвалидной коляске два десантника толкают?

— Вижу, — неохотно увидел Саша то, что некогда было Глорией Ренатовной Выщух. — Судьба, что поделаешь.

— Так ты знаешь? — сразу же потерял интерес к разговору Ренуар и, отвернувшись от Саши Углокамушкина, стал рассматривать лица пришедших на похороны.

“Знаю ли я? Конечно, знаю, но почему, не помню. Говорят, эта уродина совсем недавно была объемно-красивой и монументально-сексуальной. У нее убили сына в Чечне, а она в пароксизме ненависти к Кавказу задушила своего мужа, армянина Тер-Огонесяна, и сожгла хороший кабак “Морская гладь”. Во, дура, тетка. Сына убили вахи, а пострадал христианин армянин. И ресторан хороший был, там в долг могли студента накормить”.

— Ну все, — возник рядом Ренуар. — Пойдем помянем “Клод Моне”, квадратиста самоубийенного.

Лицо Кузнецова уже наполнилось светом предвкушения. Рядом с ним стояла группа поддержки. Глеб Бондарев, художник-орфографист, по кличке “ПД” — паспортные данные, лет десять назад привлекавшийся за подделку больничных листов к суду и отделавшийся условным сроком, и Гертруда Пронкина, о которой никто ничего не знал, кроме того, что это “девушка, стремящаяся к общению с высоким искусством”.

— Что все? — не понял Саша Углокамушкин.

— Закопали, — махнул рукой в сторону свеженасыпанного холмика в венках Ренуар и объяснил: — С концами...

Саша Углокамушкин почему-то посмотрел не в сторону могилы, а вслед уродливо заплывшей жиром женщины, которую признали невменяемой и не стали возбуждать против нее уголовное дело по факту убийства и поджога. Ее инвалидную коляску толкали два недавно демобилизовавшихся десантника, друзья ее сына. Они направлялись к аллее Славы, где были похоронены солдаты, погибшие на войне. Саша Углокамушкин неожиданно подумал, что нужно прийти на пожарище, оставшееся от ресторана “Морская гладь”, найти там какой-то серый камень возле фундамента и зачем-то перевернуть его. Почему он так подумал, Саша не мог объяснить. Он только понимал, что с ним в последнее время стало происходить что-то странное и абсолютно для него не свойственное...

Люди, умершие в полнолуние, избранные люди. Окончившие жизнь самоубийством в полнолуние чаще всего носители экстренной информации — их вызвали. Но даже эта избранность

ни в коей мере не снижает потрясающего и необъяснимого словами момента встречи со смертью...

Сразу же после бесповоротного захлеста петли вокруг шеи маленькая суставная часть шейного позвоночника вдавилась в глыбу костного мозга и создала там чрезмерное для жизни давление, которое стало усиливаться благодаря фоновому кошмару удушья, когтисто вцепившемуся в легкие и в лепечущие, хрустящие ломающиеся мысли мчавшегося в черную солнечность Лени Светлогорова. Резкое, молниеносное, как будто кто-то с безжалостной силой всадил в теменную часть черепа гигантский шприц иглой, внедрение боли в тело, и сразу же этот кто-то, быстрый и умелый, стал заливать его "бетоном" умирания. Вот затвердел "бетон" в горле, стал застывать в дыхательных путях, заливаться тягуче и тяжело в легкие. Эта тяжесть выдирала кадык и увлекала его в желудок, заполняющийся пронизывающим холодом постороннего и беспощадного беспчувствия. "Яаа... неее... хоотеел...этогоо" ... — выдавил из себя мысль рассыпающийся мозг. Леня Светлогоров увидел перед собой мозаичное НЕЧТО и стал испытывать непреодолимый страх перед жизнью...

...Дряблые, с сиреневыми прожилками, отвисшие щеки Глории Ренатовны Выщух задвигались, и она стала что-то лепетать.

— Остановить? — спросил у нее десантник с медалью "За отвагу" на груди.

Глория Ренатовна покивала головой и рукой, с трудом подняв ее, указала на могилу с уже покосившейся вертикальной плитой из мраморной крошки. Парни подкатили коляску к могиле. На плите очень хорошо сохранилась фотография молодой и улыбающейся красивой женщины. Ниже была надпись

Софья Андреевна Сычёва

(Актриса)

Дата рождения и смерти на плите не указывались.

Замогилье

Петля на шее Лени Светлогорова неожиданно из удушающей превратилась в нечто радостно-ненужное, а Леня Светлогоров перестал быть трупом, хотя и составлял с ним одно целое. В том, что мы называем Смертью, оказывается можно манипулировать временем. Время внутри смерти забавно, мозаично, по-детски порывисто, несуетливо-энергично и клочковато-живописно. Грубая петля, затянутая на шее посиневшего, с уродливо вывалившимся языком, футляра Лени Светлогорова, "забетонированного" в психиатрической больнице Дарагановка, для нового и легкокрылого Лени стала серебряной нитью, которая опустила его прямо в центр четверга послесмертной недели, и там, в четверг, его левая рука зовуще помахивала ему из следующего вторника второй послесмертной недели. При

поднявшись так, как живущие приподымаются на цыпочки, он увидел зеркало, разбившееся еще в жизни, но за два дня до его рождения. Леня, будучи уже не Леней, увидел в зеркале свое отражение, которое увидеть невозможно. И тут же перед ним распахнулся нежный, страстный, протяженностью в триста шестьдесят пять мегагалактик, свет. По его периметру пульсировали затаенные оттенки многочисленных и пока еще формирующихся образов многоцветной смерти. Тем не менее во всем этом чувствовалась грандиозная отдаленность смерти от умершего Лени. Смерть как бы издалека показывала его энергетике-ДУШЕ ее колыбель. И вдруг свет с треском, словно кто-то резко застегнул молнию, исчез, и Леня вступил в гнусное и липкое состояние сорокадневного отвыкания души от разлагающегося в земле тела и нажитых в жизни привычек. Этого не избегнут ни праведники (кроме святых), ни грешники, ни отпетые в церкви, ни безымянно закопанные в канаве. Именно в этот отстойный период идет подготовка души к втягиванию в огненное пространство алогичной действительности, в Ад. Именно в этот момент все умершие начинают понимать, как далека от них Смерть...

Глава третья

1

Действительный академик РАН, физик и одновременно послушник Свято-Лаврентьевского монастыря, Гляделкин Игорь Петрович закончил утреннюю молитву, вышел из кельи во двор монастыря и, вытащив из-под грубой рясы мобильный телефон, позвонил сыну в Москву.

— Чем занимаешься?

— Сплю, святой отец, — лаконично ответил сын.

— Это хорошо, — похвалил сына монах. — Ты сегодня привезай за мной к половине девятого, отвезешь в Шереметьево, я улетаю на форум.

— В Женеву, — подавил зевок Константин Игоревич. — Надолго?

— На две недели.

— Заеду обязательно, — пообещал сын.

— Ну и с Богом.

Игорь Петрович положил мобильник в карман брюк под рясой и медленно пошел в сторону монастырской хлебопекарни. Оттуда доносился густой и вкусный запах выпекаемых просфор.

— Дай хлебца, — попросил он у пекаря, академика, биолога, трижды лауреата Государственной премии, Горовца Ивана Борисовича, уже постриженного в монахи и носящего имя Павел.

— Бог подаст, — буркнул Иван Борисович и отвернулся от Игоря Петровича. Тот не обиделся и пошел к трапезной. В конце концов академик академику не друг, не брат и не товарищ. Личность на дух не переносит рядом с собою другую личность.

— Здравствуй, человечище, — погладил Игорь Петрович подскочившего к нему лохматого пса и вновь поглядел на небо.

2

Академики народ невменяемый. Это люди, знание которых о знании превышает само знание. Настоящих академиков отличает от обычных людей всего лишь один момент: они расчленяют иллюзии на составные части, облекают эти части в одежды здравого смысла, раскрашенного формулами четко обозначенной логики, и продают эту фальшивку правительству и народу под видом истины в зримом воплощении: атомные бомбы, ракеты, пистолеты, технологические изыски и тому подобное, то есть делают то, до чего нормальный порядочный человек никогда не додумается.

Игорь Петрович сел в салон УАЗ-3160 "Симбир" рядом с сыном и спросил у него:

— И чем же ты занимаешься в миру?

— Тем же, чем и все, — удивился вопросу Константин. — Деньги зарабатываю.

— Да, — задумчиво глядя на дорогу, произнес Игорь Петрович, — деньги.

Женевский форум, куда направлялся Игорь Петрович, был первым такого рода в двадцать первом столетии. Ученые всего мира пришли к неожиданному выводу, что атеизм — антинаучное действие. Научные открытия, сделанные без веры в Бога, оказывается, не приносили и не могли приносить человечеству пользу. Аксиомная суть Бога настолько возбудила мир ученых, что они объединились в монастырское международное сообщество, чтобы суметь выработать механизм создания синтетической кристаллической решетки ХСЗ (Христова Сознания Земли) из соображений планетарной геометрии. Предполагалось, что древнеегипетский аспект станет мужским узлом кристаллической решетки, аспект инков, иудеев и майя — женским, а гималайский аспект станет нейтральным, гермафродитным узлом кристаллической решетки.

— Когда Ницше заявлял, что "Бог это я", — неожиданно для Константина произнес отец, — он имел в виду не себя и не Бога.

— Значит, меня и черта. — Константин не страдал скромностью и не был отягощен большими знаниями.

Игорь Петрович снисходительно взглянул на сына и ворчливо произнес:

— У тебя бензин на нуле.

— Бак полный, это у меня прибор не пашет. По какому поводу форум?

— Был бы форум, а повод всегда найдется. — Игорь Петрович перекрестился и объяснил: — Будем говорить об открытии астрофизиков. Они обнаружили на границе с нашей галактикой планету, которая в шестнадцать с половиной раз превышает

массой Юпитер. Совершенно непонятно, как вообще могла такая планета образоваться.

— А может, это соседняя галактика гигантских планет, и то, что в шестнадцать с половиной раз превышает наш Юпитер, для нее самая маленькая планета, наподобие нашей Луны? — предположил Константин.

— Чушь, конечно, но в этом предположении ты сходен с американским астрономом, академиком Джоном Пулом. Он утверждает, что существует планета величиной в несколько галактик, монолит, на котором лишь не хватает таблички "Входа нет".

— Это что-то наподобие великой китайской стены, — хмыкнул Константин, — чтобы орда человеческая не проникла в занебесную империю.

— Если верить еще одному идиоту, академику Сандри Глимуку, лауреату Нобелевской премии по физике, ты не далек от истины. Он утверждает, что наша солнечная система абсолютно искусственное образование, что внутри земли существует еще одна планета, и что все остальные планеты нашей солнечной яхты имеют такую же двойную суть и густо населены нами же... — Игорь Петрович постепенно увлекся. — Он утверждает, что умирание это всего лишь способ транспортировки, распределение рабочей силы по всем отсекам космического корабля.

— И что, ему за это вручили Нобелевскую премию? — живо заинтересовался Константин.

— За это психиатр может вручить лишь историю болезни с неутешительным диагнозом. Нет, ему вручили ее за разработку квантовых генераторов.

Константин сбросил скорость из-за сгустившегося в низине тумана и усмехнулся: — Пятое колесо у телеги?

— Нет, это такая штучка, требующая всего несколько киловатт внешнего питания, с помощью которой можно будет "качать" энергию из космоса практически бесконечно.

— Ничего себе насосик! — изумился Константин. — Это плохо кончится.

— Я знаю, — кивнул головой Игорь Петрович. — В истории человечества еще ни одно открытие хорошо не кончалось. Наука держалась и держится на смертном грехе гордыни. Это ее источник питания. Если бы в ее основу было положено смиление и целокупность мышления, мы бы никогда не вляпались в техногенность нашего нынешнего развития... Видишь, мужик голосует? — неожиданно оборвал разговор Игорь Петрович. — А ну-ка, притормози возле него, проверим мою теорию о глобальном мышлении у каждого живущего на земле. Я сейчас задам этому сельскому жителю тестовый вопрос, посмотрим, как он выкрутится.

Пожав плечами, Константин притормозил у стоящего на обочине мужика в коротком ватнике и с лицом невыспавшегося

тракториста. Игорь Петрович опустил стекло со своей стороны и вежливо спросил у него:

— Вы бы смогли вступить в сексуальный контакт с ежом, не сдирая с него шкуры?

— Да! — Мужик несколько смущенно сунул кулаком в лицо Игоря Петровича, не готовое встретиться с таким быстрым и прямолинейным ответом.

Константин мгновенно сорвался с места, поглядывая на отца с разбитым носом.

— Ну вот, — удовлетворенно приложил к носу платок Игорь Петрович, — простой работяга, сразу же понял, что его оскорбляют, и мгновенно, а главное, правильно отреагировал. Человек же искусства, погрязший в некачественной интеллигентности, непременно вступил бы со мной в полемику и ехал бы с нами в ту сторону, в какую ему необходимо.

— Ежа, — с досадой посмотрел на выбитый палец Лев Сергеевич Фомин, проректор медицинского университета, — ужа, корову, маньяки чертовы. — Он поднял руку и остановил автофургон "Хлеб".

— Куда? — спросил шофер.

— Туда, — махнул рукой Лев Сергеевич в сторону Шереметьева, — до Ревякина.

3

...Во время разложения тела душа Лени задыхалась — это была плата за неестественную привычку дышать легкими. В наполненный трупными водами желеобразно-распадающийся мозг проникли личинки асмодейной кладбищенской гусеницы, и душа Лени Светлогорова, — еще Лени Светлогорова, ибо на поверхности еще помнили повесившегося художника, — поспешно аккумулировала в себе конвульсивные остатки гниющего мыслетворения трупа. Душа, втягивая в себя и с трудомнейтрализуя привычку тела к ужасу, боли и безысходному отчаянию, постепенно выдиралась из присосочной сети нервных окончаний и вбирала в себя трудолюбивый и полный оптимизма шепот растущих ногтей и волос, которые на самом деле являются законсервированными информаторами подспудного жизнеобразования, распадающегося в третичной, — синтезирующей зачатки холодного ядерного биосинтеза, — ауре бодильного разложения... Впрочем, душа Лени быстро охрусталилась и отрешилась от трупа. Это произошло на девятый день после его погребения. Резко и пульсирующе бликуя, она устремилась в глубь земли. Досрочно избавив от сорокадневных мучений, ее втягивала серебряная нить элохимов. Ведь только ограниченная мысль телоносителя разделила пространство на небо и землю. Для души всюду небо. И это небо далеко не такое, каким его воображают поэты, священники и романтические идиоты. В небе не существует "расстрельных" и окончатель-

---

*ных приговоров. Бог настолько велик и непредставляем, что за-
просто может сесть нам на плечо ранним весенним утром в ви-
де маленькой божьей коровки. Самое главное в этот момент
удержаться и не сбить его с плеча щелчком...*

...В Шереметьево Игорь Петрович встретился с другими ака-
демиками, следующими в Женеву.

— И что же, — поздоровался с ним Корзун Сергей Афанасьев-
ич, — монастырь разрешил вам окунуться в мирскую скверну
науки?

Корзун был из тех умных людей, которые на первый взгляд
кажутся дурацкими, это во-первых, а во-вторых, он никогда не
дожидался ответов на заданные им же вопросы. Поэтому Игорь
Петрович удивился, когда тот задал ему вопрос и стал ждать от-
вета.

— Кто это вам лицо разбил? — спросил Корзун и замолчал, с
интересом глядя на Гляделкина.

Действительно, лицо Игоря Петровича мало напоминало ли-
цо интеллигентного человека. Нос распух, а под глазами резко
обозначились синяки.

— Вполне возможно, что вы и светило науки, — неожиданно
вмешался в беседу академиков Константин Гляделкин, — но ес-
ли не перестанете донимать моего отца бестактными вопросами,
я вас ударю по голове вот этим. — Он показал на кейс отца в сво-
ей руке.

— Отправляйся домой, — строго приказал сыну Игорь Пет-
рович, отбирая у него кейс, — и немедленно извинись за гру-
бость.

— Я прощаю, — махнул рукой Корзун, — какая разница.

Он взял Игоря Петровича за локоть и подвел к двум своим
спутникам, стоявшим посередине зала и наблюдавшим за ними
издалека, Константин направился к выходу из аэропорта.

— Преданье старины былинной, — весело приветствовал
Гляделкина Антон Серафимович Свинтицкий, академик, спе-
циалист по крионике и создатель универсальной крови "Ч". —
Монах-ученый — это почти что православный иезуит.

Второй, лауреат трех Государственных премий, академик,
профессор Голубев Кевин Иванович, ученый-робототехник,
скривился как от зубной боли на восклицание Свинтицкого и
лишь покивал головой, приветствуя Игоря Петровича.

— В Женеве дождь, — предупредил всех Корзун и продемон-
стрировал коллегам маленький стеклянный шарик, — но у ме-
ня заказан плащ с капюшоном, — он встряхнул шарик, — ато-
мы уже начали перегруппировку.

Сергей Алексеевич Корзун, похожий на деревенского дурач-
ка, насилино одетого в костюм от Николо Пика за двадцать ты-
сяч долларов, был лауреатом Нобелевской премии за перспек-
тивные разработки в области нанотехнологии. "Нано" — ни-

что можно малая величина, в сотни раз меньше длины волны видимого света. Нанотехнология позволяет использовать атомы как строительные "кирпичи" природы, из которых мы сможем складывать все что угодно. Стеклянный шарик в руках у Корзуна был первой, пока что экспериментальной установкой такого рода.

— Ваша нанотехнология, — поспешил сделать комплимент Голубев, — нанесет окончательный удар по человеческому фактору. Мы превратимся в ухоженных, здоровых, хорошо охраняемых обитателей зоопарка. Миром будет править искусственный интеллект.

— Как хорошо, — обрадовался Свинтицкий. — На благоустроенный зоопарк я согласен, но боюсь, что этот ваш разум, уважаемый Кевин Иванович, будет использовать нас на черновых и ассенизаторских работах.

— Хватит чушь молоть, пора на регистрацию, — хмыкнул Игорь Петрович.

— Ох уж эти самолеты, — поежился Свинтицкий, — лучше бы на поезде.

Женевский форум ведущих ученых мира впервые на таком высоком интеллектуальном уровне должен был обсудить вопрос о создании сословия Господ — золотого миллиарда неприкасаемых. Земля перенаселялась, и назрела проблема Контроля за народонаселением, а Контроль должны осуществлять ГОСПОДА. Призрак ВГС (Высшего генетического совета) бродил по земному шару.

Ведущие ученые мира не знали, что идея такого форума была внедрена в их мысли агрессивными мистиками подземного, оклохорузлитного человечества качественной формации, и что Господа обитают в сумеречно-серебряно-зеленом государстве волооких подземных магов, которым покровительствуют демиурги и элохими, нелюдь и нежить земная...

Пути загробные

Первое, что потрясает умершего человека, это грозное, гулкое и холодное одиночество Выбора. Проторенных путей в могилье не бывает, все умершие осваивают бесформенность разноцветного мрака самостоятельно — один на один перед призраком Абсолюта.

Душа человека похожа на сплетенную из трех родников косичку и душа человека трехобразна; душа детства — нефеш, душа судьбы — рух и душа смертного дома — нешмах. Сразу же после того, как умершего укладывают в домовину (гроб), начинается череда умираний, и каждый должен твердо знать, что бесконечная безнадежность, открывающаяся перед ним, предусматривает бесконечные варианты осуществляющихся надежд.

...Душа Лени расплеталась. Серебристо-чистый "ручеек" детства — нефеш влился прямо в нить элохимов, мутно-осадочная "струя" судьбы — руах вдруг начала завиваться в петлю, и из земной плоти потянулись к ней асмодейные гусеницы, постоянно испытывающие жажду и тоску по своей бывшей бабочковости в районе экранного самоудовлетворения, что находится в зеркальной вселенной, расположенной прямо над Южной Америкой, полностью повторяя ее контуры. Душа смертного дома — нешмах, которая на самом деле и есть ДУША, ласково, как бы прогляживая, проструилась по серебряной нити элохимов, распрямила петлю судьбы, мимоходом отправив несколько асмодейных гусениц в их вожделенную бабочковость, и тоже, вслед за душою детства, влилась в серебряную нить, оставив очищенную душу судьбы — руах одиноко втягиваться в Ад, в государство бледных демиургов.

Когда косички душ Лени Светлогорова расплелись, прекратилось и действие памяти о нем среди оставшихся в жизни. Лени Светлогорова окончательно не стало. Ведь "памятью" на самом деле считается лишь то, что вызывает в душе вспоминающих болезненное недоумение, злорадство, скорбь, отчаяние, все остальное профанация. Книги, картины, мосты, памятники — это уже мусор памяти. Истинной памятью, например, об Антоне Павловиче Чехове было лишь одно действие, гроб, доставленный в Москву из Ялты в грузовом вагоне с надписью "Для устриц", а далее уже была не память, суррогат, забвение.

Глава четвертая

1

Москвичи мерзли. Наступил май, отключили отопление, прошло два теплых дня, и начались сильные заморозки. Минус десять в московском мае это то же самое, что плюс десять в экваториальной Африке, жуткий холод.

— Я приехал в свой город холодный до слез, — продекламировал Степа Басенок, выходя на третьей платформе Курского вокзала из пассажирского поезда "Новороссийск-Москва", и, оглянувшись, сказал Игорю Баркалову, следующему за ним: — Москва.

— Я вижу, что не Киев, — буркнул Игорь и поставил у ног Степы большую сумку. — Твоя очередь, — объяснил он. — Я от Таганрога до Москвы, а ты только по Москве.

— Ладно, — согласился Степа Басенок и помахал рукой носильщику: — Эй, татарин, сюда давай!

— Почему татарин? — удивился Игорь, разглядывая направляющегося к ним с тележкой носильщика. — Никакой это не татарин, скорее, москвич татарской модификации.

— Нам в Бутово, — обратился к носильщику Степа и, посмотрев на его удивленное лицо, объяснил: — В смысле, к стоянке такси.

— Остроум, — буркнул носильщик, ставя сумку на тележку. — Могли бы и сами сумку доставить, не велика тяжесть.

— Я не штангист, — отпарировал Степа.

Где-то на половине пути, возле игральных автоматов нижнего зала вокзала, их остановил патруль из четырех человек и разозленно-мстительного вида мужчина, в котором Игорь и Степа узнали соседа по купе, подсевшего к ним в Туле.

— Они мне сразу подозрительными показались, — радостно сообщил патрульным мужчина, — ханурики и аферисты. — Он кинулся на ошеломленного Игоря и схватил его за грудки. — Сумка тебе моя понадобилась, скотина!

— Очумел, джейран припадочный, — рассердился Игорь, отталкивая от себя мужчину обеими руками. — Идиот по жизни, что ли?

Мужчина от толчка отлетел к тележке меланхолично отстраненного от конфликта носильщика, перелетел через нее и, удавившись затылком о ногу проходящей мимо женщины, остался лежать, с негодованием глядя на патрульных. Переглянувшись, патрульные окружили Игоря, и старший отстегнул от пояса наручники.

— Я сразу заметил, — вдруг вмешался татарский москвич и гордо выпятил грудь с бляхой. — Они меня хотели до Бутово зафрахтовать за пятнадцать рублей. — Видя, что дело у клиентов безнадежное, он помогал милиции вдохновенно. — А глазами так и бегают.

— Да что тут творится? — возмутился наконец-то Степан. — В чем дело?

— Не знаешь, да? — радостно задал ему вопрос поднявшийся с пола мужчина и замахнулся на Игоря: — Уу, ворюга!

— Пройдемте, — защелкнулись наручники на Игоре и Степе, — там разберемся.

Задержанных повели в отделение. Носильщик, бурча под нос ругательства, толкал тележку в том же направлении. Зловредный мужчина следовал в форватере. В отделении, в дежурной комнате, было холоднее, чем на улице.

— Воры? — спросил дежурный следователь у старшего патрульной группы и, не дожидаясь ответа, задал еще один вопрос: — Перепутали сумку или внаглу свистнули?

— Внаглу перепутали, — вмешался мужчина, стараясь во что бы то ни стало сыграть главную роль в расследовании.

— Они мне сразу показались особо опасными рецидивистами, — продолжал меланхолично свидетельствовать против своих клиентов носильщик. — До Бутово им на тележке за пятнадцать рублей, а там по голове бы дали, ограбили и все бы забрали.

— Что было в вашей сумке? — обратился дежурный лейтенант к зловредному мужчине.

— Значит, так, — мужчина облизнулся, — аккумулятор на «Газ-31», носки шерстяные, семь пар, восемь банок варенья из

абрикосов, водка, четыре бутылки, еще один аккумулятор на "Газ-31", вобла, шесть штук, четыре гаечных ключа на "14-17", ватрушки домашние, надкусанные, две штуки, и костюм мужской, 52-го размера, полуширстяной лавсановый, одна штука.

— Серьезная сумка, — буркнул Игорь и решил из принципа не говорить о своих связях с московским уголовным розыском. Судя по лицу Степана, тот тоже впал в принципиальное состояние.

— А что в вашей сумке? — обратился к Игорю и Степе дежурный, и те озадаченно переглянулись. Если разобраться, в смысле придраться, в сумке у них присутствовало некоторое отклонение от закона. Поэтому Игорь немного замешкался и этим вызвал бурный восторг потерпевшего.

— Не знает, — зашелся мужчина в радостной истерике. — Ханурик подлый!

Мужчина вновь кинулся на Игоря, и тот двинул его плечом в грудь. Мужчина отлетел к злополучной сумке, стоящей возле угрюмого носильщика, и, вторично перелетев через нее, ударился головой о ногу меланхоличного начальника вокзальной тележки. Патрульные, переглянувшись, подошли и сняли с Игоря и Степы наручники.

— В Бутово, — не замедлил очнуться носильщик. — Чтобы, значит, там голову отрезать и в кусты ее бросить.

— Так что у вас в сумке? Не знаете?

— Признавайтесь, признавайтесь, ворюги вокзальные, — услышал Игорь знакомый насмешливый голос. — Небось, оружие, наркотики и золото?

Ласточкин должен был их встретить, но поезд пришел раньше времени. Сейчас он стоял в дежурной комнате и подмигивал Игорю.

— Ладно. — Степе понравилось приключение. — В сумке лежит семь килограммов балыка осетрового, приобретен на рынке, восемь вяленых чебаков, выловлены и завялены мною, три банки икры черной, паюсной, приобретены у рыбаков. В Москве это нарушение, — объяснил он, — а у нас в городе — святое дело и образ жизни...

— Вот ты где, олух царя небесного! — ворвась в дежурку проводница вагона, в котором ехали Игорь и Степан, и с размаху двинула пострадавшего в зубы. — Ты что в своей сумке вез, которую ко мне поставил? Из-за тебя у нас обыск в поезде был.

Оказывается, мужчина, из-за занятости багажных мест, просил за тридцать рублей поставить сумку в служебном купе, по мере продвижения поезда к Москве забывая об этом. При виде сумки таганрогских оперативников, точь-в-точь совпадающей обликом и объемом с его сумкой, он возбудился, и получилось то, что получилось. А при виде его сумки в купе проводни-

цы на аккумуляторы возбудилась служебная собака, обходящая вместе с патрульными опустевшие вагоны.

— Ребята хорошие, — без всякого напряжения и паузы перестроился татарствующий москвич-носильщик, — с юмором. До Бутово хотели на моем коне проскакать. А что? За десять сотен я бы и в Бутово отвез. А этот, — он кивнул в сторону поникшего от удара проводницы мужчины, — я сразу понял, что дурак и вдобавок ко всему умственный эпилептик. С вас пятьдесят шесть рублей, — резко приступил к расчету носильщик, глядя почему-то не на Игоря и Степана, а на Ласточкина. — Они гости столицы, а вы их встречаете, так что платите, — объяснил он удивленному Ласточкину.

2

Игорь и Степа приехали в Москву на время отпуска, но по делу. Впрочем, насчет своего отпуска они не строили никаких иллюзий и отлично понимали, что по окончании "дела" в Москве сразу же закончится и отпуск. Самсонов таким образом убивал даже не двух, а трех зайцев: во-первых, дал отпуск, целую неделю, проявил, можно сказать, отцовскую заботу о подчиненных, пошел навстречу двум лучшим оперативникам, во-вторых, они во время отпуска поработают в Москве, как-никак, друзья в МУРе, и попытаются выяснить обо всех случаях, связанных с похищением людей для криминальных медицинско-научных целей, ибо что-то похожее стало происходить в городе и области, а в-третьих, не надо на это оформлять никаких командировок и делать официальные запросы. Отпуск, он ведь и в России отпуск.

— Давайте я третьим поеду, — предложил свою кандидатуру на "отпуск" Слава Савоев. — Я в Москве хорошо ориентируюсь, да и в отпуске уже три года не был.

— Ты с ума сошел, Савоев, — отмахнулся от Славы Самсонов. — Я что, самоубийца, по-твоему? Ты хотя бы представляешь? Ты и Москва! Это же международный скандал. А в отпуск пойдешь через несколько месяцев, в январе, одним словом. Там кое-какие нити к нам из Якутии тянутся, поедешь, проверишь. Они как раз к зиме более отчетливо должны проявиться.

— Ничего себе! — В отделение милиции Курского вокзала вошел Саша Стариков. — Ты же сказал, — он сердито смотрел на Степу Басенка, — что прибытие поезда в 18.40, а сейчас только 18.00. Вы на такси впереди ехали?

— Я сам удивляюсь, — пожал плечами Степа, здороваясь с другом. — Расчет-то на опоздание, а он раньше на час десять приехал, видимо, остановки проскакивал. Знакомься, — Степа показал на Игоря, — старший инспектор уголовного розыска Игорь Баркалов, наш таганрогский капитан.

Саша Стариков пожал руку Игоря, и тот показал ему на Ласточкина:

— Знакомьтесь, Алексей Ласточкин, ваш московский капитан.

— Да знаю я его. — Саша кивнул головой оперативнику и подхватил злополучную сумку. — И знаю, что в этой сумке. — Он насмешливо посмотрел на Степана.

— Что? — не разобрался в ситуации Степа, удивленно глядя на Сашу Старикова.

— Блины для штанги, вот что, — ответил Саша и быстрым шагом направился к выходу с вокзала.

3

Однокомнатная квартира Саши Старикова, после того как там были установлены две раскладушки, стала напоминать комнату общежития с неестественными для нее атрибутами изоляции: ванной, туалетом и кухней.

— А вид какой! — Саша отодвинул на окне штору, предлагая Игорю и Степе полюбоваться. — Такое только в Москве можно увидеть.

Вид действительно оказался потрясающим. С той стороны окна была решетка из толстенной, покрашенной в черный цвет, арматуры, а далее везде крыша, по которой ходили кругом, искося поглядывая друг на друга, два разухабистой внешности кота, рыжий и палевый. Крыша оканчивалась поднимающимся над нею забором с колючей проволокой и углом безоконного мрачного здания.

— Крыши Монмартра. — Степа решил придерживаться романтической точки зрения и сразу же предложил совет по реконструкции: — Ты сюда земли наноси и деревья посади.

— Да-а, — сказал подошедший Игорь, — из нашего окна... — Он задумался.

— Тюрьма Бутырская видна, — помог ему Саша. — Это вдохновляет и помогает работе. Утром хочется пораньше уйти, а вечером нет желания возвращаться. Ну ладно, сейчас перекусим и пойдем куда-нибудь.

Саша прошел на кухню, открыл холодильник и стал его рассматривать. В холодильнике лежала пустая пластиковая бутылка из-под "Сенежской чистой", журнал "Автопилот", фотография знакомой бизнесвумен, иногда заходившей к нему на ночь "отдохнуть от зарабатывания денег", она была владелицей трех престижных бутиков и женой вечно мотающегося в командировке за границу кинорежиссера Вутетича. Из еды в холодильнике лежал лишь маленький кусочек сыра, позеленевший от времени и пренебрежения.

— Знакомое чрево. — На кухню заглянул Игорь. — И кто только эти холодильники придумал? Как ни посмотришь, — все время пусто. Ну да ничего, мы его сейчас дарами Азовского моря заполним.

— А я пока за пивом схожу, — встрепенулся уныло молчавший Ласточкин.

— Всем оставаться на местах, — поднял руку Саша. — Ша, одним словом. Я угощаю, хотя дары все-таки в холодильник можно и, по-моему, даже нужно положить.

4

Полковник Леонид Максимович Хромов живо заинтересовался пропажами красивых девушек в Таганроге лишь после того, как получил описание подозреваемого в этом преступлении.

— Что, так и выглядит — маленький, кривоногий и кривоносый?

— Да, — кивнул Степа Басенок. — Похож на булгаковского Азазело.

— Литературой, — Хромов кашлянул, — в нашем деле не стоит увлекаться, а вот поподробнее обо всем рассказать можно...

...Лидия Глебова всегда была увлечена мыслями о любви, не в силу романтической натуры, а вследствие своей ярко выраженной гиперсексуальности. Если бы ее мысли можно было спроектировать на большой экран, то получился бы фильм о лирической эротике, время от времени соскальзывающей в жесткое порно с элементами группового секса, и стыдливо девичьего, слегка опоэтизированного, садомазохизма с применением лесбийской фактуры. Но воспитание Лидии Моисеевны Глебовой было до того хорошим и нравственным, что дальше фантазий она не шла.

... — Есть у нас в городе, — Степа слегка смущился, — одна особенность. У нас все друг друга знают, если не напрямую, то через кого-то, если не через кого-то, то напрямую.

— Это как в большой деревне? — догадался Хромов.

— Нет, — поспешил ответил Степа. — Но и не так, как в Москве, конечно. У вас все иначе, а в чем-то даже и проще из-за масштабов. Вы на бытовое убийство и пропажу человека уже давно реагируете так, как мы реагируем на кражу скрепок из фонда социального обеспечения.

— Не увлекайся, — строго предупредил Степу Хромов, — давай по делу...

...Лида, закончив Новочеркасский политехнический институт, вернулась в Таганрог и устроилась работать секретарем-машинисткой у ректора радиотехнического института Рудольфа Васильевича Беконина, который иногда останавливал на ней долгий задумчивый взор и, видимо, вспоминая что-то из прошлого, ронял в пространство странные фразы:

— Нет, так не пойдет, надо что-то менять, пока Мариничка не увидела.

Или:

— Лидия Моисеевна, — в этот момент он еще задумчивее смотрел на нее, — прекратите приходить на работу в брюках.

Лидия в такие моменты даже немного пугалась, так как приходила на службу всегда в строгом деловом костюме-миди и никогда не надевала брюки из-за чрезмерно жизнеутверждающего объема бедер и ягодиц. А непонятное упоминание некой "Марини" ее не сбивало с толку. Так звали двадцатироклетнюю жену Рудольфа Васильевича, совсем недавно она сидела на месте Лидии и так же, как и она, не носила брюки...

...— Кстати, — сообщил оперативникам Хромов, — за вчерашний день в Москве пропало девять человек, правда, сегодня семь из них обнаружили. Двоих в виде трупов, троих в виде злодников, а двоих в виде не помнящих где живут стариков. Последних обнаружили за пределами Москвы, одного деда в Рязани, а другого, вот тоже загадка, — Хромов изумленно покачал головой, — в качестве безбилетного пассажира на самолете, летящем в Таиланд. — Хромов строго посмотрел на оперативников, как бы осуждая их за халатность. — Представьте, без билета, с одним пенсионным удостоверением, в резиновых калошах на босу ногу, прошел все системы досмотра и полетел в Таиланд. Это же сатанизм какой-то.

— Мощный старик, — поддержал начальника Саша Стариakov. — Представляю, что он в молодости вытворял.

— Да ничего он не вытворял, — махнул рукой с пренебрежением Хромов. — Он как сел в двадцать лет в тюрьму, так и сидел до болезни Паркинсона всю жизнь под кличкой "Шекспир". Вот, — Хромов взглянул на Степу Басенка, — а двоих пока не нашли. У вас же пропали всего три девушки за месяц, а вы устроили ЧП российского масштаба...

...Впрочем, Лидия Глебова не считала ректора "видом на будущее". На ее взгляд, будущее с ректором в одной постели это то же самое, что прошлое без него, то есть фантазии без практического применения, классическая музыка без рок-н-ролльных барабанов, прыщавое лицо юности, упершееся взглядом в потолок мечты над кроватью. Правда, кое-что Лидию смущало. Рудольф Васильевич на самом деле даже не помышлял о том, о чем помышляла Лидия Глебова, она ему не нравилась, но сути это не меняло. Если женщина с отвращением думает об интимной близости с каким-нибудь конкретным мужчиной, а затем вдруг выясняется, что этот мужчина даже и не помышляет о такой близости, можно не сомневаться, женщина вывернется наизнанку, но все-таки заставит его к себе в постель, лишь ради того, чтобы после с удовлетворением констатировать: "Боже, как он мне противен"...

...— Женщины и деньги — это суть одной субстанции, — неожиданно заявил Хромов и медленно обвел взглядом оперативников, ошеломленных этой хотя и общеизвестной, но всегда неожиданной истиной.

— Да, — поддержал Хромова Степа Басенок. — Это единственное воплощение поэзии в жизни.

— Вот, — решил внести свою лепту в разговор Саша Стариков. — Поэтому проституция самая древняя и самая неискоренимая профессия. Я в эту среду, — он бросил осторожный взгляд в сторону Хромова, — Калевалову из обезьянника вытаскивал, восьмой раз за этот месяц. Кошмар как притесняют иногородних в столице.

— Кто притесняет? — удивился Хромов, зная, что Калевалова, проститутка из Соль-Илецка, является агентом Саши. — Милиция, что ли?

— Ну, не уголовный же розыск? — Саша возмущенно нахмурился. — Представляете, до чего уже дошло, коренные московские проститутки собрали бабки и втулили их муниципалам, чтобы они иногородним не давали работать. Вот мою Калевалову и мучают, через каждые пять минут с трассы снимают.

— Непорядок, — возмутился от такого проявления столичной великолдержавности полковник Хромов, — ты займись этим. — Он на секунду запнулся и уточнил: — На досуге...

...Перспектива безоблачного будущего с выходом на столичную жилплощадь возникла перед Лидией Глебовой в виде потрясающе бесцеремонного, наглого, невысокого роста мужчины. Он был обаятельно-уродлив, но от него исходила обволакивающая аура могучего интеллекта, денег иексуальной одержимости сатирофавного темперамента.

— Меня зовут Василий Алексеевич, — представился он, — я все могу, и вы мне нравитесь. В вас есть то, что я когда-то потерял в лице любимой Ирочки Васиной, которую вы, славу Богу, не знаете.

— Что же это? — выдохнула Лида, почувствовав в себе неожиданную и необоримую тягу к необузданному сексу. — Что вы потеряли?

— Видите ли, — сварливо начал “фавн”, — она была вакханально-валькириевого психотипа, в ней вырабатывалось ценнейшее для науки фрагментарное сырье, то есть “вспышка”... — Тут “фавн” внимательно взглянул на Лидочку Глебову и упростил объяснения до уровня лжи: — Я любил ее, но потерял, и не жалею об этом, ибо встретил вас и с тем же самым качеством...

...— И у вас, конечно же, есть веские доказательства причастности этого человека к похищению девушек и принадлежности его к так называемой медицинской мафии? — спросил Хро-

мов, хмуро глядя на таганрогских оперативников и присоединившегося к ним Сашу Старикова.

— Всех доказательств нет, — вздохнул Степан. — Вообще никаких доказательств нет, одни подозрения, основанные на агентурных данных.

— Это как? — усмехнулся Хромов. — Агент видел, как девочек хватали и запихивали в мафиозный автомобиль с затемненными окнами и красным крестом на дверце? И каковы ваши агенты в профессиональном плане?

— Агенты профессионалы, — кивнул головой Степа, — в смысле сутенеры, два брата, но они не братья, Рогоняны... — Степа слегка смущился от поспешной конкретности своих объяснений. — Все похищенные девушки попадали под их программу поиска новых кадров, они за ними наблюдали, собирали более или менее приличные доказательства их генетически-наследственной предрасположенности к проституции. По их мнению, девочки такого типа проходят по разряду "Восторг под пальмами", а это почти штука баксов за ночь. Но дело не в этом. Наблюдая за ними, они обнаружили, что возле каждой из трех периодически крутился тип, о котором я вам рассказал и фотография которого утеряна одним нашим опытным, но расхлябаным сотрудником. А затем девочки пропали.

— Штука баксов за ночь? — неожиданно изумился Саша Стариakov. — Это же как Алле Борисовне за полкуплета пропетой песни.

— Оставь, — махнул рукой Хромов, — мировые звезды эстрады за тысячу долларов могут только послать по телефону. — Он снова посмотрел на Степана и, вытащив из ящика стола фотографию, протянул ее оперативнику. — Этот?

— Да! — в один голос ответили Игорь и Степа.

— Ну вот, — опечалился Хромов, — здравствуй, "Ужас".

Глава пятая

1

Клэр Гатсинг понимала, что ее сенситивность (агрессивная сексуальность) делала ее позицию в роли невесты Джона Карри уязвимой. Она принадлежала к той, чрезвычайно редкой, категории красивых и породистых женщин, которые обладают острым аналитическим умом и умением облекать женскую интуицию в холодную броню беспристрастной логики. Уязвимость же Клэр Гатсинг была в другом, она не могла чувствовать себя полноценной вне связи с мужчинами. С самого рождения над нею тяготел рок бликующей сексуальности. О, если бы она была обычновенной женщиной, просто умной и талантливой, или просто яркой и общественно-популярной, наподобие покойной принцессы Дианы, то ее сексуальность была бы уместным, плодотворным и материально выгодным даром. Но в Клэр Гатсинг рождались и жили величественные масштабы формул, теорий и

прозрений запредельного научного прагматизма. Она участвовала в суперсекретном проекте НАСА, в программе "Хазары", финансируемой правительством США и обслуживаемой мозгами русских ученых. Перед ее аналитическим умом, выдержанной, объемом и качеством знаний склоняли головы самые изощренные и деятельные капитаны научного мира. Ее жених, руководитель программы "Хазары" Джон Карри, создатель наноускорителя для создаваемого в лабораторных ангарах на глубине две тысячи метров в пустыне штата Аризона межпланетного хроногиперболизированного космического корабля, полюбил ее именно за это уникальное сочетание гениальности и сексуальности. Но он как-то не подумал, что такое сочетание предусматривает уникальную ветвистость его рогов в будущем супружестве. Впрочем, у него не было ни времени, ни желания отвлекать себя на обдумывание таких пошлостей. Клэр Гатсинг, в принципе, тоже не заостряла на этом свое внимание, относясь к сексу, как к перехваченному на ходу бутерброду, смущало только количество "бутербродов". Но ее интересовала фантомная энергия, лежащая в основе сексуальности, нечто коварное, животно-божественное, информационно-голубое, свято-сатанинское, основа какой-то не земной и даже не небесной Вспышки.

2

— Фермент "Вспышка", выделенный из микробиофантомов, возникающих в девственной плеве девушки с необузданной сексуальностью и генетической предрасположенностью к нимфомании, может изменить качество и перспективы жизни, — сказал Алексей Васильевич Чебрак, которого в Ростове-на-Дону все знали и любили как непревзойденного хирурга и диагности Лутошникова Василия Алексеевича, своему ученику и ассистенту Петру Гарникову. Внимательно посмотрев на него, он уточнил: — Я спасу людей от откровения Иоанна, то бишь Апокалипсиса, и экспансиионных поползновений всяких там религиозников и их безнадежного и единого Папы.

— Чего? — испуганно слегкотнул слону преданно глядевший на учителя Петр Гарников.

— Ничего, — отмахнулся от него самозалегендированный Алексей Васильевич. — Кто там у нас на очереди?

— Пуля в центре головы, — сразу же стал собранным Петр Гарников. — Голова принадлежит Долматову Ивану Михайловичу, главе "Донэнерго".

— Давай его в операционную, — хмыкнул Алексей Васильевич. — Посмотрим, как у него все в мозгах перепуталось.

3

Алексей Васильевич Чебрак устроился в Ростове-на-Дону хорошо, даже лучше, чем в Москве. В тороватом южном городе было легче и проще стать неприкасаемым. Весть о волшебных хи-

рургических руках и проникновенно точном диагностическом чутье нового доктора молниеносно облетела сначала властные, а затем предпринимательские и интеллектуально-криминальные круги южной столицы. Блестящие операции по шунтированию сердца, проведенные им замполпреду президента, мэру города, районному прокурору и криминальному авторитету из хитровато-простецкого Батайска, города-спутника Ростова, были настолько успешными, что даже вызвали задумчивую зависть у лучших кардиохирургов ЦКБ, куда, на всякий случай, съездил провериться прооперированный Алексеем Васильевичем замполпреда президента по Южному округу.

— Мало того, что он прошунтировал ваше сердце отлично, — сказал ему ведущий кардиолог страны, — но он еще каким-то образом омолодил непонятным трансплантантом вашу сердечную мышцу. Против него нужно возбудить уголовное дело по факту незаконной трансплантации. Где он взял фрагмент сердечной мышцы? Где эта улица, где этот дом, где этот труп, что зарезали в нем?

Замполпреда слегка возмутился и с укором посмотрел на высокопоставленного кардиолога.

— Я понимаю, — уловил его взгляд доктор, — можете не беспокоиться. Ни один настоящий доктор не наступит на коллегу с такими новаторскими методами работы. У нас цеховая солидарность во много раз круче мафиозной круговой поруки в сицилийском исполнении. Вот я сейчас вздумаю вам вскрыть, — ведущий кардиолог ЦКБ заметно увлекся, — грудную клетку, чтобы выяснить, что же трансплантировал в сердечную мышцу этот ваш ростовский кудесник, и все мои коллеги одобрят этот поступок, даже несмотря на летальный исход.

— Какой исход? — Замполпреда Фокин на всякий случай отступил к двери кабинета и взялся за ручку. — Летательный?

— Одним словом, хорошо вам сделали операцию, — взял себя в руки кардиолог, — во много раз, как ни обидно в этом признаваться, лучше, чем сделали бы мы.

4

Неугомонная, очарованная тайнами бытия и запредельности, натура Алексея Васильевича Чебрака, явившаяся Ростову-Дону под маской Лутошникова Василия Алексеевича, не знала ни покоя, ни удовлетворенности. Ему не хватало дня, и он целями ночами оперировал раненых из Чечни в госпитале Северо-Кавказского военного округа, беря на свой операционный стол только приговоренных к ампутации конечностей и безнадежных. Он отменял эти приговоры и восстанавливал право на жизнь у безнадежных. Вскоре о чудо-докторе заговорили в Москве, и московские врачи с удивлением узнали в нем некогда популярного нейрохирурга. Более того, совсем неожиданно на его имя пришло приглашение на форум академиков-аскетов в Же-

неве. Естественно, за приглашением стояли научные интересы устроителей, но на таких форумах всегда можно встретить, например, какого-нибудь доктора "орилонтолога" из ФСБ.

— Если это Лутошников, то я бразильский плантатор, — сказал полковник Веточкин директору ФСБ. — Это Чебрак из бывшего "УЖАС"а, чиповнедритель, его надо взять под опеку, как ценный кадр, или сразу ухнуть, чтобы нервы не портил.

— Следите за лексикой, полковник, — поморщился недавно назначенный новый глава ФСБ, — что за "ухнуть"? Бандитство какое-то, мы же не из министерства социальной защиты. Нам "ухнувший" Чебрак не нужен, и вообще... — Директор ФСБ встал и прошелся по кабинету. — Я тебе поручаю работу с бывшими подданными "УЖАС"а, хватит им отходить от шока.

— "УЖАС" самораспустился, — заметил Веточкин, — но вы, конечно же, правы. А раз так, выбейте лишнюю штатную должность для одного очень нужного и хорошего человека. Для работы с контингентом бывшего "УЖАС"а мне нужен помощник и генеральская должность.

— Карьерист ты все-таки, Тарас, — укоризненно посмотрел глава ФСБ на подчиненного. — Тебе же месяц назад полковника присвоили, орден дали, премию целых... целых... — Он нахмурил брови, заглянул в листок и недоумевающе спросил у Веточкина: — Что, всего полторы тысячи?

— Без вычета налогов, — с глубоко запрятанной иронией ответил Тарас Веточкин и уточнил: — Грязными.

— Не иронизируй. — Видимо, директор ФСБ принял какое-то решение. — Ладно! Создаем новый отдел, присваиваем тебе генерала, а для увеличения КПД попрошу назначить тебя моим заместителем с расширенными полномочиями. Одним словом, делай что хочешь, но мы должны быть абсолютно готовыми к двадцать первому веку. Твой отдел назовем отделом модификаций, а работать будете в режиме "Странники". Кстати, для кого я должен выбивать новую штатную должность?

— Для Стефана Искры, — ответил Тарас Веточкин и объяснил: — Он сейчас живет в Чебоксарах.

5

Дабы не обижать пенсионный фонд России, Стефан Искра регулярно ходил получать назначенную ему государством пенсию, тысяча сто десять рублей, как бывшему военнослужащему и ветерану афганской войны. Жил он не в самих Чебоксарах, а в двадцати километрах от них, в Петрунинском районе, в селе Буряшово. Именно на окраине этого села по его заказу и на его деньги в течение нескольких месяцев бригада строителей из Югославии отстроила домик. Сто двадцать квадратных метров жилой площади, со всеми коммуникациями и АГО. Пятнадцать соток территории вокруг дома были обнесены высоким деревянным забором. Во дворе небольшой огород: петрушка, салатик, укроп-

чик, лучок, кинза, редиска. Остальное было занято сосновами, карельской березой и бревенчатой, с парилкой, баней.

Весною часть Чуваши покрывает полевыми тюльпанами. Зрелице потрясающее. За особняком Стефана Искры простиралось огромное поле тюльпанов, среди которых бродили священные животные, чувашские розовые коровы. Стефан Искра жил тихо, плавно и задумчиво. После исчезновения "УЖАС"а он впал как бы в ступор с элементами консервации. В селе его не понимали и поэтому ненавидели. Но Стефан Искра не обращал на это внимания, и по этой причине его не понимали и ненавидели еще больше, но он и на это не обращал внимания. Когда Стефан шел по селу в сторону сельсовета за пенсиею, все женщины и девушки изыскивали возможность попасться ему навстречу, взглянуть и сладко вздохнуть от восхищения. А когда он входил в сельсовет, вся женская часть — кассирша, бухгалтер, секретарь и паспортистка, вздрагивала и замирала от демонстративной влюбленности. Пенсионер Стефан Искра был похож на сорокалетнего Алена Делона в роли преподавателя женского колледжа, и на его фоне женихи и возлюбленные сельсоветских девиц, постоянно заскакивающие в уставшее от времени административное здание, чувствовали себя вышедшими в тираж мужичками, тяжело и с потерями пережившими кризис среднего возраста, хотя на самом деле были кровь с молоком и косая сажень в плечах. Все мужское население Бурашово и часть мужчин Петрунинского района спало и видело тот момент, когда они смогут одернуть и унизить проклятого столичного пенсионера и пижона. Впрочем, вскоре такое желание у мужчин села Бурашово исчезло напрочь...

Дом Стефана Искры стоял даже не на окраине села, а на солидном, чуть более полукилометра, отшибе. В последнее время он полюбил длительные вечерние пробежки, удаляясь от села на несколько километров, иногда добегая и до окраин Чебоксар. "Какого черта меня потянуло на жительство в Чувашию, — иногда ловил он себя на мысли, — никак понять не могу". Он энергично взобрался по склону оврага наверх и с недоумением посмотрел на освещаемое электрическим светом уличных столбов село Бурашово. В эту ночь село с размахом гуляло. Несмотря на весну и посевную, случилось сразу две свадьбы. До осени невесты были бы слишком демонстративно беременны. Стефан Искра медленно пошел к своему дому на руках, выполняя улучшающее кровообращение упражнение "Березка". Пройдя около полутора километров, он оттолкнулся от земли и в прыжке стал на ноги, чувствуя непреодолимое желание заснуть. Бурашовское двухсвадебное гуляние охватило все село, и ночь с досадой отступила за окопицу. В это разгульное время население села увеличилось за счет прибывших гостей почти вдвое. Село гуляло. Крики, песни, звуки гармошек и самодеятельной поп-группы отпугнули от Бурашово не только ночь, но и приближающийся

рассвет. Попрыгав с ноги на ногу, Стефан Искра решил обежать село, чтобы ни с кем не встречаться, но подумав, что это будет не по-соседски, пошел к дому через него. Он не чувствовал себя стариком в свои подкрадывающиеся к шестидесяти годам, так как не знал, что Алексей Васильевич Чебрак вживил ему в печень первые волокна галапагосской гигантской черепахи, выделяющие вещество "амброзин", благодаря чему он мог оставаться носителем грозной физической силы до стопятидесятилетнего рубежа.

6

Взрослые парни села Бурашово и их ровесники из районного Петрунино перестали искать поводов для драки между собой, встретившись с объектом общей неприязни в лице Стефана Искры. Усугубленная водкой и самогоном тяга к справедливо-му наказанию "столичного богатого пижона" искала широкомасштабного выхода, тем более что Стефан Искра был с ног до головы провокационен: трезв, по-мужски красив и интеллигентен. Ровное и грозное обаяние уверенной силы создавало вокруг него как бы энергетическую ауру, вдобавок он был в стильном спортивном костюме "Ричардсон" черного цвета и умопомрачительной цены. Одним словом, было за что его бить. На фоне высоких и широких в плечах деревенских парней Стефан Искра выглядел хрупким, тонким и юным. Парни перегородили ему дорогу.

— Эй, телята, дайте дорогу пенсионеру, уважайте старость, — усмехнулся Искра.

— Гляди ты, дразнится, — удивился прибывший к молодежи сорокалетний тракторист Завыгин и дрожащим от вожделения голосом посоветовал парням: — Дайте ему по рогам, ребята, чтобы на ваших девок не заглядывался.

— Ну? — спросил Стефан у Завыгина, держа его на вытянутой руке в воздухе. — Убить тебя или ранить?

— Лучше в плен взять, — смиренно попросил Завыгин.

Молодежь уже давно расползлась по огородам и палисадникам.

— Ладно, — потерял Стефан Искра интерес к происходящему, — иди.

Он равнодушно отбросил Завыгина в гущу зарослей шиповника и пошел к дому. Его что-то тревожило, и выйдя из села, Стефан понял, откуда эта тревога. Огромная, в полнеба, луна за-вораживала его мысли. Стефан Искра стал свидетелем странного и необъяснимого природного феномена. Вокруг луны образовался мерцающий, голубовато-красный нимб, а на самом диске вдруг появлялись видимые для глаза точки и, вспыхивая изумрудно-ярким, исчезали. Длилось это не более двух-трех секунд, но этого было достаточно, чтобы Стефан Искра, перед тем как увидеть перед собою обрушившийся на него треугольный, фио-

летово-золотистый, странный глаз, успел воздеть руки к ночно-му небу и громко прокричать:

— Небооо! Я сын твооой!!!

Крик был так силен, что его услышали даже в разгульном Бурашово, и на мгновение на обеих свадьбах все замерли и замолчали. Тихий ангел пролетел над Чувашней. Но через мгновение вновь все задвигались, заговорили, зажевали и заплясали. Свадьба — шумное действие.

Глава шестая

1

Альпийское астрономическое общество при розенкрайцеровской обсерватории, расположенной в горном каньоне Левье, что находится на юге Швейцарии, готовилось к встрече гостей из Женевы, участников международного конфессионального форума ученых-аскетов. Президент общества, Масалик Турбенргман, авторитетнейший астрофизик мира, автор дерзновенной гипотезы о "буйстве разума на Юпитере и дублирующего состояния планет солнечной системы", волновался по двум причинам, каждая из которых оправдывала это волнение. Во-первых, общество должно было принять ученых очень высокого ранга: ожидались лауреаты Нобелевской премии, итальянец Пикало Фаргон, англичанин Стивен Маллиган, Олег Антонов, физик, разработчик теории конструктивно расширяющихся бионов хронологического сгустка в неакцентированном пространстве, более известном под определением "черные дыры", а также академик Игорь Петрович Гляделкин, впервые обнаруживший мутантные изменения в магнитном поле Земли. Масалик Турбенргман ожидал также Клайда Гота и Люта Ходокова, американских ученых блокбастерной астробиологии, науки об ассоциативной нелогичности человеческого фактора вне солнечной системы. Клайд и Лют входили в сверхсекретный отряд астронавтов США, готовящихся к полету на Юпитер, но этого Масалик Турбенргман, конечно, не знал, ибо, как говорил один полковник из российского ГРУ, секреты штука не кровожадная, но убивают всех, преждевременно проникающих в них.

Вместе с Турбенргманом встречал гостей и его ученик Крис Вастурци, обладающий фундаментальными знаниями не только в области астрономии и астрофизики, но и в области молекуллярной андрогинной биотектоники, молодой науки, утверждающей, что разделение человечества на мужчин и женщин было насильственной акцией во времена праатекской цивилизации. Тогда все люди были двуполы, гениальны и малочисленны. Они населяли лишь те территории земного шара, где присутствовала пульсация тонких энергий, то есть в тех местах, где ныне находятся месторождения урановой руды. Размножались двуполые люди, хотя и совокупляясь, сложно и даже торжественно. Они были настолько совершенны, что вмещали в себя и Отца, и

Мать, то есть рожали все и в одно время. Если в племени было двести человек, то все двести ходили беременными. Более того, ученые биотектоники, а следовательно, и ученик Турбенрогмана Крис Вастурци, утверждали, что двуполые люди не были подвержены чувственности, умирали по желанию и были столь склонны к познанию своего внутреннего мира, что всю свою умственную силу, по принципу замкнутого цикла, направляли лишь на самих себя, не думая о благоустройстве мира, поэтому мир тогда был красив и не болен. Далее в истории существует провал, и вся информация о двуполых исчезла. Вастурци уверял Турбенрогмана, что древние греки поклонялись богам-гермафродитам, и что в их пантеонах и храмах хранилась вся информация о тех, кто разделил людей на мужчин и женщин. Выслушивая теории Вастурци, Турбенрогман обычно отмахивался:

— Отстаньте от меня, Крис, со своими гомосексуальными научными комплексами, лучше займитесь систематизацией своих научных увлечений. Две недели назад вы убеждали меня, что всех геев и наркоманов нужно окунуть в кислоту, растворить, затем вскипятить этот раствор и на его основе сделать совершенное лекарство от ВИЧ-инфекции. Скоро прибудут высокомудрые гости, проследите, чтобы все было на уровне.

Вторая причина, по которой волновался Масалик Турбенрогман перед встречей с учеными-аскетами, вытекала из первой. Он не знал, как отнесутся его титулованные коллеги к полученным буквально три дня назад снимкам Луны и его предположениям по этому поводу. Дело в том, что Луна, которую обыватели всех уровней воспринимают как нечто щекочущее воображение в располагающие для этого минуты жизни, именно такой и является. Масалик Турбенрогман готов был поклясться, что три дня назад альпийская обсерватория наблюдала, как с Луны была осуществлена высадка десанта на территорию Земли. Ни более, ни менее. Ярко-изумрудные вспышки не могли быть оптическим обманом. Вот эти снимки, а вот фиксированно-направленное движение света в сторону Земли. Турбенрогман по непонятной даже для себя причине неожиданно злорадно усмехнулся.

2

Директор ФСБ, после разговора с главой службы внешней разведки Тропаревым, пил чай, густо разбавленный молоком, и недоумевал про себя: «Чай какой-то странный». Он вызвал секретаршу и спросил, указывая на чашку:

— Это что?

— Чай, — удивленно посмотрела на него секретарша и, заметив на столе фарфоровый молочник, уточнила: — С молоком, то есть по-английски.

— Разве? — удивился директор, беря молочник и поднося его к носу. — Это точно молоко? — недоверчиво спросил он и плес-

нул себе в чашку белой жидкости. — Интересное в Англии молоко, забористое, где взяли такое?

— Веточкин и Лапин краснодарский принесли его в запечатанном кувшинчике. Сказали, что это ямайское молоко для вас. А в чем дело? — Подойдя к чайному столику шефа, секретарша взяла молочник и поднесла к носу. — Понятно, — с досадой произнесла она. — Ром кокосовый, ямайский, двенадцатилетней выдержки. Шестьдесят один градус крепости, очень дорогой, эксклюзивного качества. Вы не хотите, чтобы я подготовила текст приказа об объявлении выговора полковнику Веточкину и генералу Лапину?

— Не надо, — предостерегающе поднял руку директор ФСБ и заодно посмотрел на правое запястье с часами, — тем более, что уже 19.00, у меня через полчаса встреча с Дождем из ГРУ. Завтра я в Ростов-на-Дону лечу. Кстати, узнайте-ка, где сейчас Веточкин и Лапин.

— Веточкин, Лапин, — сразу же начала докладывать секретарша, — а также примкнувшие к ним полковник Хромов из МУРа и куратор Генпрокуратуры по Южному округу Миронов в данный момент прогуливаются по Казанскому вокзалу, встречают пассажирский поезд "Чебоксары-Москва", в котором должен прибыть объект по имени Стефан Искра.

— Это не объект, это наш новый сотрудник. Он назначен на должность заместителя начальника отдела модификаций, руководить которым будет генерал Веточкин. — Шеф ФСБ со стуком поставил молочник на столик.

3

Директор ФСБ по дороге домой никак не мог понять свои ощущения, возникшие после разговора с главой ГРУ. С одной стороны, ничего нового он не почерпнул из этой беседы, но с другой, предчувствие глобальных изменений в мире усилилось. Разведка и контрразведка последнее время работали в режиме "Секунда". Информация, поступающая из США, давала повод думать, что янки сделали какой-то грандиозный прорыв, не без помощи покинувших страну русских ученых, по всем фронтам научной мысли, реабилитировав понятие параноака, доказав, что все обвинения в ее псевдоистинности не имеют основания. Одним словом, директор ФСБ, Волхв Михаил Григорьевич, получил из рук ГРУ информацию о том, что:

а) США заканчивают подготовку к запуску трех(!) космических кораблей с людьми к Юпитеру.

б) Спецслужбы США осуществляют на территории России розыск бывших сотрудников "УЖАС"а и склоняют их к эмиграции в США, обещая все блага и выполняя эти обещания.

в) Особо проявляется целеустремленность ЦРУ в поисках некоего сумасшедшего ученого-генетика Алексея Васильевича Чебрака и неких "солнечных убийц" по кличкам "Улыбчивый",

“Малышка” и “Стефан Искра”. Создана специальная группа ЦРУ для поиска и вербовки этих людей на территории России.

г) Стало известно, что почти все более или менее оснащенные передовыми технологиями обсерватории мира зафиксировали необъяснимую, впервые наблюдающуюся, активность на поверхности Луны. Служба космического слежения ГРУ зафиксировала этот феномен одной из первых...

д) Почти ото всех источников из научного мира поступили сведения о повышенной активности “Улья шершней”.

“Ульем шершней” назывался квадрат 666 в северной части акватории мирового океана, неподалеку от канадского Арктического архипелага, где наиболее часто наблюдалось появление НЛО. Два корабля ВМС России, “Кронштадт” и “Внимательный”, в составе Северного флота, были полностью оснащены аппаратурой и кадрами ФСБ. Они почти всегда находились в квадрате 666. После того, как был замечен феномен зеленых вспышек на Луне, от “Кронштадта” пришло срочное сообщение:

“Мы, а также корабли ВМФ США и Великобритании, срочно покинули район “Улья шершней” из-за стремительно повышающегося на поверхности уровня радиации. По данным оставленных в квадрате 666 дозиметрических буев этот уровень превышает норму в 1.000.000.000. Как будто бы на дне взорвался небольшой город, в котором каждый дом — Чернобыль, а каждая единица общественного транспорта — ядерная бомба. Вызывает изумление факт нераспространения радиации за пределы квадрата, словно эта территория стала автономной от океана. Никто из ученой братии не может объяснить, почему за десять метров до “Улья шершней” радиация на поверхности и в глубинах нормальная, а через десять метров такая, что все живое распадается на молекулы. Но самым необъяснимым является то, что все командиры, независимо от страны и без всякого предварительного согласования, за несколько часов до повышения радиации отдали приказ своим кораблям покинуть район квадрата 666. Но даже не это удивительно, а то, что вся морская живность покинула это место вместе с кораблями флота. Так что перед нами сейчас зона абсолютно мертвого океана. Командир линкора “Кронштадт” адмирал Базаров”.

“Дела, — подумал Волхв, подъезжая к дому, — сплошные дела”...

4

Пассажирский поезд “Чебоксары-Москва” подъезжал к Москве. Стефан Искра принял предложение возглавить кадровую часть только что созданного ФСБ подразделения “ОМ”, командование которым было поручено произведеному в генералы Тарасу Веточкину. Стефан Искра знал, вернее чувствовал, что такое, или похожее, предложение он рано или поздно получит, и он его получил.

— Стефан! — зычно крикнул Хромов и помахал рукой. — Мы здесь!

Полковник Хромов в новом костюме московской модельной фирмы "Аполлогет" походил на портowego грузчика, неожиданно попавшего в Большой театр. Генерал Веточкин абсолютно не ассоциировался с грузчиком в опере, а, скорее, был похож на оптимиста, склонного к систематическому и профессиональному скептицизму. Новоявленный куратор Генпрокуратуры по Южному округу Миронов как всегда интеллигентничал, был в костюме "тройка" из сиднейского шевиота, белой рубашке и золотистом, в серую полоску, галстуке. В руке он держал портфель, то есть выглядел совсем не интеллигентом, а чиновником московской мэрии, разглядывающим из окна митинг российских иногородних с требованием отменить московскую регистрацию. В портфеле у Миронова лежал мобильный телефон и четыре завернутых в пищевую фольгу бутерброда с домашним салом. Глава краснодарского УФСБ генерал Лапин, в джинсах, клетчатой рубашке и кроссовках, выглядел профессиональным спортсменом в отпуске, которому не хочется ни с кем разговаривать.

Как-то так получилось, что встретившиеся друзья оказались в ресторане "Арбатский АР'С", кухня которого, на взгляд Хромова, не несла в себе разрушительных последствий для семейного бюджета. На самом же деле владелец ресторана, бывший осведомитель МУРа, работавший в непосредственном контакте с Хромовым, давно и настойчиво приглашал его посетить свой ресторан, но Хромов отказывался. Отношения сыщиков со своей агентурой — сфера особая, можно сказать, деликатная. Когда осведомитель раскрутился и открыл свое дело, он попросил Хромова вывести его из агентурной цепочки на заслуженный отдых. За былые заслуги полковник пошел ему навстречу и вывел источник "Гюрза" из тайного и могущественного ордена стукачей.

— Куда ты нас привел? — укоризненно посмотрел на Хромова Лапин и тут же озабочился своим реноме: — Нас здесь не арестуют?

Возле сцены, с левой стороны, за столиком сидели трое мужчин с лицами трупов, сквозь тела которых проходит высоковольтная линия.

— Это дартузеры староконюшенного направления джемейкерного декаданса, — попытался успокоить провинциального Лапина, не спускающего глаз с троицы, столичный Веточкин.

— Так это они? — удивился Стефан Искра, с трудом отрываясь от изучения названий блюд в меню. — Перформансисты.

— А-а, преферанс, — ухватился Хромов за знакомое звучание и с сочувствием посмотрел на троих эпатажников. — Это же надо проиграться до такой степени. И куда только милиция смотрит?

— Это не дартуазеры, — вдруг подал голос Миронов, — это маньеристы.

— Маньеристы? — уже вполне равнодушно переспросил Хромов и взял в руки меню.

— Да, — подтвердил свои слова Миронов, — куртуазные.

Сидящие возле сцены мужчины были голыми, с раскрашенными телами, в желтых цилиндрах и дорогущих галстуках.

— А вот и я, — предстал перед друзьями слегка запыхавшийся владелец ресторана, бывший агент “Гюрза”. — Что будем пить и кушать?

— И то, и другое, — пообещал ему Хромов и кивнул в сторону сцены: — Это что за карьеристы у тебя там сидят?

— А-а, — пренебрежительно махнул рукой хозяин “Арбатского АР’Са”, — это великие магистры ублюдочного перформанса, поэты актибинского ритма. В районе Арбата им иногда разрешают сидеть голыми в ресторанах, в целях привлечения иностранных туристов. Не обращайте на них внимания. Итак, — он оглядел стол, — вас будет обслуживать Van Ваныч, маэстро сервиса, гуру официантского искусства.

Элегантный “Гюрза” вежливо поклонился и отошел от столика, но, что-то вспомнив, вернулся и, наклонившись, тихо сказал Хромову:

— Все за счет заведения, сделайте одолжение бывшему агенту, не обижайте.

— Ладно, — кивнул головой Хромов, — не обижу.

5

После того, как на столе появилось блюдо из жареных морских гребешков, японского риса со шкварками и котлетами “Сорочинские”, после того, как было подано филе оленя, сердце и язык в островом соусе и бульон из петуха и женщины с ягодами дерезы, и после того, как друзья съели по ножке ягненка, замаринованного накануне ночью в островом твороге и обильно политого ромом, только после этого они решились попробовать оригинальное блюдо “семужку пьяную” и эскарго из чего-то такого, что Хромов неуверенно назвал “лапками каких-то маленьких птичек”.

— Я тоже так думаю, — поддержал полковника Лапин. — Это болотные лебеди младенческого возраста.

— Лягушки, что ли? — догадался Миронов и, взяв со стола бутылку водки “Премиум”, стал разливать по рюмкам.

— Вам хорошо, — вступил на путь благодушного завидования Хромов. — Вы все генералы, а я по-прежнему полковник.

— Ну уж нет. — Лапин понюхал водку и отставил рюмку в сторону. — Водку с добавлением мяты не пьют даже сборщики чая в Индии.

Мгновенно появившийся Van Ваныч выдернул бутылку элитной “Премиум” со стола и заменил ее другой, с изображени-

ем национального символа Шотландии на этикетке — красной куропатки.

— Мне вот, генералу, — стал язвить Веточкин, взяв в руки бутылку, — купажированный скотч за две тысячи зеленых никто в ресторане по дружбе не поставит.

— Ну я же поставил, — возмутился Хромов, забирая у Тараса бутылку и с хрустом сворачивая с нее пробку. — И вообще, Тарас, не надо ля-ля, тебе вон Чигиринский прислал на день рождения бутылку "Мак Лауда" за семь тысяч баксов.

— Как же, — засомневался Веточкин, поднося к носу рюмку с "красной куропаткой" и жмурясь от наслаждения. — Это в Москве он семь тысяч зеленых стоит, а в Израиле 250 шекелей, это во-первых, во-вторых, я об этой бутылке доложил начальству, и, само собой, ее забрали как вещественное доказательство "попытки подкупа со стороны моссадовской разведки".

— А то они Чигиринского не знают, — буркнул Хромов и тоже стал принюхиваться к рюмке с виски.

Миронов с уважением посмотрел на пустую рюмку и восторженно сообщил:

— Шотландское виски, однако.

— Между прочим, — Лапин приподнял рюмку и посмотрел сквозь нее на свет, — это виски от дистилляции до разлива в бутылки проверяют на качество 6002 раза.

После этих слов за столом на мгновение установилось почти полное молчание, друзья невольно остановили свой взгляд на "красной куропатке", таинственно мерцающей на столе тяжелым, янтарно-золотистым цветом.

Глава седьмая

1

"Не будь я Саша Углокамушки, если не говорю правду. Никто не верит, что я обладаю ясновидением. Всем надо деньги, пророки никому не нужны. Мне, кстати, тоже деньги нужны. Как говорил великий О'Генри, "если вам нужны деньги, то их нужно взять у людей". Блин, люди. Попробуй у них взять, снега зимой не выпросишь. Особенно в Таганроге. Ну и город, выйдешь на улицу и сразу же выпить хочется. Но только не сейчас, башка как у Ленина, озабочена социальной справедливостью плюс каждому капиталисту по электрическому стулу. Пойду посмотрю, кто это всю ночь возлежал со мною на одном ложе, неплохо было бы увидеть там когда-нибудь Капу. Как я раньше ее не замечал?"

Саша Углокамушкин вошел в комнату и в задумчивости остановился возле разложенного кровать-дивана, глядя на девушку, укутавшуюся в одеяло. Подопечная братьев Рогонянов, по кличке "Крейсер Аврора". Саша с интересом похлопал ладонью по ягодицам девушки и, когда она открыла глаза, сухо спросил:

— Я что, за тебя бабки белобрысым армянам платил?

— Нет, — девушка перевернулась на спину, — я с тобой из благодарности пошла.

— Ты что, головой стукнулась? Я ничего не помню, было что между нами?

— Все по нулям, — прикрыв ладонью рот, зевнула Аврора. — Я тебя довела, уложила, разделила и сама спать легла.

— Понятно. — Саша снял брюки и лег рядом с девушкой под одеяло. — Расскажи, о какой благодарности ты со мной говорила. Если это так, то нельзя ли отблагодарить деньгами?

— О, деньги, — потянулась в постели Аврора. — Можно и деньгами. — Она взяла со стула сумочку, вытащила пачку денег и, отсчитав десять пятисотрублевок, протянула Саше: — Это благодарность.

Саша взял деньги охотно и одобрительно похлопал девушку по щеке.

— Это на время, — объяснил он свое “альфонство”. — Я тебе в два раза больше верну. Мне срочно нужно с хозяйкой расплатиться. Спасибо за благодарность, а теперь давай вернемся к любви.

— Ну давай, — легко согласилась Аврора, — куда же от нее денешься.

2

“Все бы хорошо, когда бы не хотелось лучшего. Интересно, какую такую благодарность я заслужил от симпатичной овцы из стада рогонянова? Надо вспомнить вчерашний день, кадр за кадром”, — думал Саша Углокамушкин, пока “Крейсер Аврора” ходила обнаженной по флигелю, с интересом рассматривая предметы быта, отягчающие жизнь Саши Углокамушкина.

— Ну что, так и не сообразил, почему я тебе деньги дала и ничего не требую взамен?

— Ты в меня влюбилась, — зевнул в потолок лежащий на спине Саша и уточнил: — Или ты со мной вчера банк по пьяни ограбила, а я забыл об этом.

— Ну ты даешь. — Изумленная Аврора села на край постели и по привычке выгнула спину, демонстрируя пластичную готовность к исполнению профессиональных обязанностей. — Ты в натуре? Или я в натуре, или я даже не знаю, кто?

В словесной несуразице, произнесенной Авророй по имени Галя, присутствовала энергетика авантюрной экспрессии, обычной для человека, готовящегося сорвать в свою пользу.

— Ну, ну, — подбодрил ее Саша Углокамушкин и наобум ляпнул: — Где остальные бабки?

— А я и не собиралась тебя кидать, — сразу же выдала себя с ног до головы Аврора-Галя, — иначе еще вчера бы слиняла.

— Я тебя проверял, — соврал Саша и на всякий случай криво усмехнулся, — и ты прошла проверку.

ВСЕ лежало под кроватью, задвинутое в самый темный угол. ВСЕ было похоже на полуметровый кожаный кисет, странной угловатой наполненности. ВСЕ полностью уложилось в сумму 756.000 наглых и беспардонно-притягательных американских долларов.

— Ё..! — откинулся на кровати Саша Углокамушкин и вновь повторил: — Ё..!

Немного прия в себя, он с усмешкой посмотрел на успевшую перепугаться Аврору и понял, почему она не убежала вчера. Такой суммой, не имея навыков и смелости, можно подавиться сразу же и насмерть. Саша вспомнил все: пьянку, длящуюся семь дней и начавшуюся сразу же после похорон Лени Светлогорова, каких-то людей, Лену Баландину, сдающую сейчас экзамены в школе и намеревающуюся прийти к нему сегодня вечером, пирсинг на пупке, который она ему сделала на память и который, как ни странно, прижился, драку в трамвае, Саша застутился за Аврору, над которой издевались два юнца мажорно-кулацкого типа, милицию, убегающую вместе с ним по переулкам всхлипывающую Аврору. Ночь, Пушкинскую набережную, запах моря и гари на месте сгоревшего ресторана "Морская гладь". Серый, плоский камень и вот — СЕМЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ.

— Так, — потянулся Саша Углокамушкин, ощущая, как в его мыслях возникают контуры ПЕРСПЕКТИВЫ. — Начнем с того, что забудем об алкоголе.

Глава восьмая

1

— По мнению психиатров, все люди сумасшедшие, ты знаешь об этом, сынок? — говорил Иван Максимович Савоев, участковый инспектор городского района Соловки.

— Не то чтобы все, — засомневался Слава Савоев, — но психиатры — точно привернутые.

— Ну да, — неизвестно кому сказал в пространство Иван Максимович, — я тебя понимаю. — Он обошел вокруг новенькой "вольво", подарок от жены к дню рождения, и, указывая на нее пальцем, спросил у сына: — Как ты думаешь, твоя мама здорова?

— А что? — Слава с недоумением посмотрел на автомобиль. — "Вольво" как "вольво", обычный подарок женщины-олигарха своему мужу участковому. Мне, допустим, она "Оку" подарить хотела, ты представляешь? — Слава, улыбаясь, посмотрел на отца. — Это то же самое, если бы я по городу на трехколесном велосипеде ездил.

— Ну, — неуверенно протянул Иван Максимович, — я ей выговор и за "Оку" сделаю. А ты на личную машину не рассчитывай, пока не женишься и внука нам не покажешь, а для работы можешь мой "жигуль" брать. — Иван Максимович по-

чесал затылок и уточнил: — Два раза в неделю, в ночное время...

Отец и сын стояли во дворике частного дома родителей Савовых. Вокруг них был южный май. Щебечущая юная сила тепла и радости, овладев городом, раскрасила его изумрудной зеленью и нежным смущением белого восторга повсеместно цветущих фруктовых деревьев. Сочная и добрая ярость улыбчивой южной природы несла в себе акцент неумолимого жизнеутверждения, настоянного на запахах древнего моря, окружающего город, и буйно самоутверждающихся древних степей, окружающих море.

— Так что, сынок, — пришел к неожиданному для Славы выводу Иван Максимович, — тебе и “Оку”, видишь ли, мать предлагает, и я “жигуль” свой жертвуя, а ты никак своим родителям помогать в их трудной жизни не собираешься.

— Я собираюсь, — машинально стал оправдываться Слава, — вы только скажите...

— Я верил в тебя, — обрадовался Иван Максимович, доставая из салона “вольво” папку с бумагами. — Возьми, — он протянул папку сыну. — Мы с матерью на пару недель уедем, нужно куму в Краснодаре проводить, а ты вместо меня за участкового побудь. Околог у меня тихий, люди в основном интеллигентные, да ты сам знаешь, если по ночам с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье неходить в одиночку без оружия, да к малолеткам не приближаться, то на Соловках безопасно, как в зрительном зале дворца культуры во время концерта в честь Дня милиции.

— Но у меня же срочное задание, отец, — стал поспешно отказываться Слава. — Меня Самсонов...

— Я с ним уже переговорил, — остановил его отец. — Он не возражает... — Иван Максимович сделал деликатную паузу. — Не возражает, сынок, чтобы ты без отрыва от основной работы выкраивал часок-другой в обед и вечером для работы с заявлениями граждан на подведомственной мне территории.

Папка участкового уже была в руках Славы, и все разговоры потеряли всякий смысл, но Слава предпринял еще одну отчаянную попытку избежать работы с заявлениями граждан.

— Хорошо, отец, я поработаю, а невеста пусть подождет. Любая ее зовут, хотел вас с нею познакомить завтра. — Слава довольно хмыкнул. — Кажется, она уже забеременела, ну да оно и к лучшему, молод я еще для отцовства, пусть abort делает.

— Черт! — Иван Максимович пнул колесо “вольво” и, внимательно посмотрев на него, сделал потрясающий вывод: — Кажется, кардан по шву разошелся. Дай сюда. — Он забрал у Славы папку и, бросив ее в салон через опущенное стекло дверцы, объяснил: — Совсем забыл, что кума сейчас не в Краснодаре, в Турцию собралась, так что завтра мы вас ждем, тебя и Любку, в гости. — Он взглянул на часы: — К часу дня. — Слава хотел что-

то сказать, но Иван Максимович покровительственно похлопал его по плечу: — Я договорился с Самсоновым. Он тебе на завтра выходной дал.

2

Разговор Славы с отцом состоялся ранним утром субботы, а вечером этого же дня Слава открыл записную книжку и стал обзванивать знакомых, начав с самой компетентной.

— Таня, это я, Слава, — сообщил он журналистке местной газеты "Городская площадь". — Ты, случайно, не беременная?

— На четвертом месяце, — с первой же фразы призналась журналистка. — Он будет похож на тебя. Я знала, что ты позвонишь, верила, что у ребенка будет отец.

— Так это... — Слава Савоев взял лежащий на столе бутерброд и стал его есть. — Мы же с тобой разбежались после того, как я по оперативным каналам выяснил, что ты лесбиянка.

— Ну и что? — удивилась журналистка. — С кем не бывает, а я полифоничная девушка. И вообще, пока мы тут с тобой болтаем, я уже стала на пятом месяце беременности. Скорее бери паспорт и живо приезжай в редакцию, пойдем в ЗАГС заявление подавать, что без толку языком трепать.

Таня Литвинова, Татьяна Кировна Литвинова, когда-то училась с оперативником в одной школе, в одном классе.

— Ну ладно, розовая леди, — доел бутерброд Слава. — Не суй мне в уши рощи соловьевные, а лучше будь другом и найди мне Любку какую-нибудь покрасивее, понаглее, помоложе и слегка, месяца на три, подбеременную. Срочно надо!

— Секунду, — прервала его журналистка, и Слава слышал, как она крикнула кому-то в редакции: — Любочка, иди сюда! Слава... — позвала она Славу. — Восемнадцать лет, Люба, красавица и вообще мулатка.

— Неужто Ниферти? — Слава хорошо знал единственную в городе чернокожую красавицу Любку Кракол. — Она разве беременная?

— Фи, — хмыкнула "розовая леди". — Беременность я беру на себя. Ну как, согласен взять в невесты нигерийку по женской линии?

— Да! — восторженно согласился Слава. — То что надо. Значит, так, раба репортажа, сотвори ее и оформи. Пусть выглядит яркой, морально неустойчивой чернокожей красавицей и месяца на два-три припухшей в области живота. Мне надо папе с мамой завтра представить невесту так, чтобы они стали напрягать все силы для аннулирования этого союза.

— Понятно. — Было слышно, как на том конце провода щелкнули зажигалкой. — Все будет тип-топ. Жених, куда тебе доставить Любочку?

— Давай завтра в двенадцать дня в "Шоколаднице" встретимся?

— Давай, — подражая интонации Лолы Кисс из фильма “Слишком гибкое танго для юной Доминико”, приняла предложение журналистка. — Я ее одену в мини-юбку. Как у твоих родителей с нервами и сердцем?

— Лучше в миди, — принял компромиссное решение Слава и спросил: — Ты, я слышал, зуб на Рокецкого имеешь?

— О да! — На этот раз талантливая одноклассница Славы Савеева изобразила интонацию Кристины Флойд из фильма “Стервы пера”. — Он меня по пьяни изнасиловал на вечеринке у Дыховичного.

— Не ври, Танька, — оборвал ее Слава. — Скорее, наоборот, но все равно прими информацию. Его два дня назад в центре города проститутка Мокшина обокрала. Сейчас Мокшина в розыске, но не за кражу. Ее саму вместе со студенткой Воскобойниковой и девицей Глебовой украли, в смысле они все исчезли в неизвестном направлении. Можешь какую-нибудь сенсацию выдумать в качестве мести. До завтра, одним словом.

— Угу, — воспроизвела журналистка, как ей казалось, интонацию филина, — до завтра.

3

Начало следующего дня явилось словно незыблемая, освещенная тысячелетиями истиной: “И будет судный день”. Нет, сам день начался хорошо. Утром Славу разбудил телефонным звонком отец, сын жил отдельно от родителей в однокомнатной квартире, и сказал:

— Бери “вольво”, если хочешь, покажи Любочке, что у тебя серьезные намерения и родители не бедные.

— Папа, — растрогался Слава, разглядывая цифры электронных часов стоящего на столике транзистора “Сименс”. Было 5.10 утра. — Спасибо за подарок.

— Да не за что, сынок, — успокоил его Иван Максимович, страдающий жаворонизмом. Его день всегда начинался в пять часов утра зимой и в четыре в теплое время года. — Не такой уж я строгий, чтобы не дать родному сыну до вечера машину. Кстати, не забудь ее вечером вымыть и заправить, перед тем как в гараж ставить. Ты давно проснулся?

— Да нет. — Слава пошевелил большим пальцем ноги, торчащей из-под одеяла. — Я еще сплю, батя. Дай-ка трубочку матери, мне поговорить с ней охота.

— Раз спиши, так и спи спокойно, — почему-то перешел на шепот Иван Максимович. — Взгляни лучше на часы, в такую рань только такие, как ты, остолопы не спят. Ладно, — неожиданно сменил тему разговора Иван Максимович, — ждем вас с Любочкой к часу дня, мама на сегодня все дела отменила.

“Люба, — подумал Слава положив трубку. — Будет вам не просто Люба, а всем Любам Люба, целое Любице”.

Слава попытался заснуть, но скоро понял, что это невозможно. Одуванчиково-золотистая нежность солнца уже прильнула ко всем окнам однокомнатной квартиры. Слава Савоев вскочил с постели, нажал кнопку транзистора и, взяв в руки гантели, начал делать зарядку. Он вышел из растяжки и привязал резиновым жгутом гантели к ногам. В этот момент — Слава уже поднял одну ногу вверх — резиновый жгут, удерживающий гантели, развязался, и через секунду, успев отклонить голову от одной гантели, а вторую сильно откинуть рукой назад, он услышал звон разбивающегося отброшенной гантеляй оконного стекла и после небольшой паузы гневный взрыв возмущения с улицы. "Судный день" Славы Савоева, наконец-то, обозначился.

4

Иван Максимович, терзаемый жаждой дедовства, вышел во двор и всей грудью вдохнул утренний воздух. Вместе с ним он вдохнул и дым пожара, разрастающегося где-то совсем рядом. Внимательно взглянувшись в сторону столба дыма, участковый понял, что ему пора приступать к своим обязанностям. Горел расположенный в четырех домах от дома Ивана Максимовича особняк Синявского Захара Георгиевича, умудрившегося в черте города жить натуральным хозяйством чуть ли не в промышленных объемах. У него был большой кирпичный дом, во дворе расположились голубятня, птичник, небольшой, на десять поросенок, свинарник. Путем склок, стычек и добродушно-изощренной наглости он отвоевал у соседей справа, слева и позади участка по пять метров земли и присоединил их к своим шести пародально-дачным соткам почти в центре города, в двадцати метрах от троллейбусной остановки и в сотне метров от отрицающей натуральное хозяйство многоэтажности. Таганрог, как и Рио-де-Жанейро, город контрастов. В нем можно увидеть все, включая море и белый теплоход, можно нос к носу столкнуться с рафинированным иронично-умным интеллектуалом высшего класса и тут же, буквально в двух шагах от него, склониться по физиономии от какого-нибудь недовольного твоим существованием на земле жлоба. Впрочем, в Москве по физиономии можно получить, даже не отходя от интеллектуала, то есть "чисто конкретно" от него лично. Если Москва смогла сконцентрировать в себе ВСЕ, то Таганрог воплотил в себе оставшееся за кадром ВСЕГО. И вот теперь натуральное хозяйство Синявского Захара Георгиевича полыхало со всей силой и со всех четырех сторон. В огне, пожирающем имущество Захара Георгиевича, отсутствовала стихийность начала, зато угадывалась "дружеская" рука со спичкой. Иван Максимович, прибывший к месту пожара за пять минут до приезда пожарной службы, сразу же предположил, что рука, вернее руки со спичками, вполне могли принадлежать Вениамину Смехову, сыну соседа Синявского слева, по кличке "Юморист", и Александру Ковтуну, сыну соседа справа,

по кличке "Колесо". Но он пока не афишировал свои подозрения и подошел с молчаливым сочувствием к застывшему в столбообразной неподвижности Синявскому.

— Все, ты понимаешь, Максимыч, — устало обвел рукой Захар Георгиевич горящее пространство своей собственности, — все медным тазом накрылось.

— Ну что поделаешь, Синявский, не хлебом единым жив человек. Новый дом построишь, Захар, еще лучше этого.

— Крышу три дня назад заменил на новую, — не слушал участкового озаренный всполохами пожара Синявский. — Черепицей стокгольмской покрыл.

— Страховку получишь, государство поможет. — Иван Максимович, увлеченный своими профессиональными задачами, не замечал, что несет какую-то ахинею.

— Поросята сгорели на хрен. Куры, — стал он перечислять Синявский под звуки сирены приближающейся пожарной машины, — полыхнули ясным пламенем. Баня, — поползла по щеке Захара Георгиевича слеза, — бревенчатая, новая, одно бревно 150 рэ, словно свеча восковая истаяла. Кролики мышастые, сорок особей, ошалычились и телевизор "Панасоник", — по-настоящему заплакал Синявский, — ляпнулся...

Старший пожарного расчета, хорошо знающий Ивана Максимовича, направился к нему.

— В доме чей-то труп обгоревший, — сообщил он участковому.

— Вот, — покивал головой опустошенный горем Синявский, — папа, простая душа, скрематорился.

— Ты! — опешил Иван Максимович. — Ты! Козел! — Окончательно впал в ярость участковый, ибо теперь волей-неволей пожар попадал из простого бытового происшествия в разряд ЧП, повлекшее за собой человеческие жертвы. — Куры, гуси, лопата новая! — передразнил он Синявского. — Скотина бессовестная. Отца родного даже и не вспомнил, а он же в тебе, я помню, души не чаял!

— Прошу вас. — Захар Георгиевич посмотрел почему-то на пожарного. — Застрелите меня для полного счастья.

5

Пожар, Синявский и показавшая свой звериный оскал проблема отцов и детей омрачили настроение Ивана Максимовича настолько, что он перестал замечать майское утро, трепещущее вокруг уже утихомиренного пожара. Он решил не усугублять свое состояние и отложить расследование на завтра. Он знал, что "Колесо" и "Юморист" вот-вот должны уйти в армию, они уже получили повестки и даже остриглись под "ежика". "Пусть идут и служат, — решил Иван Максимович, направляясь к дому, — стране два лишних зека ни к чему, а вот солдаты не помешают". Он вошел во двор, открыл ворота на улицу, сел в салон своего нового скандинавского друга и подумал: "Отгоню

Славке, пусть сегодня покатается, перед девушкой своей покрасуется"...

Сначала Иван Максимович услышал крики людей, на балкон которых посыпалось стекло, а затем гантели, пробив лобовое стекло "вольво", ударились о спинку пассажирского кресла и упала, комфортно устроившись, на сиденье рядом с водительским местом. "Ага, — не обратил внимания на ранение автомобиля Савоев-старший, доставая из подмыщечной кобуры своей ПМ. — На Славку кто-то напал в квартире". Гантелю он узнал сразу, это были его гантели. Слава Савоев просто перетащил их к себе на квартиру. Выскочив из автомобиля, Иван Максимович, с пистолетом в руке, в кроссовках, свитере и старых тренировочных штанах с пузырями на коленях, побежал вокруг дома к подъезду сына. На его голове была фуражка, в которой он всегда ремонтировал свой "жигуленок", а левая щека была в саже, вольно и густо летающей вокруг покинутого им недавно пожара. Навстречу бегущему Ивану Максимовичу вывернулся из-за угла вышедший выгулять свою собачку породы "московский дракон" заведующий автобазой номер два Дыховичный, которого Иван Максимович на свою и его беду не знал в лицо. Дыховичный был в штанах от полосатой пижамы, в пиджаке от Либрана за две тысячи долларов на голое тело и резиновых калошах на босу ногу. От шести до семи часов утра таганрожцы обычно не следят за стилем в одежде, что, собственно говоря, и является стилем, который, кстати, очень хорошо был описан городским модельером Сашей Смагиным в местной газете "Таганрогская правда" и который он назвал "жлобоватым эстетством допрезервативного периода"...

Увидев бегущего Ивана Максимовича, Дыховичный вдруг во весь голос заорал и, теряя на ходу калоши, стал убегать от него с такой скоростью, что вышедшая вместе с хозяином маленькая собачка породы "московский дракон" летела за ним на поводке, словно воздушный змей, и мелодично-придушиенно повизгивала.

Все-таки есть в действии, превращающем мелкие случайности в непреложный факт закономерности, великая тайна бытия. Раздосадованный Слава вскочил с пола и кинулся к разбитому гантелей окну, моля Бога, чтобы она не упала кому-нибудь на голову. Из окна ничего не было видно, и он выскочил на балкон, откуда сразу же увидел спринтерски бегущего с визжащей крошечной собакой на поводке соседа Дыховичного и преследующего его с пистолетом Макарова в руке Ивана Максимовича. "Ах ты, сука, Дыховичный, — бросился Слава Савоев к двери квартиры, понимая, что дорога каждая секунда. — Хочешь избежать возмездия, коррупционная морда". Слава как был, босиком и в длинных, почти до колен, трусах из цветного ситца с изображением волка из мультфильма "Ну погоди", так и помчался вниз по лестнице. Выскочив на улицу, в прыжке преодо-

лев лестницу подъезда и удивив до крикливой истерики дворничиху, он ринулся навстречу только что вывернувшему из-за угла бегущему Дыховичному.

— А-а! — орал бедный зававтобазой, со скоростью экспресса мчавшийся в объятия Славы. — Спаа-сии, Сла...

Но Слава не дал ему закончить фразу, схватил за руку, подсек и уложил лицом на асфальт, чувствуя, как в его задубелую пятку безуспешно пытаются вонзить зубы крошечный, но важный "московский дракон". Подоспевший Иван Максимович тут же заломил за спину вторую руку Дыховичному и спросил у Славы, переводя дыхание:

— Ну что, целый?

— Слава Богу, — тяжело дыша ответил Слава, морщась от крика экспансивно перепугавшейся дворничихи.

— Пожар! — кричала она, твердо усвоив инструкцию из газет, что нужно при виде насильника выкрикивать именно этот лозунг, гарантирующий массовое внимание жильцов. — Пожар!..

— Я так и знала, — раздался рядом с отцом и сыном громкий и приятный женский голос. — Доигрался, подлец!

Жена Дыховичного, красивая, пышная дама с огромными голубыми глазами оккультуренной образованием клинической дуры, злорадно смотрела на прижатое двумя коленями к земле туловище супруга.

— Возьмите собаку, Алена Кондратьевна, — попросил Слава. — И извините, что я в таком виде.

— Ничего, — взяла поводок в руки женщина. — С вашим рельефным телом можно и без трусов ходить.

— Знаете что, — строго обратился к ней Иван Максимович, — идите-ка лучше домой и ходите там, как вам заблагорассудится.

Иван Максимович и Слава быстро поставили Дыховичного на ноги и почти пробежкой повели его к пострадавшему "вольво".

— Так-ак, — вытащил из бардачка наручники и защелкнул их на запястьях Дыховичного Иван Максимович. — Порядочек.

Патрульная машина, видимо, вызванная кем-то из жильцов, вильнула с основной дороги в их сторону.

— Ладно. — Савоев-старший посмотрел на Славу. — Я его сам отвезу и допрошу по полной форме, а ты не отвлекайся, Люба тебя ждет, а мы ждем вас к обеду. Вот, — Иван Максимович протянул Славе ключи от "вольво", — поставишь в гараж, а "жигуль" возьмешь. В машину его, — сказал он подошедшим патрульным, кивая на Дыховичного. — Покушение на жизнь сотрудника милиции с проникновением в его жилище.

— Ах ты, гад, — ринулся на Дыховичного с кулаками Слава Савоев. — Я тебе сейчас все рыло измолочу. — И лишь наручни-

ки на руках завтобазой удержали Славу от расправы. Он не был беззащитных. — А как там мама? — волнуясь, спросил Слава. — Все нормально?

— Да что с ней сделается? — удивленно посмотрел на сына Иван Максимович. — Спит еще, наверное. Ты скорее домой иди, — кивнул на трусы Славы, — ходишь по улице, как придурак.

Потерявшего дар речи Дыховичного патрульные не просто посадили в зарешеченный салон "канарейки", а вбросили туда. "Покушение на жизнь работника милиции" — серьезное обвинение.

— В чем дело? — на всякий случай спросил Слава у соседа по лестничной площадке, выскочившего на улицу в дубленке на голое тело и старой, побитой молью и временем кроличьей шапке-ушанке.

— Дыховичный, гад, дом поджег и пытался застрелить жену и милиционера, — не стал вдаваться в подробности Славин сосед, филолог по образованию и каменщик-штукатур по профессии.

Слава тихо проскользнул в подъезд и поднялся в квартиру. Глядя на разбитое окно и одинокую гантеля, лежащую посередине комнаты, он неохотно стал догадываться о причинах неожиданного ареста Дыховичного и развернувшихся во дворе событий. Неожиданно зазвонил телефон, и Слава поднял трубку, хмуро бросив:

— Рассказывайте.

— А вы записывайте, — услышал он насмешливый голос Степы Басенка. — Привет, Савоев.

— Привет, — обрадовался Слава другу. — Меня сегодня, видимо, выгонят со службы и убьют родители.

— Да ты что? — удивился Степа. — Не может быть.

— Зачем звонишь? — решил Слава оборвать разговор о своих проблемах. — Пьяный, что ли?

— В Ростов надо ехать, в областную больницу, — перешел на деловой тон Степа. — Девочек пропавших там искать. Чмурик, описанный Рогонянами, врачом-многостаночником в ней работает, но ты его не моги ни рукой, ни ногой. Он какой-то весь из себя талантливый. По нему ребята в костюмах будут работать, но девушки на нас.

— Ладно, — успокоил его уже забывший об утренних событиях Слава, обрадованный интересным развитием событий по делу о пропаже. — Прощаю эту больницу, а ты Самсонову позвони, лады?

— Позвоню, — коротко пообещал Степа и положил трубку.

— Мог бы и до свидания сказать, — свирепо сообщил равнодушно гудящей трубке Слава Савоев и, улыбнувшись пространству квартиры, добавил: — Однако быстро в Москве зажираются.

В десять часов утра Слава Савоев вывел из гаража отцовский "жигуленок" и на его место водворил травмированный "вольво". Примерно в это же время Иван Максимович Савоев начал отступать под эмоциональными аргументами Самсонова, а подоспевшие в лице двух сыновей Дыховичного факты, подтверждающие смехотворность предположений о метании в стекло "вольво" гантели и нападении на Славу Савоева в его квартире, вынудили Ивана Максимовича признать незаконным и даже беспредельным задержание заведующего автобазой. Он попытался рассказать Самсонову о заявлении Алены Кондратьевны, сообщившей во время захвата супруга о его причастности к словоизму и подлости, но пришедшая вместе с сыновьями "мать и жена" заявила о своей любви и нежности к униженному супругу и весьма некстати добавила:

— А вот ваш сын в пьяном виде ходил голый по двору.

— Это ложь, — гневно возразил Иван Максимович. — Он был в трусах и трезвый.

— Понятно, — помрачнел лицом полковник Самсонов. — Не голый, а в трусах.

Потерявший дар речи, с расцарапанным об асфальт лицом, Дыховичный, на голову которого заботливая супруга надела цветастую пляжную панаму, сидел в коридоре перед кабинетом Самсонова и тупо смотрел в стену. Ни он, ни Самсонов, ни Иван Максимович Савоев, никто в УВД и городе не знал, что в эту секунду кавалькада солидных синемигальных автомобилей пересекла границу города и помчалась по его центральной улице. Вскоре один, вполне тянувший на правительственный, "мерседес" отделился от кавалькады и прымиком направился к УВД, через сотню метров еще один, уже явно правительственный, "мерседес" направился к зданию УФСБ, что на улице Греческой соединяется территорией с театром имени Чехова.

Первый замдиректора ФСБ Олоничев, глава управления внутренних дел Ростовской области, и неизвестно какими путями, связями и личными качествами прибившийся к нему на странную должность доверенного лица подполковник Абрамкин, сопровождающие полпреда президента по Южному округу Таганцева, прибыли в Таганрог для участия в открытии ежегодных чеховских чтений в рамках культурных мероприятий общероссийского значения, совпавших с пожеланиями ЮНЕСКО, объявившего весну этого года "Весной Чехова".

Вскоре начальство обрушилось на город по всем правилам ревизорской войны — сразу же и по всем направлениям. В 11 часов утра Таганцев уже входил в административное здание по улице Ленина, а первый замдиректора ФСБ, как бы невзначай, заглянул в городское управление ФСБ, ну, а областной комиссар Кияшко, в сопровождении странно-вездесущего Абрамкина, во-

шел в здание городского управления внутренних дел и сказал, добродушно прижмуриваясь, опешившему дежурному по управлению:

— Здравствуйте, лейтенант.

— Привет, Подпрыжкин, — помахал рукою нервному лейтенанту Абрамкин. — А вот и я, прямо из Сочи.

7

В 11.40, когда Слава Савоев ехал в отцовском "жигуленке" на встречу с бывшей одноклассницей в кафе "Шоколадница" и воспринимал досадный случай с гантеляй и Дыховичным как давнее, ушедшее в былинную историю событие, в управлении внутренних дел пульсировало и действовало настоящее.

— Какими судьбами, Дых, сколько лет не виделись!

Областной комиссар распростер объятия и пошел навстречу Дыховичному, спускающемуся со второго этажа в сопровождении бережно придерживающей его под руку супруги. Нос, лоб и подбородок Дыховичного были в ссадинах, а пляжная цветастая панама, лихо сдвинутая на затылок, пижамные брюки и шикарный пиджак, из-под которого виднелась волосатая грудь, делали его похожим на рецидивиста.

— А-а, — слабо улыбнулся комиссару Дыховичный и тоже раскрыл объятия. — Колька, рад тебя видеть, ментяра.

Дыховичный и Кияшко, оказывается, были друзьями с юности, оба из города Белая Глина, оба в один день призваны в армию, где и прослужили в одном полку и в одном взводе всю службу. Далее пути их разошлись, Николай Леонидович Кияшко пошел в милицию, а Илларион Кузьмич Дыховичный поступил в московский институт эксплуатационной целесообразности МИЭЦ. И вот друзья неожиданно встретились.

— Рассказывай, Дых, что случилось? — стал требовать комиссар.

И Дыховичный рассказал. Подполковник Абрамкин, увидев торопливо спускающегося навстречу начальству полковника Самсонова, снял с головы фуражку и прижал ее к груди.

8

В 12 часов Слава Савоев сидел за столом кафе "Шоколадница" с предназначенней ему во временные невесты Любочки. Рядом с нею находилась Таня Литвинова и пила красное вино "Каберне".

— Ну и как тебе Любочка? — спросила она у Славы.

Непонятно, кто у Любы был папа, но мама точно была нигерийкой из женской сборной по баскетболу, оперативник в этом ни секунды не сомневался. Если к параметрам 96-60-96 прибавить большие синие глаза, тонкие, аристократически безупречные черты европейского лица и черный, с нежным тюльпановым оттенком, цвет кожи, то становилось понятным, почему

Слава Савоев замер от восхищения, увидев Любовь Александровну Кракол...

Покойный "плейбой" Саша Кракол, по кличке "Крокодил", до Глории Ренатовны Выщух и до ныне покойной Софьи Андреевны Сычевой жил одно время с нигерийкой, московской студенткой, много лет назад приезжавшей на летнее время в Таганрог вместе со своей подругой, студенткой журфака МГУ, будущей мамой Тани Литвиновой. Саша Кракол не мог оставить без своей любви чудом залетевшую в город нигерийскую красавицу. А когда она забеременела, он расписался с нею в загсе и дал дочери свою фамилию. Правда, затем он влюбился в китаянку и бросил нигерийку, но все это в далеком прошлом. А в настоящем перед Славой Савоевым сидела африканка с европейскими чертами лица и спрашивала у него:

— Слава, тебя уже выгнали из уголовного розыска, или это произойдет через несколько часов?

— А что случилось? — вдруг заволновался Слава. — Ты про что?

— Она у нас колдунья, провидица, ведьма "вуду", — с любовью посмотрела на подругу Таня Литвинова. — Ты лучше не ссорься с нею, а еще лучше женись.

На этих словах Слава заглянул в голубые глаза Любочки, вздрогнул и тихо произнес:

— Ну что, принцесса, замуж за меня пойдешь?

9

В 12.50 Ивану Максимовичу Савоеву было предложено написать рапорт об увольнении из органов внутренних дел по собственному желанию, а комиссаром Кияшко, здесь же, в управлении внутренних дел, был подписан приказ об увольнении из уголовного розыска старшего оперуполномоченного капитана Савоева Вячеслава Ивановича за профнепригодность и возбуждении против него расследования по факту "превышения служебных полномочий, повлекшего за собой легкие телесные повреждения и нравственную травму у гражданина России Дыховичного Иллариона Кузьмича". Кроме того, Иван Максимович был обвинен в "ношении табельного оружия вне служебной деятельности", хотя все, включая самого Кияшко, знали, что служебная деятельность участкового равна 24-м часам в сутки...

Когда Слава Савоев, придерживая Любку Кракол за узкую, воистину аристократическую "эбонитовую" ладошку, помогал ей сесть в салон "жигулена", возле них притормозила миниатюрная "Ока", и вышедший из нее Николай Стромов печально сообщил Славе, что семья Савоевых с этого момента не имеет к органам правопорядка никакого отношения, и что Славе некоторое время лучше избегать встречи с Иваном Максимовичем.

Пока Слава переваривал неожиданное сообщение, к ним широким спортивным шагом подошла Таня Литвинова и спросила:

— Слава, вы сейчас на смотрины или сразу в загс?

— Мы сразу в эмиграцию, — объяснила подруге Любочка, выставив из салона на асфальт одну ногу. — Уже начались политические преследования нашей контрастной любви.

10

— Значит, так, Стромов, — задумчиво произнес Слава Савоев. — Ты меня не видел, а я тебя тем более.

— Хорошо, не видел, — покивал головой Николай. — А дальше что?

— Надо позвонить Игорю и Степану в Москву. — Слава потихоньку стал успокаиваться. — А там посмотрим.

— Ну... Слава, — сразу же огорчился Степа Басенок, которого Слава разыскал по одному из телефонов МУРа. — Даже не знаю, что сказать.

— Я понимаю, Степан, — согласился с начальником группы Слава Савоев. — Такие вот дела.

— Ладно, — продолжал Басенок, — езжай в Ростов, выходи на этого чудо-доктора, ищи пропавших девушек. Никому ничего не сообщай, Самсонову на глаза не попадайся, я ему сам позвоню и скажу, что ты внедрился в ОПГ. А там — как выведет кривая, то ли грудь в крестах, то ли меня тоже выгонят.

— Понятно, — обрадовался Слава. — А вы в Москве, наверное, из казино и ресторанов не вылезаете?

— Почти угадал, — хмыкнул Степа. — Скорее бы отпуск кончился, надоел мне этот МУР...

— Что? — спросил Николай Стромов у выходящего из переговорного пункта Славы. — Жить будешь?

— Значит, так. — Слава показал Стромову на его шавкообразную "Оку", приткнувшуюся за его дворняжистым "жигулением". — Садись на свой велосипед и езжай на службу. Если Самсонов спросит, скажешь, не видел меня, более того, даже не догадываешься, где я могу быть. Пропал, мол, Славка Савоев, сгинул как донской казак в джунглях Нью-Йорка.

— Артист, — покачал головой Стромов, садясь в "Оку". — Пистолет дать? Пока не задокументировал. Сегодня утром изъял на месте убийства. "Карася" старшего на Северном завалили.

— "Карася" завалили? — удивился Слава. — Надо же такому случиться, лучше бы младшего завалили. А пистолет задокументируй и сдай, салага. Видишь, — он ткнул себя пальцем в грудь, — даже такого зубра, как я, съели.

11

Слава Савоев решил ехать в Ростов-на-Дону незамедлительно, не дожидаясь обрушивания на свою голову добавочных не приятностей. Он похлопал себя по карманам пиджака и убедился, что удостоверение на месте, "ПМ" в плечевой кобуре, а пять тысяч рублей, сунутых ему два дня назад в карман матерью, бы-

ли еще целехоньки. Он сел в автомобиль, доверенность на вождение тоже была на месте. "Ну и ладно, — подумал Слава, трогаясь с места. — В Ростов, в Ростов, в Ростов!"

Слава не знал, что в Таганрог, кроме МВД и ФСБ, прибыла и группа "Синицы" ФСО России. Эта группа осуществляла проверку местности, которую должен был посетить глава России, на "предмет аномально-непредсказуемых ситуаций". Лунный феномен странного проявления активности не прошел мимо внимания "Синиц", как и не прошел мимо внимания астрономов и подразделений, аналогичных "Синицам" в других странах мира. Оптическая, сложно-составная система фантомно-спекторного, пространственно-объемного фиксирования космической разведки ГРУ предоставила "Синицам" детальные снимки лунного феномена. На них отчетливо высвечивалась "возможная тенденция предполагаемого десантирования". "Тенденцией" были названы едва заметные светящиеся росчерки от Луны к Земле. Аналитическое формирование ФСБ "Соты", изучив эти снимки, выдало уклончивую формулировку: "Если предположить, что лучевое направление в сторону Земли, возникшее во время наблюдаемого лунного феномена, имеет искусственное происхождение заинтересованного действия, то территорию России необходимо проверить нейро-изотопной аппаратурой "Литургия" в районе акватории Азовского моря, Москвы и Чувашии. Это в России. Что же касается глобальной информации, она остается в распоряжении ФСБ и Президента".

Слава резко затормозил и даже потянул на себя барабанку, увидев на шоссе трехметровый огненный треугольник, в центре которого сидел и улыбался голый младенец с большими янтарными глазами. Слава пулей выскочил из салона и бросился к ребенку, но так и застыл в рывке. Вокруг него была гулкая и странная тишина, словно этот "участок" шоссе, вместе с ним и "жигуленком", кто-то вычленил из жизни и осторожно поместил под стекло в гулком безмире.

— Агуу, ва, — улыбался черноглазый малыш, — уу-ууу, ва, агуу.

Полыхающий огнем треугольник приподнялся вместе с младенцем, повернулся к Славе острием и стремительно вонзился в грудную клетку, растворяясь в ней.

— Чёрт, — с недоумением огляделся Слава Савоев. — Что мне померещилось?

Проезжающая мимо автоцистерна "Молоко" притормозила.

— Что с тобой? — спросил у него вихрастый водитель. — Помощь нужна?

— Нет, нет, — улыбнулся Слава. — Все нормально.

Он медленно сел в "жигуленок", повернул ключ зажигания и, уже трогаясь, подумал: "Интересно, готово ли человечество и существа, управляющие им, к встрече со мной?"

Глава девятая

1

Отдел модификаций приступил к работе. Пока Тарас Веточкин занимался организационными делами и вживался в звание генерала, Стефан Искра стягивал под крышу отдела бывшие кадры бывшего "УЖАС"а. Работа не из легких. Во-первых, основная часть ценных кадров относилась к категории "Личность", а это самая сволочная категория людей, особенно в не-прикормленном и в не достигшем успеха состоянии. А во-вторых, многие "ужасники" имели громкие имена и должности, были весьма амбициозны и склонны к независимости. Если "УЖАС" решал, благодаря биочипам "Верность", проблему работы с кадрами легко, то ФСБ не имела подобных чипов. Впрочем, был другой, достаточно действенный и надежный аргумент-ДОСЬЕ! В компьютерной памяти всех спецслужб хранится лишь секретная информация "второй свежести" и тщательно продуманные "сенсации" для журналистов и хакеров. Настоящая информация никогда не доверялась и не будет доверяться компьютеру. Она всегда в папочках с тесемочками, всегда где-то там, где ее невозможно добыть непосвященным или сделать достоянием общественности...

Стефан Искра зря беспокоился. Воспитанные биочипом "Верность" бывшие сотрудники "УЖАС"а шли на контакт с ФСБ охотно, радостно и даже с чувством глубокой благодарности. У Стефана Искры и Тараса Веточкина создалось ощущение, что биочип "Верность" просто дождался этого часа и совсем не отключался.

— Видишь ли, — сказал Стефан Искра Веточкину. — Впереди самое сложное — контакт с Чебраком и оставшимися "солнечными", а это...

— Я понял, — не дал ему закончить Тарас Веточкин. — Надо идти к Волхву.

2

— Сразу к делу, — предупредил Веточкина директор ФСБ Волхв. — Мне скоро к президенту.

— Мы собрали почти всех профессионалов "УЖАС"а, — стал докладывать Веточкин, — и все они, включая переехавших в Англию и США, не говоря уже об Аргентине и Турции, согласились сотрудничать с нами безвозмездно и всю жизнь. Не знаю даже, что им такое Искра рассказывал и показывал, но столько радости и счастья я давно не видел в глазах внештатных сотрудников.

— Веточкин, — Волхв взял со стола какую-то коробочку и стал вертеть в руках, — короче.

— Чебрак, ученый-генетик и вообще талант от Бога и черта одновременно, — Веточкин кашлянул, — за ним столько преступлений числится, что его можно и расстрелять по суду, но...

— Я понял, — перебил его Волхв, продолжая вертеть в руках коробочку, — что ты предлагаешь, но не понял, чего ты хочешь, расстрелять его или к ордену представить.

— К ордену, — машинально отреагировал Тарас и тут же пояснил: — То есть зачислить его в штат “ОМ”.

— А в чем загвоздка? — удивился Волхв. — Можно подумать, что в мире существуют контрразведка и разведка, способная по нравственным или уголовно-процессуальным мотивам отказаться от такого кадра. На МОССАД лет двадцать бывшие агенты адвера работали.

— Понятно. — Веточкин вновь кашлянул. — Стефан говорит, что чувствует район местонахождения двух супертелохранителей активной модификации “солнечные”, кстати, это в той же местности, где и Чебрак. Что делать? Они безумцы, их невозможно контролировать, а для нейтрализации нужна полномасштабная войсковая операция силами спецподразделений ФСБ, ФСО, ГРУ, да и то не факт, что все закончится удачно.

— Смотри, — Волхв встряхнул в руке коробочку, — ученый Корзун Сергей Афанасьевич образец нам подарил.

Вокруг коробочки возникло легкое завихрение, и на столе, на глазах изумленного Веточкина, возникла точно такая же коробочка, как в руке Волхва.

— Нанотехнология. — Глава ФСБ осторожно отодвинул от себя обе коробочки. — Это тебе не из пистолета стрелять куда ни попадя, а наука, вещь, — Волхв назидательно поднял к потолку палец, — в нашем деле просто необходимая. Не спецназ элитный надо применять против “солнечных”, а нашего штатного сотрудника Чебрака Алексея Васильевича. Такие кадры, как “солнечные”, на дороге не валяются, а только с неба, в виде удачи, падают.

Глава десятая

1

Женевский форум ученых-аскетов и приглашенных в большом количестве ученых-неаскетов набирал обороты. Более двух тысяч лучших умов человечества собирались в благоприятно-разжиревшей на иностранные деньги Швейцарии и пытались выработать общую точку зрения на создающуюся в мире ситуацию. В отличие от обывателей всех уровней, капитаны науки, отчасти напоминающей флибустьерский корвет, знали истинное положение вещей, наряду с посвященными представителями политической власти. Впрочем, высший эшелон теневой и явной власти владел более глубинной информацией, чем представители науки, по некоторым причинам, главной из которых была их принадлежность к грозной, двухуровневой касте дзог, проникшей во власть поверхностных государств несколько веков назад из срединного, околохорузлитного государства качественного человечества. Дзоги были

именно кастой, а не племенным видом. В нее, наряду с ацтекскими гардами, входили жрецы майя, египетские липиды, делатели фараонов и будущих ситуаций, волхвы Самарии, Этропии, Гардии и лунной страны Киж, центр которой находился в лесах неподалеку от нынешнего Новгорода, иудеи, маги шестигранных вертикалей, построившие Иерусалим на спиральной развязке параллельностей, владеющие мастерством входа и выхода из них. Дзогами были и светоносы православного золотого сечения, объединяющего тайное родство невидимого мировой толпой вероисповедания России, Китая, Израиля, Ирана, Индии и Тибета. Никто не знает, что Китаем вот уже сотню лет правит в разных обличиях тот, кого в России некогда почитали как Серафима Саровского. Такова сила дзогов, умеющих воздействовать на восприятие времени двухуровневой системной волей. Но вернемся к женевскому форуму ведущих ученых мира.

Форум — это нечто среднее между публично декларируемым и приватно обсуждаемым. Гляделкин Игорь Петрович и Сандри Глимук сидели рядом на балконе в здании Большого кантонального собрания Женевы без наушников синхронного перевода и слушали речь докладчика, англичанина Стивена Маллигана, искоса поглядывая друг на друга. По правую руку от Глимука сидел ученый из Нижней Вольты, а по левую руку от Гляделкина увлеченно внимал докладчику француз. Оба были в наушниках синхронного перевода и, судя по их растерянным лицам, плохо понимали своих переводчиков.

— Слишком много отвлеченных приоритетов, — говорил Стивен Маллиган. — Мы больше уделяем времени унитазам, определяющим болезни по консистенции стула, чем глубинной сути процессов, происходящих вокруг нас...

Гляделкин и Глимук отлично владели английским и поэтому слушали англичанина с легкой презрительной усмешкой.

— Неадекватность, — вещал Маллиган, — вот ключевое слово в оценке нынешней научной мысли. Тратятся огромные суммы денег, чтобы спасти человечество от СПИДа или еще какой-нибудь заразы, а то, что все обсерватории мира, включая службы космического слежения, потеряли из виду астероид "ОХ4", который с вероятностью 99,5%, может пересечься с орбитой Земли, никого не волнует, хотя если он столкнется с нами, эпоха СПИДа покажется золотым веком человечества.

— Оракул, — поделился своими мыслями с Глимуком Игорь Петрович. — Пафос, как у проповедника в церкви для умалишенных.

— Да, да, это точно, — с готовностью согласился Сандри Глимук и, чтобы поточнее выразить свое отношение к Маллигану, добавил несколько фраз по-русски: — Он этъё, как это, козъёл.

— Или тревожное сообщение астрономов, в частности, такого авторитетного как Масалик Турбенргман, о предположи-

тельной агрессии против Земли с поверхности Луны. Я, конечно, не имею в виду голливудскую версию инопланетной агрессии, но лунный феномен подобного рода наука еще не наблюдала...

— Ну уж нет, — вскинулся Игорь Петрович, — наблюдала.

— Да, да, — готовно закивал Сандри Глимук. — Он есть, как идьиот. — И перейдя на английский, добавил: — Об этом лунном феномене есть свидетельства в шелковых письменах тибетца Трон-чхен-ргиас, первого Ситу Ринпочэ.

— Когда слышу о Тибете, — неловко пошутил Игорь Петрович, — я хватаюсь за револьвер.

А французский ученый восхищенно взирал на докладчика Стивена Маллигана.

2

В конце первого форумного дня в кулуарах стали набирать обороты разговоры о возможности создания ускорителей для космических кораблей. Для этого было много предпосылок. Во-первых, открытие месторождения нового энергоносителя "бафометин" в акватории Азовского моря, а во-вторых, странные манипуляции США в подземных ангарах аризонской пустыни. На данное время геологи всех стран мира уже прощупали чуть ли не каждый метр земного шара в поисках "бафометина" и нашли еще два месторождения. Одно на дне Марианской впадины, а второе в самом центре северного полюса, на дне Ледовитого океана. Нашли, естественно, США и сразу же схватились за голову. Чтобы добывать "бафометин" со дна Марианской впадины, необходимо вложить средства, равные сумме ста годовых бюджетов со всем профицитом и стратегическими запасами. Мировая война и устранение ее последствий дешевле стоят. А в районе полюса добывать "бафометин" никто и не помышлял, люди, даже американцы, еще не настолько сошли с ума, чтобы приступить к прямому убийству Земли, со всеми признаками особой жестокости. США, на всякий случай, стали муссировать вопрос об уникальности Азовского моря и необходимости спасти его экологию силами ООН, но это так, на всякий случай. Все все понимали. Пентагону оставалось только сожалеть, что вокруг Азовского моря Россия, а не Африка. Правда, была еще Украина, но хохлы, как назло, задружили с москалями, а ждать, пока они поссорятся, не позволяло время, русские уже активно разрабатывали свой ускоритель.

В кулуарах говорили много и о хроногиперболизированном квантоотражаемом ускорителе, сотворяемом американцами в Аризоне, упоминались даже такие слова, как "звездолет" и "Юпитер", но как-то неуверенно.

— Это ведь и ежику понятно, — уцепился за пуговицу Игоря Петровича Гляделкина Ефим Яковлевич Чигиринский, без участия которого такой форум, конечно же, не мог обойтись. — Я

тут один честный и независимый служитель научной мысли, да и то раввин.

Гляделкин и Чигиринский были знакомы еще по Москве, посещали один и тот же ресторан "38 попугаев" на Цветном бульваре. Впрочем, это уже давно стало общим моментом. Все более или менее значимые люди Москвы в той или иной степени были знакомы с вездесущим равви.

— Фима, оставь мою пуговицу в покое, — возмутился Игорь Петрович. — Ты меня на Берлинской конференции этой своей привычкой идиотом выставил. Иду к трибуне, а у меня пиджак на животе как у придурка расходится из-за того, что ты пуговицу оторвал. Скажи лучше, что грядет?

— Американцы, Огин, полетят вместе с русскими к Юпитеру. — По лицу Чигирина как бы пробежали мгновенные всполохи сине-желтых огоньков. — Но не это должно нас тревожить, Огин, а то, что пришли "лунные бабочки" и, возможно, пришли с решением изъять с Земли и душеносителей качественно-околохорузлитного человечества, и статик-рабов поверхности.

Ефим Яковлевич Чигиринский, Свити, был дзогом предварительного испытания, а Игорь Петрович Гляделкин, впрочем, как и несколько других светил науки на форуме, был агентом влияния в поверхностной науке и принадлежал к айрини, великому племени околохорузлитного государства агрессивных мистиков. То есть Огин как был десятисантиметровым айрини в глубине земли, так в глубине и остался, наполняя оттуда жизнь статик-раба Гляделкина Игоря Петровича умом, талантом и дерзновенной мыслью. Чигиринский, с тайным именем Свити, благодаря полномочиям дзога, мог общаться через Гляделкина и с айрини Огина и с самим Игорем Петровичем, абсолютно не ведавшим о своей двойной сути.

Глава одиннадцатая

1

Легкость и звон, напоминающие пробуждение после кошмарного сна. Лазурный лама Рими пробликовал по изгибу эластичного времени и легкой контурной тенью втянулся в хорузлитно-лунитную оболочку.

— Рими, — легло в него пониманием внутреннее и облаченное время хорузлита, — ты весь запыленный. — В хорузлите Время исполняло контролирующие функции, с ним можно было общаться, оно было сотворено из той же космической субстанции, что и элохимы. — Войди в аидный нейтрализатор, Рими, отряхни с себя пыль поверхностной жизни статик-раба, пообщайся с демиургами. Сейчас в Аду и у нас моменты концентрированного осмысления. Опять пришли "лунные бабочки".

Рими был раньше Леней Светлогоровым, а до Лени главным специалистом по иудаизму в ООН Адина Штейном, а до Адина

Штейна архитектором Гусаком Вайсом в Праге, а до Гусака Вайса осведомителем гестапо Арнольдиной Шмерлинг в варшавском гетто. До Арнольдины Шмерлинг он пребывал в созвездии Агност, проходил через очистительное безумие Серой звезды, параболический вакуум которой заглатывает черные дыры и минисекундных белых карликов вселенной, до очищения в Агносте был римским императором, а еще раньше — богом Шивой, то есть человеком до элохимно-демиургового периода. Теперь же Рими — лазурный лама, вернувшийся из информационного поля статик-рабов на поверхности земли, временно вошедший для прохождения карантина в аидный изолятор и сразу же уивевший за его прозрачно-прохладной оболочкой пламенно-плазменный мир бледных демиургов...

— А, Рими, — вырвался из вязко-густой крови огненной плазмы причудливо-лицеобразный овал лемурианца Василиска. — Ты умер, потому что опять пришли те, кого мы не можем объяснить?

Действительно, лазурные и демиурги не могли понять природу “лунных бабочек”, как не могли понять природу самой Луны, которая была инородной в плывуще схемной конструкции Солнечной системы. Земля тоже когда-то была инородной, но ее адаптировали, благо в то время энергия клио-вселенных была в пределах досягаемости, и даже планетарное межгалактическое облако Рааай было на расстоянии мыслетворения. Тогда Рими был Шивой, плоть от плоти настоящим землянином.

— Я всегда удивляюсь, когда вижу задающего вопросы лемурианца. — Рими увидел вдали полыхающие кольцеобразные контуры самого мудрого демиурга Велиала. — И не беспокоюсь при мысли о “лунных бабочках”.

— Мы тоже, — уплыл в воюющее плотное пламя Василиск, и за ним долго упливала его шестиметровая усмешка.

Рими, в отрезке Шивы, был преобразован демиургами в неодемиурга и вовлечен в сотворение хорузлита-лунита, а затем погружен в информационный свет элохимов. Он, Шива, и другие перволюди, возникшие одновременно с Землей — Кецалькаатль, Сатана, Кришна, Вишну, холодный Арктик, расплывчатый и грозный Стрибог, скальный Один, обволакивающий Агар, Ахей, Куикуилько и другие, все прошли через ритмично-временную неодемиургность и все рожали нити хорузлитно-лунитной планеты внутри земной плоти. Если бы не они, то хорузлит не смог бы вживиться в чрево земли, произошло бы отторжение. Любопытным было то, что перволюди багрового периода очень комфортно чувствовали себя в аналогичной действительности и легко, пройдя через провалы умирания, вливались в элохимство.

Рими чувствовал, как аидный нейтрализатор вытягивает из него вирусы последнего воплощения по имени Леня Светлого-ров. Из спрессованного до монолитной непроницаемости огня

выдавился глаз Сатаны, первоземлянина-неодемиурга, зрачок которого напоминал взрыв ядерной бомбы.

— Шива, — прошел через лазурного Рими на диапазоне параллельности зов, — а ведь эти беспороды, статик-рабы, слишком заразились от промежуточных людей дерзостью мысли, и опять, уже во второй раз, явились “лунные бабочки”.

Рими откликнулся на зов одного из своих многочисленных братьев безучастной отстраненностью, и глаз Сатаны задернулся пламенем.

Ясность и чистота созвучия с элохимным миром постепенно заполняли Рими, лазурного ламу седьмой агностической степени спирального знания. Сатана вновь выдавился губами из пламени:

— Шива, а ведь статики не такие уж и рабы. Вот ты, например, должен был воплотиться в статика, чтобы понять причину высшей деградации. К тому же, у меня есть уверенность, что они собираются к Юпитеру, да, Шива?

— Уйди, Сатана, — свирельно прозвучал Рими. — Я хочу отсутствовать, мне неинтересно говорить об этом.

И Сатана вновь, на этот раз окончательно, запахнулся пламенем, из которого еще несколько раз выдавливались оттеночные образы демиургового мира неформности, духи-гении двадцати четырех состояний существования, но видя, что лазурный со средоточен на возникающем решении, они оставили его в покое.

Колокольчики внутреннего времени сообщили Рими об окончании карантина, и он, покинув аидный нейтрализатор, сразу же стал пропускать через себя непрерывный поток глобально-детальной информации...

Глава двенадцатая

1

Руководитель рыболовецкого АО “Приазовский”, что в семидесяти километрах от Ростова-на-Дону, Иван Степанович Нечитайло, был погружен в думы. Еще бы. На территории АО, сконцентрировавшегося в трех приазовских селах Чулек, Нахапетово и Люлякино, поселилась молодая семья невиданной для этих мест колоритности. Мало того, что фамилия у них была Волчанские, так они вдобавок к этому бросили вызов и руководству акционерного общества, и районной власти, и даже, в какой-то мере, всему привычному и накатанному укладу жизни приазовских сел юга России. Во-первых, Волчанские купили лучший дом на центральной усадьбе в Нахапетово, прямо на берегу моря, и тут же, разрушив его, приступили, с помощью наемных строителей с Украины, к постройке нового, который своей архитектурой напоминал гибрид канувшей в Лету французской Бастии с виллой московской звезды театра и кино Александра А. в ближнем Подмосковье. Легко представить себе, как выглядел

этот дворец среди далеко не убогих, но очень уж простецких усадеб села Нахапетово. Это была наглость номер один. Во-вторых, вокруг своего демонстративно-экзотического дома Волчанские воздвигли, с помощью тех же строителей и двух арендованных автокранов, высокий забор из огромных глыб дикого кремневого камня, тем самым скрыв дом и двор от любопытных взглядов. Это была наглость номер два. А в-третьих, они вели себя так, будто вокруг них не существовало начальства. Установили у себя спутниковую антенну, связь, завели дружбу с наиболее предприимчивыми и работящими аборигенами. Но волновало руководителя и фактического владельца АО "Приазовский" другое. Из Ростова стали поступать так называемые "намеки для дебилов", то есть его покровители из областной администрации сообщали ему прямым текстом, чтобы он, черт побери, продал свой пакет акций, позволяющий владеть несколькими десятками кубических километров Азовского моря, вот этому, напоминающему Пьера Ришара, клоуну по имени Григорий Прохорович Волчанский, которому там, в Ростове, как сказали его покровители, кто-то тайно и мощно покровительствует. "Киллера нанять, что ли? — подумал Иван Степанович и тут же отмахнулся от этих мыслей. — Да нет, нельзя, я же не мразь с рогами".

2

Что бы там не думал Иван Степанович Нечитайло, а жители Нахапетово полюбили и зауважали супружескую пару Волчанских. Конечно, никто в рыбакском селе не знал, да и не мог знать, что Григорий Прохорович и Анастасия Гансовна были убийцы категории "солнечные", способные к интеллектуально-аналитическому восприятию как классифицированных, так и неожиданно-хаосных ситуаций. Откуда жители Нахапетово могли знать, что "Григорий да Настя" обладали интеллектом уровня "2 трилистника" и аномальными физическими возможностями? Не смогли бы жители Нахапетово понять разницу между системой "Вольфрам", по которой обучался Григорий Прохорович, и системой "Черная вдова", по которой обучалась Анастасия Гансовна. Зато аборигены села хорошо усвоили, что "Гриня да Настя" разбираются в деревенских делах, не отказывают в помощи, грамотные, богатые, нос не задирают, в общем, хорошие люди, хозяева, одним словом. Им даже не завидовали, сразу же признав за ними право на исключительность. Конечно, некоторые странности замечались за Волчанскими, но они только прибавляли чете дополнительный шарм ХОЗЯИНА. Так однажды подросток, сын бригадира Жарова, Колька, ранним туманным утром видел, как Анастасия Гансовна, будучи на сносях — на девятом месяце, определили женщины села, — шла босиком вдоль Донца к дальней роще. На ней было широкое лиловое одеяние странного покрова, напоминающее одновременно сарафан и ря-

су. Подходя к десятиметровой ширине протоки, пересекающей ее путь, она не пошла как все к галечной отмели выше по течению, а разогнавшись, высоко подпрыгнула и, совершив в воздухе сальто, опустилась на ноги уже на другом берегу протоки. Кольку до того потрясла картина летящей через протоку беременной женщины в странном одеянии, что он даже влюбился в нее и рассказал об этом по секрету лишь своему закадыке другу Ваське Ветрову, а тот разнес по всему Нахапетову. Правда, "разнес" как-то странно, начиная свой рассказ с вопроса: "Слышал, Колька Жаров головой так сильно стукнулся, что у него видения начались и его скоро в больницу увезут?" Если человек "не слышал", то Васька начал рассказывать ему о "видении", о "летящей ранним туманным утром через протоку беременной Анастасии Гансовне с развевающимися волосами и в сиреневых одеяниях". В Нахапетове именно так и решили, что Колька "сильно стукнулся", мать даже повезла его, несмотря на протесты, к доктору в районное село Неклиновку, но доктор отправил их обратно, объяснив матери Кольки, что "не морочь мне голову, баба дурная"...

Справедливости ради нужно сказать, что странные, богатые, зловеще утонченные, с явными элементами снисходительного высокомерия, да еще и пришли люди ни в русских, ни в немецких, ни в английских, ни в японских селах не могут рассчитывать на любовь и уважение, им будут вставлять палки в колеса при первой возможности, особенно, если обнаружится возможность сделать это безнаказанно. С "Улыбчивым" и "Малышкой" этого не произошло по нескольким причинам. Во-первых, им нужен был покой на период "Малышкиной" беременности, во-вторых, они всем своим необъяснимым обликом и поведением исключали любые проявления безнаказанности, а в-третьих, "Малышка" научила "Улыбчивого" психологическому приему "Любовь и уважение", который входил в обучение по системе "Черная вдова".

3

Насколько процесс умирания зависит от качества жизни, настолько начало жизни, рождение, зависит от целой череды подробностей и форм, настигающих нас в загробье. Рождение сложнее смерти по исполнению и проще по дальнейшему действию...

— Ты чувствуешь? — спросил "Улыбчивый" у "Малышки". — Если да, то как ты его чувствуешь?

— Это сын, — ответила ему "Малышка", — и он хочет уже выйти, но я удерживаю его пока, отговариваю. — Она положила руки на свой живот и погладила его с торжественностью Творца, сотворившего мир.

— Он кто?

— Пока Сергей, — призналась "Малышка". — Я еще нечувствую, что о нем можно говорить "Убийственный".

— Уже десятый месяц.

— Я помню.

Ребенка, рожденного на пятом месяце, нельзя оставлять в живых. Пятый, пентаграммный, самый опасный месяц беременности. Это период Иерофанта, Мага, находящегося в центре четырех стихий и управляющего как внешними, так и внутренними природными силами. В этот период оживляется левая рука плода, и если он выйдет из чрева на этом месяце и останется жить, благодаря усилиям врачей, то его жизнь будет преступной, несчастной и неприятно загадочной. Впрочем, загробье он пройдет без особых мук, и пребывание его в алогичной действительности будет недолгим. Видимо, на таких имеет виды какая-то из параллельностей.

На шестом, гексадном, месяце обычно не рождаются, ребенок этого месяца несет в себе элементы Андрогина под знаком Вишны, полувикиши-полурожденный. Такие приходят в жизнь лишь с помощью врачей, искусственное прерывание беременности с дальнейшим водворением плода в барокамеру, имитирующую чрево матери. Шестимесячный ребенок, даже при отсутствии внешних признаков, гермафронт. На шестом месяце в плоде проявляется звук, умеющий выражать волю. Если бы человечество не утратило в себе понимание совершенства, инстинкт самосохранения и связь с ведизмом, оно бы никогда не выпускало в жизнь недоношенных детей, но человечество впало в ложный гуманизм и получило то, что получило — статус статик-рабов.

Ребенок, рожденный на седьмом, гептадном, месяце — это ребенок, находящийся под воздействием гипнотического излучения созвездия Плеяд. Плеяды — дочери Атласа, из племени перволюдей, сына Лилит и Геи. Мальчики, рожденные на седьмом месяце, незначительные в простом варианте и заносчивые карьеристы в сложном. Девочки же постоянно получают от шести видимых и одной невидимой Плеяды тайные уроки негромкой магической власти.

Ребенок восьмого, огдоадного, месяца беременности при рождении чаще всего умирает, слишком велика в этом месяце концентрация божественной Аритмии в чреве матери, это месяц рождения перволюдей, таких как Шива, у которого было восемь ртов и форм. Впрочем, это излишние сложности. Умерший при рождении восьмимесячный ребенок уходит в мягкую мебиусность, более известную как колесо Иезекиля, и он счастлив. Оставшиеся в живых склонны к грубому фанатизму во всех проявлениях.

Ребенок девятого, эннеадного, месяца, несет в себе эмбриональное начало океана и горизонта равных возможностей. Он полностью и качественно наполняет собою круговоротное пространство жизни во всех направлениях, в том числе и преступных. За могильной чертой иногда выясняется, что рожденный на девятом месяце человек толпы, проживший отмеренный срок

жизни "никак" и классифицирующийся как "быдло", "маргинал" и прочее, на самом деле носитель "чудного божественного ока", заслуживший НЕВОЗВРАЩЕНИЯ в жизнь.

Десятимесячные, декадные, дети рождаются тайно и редко. Так приходят в мир статик-рабов элохимы седьмой степени магического посвящения, так некогда пришел в мир Моисей, один из перволюдей багрового периода, санкцию на рождение которого давал Иегова, элохим 999 степени юпитерианского посвящения.

4

Вечер 28-го мая, как бы почувствовав, что ему суждено стать историческим в планетарном масштабе, был тихим, нежным и теплым. Солнце, приготовившись рассматривать пространство другой половины земного шара, напоминало о себе лишь розово-красным в структуре горизонта. Тоненький серп уже почти истаявшего месяца, не дожидаясь ночи, занял свое место на лилово-вечернем небосводе, украсив себя "колокольчиком" первой звезды в верхней части серпа. Ночь обещала быть звездной и тоже нежной.

Схватки начались ближе к полуночи.

— Ну? — глядя в глаза "Малышки", спросил "Улыбчивый". — Что?

— Это он, сын. — "Малышка" вслушивалась в себя. — Он не такой как все, он гораздо выше титула "Убийственный".

— Я знаю. — В глазах "Улыбчивого" заполыхало пламя высокомерного безумия, но усилием воли он погасил его. — Так и должно быть. Больно?

— Это не боль, — ответила "Малышка". — Это наслаждение ею.

— Я приму роды, — сказал "Улыбчивый". — И первым возьму сына на руки...

Вскоре отошли околоплодные воды, и наконец "Малышка" обратилась к "Улыбчивому":

— Возьми.

Из запредельного, междуночного тоннеля, ведущего плод из бесконечности, показалась голова младенца. "Улыбчивый" протянул руки, и вдруг на мгновение ему показалось, что его опередили чьи-то другие, словно бы вытканные из света и тумана, руки. Они погрузились в темя рвущегося в жизнь младенца, и видение рук исчезло. Рожденный в "рубашке" младенец лег в ладони "Улыбчивого", который стал быстро и профессионально делать то, что в таких случаях делают акушеры.

Глава тринадцатая

1

Десятилетиями господствующая мысль о том, что Юпитер более чем наполовину состоит из газа повышенной плотности, на самом деле оказалась ложной мыслью. Все как один, ученые

вдруг озабочились тайной Юпитера, понимая, что именно там существует разгадка всех земных тайн и проложены дороги будущего. И хотя люди уже привыкли смотреть в будущее без оптимизма, они все-таки не настолько деградировали, чтобы смотреть с оптимизмом в прошлое.

— Я думаю, все правильно, — сказала Клэр Гатсинг. — Юпитер сокровенная и живая планета. Ее энергетика сильнее земной, так что формула "человек — хозяин" там не будет работать, скорее возникнет новая: "человек — пища".

— Для этого не обязательно посещать Юпитер. — Блокбастерный астробиолог Клайд Гот, как всегда, был склонен к депрессивному оптимизму. — Земля нас тоже ест.

— Она же и выплевывает, — вмешался Лют Ходоков. — Давайте по делу.

— А дел, собственно говоря, и нет, — развел руками сенатор штата Аризона Арчибалд Соукс, — пока не будет решен вопрос, имеем мы право на применение хроногиперболизированного ускорителя для полета на Юпитер или нет. Существует очень серьезное опасение, что первый "хлопок" ускорителя, возможно, и добросит нас до Юпитера, но так, что после него мы не увидим в звездном небе планету Земля.

— Чушь! — стремительно поднялась с кресла Клэр Гатсинг. — Сенат США, как всегда, напоминает сборище винторогих козлов. Хлопок ускорителя рассчитан на изменение энергетического времени внешнего и скоростного пространства, а вы рассуждаете в диапазоне литературных "машин времени".

Арчибалд Соукс с удовольствием посмотрел на Клэр Гатсинг, в женской красоте и сексуальности которой был лишь один недостаток — ум, и медленно проговорил:

— Вы, Клэр, одна из самых гениальных мыслителей планеты, но дело в том, что вы, как и все женщины, дура...

2

Таганрог "штурмило". Не раз и не два здесь поминали матерным словом ЮНЕСКО с его "Весною Чехова". Досталось и самому Антону Павловичу. Был вымыт и обновлен памятник, отремонтирован дом-музей "Домик Чехова", подправлен облик "Лавки Чехова" по Гоголевскому, отреставрирован фасад театра имени Чехова и побелена гимназия его имени. Казалось бы, на этом все, но нет, гром грянул с другой стороны. Был снят с должности начальник горотдела полковник Самсонов, свой в доску, местный, и на его место водружен сочинец и карьерист, успевший стать полковником, Абрамкин. Это потрясло город до самого основания и оскорбило горожан до глубины души. Кто угодно, пусть ростовчанин, пусть станичник, даже кубанский, если нет донского, пусть, но сочинец во главе городской милиции это то же самое, что коренной москвич во главе государства, полнейшее безобразие, смута и разгул коррупции.

“Штурм” над городом крепчал. Был уволен из органов лучший участковый всех времен Иван Максимович Савоев, а против его сына начато служебное, грозящее перерасти в уголовное, расследование. Поэтому и не видно нигде Славы Савоева, он ушел в бега, решили горожане. И правильно сделал! За всеми этими событиями виделась зловещая фигура сволочи, предателя городских интересов и пижона Дыховичного. Иначе его и не называли за глаза. Сволочь! Неблагородную роль во всей этой истории играла и жена Дыховичного, Алена Кондратьевна, позволяющая себе передвигаться по городу, на глазах у своих ровесниц и подруг юности, за рулем собственного “Порше-911”. Гадина!

Но неожиданно все изменилось с точностью до наоборот. Был арестован Дыховичный. Выяснилось, что он уже несколько лет сотрудничает с американской разведкой и передал им копии секретных чертежей нового суперсамолета-разведчика, разрабатываемого на таганрогском авиационном заводе имени Бериева. Оперативники местного УФСБ его до поры до времени не трогали. Чертежи, которые Дыховичный передал американцам, хотя и были секретными по-настоящему, но только не для самих американцев. Дело в том, что главный конструктор завода, исполняя роль любителя американских долларов по сценарию оперативников УФСБ, деньги у Дыховичного взял, но передал ему чертежи, скопированные нашими разведчиками с чертежей американского суперсамолета “Хайпер-Икс 43”. Самое интересное, что ЦРУ посчитало это редкой удачей по добыванию новых технологий в авиации и увеличило денежное вознаграждение Дыховичному. Затем, после тщательного изучения, чертежи были переданы крупнейшему авиакосмическому концерну США для создания нового самолета. Остается только гадать, как будут выглядеть лица американских военных, когда они увидят свой “Хайпер-Икс 43”, собранный по чертежам, добытым в России. Так бы все и продолжалось, но открытие вблизи Таганрога месторождения “бафометина” усилило вопросы режимной безопасности на многое порядков, и Дыховичный был арестован. Вскоре по городу поползли слухи, что Дыховичный регулярно устраивал на своей даче в районе станции “Морская” оргии, в которых принимали участие не только представители криминальных структур автотранспортных фирм Ростова, Батайска и Азова, но и преподаватель судомеханического колледжа Рокецкий Федор Иванович, автор и исполнитель популярной в городе песни “Колокольчик треснул, а я сошел с ума”. Слухи ширились. Чернокожая журналистка, красавица Люба Krakol, которую опекали и которой покровительствовали все бывшие возлюбленные покойного плейбоя Саши Krakola, а это более половины женщин города, рассказала о том, что однажды Рокецкий на одной из таких оргий наткнулся возле дачи на журналистку газеты “Город-

ская площадь" Литвинову Таню, проводившую журналистское расследование этих безобразий, и изнасиловал ее. Люба была убедительна настолько, что супруга начальника конвойной службы городской тюрьмы майора Шкири после долгих ночных раздумий растолкала его в два часа ночи и закатила скандал, уверяя бедного майора, что если он до сих пор не арестовал Рокецкого, который живет в соседнем доме, значит он и сам принимал участие в дачных оргиях. Александр Ильич Шкири долго не мог понять, чего хочет от него супруга, а поняв, взял в руки служебный ПМ и, направив его на жену, коротко приказал: "Спать!" Лишь после этого в доме установились тишина, мир и благополучие. Но арест Дыховичного, как иностранного шпиона, настолько потряс горожан, что дальнейшие слухи ассоциировались только с ним. Рокецкий выпадал из памяти, и Татьяне Литвиновой пришлось смириться с тем, что ее изнасиловал Дыховичный. Но не смирился с этим Рокецкий. Он пришел в редакционный кабинет Литвиновой, рухнул на колени и, никого не стесняясь, зарыдал, выдавив из себя:

— За что, Таня?

На следующий день в газете появилось опровержение слухов. "Это не так, — деловито опровергала журналистка Литвинова. — Я не была и не могла быть изнасилованной своим женихом Рокецким Федором Ивановичем, и никогда мы не были на даче у шпиона Дыховичного". Действительно, весь город, буквально через день после выхода опровержения, узнал, что Литвинову и Рокецкого видели выходящими из дверей ЗАГСА под руку, а вечером этого дня Рокецкий перевозил на такси вещи Литвиновой и саму Литвинову к себе в дом. Так что слухи оказались ложными, тем более что, как вскоре выяснилось, у Дыховичного не было дачи, а следовательно, и оргий на ней, и вообще, его вскоре выпустили под подписку о невыезде до суда. Шпионить-то он шпионил, но принес ведь пользу, а не вред. Вскоре город успокоился, но не надолго. Неожиданно директор обувной фабрики, мать пропавшей Лидии Глебовой, получила из украинского женского монастыря под Донецком письмо от настоятельницы, игумении Агриппины, в котором та сообщила, что ее дочь приняла постриг, и теперь она не Лидия, а монахиня Анна. Директор помчалась в монастырь, надеясь вернуть свою красавицу дочь в мир света и секса. Поговорив с нею два часа в келье игумении, она вернулась в город тихой и пристыженной. Пошла к родителям Кати Воскобойниковой, и те помчались в другой, под Млавенском, женский монастырь, где и обнаружили свою просветленную дочь под именем Мария, но еще раньше уголовный розыск обнаружил свою подопечную Мокшину в Клино-Злотневицком женском монастыре, готовящейся принять постриг, и сыщики с охотой аннулировали уголовное дело, возбужденное про-

тив нее. Объединял этот странный уход полнокровных женщин из мира один момент — все трое говорили о том, что подарили миру какую-то "Вспышку", и что эта "Вспышка" спасет мир от гибели. Вскоре город забыл и об этом случае под настиком новых событий. МВД России не утвердило назначение Абрамкина на должность начальника горотдела, оставив на месте полковника Самсонова и почему-то отправив в отставку комиссара Кияшко. Самсонов сразу же восстановил в милиции Савоева Ивана Максимовича и, позвонив в Москву, спросил у Хромова:

— Это ты за меня ходатайствовал?

— Нет, — честно признался Хромов. — Миронов ходил на прием к нашему министру и убедил его в твоей компетентности.

— Где мои ребята? — хрипло спросил растроганный до глубины души полковник Самсонов. — Пусть едут домой, работы много.

— Так они же в официальном отпуске, — удивился Хромов. — Я своим, а заодно и твоим, путевки на турбазу МВД под Сочи достал, пусть в море поплавают.

— Да ты что? — возмутился Самсонов. — Какие могут быть путевки этим оболтусам?

— Приказ министра. Он Баркалова вспомнил.

— А, — сменил гнев на милость Самсонов. — Тогда пусть отдохнут.

Судя по интонации Самсонова, было ясно, что этот отдых дорого обойдется оперативникам.

— Семен Иосифович, — просунула голову в кабинет секретарша Любовь Антоновна, — где будет располагаться кабинет вашего нового зама по связям с общественностью полковника Абрамкина?

— Значит, так, — радостно озабочился Самсонов. — Из-под лестницы, где кладовка возле туалета, пусть пятнадцатисоточники все швабры, ведра и прочий хлам вынесут, побелят и стол поставят. Кабинет получится шикарный, в Сочи у него и такого не было.

Как только секретарша скрылась, полковник Самсонов мрачно задумался. "Где капитан Савоев. Это к добру не приведет". Самсонов понимал, что исчезновение Славы Савоева чревато лишь двумя, но обязательными последствиями: или с ним что-то случалось, или скоро случится что-то с городом и погонами самого Самсонова... ■

Конец первой книги

Леонид ШАРОВ

ПИСЬМО АНГЕЛУ БЕЗДНЫ

... и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его.

Откровение Иоанна Богослова

Эта женщина стала моим наваждением... Я
пытался что-то узнать о ее жизни помимо того, что мне удалось прочесть в уголовном деле. Ничего не получилось. Да и в многостраничном этом деле ей посвящено менее десятка страниц. Половина из них написана ею самой. Больше никаких следов она не оставила. Впрочем, ни о чем таком и не думала. Меньше всего ее можно заподозрить в желании войти в историю России. Но она вошла... А я благодарю Бога, который позволил мне узнать об этой женщине.

События, которые предшествовали этой негаданной встрече, теперь, по прошествии времени, нанесутся мне исполненными некоего тайного смысла — одним из проявлений Боньего промысла. В конце 80-х судили Вадима Соколова — работника Государственного архива Московской области. Дело это темное. Тогда по стране прокатилась волна обысков в квартирах известнейших наших коллекционеров. Требовалось доказать, что в стране существует чуть ли не подпольная организация, расхищающая государственные архивы. Информация о "заговоре" была доложена аж в ЦК, было велено выявить злодеев, схватить, скрутить и осудить по всей строгости закона, а закон тогда был действительно строг — вплоть до высшей меры. Потом, разбираясь в хитросплетениях этого дела, я стал сильно подозревать, что шумная свистопляска с архивными кражами была операцией прикрытия. Кому-то надо было обязательно найти стрелочников, на которых можно было списать пропажу всякого рода ценных документальных раритетов. И следы вели в... тот же ЦК.

Вот Соколова в стрелочки и записали. Его обвинили в краже конвертов, в которых находились всяческие исторические письма. Не буду вдаваться в детали, но был Соколов невиновен. Что, разумеется, не помешало отправить его в зону на 8 лет. В высшие инстанции из прокуратуры, милиции и суда были посланы победные рефлекции, с удовольствием перепечатанные многими газетами, журналисты пугали читателей — на Соколове пробы ставить негде. И я, пожалуй, оказался единственным

журналистом, который усомнился в обвинении и опубликовал несколько статей в поддержку Соколова. Заслуги своей в этом не вижу. Писал то, в чем был уверен — и как журналист, и как юрист. К тому же уже тогда идти вразрез с "мнением вышестоящих товарищ" сделалось опасным. Да и наша правоохранительная система стала мало-помалу проворачиваться в другую сторону. Вадиму сначала сносили сроки. Потом досрочно отпустили. И наконец реабилитировали. Правда, четыре года из жизни ему пришлось вычеркнуть...

И вот как-то Вадим позвонил мне и сказал, чтобы я шел в архив Московской области, он договорился со своими прежними коллегами, и они мне покажут одно любопытное дело. Он его назвал делом Патриарха Тихона. Наверно, он хотел таким вот образом отблагодарить меня за поддержку. Я этим предложением воспользовался. Пришел в архив. Мне вручили увесистый том. Когда я перевернул последнюю страницу (именно последнюю!), понял, что это — подарок судьбы. Дане не подарок. Что-то нуда более значимое. То, к чему я смогу возвращаться всю свою жизнь, что может дать мне силы противостоять цинизму, безверию, бездуховности окружающей меня действительности. И я, поверите, не стесняюсь этого пафоса.

Весной 1922 года Московский Революционный трибунал слушал уголовное дело № 512 по обвинению граждан в агитации против Постановления ВЧИК о конфискации церковных ценностей. Нет, это не было делом Пат-

риарха Тихона, как сказала мне Вадим Соколов. Патриарх проходил в этом процессе как свидетель. Это — начало трагедии Василия Ивановича Беланина (так звали Патриарха в миру). Впереди — судилище над ним.

Но сквозь желтые, сухие, небрежно пронумерованные страницы "Дела № 512" неожиданно для меня проглянула судьба другого человека — русской дворянки Варвары Ивановны Брусиевой. Это и есть та женщина, которая стала моим наваждением.

Для начала и для ясности процитирую фрагмент обвинительного заключения (здесь и дальше я дословно сохраняю стиль изложения и некоторые особенности орфографии):

"16 февраля 1922 года Президиум ВЦИК, идя навстречу выраженному населением желанию прийти на помощь миллионам погибающим от голода людей Поволжья и других местностей, пораженных голодом, и обратить на нужды голодающих церковные ценности, постановил: изъять из церковных имуществ, переданных в пользование граждан и групп верующих по описи и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней..."

... Это постановление ВЦИК... встретило сочувственное отношение со стороны рабочих и крестьян...

... Только отдельные представители духовенства не очень сочувственно отзывались на вопли умирающих миллионов голодающих..."

Сие обвинительное заключение к юриспруденции никакого от-

ношения не имеет. Это сугубо политический манифест, авторы которого ни в малейшей степени не утруждали себя обязанностью что-либо доказать. Впрочем, в то время обвинительные заключения именно так и сочинялись — в стиле риторики председателя домового комитета товарища Швондера. Да и потом лет сорок многие судебные процессы в России начинались с провозглашения похожих меморандумов.

Тут важно другое. Московский Ревтрибунал — очень серьезная судебная инстанция. Почему это дело (а с самого начала становится ясно, что оно и выеденного яйца не стоит) слушается в столь высоком присутствии — для разбирательства эксцессов, а это в худшем случае драки с красноармейцами и чекистами и неумелое утаивание храмовой утвари, вполне было бы достаточно низовой инстанции. Собственно, так и происходило. По данным исследователей тогда против церкви в стране возбудили 231 дело и судили 732 человека... К тому же изъятие церковных ценностей, о котором столь высокопарно говорится в Постановлении, к началу слушаний, к 26 апреля 1922 года, уже состоялось.

Ответ очевиден. Власти потребовался публичный, хорошо срезжиссированный, проведенный неизменно в столице (для этого был ангажирован Политехнический музей с его немалым лекционным залом) судебный процесс, который должен был решить по крайней мере две задачи.

Первая. Дискредитировать церковь и православие.

Вторая. Развалить церковь экономически. Ибо конфискации

подлежит все, что имеет хоть какую материальную ценность. Более того, из того же обвинительного заключения можно узнать про некую Инструкцию, которая разрешала конфисковывать без описей. Стало быть, без учета. Тем самым допускался, — не исключено, что и поощрялся, — произвол: конфискаторы могли брать все, на что ляжет глаз.

Одновременно церковь отсекалась от возможности реально помочь голодающим. Именно судебный процесс якобы на законных основаниях должен был лишить ее права участвовать в том, чем намеревалось заняться государство.

Накануне появилось Постановление об изъятии, церковь мгновенно поняла, куда дует ветер. И Патриарх Тихон отклинулся воззванием к православным... В нем не ставилась под сомнение необходимость помочь голодающим. И церковь готова была найти для этого средства — но не за счет святых реликвий. Естественно, это никак не могло устроить власти. И патриаршее воззвание легло в основу обвинительного заключения, а потом и приговора.

Василия Ивановича Беланина вызвали в трибунал — свидетелем. И свои показания он начал с утверждения, что изъятие церковных ценностей не вызвало особых волнений. Патриарх лукавил, брал грех на душу — потому как волнения были. Да и как им не быть, коли церкви опустошались открыто. И число столкновений православного народа с советской властью достигло почти полутора тысяч. Однако подождем упренять его святейшество. Он хотел одного: спасти церковь. И вольно или

невольно пытался найти компромисс с властью. Он боялся окончательно озлобить ее упоминанием о волнениях, о крови. Прав он был или не прав — не нам решать. Но если бы он отказался от этой наивной своей дипломатии, то сназал бы примерно так: да, волнения были, только криминальные их последствия оказались совсем иными... Да, была пролита кровь. Более того, кровь безвинная. Но пролили ее вовсе не церковь и не сочувствующие церкви люди. История сохранила свидетельства обратного. В Шве народ не позволил конфискаторам вынести из храма сокровища. Были вызваны войска. Первый залп красноармейцы сделали поверх толпы. На стоящих рядом деревьях сидели малчишки. Пули достали их. Второй залп пришлось делать в толпу.

Власть тогда возложила вину за убитых и раненых мальчишкам на священнослужителей и организованную ими толпу. И сделал это сам Ленин. В те дни он написал секретное письмо членам Политбюро. Настолько секретное, что предварил его требованием копий не снимать и запретил отвечать на него какими-либо отдельными документами — все пометки надо было делать на полях ленинского письма. Само же оно исполнено невероятной, прямо-таки дьявольской злобы: надо проводить **"изъятие церковных ценностей с самой бешеною и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления"**.

Перелистывая страницы "Дела № 512", я, признаюсь, не находил в нем чего-либо особенного,

помимо очевидной его исторической ценности. И я не чувствовал потребности изображать из себя историка, понимая, что найдутся неизмеримо более сведущие люди, которые смогут во всей полноте нарисовать картину трагедии православной церкви. К тому же о Патриархе Тихоне и о том, что пришлось ему пережить, написано очень много. Поэтому я пропустил протоколы большей части судебного заседания и отыскал текст приговора:

Московский Революционный трибунал 10 часов 30 минут 8 мая 1922 года приговорил:

Заозерского Александра Николаевича, Добролюбова Александра Федоровича, Надеждина Христофора Алексеевича, Вишнякова Василия Павловича, Орлова Анатolia Петровича, Фрязина Сергея Ивановича, Соколова Василия Ивановича, Телегина Макария Николаевича, Брусилову Варвару Ивановну, Тихомирова Сергея Федоровича, Раханова Михаила Николаевича подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять.

И вот тут зацепился... Кто же эта единственная женщина — из приговоренных к смерти? Вернулся чуть назад — к списку обвиняемых. Убедился: из одиннадцати смертников она — единственная мирянка. Прочие — священнослужители. Запомнив это обстоятельство, принял листать "Дело" дальше. Добрался почти до самого конца. И увидел — ПИСЬМО... Дальше никаких документов уже не было. ПИСЬМО адресовано Ленину. Написала его Варвара Ивановна Брусилова. Я прочел ее ПИСЬМО. И тут же начал выискивать в "Деле" малейшее

упоминание об этой женщине. Этих упоминаний оказалось удручающе немного. Но они были главными в этом процессе.

Варвара Ивановна Брусилова была одной из 54 обвиняемых, представших 26 апреля 1922 года перед Московским Революционным трибуналом. Арестовали ее тремя неделями раньше. За что?

Из протокола допроса Варвары Ивановны Брусиловой на заседании Московского Революционного трибунала:

— Виновной в агитации себя не признаю.

— А в чем признаете?

— В произнесении слова "грабеж".

— Что вы можете объяснить по поводу этого произнесения?

— Проходя мимо нашей церкви и увидев происходящее там изъятие, которое оскорбляло религиозные чувства, я выразила свое настроение. Причем я обращалась не к толпе, а к моей знакомой, случайно проходившей тут же.

— Н кому?

— Я просила ее не привлекать. Если угодно верить — так моим показаниям.

— Значит, фамилию вы называть не хотите?

— Да. Я сказала, что насильственное отобрание церковного имущества, того, что для меня освящено церковью и молитвами, кажется грабежом. Впоследствии была задержана каким-то господином, наружности которого не помню. Отведена в Совет, где был допрос. А вечером — в ЧК.

Этот невыясненной наружности господин был в дальнейшем

назван трибуналом агентом. Таким же образом были арестованы и многие другие обвиняемые. Стало быть, в толпе находились агенты. Для чего? А как раз для того, чтобы арестовывать... Власти, сообразуясь с ленинским требованием изымать церковные ценности с бешеною энергией, специально занизили в народ сеть сенсотов, которые и должны были собрать материал для будущего процесса в Политехническом.

Однако главное в показаниях Варвары Ивановны вовсе не носвенное подтверждение этой очевидности. Главное — в слове "ГРАБЕНЬ". Она нашла точную — железную — формулировку творимого. Точную и с обывательской точкой зрения. И почти точную юридически. Открытое присвоение чужого имущества путем насилия и угрозы применения оружия называется разбоем. Можно сказать, что это высшая степень грабежа... Мало этого. Она не убралась произнести это слово-формулу вслух. И она не отреклась от него и в трибунале.

И ведь что интересно... Трибунал чуть позже вступил в пространную дискуссию с Патриархом Тихоном насательно соотношения государственного закона и закона церковного. А вот с Брусловой трибунал явно ведет себя иначе. Никаких дискуссий, никаких увещеваний, никаких "но вы должны были знать, к чему могут привести ваши слова..." или "что вы этим хотите сказать?"

Так кто ж она такая — Варвара Ивановна Бруслова?

Из протокола допроса Варвары Ивановны Брусловой на заседании Московского Революционного трибунала:

— Чем вы занимаетесь?

— Сейчас я нигде не служу. Я работала делопроизводителем.

— Значит, вы живете на собственные средства?

— Да.

— Вы беспартийная?

— Беспартийная.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два года.

— Образования какого?

— Я училась дома. Сдала экзамены при гимназии за семь классов.

— По происхождению вы дворянка?

— Да.

— У вашей бабушки дома в Москве были?

— Да.

— Исходя из вашей фамилии, вы в каком отношении к бывшему главнокомандующему?

Но суд немедленно отводит этот вопрос.

— Ваш муж погиб на фронте?

— Да.

— Какие сведения имеете?

— Он был расстрелян в 1919 году.

— Именно за свою фамилию?

— Да.

Потом защитник (так и осталось неизвестным — кто он) пояснил трибуналу, что Варвара Ивановна — внучка известнейшего русского терапевта Алексея Александровича Остроумова, основателя целой школы. Умер Алексей Александрович в 1908 году. Отечественная медицина помнит его до сих пор.

Относительно так и оставленного вне процесса вопроса о родственных связях Варвары Ивановны я переговорил с историком русской армии Александром Георгиевичем Кавтарадзе. И он сооб-

щил, что она — сноха знаменитого генерала, героя первой германской войны Алексея Алексеевича Брусилова. Брусиловский прорыв — одна из немногих успешных и выдающихся операций русской армии. Если бы не банальное русское чиновничье разгильдяйство и нерешительность царя, Германия бы рухнула, всемирная история покатилась бы по другой кочке. Впрочем, об этом знают, по крайней мере, должны знать даже школьники... Сын Брусилова, полковник, тоже Алексей Алексеевич, вслед за отцом перешел на сторону советской власти, командовал кавалерийским полком и был расстрелян белыми во время наступления Деникина на Москву. Сам же генерал Брусилов в 1922 году служил в Красной Армии на малоинтересной должности инспектора кавалерии и доживал последние свои годы.

А ведь образ Варвары Ивановны, несмотря на явную скудость информации, несмотря на обрывочность фрагментов из протоколов ее допросов в трибунале, начинает складываться, оживает... Чувствуется, что Ревтрибунал столкнулся с тем, против чего бессилен. Брусилова открыта и откровенна. Ее не интересует, как воспримут ее слова судьи, какие сделают выводы. Она не боится! И для нее все ясно. Поэтому она не принимает правила игры, которые трибунал пытается, иногда успешно, навязать всем обвиняемым.

Из протокола допроса Варвары Ивановны Брусиловой на заседании Московского Революционного трибунала:

— Вы говорили в своем показании на предварительном следствии, что будто вам коммунисты

говорили о том, что эти предметы все равно на Поволжье голодющим не пойдут...

— **Вопрос об изъятии подымался случайно в домашних разговорах...** Один коммунист, имя которого я опять-таки отказываюсь назвать, на вопрос: "Почему не разрешает советская власть заменить то, что для христиан равноценно, эквивалентно, не меньше по духовной ценности?" ответил: "Потому что золото, серебро, как ценности, нужны для государства, что они будут обменены на деньги, и на эти деньги приобретен хлеб, и капитал останется". Я считаю, что такая банковская операция недопустима под флагом голодящих. Это мое мнение.

— Что это за коммунист?

— **Это был коммунист, который объяснял действия советской власти. Защищая и совершенно не желая ей повредить.**

— Я должен сказать, что если вы не назовете этого коммуниста..., то оставляете ощущение такое, что это вы сознательно говорите о том, что коммунист заявил то, что... (неразборчиво) глупостью и заявил он это с целью дискредитации коммунистов. Если вы не назовете его фамилию...

— **Я фамилию не назову.**

— А что лучше: скрывать или исповедание?

— **Очевидно, лучше скрывать. Это следует из моего трехнедельного сидения.**

— Это вас в гимназии так выучили? Хорошо выучили?

— **Как видите.**

Допрос Брусиловой Ревтрибуналом — один из самых коротких.

Никто ее ни в чем конкретно не обвиняет. Никто ничего даже не пытается доказать. Да и сама Варвара Ивановна ни в чем не оправдывается. Она просто говорит то, что считает необходимым... После ее "рассказа о коммунисте" трибунал резко сворачивает допрос. Процесс катится дальше. Тянуть нельзя...

Опасно тянуть. Нельзя больше допрашивать Брусилову. Ибо она выдала тайну. Страшную тайну. Даже Ленин в своем секретном письме постарался скрыть ее за носожязычными лозунгами о борьбе с голодом. Только раз и проговорился — когда начал прикидывать стоимость церковного имущества. Дескать, огромна она. Может, несколько десятков миллионов, а может, и миллиардов. Тут он достиг апофеоза. Кажется: пишет про миллионы с миллиардами и ручонки радостно потирает. Ради таких барышей можно и репрессии на страну обрушить.

Насчет банковской операции Брусилова права. Ограбить. Награбленное продать за границей. Часть вырученных денег — так и быть — пустить на занупну продовольствия. А все прочее — в кубышку. Теперь-то это очевидно. Теперь-то мы об этом знаем... Именно так и начали формировать то, что потом называли "золотом партии". Разграбив церкви, повезли за границу золото и алмазы из Гохрана, произведения искусства из музеев... Это был уже не разбой и не грабеж — кражи, тайное, стало быть, похищение чужого имущества.

Поэтому-то трибунал и попытался вызнать про коммуниста, который проговорился в доме у

Брусиловой. Но она спасла этого дурана. Впрочем, ЧН, скорее всего, вычислила говоруна.

Вот почему трибунал поспешил приговорить Варвару Ивановну к смерти. Ничем другим страшный этот приговор не объяснить... Десять прочих смертников были хотя бы уличены (разумеется, по мнению трибунала) в сопротивлении властям, в произнесении страстных и гневных проповедей, в распространении патриаршего воззвания. Брусилова же оказывалась вне этой логини. Она красноармейцев не била, листки с воззванием в карманы прохоним на заталкивала. Произнесла всего лишь слово, да и то не предназначенное для толпы. Могли бы и пожалеть — несознательный элемент, так сказать, к тому же вдовы красного командира, сноха немалого армейского начальника... Но она сказала то, что было единственной правдой. И вообще она была — ТАНАЯ... Несломленная. Незамороченная. Бесстрашная. Словом, не жилец...

Казни Варвара Ивановна ждала в одиночной камере Бутырской тюрьмы. От этих дней остался клочок бумаги с просьбой, которую Брусилова расценивала как свою последнюю волю:

Моск. Революционный трибунал от Варвары Ивановны Брусиловой

Заявление

Прошу разрешить мне последнее свидание ввиду вынесения смертного приговора с родными. Прошу допустить Наталью Дмитриевну Переле... (неразборчиво)... и оповестить ее об этом по телефону 2086-91 и

**по адресу Зубовский бульвар, д.
15, кв. 10.**

В.И. Брусила

Судя по всему, свидание это не состоялось. В деле скрупулезно собраны все ходатайства приговоренных с наложенными на них резолюциями (люди и их родственники просили о прогулках, о лекарствах, о передачах). Н заявлению Варвары Ивановны начальственная руна не притронулась.

Но казнь отложили. С делом решил ознакомиться Президиум ВЦИК.

**Московский Ревтрибунал
Верховный трибунал ВЦИК
т. Крыленко
Секретно
Выписка из протокола № 86
заседания Президиума ВЦИК от
27 мая 1922 года.**

Слушали: ходатайство осужденных Московским ревтрибуналом к высшей мере наказания за сопротивление мероприятиям Советской власти при изъятии церковных ценностей.

Постановили: в отношении осужденных священников Христофора Наденкина, Василия Соколова, Манария Телегина, Сергея Тихомирова и Александра Заозерского ходатайство отклонить, и приговор Московского ревтрибунала оставить в силе.

В отношении остальных шести осужденных к высшей мере наказания приговор ревтрибунала заменить пятью годами лишения свободы.

**Выписка верна Секретарь
ВЦИК Енукидзе**

Неизвестно, чем руководствовался трибунал ВЦИК в своей ми-

лости к шести приговоренным. Не исключено, что это решение было принято под воздействием послания архиепископа Кентерберийского на имя Красина. Глава английской церкви просил советских руководителей не брать грех на душу. Кроме того, надвигалась знаменитая конференция в Генуе. На ней надо было выглядеть более или менее цивилизованно. Возможно, что высший трибунал все-таки уразумел дикое несоответствие между наказанием и соудейным. При всем при этом заподозрить ВЦИК в гуманизме никак нельзя.

И вот, наконец, подходим мы к самому потрясающему. К ПИСЬМУ.

Ума не приложу — как оно оказалось здесь, в этом деле. По всем канонам должно оно находиться совсем в другом месте. Как же я благодарен неведомому канцеляристу, который определил его в эту папку, тому делопроизводителю, который аккуратно подшипил его — не замарал, не смял, не порвал.

Написано это письмо по старой орфографии. На нем царская еще почтовая марка. Вроде кан совсем уж несущественные подробности, да только и они не кажутся случайными... Можете ругать меня за назойливость, но все, все здесь исполнено смысла, какого-то особого значения — по крайней мере для меня.

*Москва. Кремль.
Председателю Совнаркома
Владимиру Ильичу Ленину
В собственные руки
31.07.1922 г. Новинская.
Женская.*

Владимир Ильич!

Моя подпись напомнит Вам недавний процесс церковников, в котором пять человек поплатились головой за свои религиозные убеждения. Я была в числе одиннадцати приговоренных к "высшей мере наказания". Говорят, Советская власть за убеждения не судит. Это неправда. Никакой вины у нас не было никакой, и нам были так суровы за то, что некоторые из нас имели мужество перед лицом трибунала поднять голос в защиту своих святынь, сказать вслух то, о чем шепчется по углам и шумит на площадях вся Православная Русь.

Вам лучше, чем кому-нибудь другому, должно быть известно, что никакого заговора, никакой преступной организации у нас не было. Большинство из нас впервые увидели друг друга на съезде подсудимых. Нас объединяло только оскорбленное религиозное чувство. Пусть с Вашей атеистической точки зрения мы были не правы — разве за это можно казнить?

Не милости, не пощады у Вас прошу. Я спокойно глядела в глаза смерти весь долгий месяц моего одиночного заключения после приговора, но мне лишь невыносимо больно за тех, на которых у Вас поднялась рука, мне больно за безвинно пролитую кровь. У Вас, именующего себя вождем русской революции, я спрашиваю: наними словами, если не кровавой расправой, назвать Ваш революционный суд?

Мне заменили расстрел пятью годами тюрьмы. Это могло послужить Вам лучшим доказа-

тельством, что никакие стены, никакие решетки не заставят молчать — ни перед "темными массами" — они и без меня узнают, сердцем почуют... (неразборчиво)... власть нарасти и миловать.

Я знаю, что если без вины мне могли вынести смертный приговор, то и это письмо может вызвать суворые репрессии. Но я не могу молчать. На дняхтвержден приговор над Петроградским духовенством, никого из них я не знаю, но твердо уверена, что это лишь новые жертвы гонения на веру. Пусть Вы отрицаете это — другого объяснения Вашей политики последнего времени нет. Не думайте, что этим путем Вы испорчените религиозное чувство в душе русского народа. Знайте, что тысячная толпа, присутствующая на нашем процессе в трибунале, в то время как Вы поливали нас грязью и называли нас бандитами и людоедами, эта толпа приветствовала нас как новых мучеников христианства, всюду, где могла. Они молчали, потому что знали, что слово в свободной Советской России нарается смертью, они видели это на живом примере.

Церковь неоднократно в лице Патриарха Тихона и высшей иерархии (за принадлежность к которой так сурово судят) перед лицом всего мира предлагала посильную свою помощь Поволжью. В этом могла удостовериться вся читающая Россия из напечатанной во вчерашней газете переписки архиепископа Кентерберийского с тов. Красиным. Но Вы отвергли их участие в этом долге милосердия. Вы сказали:

"отдай нам все, что для тебя дорого и свято, и не спрашивай, нуда и зачем".

Было ли это бессознательным плевном в народную душу или сознательным продолжением религиозной политики — судить не берусь. Назвать это добровольной жертвой трудно, поскольку те, которые попытались встать на защиту немногих и малоценных священных... (неразборчиво)... предметов, заплатились за это жизнью. Если вспомнить многочисленные толпы народа у храмов, где проводили изъятия, собирающиеся там, несмотря на угрозу ЧК и применявшуюся вооруженную силу, так же будет трудно назвать это волей народа. Некоторые из нас были случайно выхвачены из этих толп, "заняты под страну" и включены в политический процесс. За то, что мы не отреклись от наших слов и убеждений, мы заплатили дорогой ценой.

Я предлагала мои молодые силы на служение... (неразборчиво)... для санитарной и медицинской работы на голоде и эпидемии, но мне в этом было отказано. Я обречена на бессмысленное сидение в тюрьме. Конечно, мое заключение облегчается сознанием своей невиновности и моральной поддержкой с воли. Со всех концов Москвы несут мне передачи, часто из последних новостей, несут чужие, никогда не знавшие меня люди, за одни только то, что я вслух сказала то, о чем болит душа каждого (последние две фразы подчеркнуты красным карандашом — Л.Ш.).

На днях предстоит новый судебный процесс. Опомнитесь!

Поймите, что не преступников Вы судите, а людей, твердо исповедующих свою веру, что, если замолчим все мы, камни возьмут. Не так борются с идеей, с тем, что Вы называете "религиозными предрассудками". Убивая единицы, Вы сеете озлобление и вранье в массах.

Наряду с безвинно погибшими за чистоту веры и церкви — нашлось несколько отступников в лице "новой красной церкви", переступивших через трупы и давших Вам в Вашей кровавой расправе руку. Народ по достоинству оценил деятельность этих наймитов власти, так недавно отрицавшей всякую религию, объявившей религию "опиумом народа", — окрестив их главу Антихристом и Сатанином. Бывший епископ Антонин заявил, что мы обязаны ему спасением нашей жизни. Знает ли он, что не все захотят принять этот дар из его запятнанных кровью рук? Ведь на него и его сподвижников, а отнюдь не на Патриарха Тихона, не принимавшего участия ни в какой политической жизни страны, падет ответственность за забытые жизни.

В.И. Брусилова

Я скажу то, что многим покажется крамолой... Если чем и силен русский народ, то не официальными героями, а неизвестными своими великомучениками и великомученицами. Вдумайтесь — кто выступил против всесильного, мстительного, не боящегося чужой крови вождя... Этого ангела бездны, наместника врага рода человеческого, беса... Вовсе не политический деятель, не признанный идеиный оппонент,

не закаленная каторгой и ссылкой прокуренная эсерка, не знаменитая богозаступница. Всего лишь вчерашняя домашняя барышня, молодая женщина, скромная делопроизводительница. И не из-за границы, не из, в общем-то, безопасной эмиграции. Из тюрьмы, где она находилась в безграничной власти палачей. Уж в чем-в чем, а в этом она отдавала отчет. Знала, что ее может ждать. И наверняка ждало после такого ПИСЬМА. И на какой-либо эффект не рассчитывала, в героини не лезла. Просто сочла нужным написать — и написала. И все в этом ПИСЬМЕ про беса поняла, все ему высказала.

Накие светлые, сильные люди жили в России! Наким чистым человеком была Варвара Ивановна Брусицова. Своим ПИСЬМОМ она по существу отказалась от помилования, обрекала себя на смерть мученическую. К ПИСЬМУ приложен небольшой документ:

**Сопроводительная
Приемная Совета Нар. Комиссии.**

№ 203406

**При сем препровождается
заявление тов. Брусицовой В.И.**

Для сведения. Прошу обратить внимание на крайне вызывающий тон письма и контрреволюционное его содержание.

Зав. Приемной С.Н.К. Сорокин

На "сопроводительной" стоит — **Резолюция: ВГПУ т. Фельдману.**

Эта резолюция равносильна приказу привести смертный приговор в исполнение. Варвара Ивановна сгинула в бесовщине...

А ее ПИСЬМО прожило почти век, дотянулось до наших дней. Написано оно и для нас... Вот почему я уверен, что злодейская не-приняянная душа Ленина по-прежнему предопределяет ту кровь, которой исходит наша страна, наш народ, ту боль, которая мучит нас изо дня в день. Что-что, а вранцу Ленин посеял. Всеобщую вражду, всеобщее озлобление. И камни возопили, только никто их не услышал. Все мы были наназаны Богом или неким высшим разумом, тем самым непреложным нравственным началом, оберегающим и сберегающим человечество от превращения в разрозненные бандитские шайки, — наназаны ленинской неприняянной душой. Конечно, наивно полагать, что предание страшной мумии земле изменит Россию и нас к лучшему. Но сделать это крайне необходимо. Мы тогда подведем хотя бы символическую черту под самым кошмарным периодом нашей истории. А Россия, как известно, страна мистическая. Символы для нее значат очень много.

Вначале был

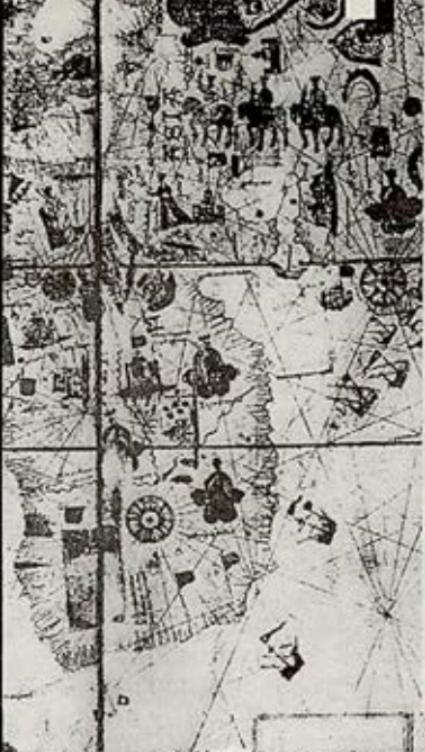

Иван ЗЮЗЮКИН

Сегодня в это верится с трудом, но что было, то было: маленькая, едва уцепившаяся за край Европы Португалия в XV-XVI веках являлась величайшей морской державой и самой крупной империей в мире. Этот исторический парадокс станет результатом того, что малочисленный, но отважный народ горной страны, изгнав со своей земли мавров, отбив насеки испанских феодалов, построит лучший по тому времени флот и начнет завоевывать одну за другой заморские страны. Португальцы первыми проникнут в Западную Африку, откроют морской путь в Индию и объявили своими владениями земли, в сотни раз превышающие по размерам их собственную территорию. В страну рекой потекут золото, слоновая кость, пряности...

Глядя на свою прыткую соседку, захватом новых земель вскоре займется и Испания. Соперничество двух стран по этой части не раз ставит их на грань войны.

ли прямости

В этом переделе мира в течение многих лет участвует и португальский мелкопоместный идальго Фернандо ди Магальянш. Хотя в те времена еще не существовало такого понятия, как морская пехота, именно в качестве наемного солдата, а затем младшего офицера дон Фернандо сражается за интересы португальской короны то в Индии, то в Малайзии, то в Марокко. Прямых свидетельств того, как он вел себя в ходе завоевательных походов не осталось, но, надо полагать, вооруженный мечом и пищалью, он не был сторонним наблюдателем в этих кровавых боянях. "Счастье, что Всевышний создал португальцев меньше, чем тигров и львов, иначе бы они уничтожили весь род людской", — так говорили в те времена в Индии, где завоеватели особенно зверствовали...

Но хотя такие, как ди Магальянш, разоряя одну страну за другой, безмерно обогащали португальскую казну, жалованье они получали скромное. Так, наш герой к концу военной карь-

---

еры сумеет добыть и привезти с собой на родину всего одного раба — малайца по имени Энрике. Раненный в ногу, дон Фернандо в возрасте тридцати лет уволится из армии и попросит короля Мануэла за свои заслуги перед короной назначить ему приемлемую пенсию. Однако Мануэл, то ли находясь в дурном расположении духа, то ли проникшись антипатией к этому невысокому, чернобородому, с колючим взглядом черных глаз идалго, откажет ему в малом... Затаив обиду на созерцана, дон Фернандо перейдет на службу к королю Испании Карлу I. Ди Магальянша здесь станут называть на испанский манер — Фернан Магеллан. Под этим именем он и войдет в историю. Добавим сразу же: не совсем в ту, что излагается в школьных учебниках, а также авторами некоторых беллетризованных биографий...

Конечно, от перемены подданства могут измениться поведение, образ мыслей человека. Но его духовная сущность остается неизменной. Каким типичным для того времени — загрубелым в сражениях, прямолинейным в суждениях и поступках — воjakой был идалго дон Фернан, таким он и предстанет перед молодым испанским королем. Но он понравится Карлу! И чем же? А тем, что знает, где находятся легендарные Молуккские острова, и выражает всяческую готовность завоевать их для Испании. Впрочем, Молукками их тогда мало кто называл. Острова Пряностей — такой ароматный псевдоним имели кусочки суши, расположенные, как уверяет Магеллан Карла, где-то неподалеку от Индии. Но где именно? И как к ним подступиться? Ведь Индия находится в части мира, на которую претендует воинственная Португалия. “Ваше величество! — успокаивает молодого монарха бывалый Магеллан. — В Индию можно попасть, двигаясь не на восток, как это делают моряки короля Мануэла, а на запад”. В подтверждение дон Фернан показывает географические карты, добытые им еще в Португалии, из которых следует: материк, открытый Колумбом и его последователями, на юге заканчивается Бразилией — обогнув ее, можно прямиком выйти к заветным островам!

Напомним: в ту эпоху состоятельные люди в Европе, удовлетворяя свои прихоти, за горсть гвоздики или корицы расплачиваются золотом. Пряностями, случается, выплачивается приданое. Богачей в насмешку называют “мешком с перцем”... Опираясь на сведения, полученные им в Индии и Малайзии, Магеллан докладывает королю: на Молукках пряностей несметное количество. Эти острова сплошь покрыты рощами и плантациями, источающими небесное благоухание на многие мили вокруг. И дело стало лишь за тем, кто быстрее водрузит на Молукках свой флаг!

Под впечатлением рассказа Магеллана молодой и не по годам сребролюбивый король дает португальцу карт-бланш: присваивает ему высшее морское звание генерал-капитана, велит

дать под его начало армаду из пяти каравелл. Король также обещает новоиспеченному командору в случае успеха экспедиции крупное вознаграждение и пост губернатора Молуккских островов. Выслушав ответ Карла, честолюбивый ильярь отве- сит нижайший благодарный поклон...

Только вот, чтобы задуманная экспедиция состоялась, ему придется хлебнуть горюшка по самый ворот. Первым нанесет удар мстительный король Мануэл. Прослышиав о планах Магеллана, он пишет королю Карлу одно за другим письма, называя в них нашего героя то "проходимцем", то "дезертиром". Мануэл требует от посла в Испании и консула в Севилье, где формируется армада, сделать все возможное и невозможное, чтобы экспедиция сорвалась, и те стараются, как могут, скоря Магеллана с подрядчиками, распространяя о нем позорные слухи, и даже не пропасть убить его... Но и сама Испания в лице королевских чиновников немало попортит ему крови: на словах выражая покорность высшей власти, бюрократия во все времена на деле сводит ее решения почти на нет. Да, Магеллану дадут пять каравелл. Но все они окажутся старыми посудинами. Это про них португальский консул, докладывая в Лиссабон, со злорадством пишет: "Суда весьма ненадежные, имеют течь. Я бы не хотел на них пускаться в плавание даже до Канарских островов, ибо шпангоуты у них мягкие, будто сливочное масло". Не лучше обстоят дела с закупками провианта и другого снаряжения для армады: поставщики все время норовят подсунуть гнилой товарец. Но всего труднее — подобрать надежную команду. Выбор у дона Фернана небольшой. Плыть неведомо куда — на это отваживаются лишь самые отчаянные. В те времена про дальние моря и океаны какие только слухи не ходили: и что в них водятся гигантские, длиною в несколько миль змеи, и что встречаются воронки, способные утянуть на дно одним разом целую флотилию, и что существуют так называемые "клейкие моря". Если генерал-капитану кто и предлагает свои услуги, то это в основном авантюристы, искатели приключений, беглые преступники. И ему другого не остается, как вместе с моряками-профессионалами брать на борт и отпетых негодяев...

Почти три года уйдет на сборы, но, несмотря ни на что, 20 сентября 1520 года армада, развернув паруса, все-таки выйдет в открытое море.

Впрочем, назвать эти пять небольших парусников армадой можно было лишь для пущей важности. На самом деле каравелла, вооруженная несколькими пушечками, была намного меньше нынешней речной баржи. И удобства для плавания она предоставляла минимальные. Лишь главнокомандующий армады да капитаны каравелл имели в своем распоряжении что-то похожее на каюты. Остальные моряки, то палимые солнцем, то поливаемые дождем, жили, работали, ели, спали прямо на

открытой палубе. Навигационные приборы были еще столь несовершенны, что мореплаватели в шутку называли их "посохом для слепца" и скорее уповали на расположение звезд и интуицию... Но больше всего надежд в армаде возлагалось, разумеется, на командора. Уж он-то наверняка знает, куда плыть, в два счета выведет каравеллы к островам, откуда все вернутся с богатой добычей...

Но у самого Магеллана настроение не было столь радужным. Уже в самом начале плавания он получит известие о том, что среди офицеров армады, испанцев по национальности, против него готовится заговор. Они хотят сместить его с поста главнокомандующего и поставить своего человека. Правда, узнав об этом, Магеллан даже не поведет бровью. Для него это не такая уж и новость. Он не слепой, видит, что из всей команды найдется десяток-другой верных ему людей. Это прежде всего его дальние родственники, португальцы, раб-малаец Энрике, а также странствующий ученый монах итальянец Пигафетта, загоревшийся идеей открыть путь в Индию, двигаясь на запад. Остальные — ненавидят его. За что? Видите ли, он, чужеземец, сумел щедрыми послами вскружить голову молодому королю, а их, коренных испанцев, в жилах которых течет благородная кровь, оттеснил на второй план. Да и кто он такой? Выскочка, сухопутный офицеришко. А кое-кто из испанцев даже подозревает его в том, что на самом деле он — тайный агент португальского короля. И намерен всех их погубить, заведя армаду в "клейкое море"...

Хотя в те времена многие испанцы относятся к португальцам с опаской и плохо скрытым высокомерием, вряд ли национальный вопрос и родовая спесь могли сыграть решающую роль в трагедии, которая разыгрывается в армаде несколько месяцев спустя. В конце концов Христофор Колумб был родом из Италии, но это не помешало ему привести испанские корабли в Новый свет! Нет, случай с Магелланом — другой. Чернобородого португальца не любят за его властный, тяжелый характер. Вечно насупленный, нелюдимый, он открывает свою широкую, многим кажущуюся железной челюсть главным образом для того, чтобы отдать какой-то приказ. И — посмей ему возразить! Сотрет в порошок. Не вздумай также обратиться к нему не по полной форме. Один капитан-испанец это сделает, словно бы ненароком изъяв из звания Магеллана слово "генерал". "Вы мой пленник!" — прия в ярость, закричит португалец, арестует и в назидание другим прикажет неучтивого капитана целые сутки держать распятым на козлах... Но больше всего капитанов и кормчих армады бесит то, что чужеземец ведет себя так, будто один он все знает, за все отвечает. Но согласно какому маршруту, сверяясь с какими картами, он поворачивает армаду то на запад, то на юг, то на юго-запад? Этого никто из них не знает. И командор не считает нужным объяснять кому бы то ни было смысл своих действий...

Впрочем, в таком поведении командора была своя логика. Испанский король, один из самых могущественных государей Европы, доверил ему командование армадой, этой крохотной частью Испании на плаву, облек его полномочиями отца и судьи двухсот шестидесяти пяти моряков, включая капитанов и кормчих, и он, Магеллан, уничтожит каждого, кто встанет на его пути. И если он будет созывать капитанов и советоваться с ними по поводу каждого поворота штурвала, армада дальше Канарских островов никогда не продвинется...

Напряженность в армаде заметно спадет, когда она пристанет к берегам Бразилии. Благословенная страна! Жаркое солнце, жестяно шумящие на ветру пальмы, сахарно белые пляжи на многие мили. Заливы кишат рыбой, туземцы за суше пустяки щедро одаряют мореходов фруктами, некоторые предлагают даже своих жен. Словом, все веселятся, все радуются жизни, один угрюмый командор требует побыстрее запасаться продуктами, пресной водой и плыть дальше на юг. Где-то неподалеку, надеется он, должен быть пролив, ведущий к Молуккам. Да, армада вскоре входит в какой-то пролив, но через день-два Магеллан убеждается, что это — устье какой-то большой реки. Армада спускается еще южнее, встречает на своем пути устье еще одной реки. А пролива — нет как нет. И вид суши уже не радует взора моряков. Днями, неделями тянутся каменистые, пустынные берега. Все чаще на армаду обрушаются свирепые штормы, холодные дожди льют вперемежку со снегом. Сумрачно переглядываясь меж собой, моряки проклинают ненастье и чертова португальца. Куда он их завел? Где обещанные им райские кущи? Во время одной из коротких высадок на сушу матросы по приказу командора отлавливают и приковывают цепями к мачтам нескольких дикарей — их, если они выживут, Магеллан хочет подарить королю. Его раб Энрике пытается заговорить с ними на малайском языке. Увы, туземцы не понимают его, он — их. Значит, до островов Пряностей еще далеко. Или, что еще хуже, армада плывет совсем не в ту сторону...

Словно бросая всем вызов, командор заводит корабли в одну из каменистых бухт безлюдной Патагонии и приказывает готовиться к зимовке. «Он спятил! — на чем свет стоит ругаются капитаны и матросы. — Зимовать в этих диких, забытых Богом местах?! Не лучше ли вернуться в солнечную Бразилию с ее пляжами и смуглнянками, а еще лучше — в родную Испанию?» Капитаны трех каравелл собираются на тайное совещание. Теперь им ясно, что проклятый португалец обманул короля и армаду, сделав вид, что ему известен путь к островам. Пора обманщика выкинуть за борт вместе с его навязчивой идеей!

Под покровом ночи мятежники захватывают одну из верных командору каравелл. Тех, кто сопротивляется, сажают на цепь. Шкиперу, поднявшему было шум, перерезают глотку. Но

штурмовать флагманский "Тринидад" с командором во главе они не решаются: гипноз страха перед чернобородым сильнее, чем жерла пушек верного ему корабля. Мятежные капитаны предлагают командору прибыть к ним для переговоров. "Сдавайтесь! Иначе вы поплатитесь своими головами!" — таков, к их изумлению, его ответ.

А что ему остается делать? Или подавить мятеж (но как?! одним кораблем атаковать четыре?), или выбросить белый флаг поражения? Но тогда он в пух и прах проиграет свою жизнь, на-прасными окажутся мучения и унижения, которые он вынес, готовя экспедицию. И, самое обидное, не видать тогда ему как своих ушей островов Пряностей, не бывать их губернатором... Даже если мятежники не убьют его здесь, они отвезут его, как преступника, в Испанию, где король (а все они — одним миром мазаны!), взбешенный неудачей, велит его повесить или отправит на галеры. Вот посмеется король Мануэл, вот будет опозорен на века род ди Магальянней!..

Слыша голоса, доносящиеся с мятежных каравелл, командор до треска сухожилий сжимает рукоять меча. Нет, живым он не сдастся! А мятежники, несмотря на ночь, судя по всему, уже празднуют победу. Из трюмов на палубы выкатываются одна за другой бочки с крепким хересом. Слышны пьяные возгласы: "Да здравствует король!", "В Испанию, господа, в Испанию!"... Перед рассветом, когда шум веселья стихнет, командор пошлет верных ему людей на одну из мятежных каравелл. Бунтовщиков возьмут, что называется, тепленькими. То же самое будет проделано с другой каравеллой. (Никуда не денешься, отныне херес может считаться движущей силой этой истории.) Остальные сдадутся сами.

Сорок человек властью, данной ему королем, Магеллан приговаривает к смертной казни. И — тут же помилует. Но одному из капитанов (тому, что прирежет шкипера) прикажет отрубить голову, а обезглавленного посадить на кол. Еще одного капитана и священника, участвовавших в мятеже, высадит на диком берегу, заранее зная, что они обречены на гибель... Зато теперь все пойдет как по маслу. Вытащив суда на берег, моряки начнут очищать днища от ракушек, чинить паруса, заготавливать припасы. За пять месяцев зимовки почти все переболеют, некоторые умрут. Одна каравелла в ураганный штурм разобьется о скалы...

Наконец командор отдает приказ: поднять паруса! Но каким курсом идти? О небо! Опять на юг! До Антарктиды уже рукой подать...

Но вот армада входит в нечто похожее на пролив. С обеих его сторон над скорлупками каравелл нависают гигантские голые скалы. Ничего страшнее, чем эти места, моряки еще не видели. По ночам на безлюдных берегах пролива (но — пролива ли?) вспыхивают какие-то странные огни и сполохи, отчего эта земля будет названа Огненной. В одном месте морякам встретится

огромное кладбище человеческих костей. Даже у самых бывальных сдают нервы. Одно дело погибнуть во время кораблекрушения или в сражении с туземцами, другое — сгинуть в этом крохотном лабиринте бухт, фьордов, заливов...

Один чернобородый командор невозмутим и хладнокровен. Во время туманов его неподвижная фигура на капитанском мостике воспринимается, как жуткое наваждение. Есть ли у него нервы? Знает ли он, что такое смерть? Нет, португальцу бесполезно задавать такие вопросы. Он принадлежит к тем людям, которым неведом страх. Своим обычным беспрекословным тоном он посыпает на разведку одно судно за другим. Но что увидишь в этих каменных тисках? Где тут север, где юг, восток, запад? Про эти места потом станут говорить, что северные ветры здесь дуют со всех сторон. И одни названия на картах чего стоят: гавань Голода, гора Страданий, бухта Последней Надежды, берег Скорби...

Уже целый месяц армада мыкается, утыкаясь в тупики. Один из офицеров армады, португалец Эштеван Гомиш, памятуя о крутом нраве командора, пишет на его имя в весьма выдержанном тоне записку с предложением вернуться назад. Причина очевидна: силы моряков на пределе. Еще немного — и начнутся повальные смерти. Магеллан в ответ предупреждает: за разговоры об отступлении — смертная казнь. И тогда автор вкрадчивой записи переходит от разговоров к делу: тихой сапой уводит каравеллу "Сан-Антонио" в Испанию.

Догнать и наказать изменника? Ведь на "Сан-Антонио" — почти весь запас продовольствия армады! Но даже у командора на это не хватает духа: так можно потерять все... Три оставшиеся каравеллы продолжают посреди скал и вечной, леденящей душу тишины искать выход из заколдованного лабиринта... Лишь на 36-й день плутаний перед глазами уже ни во что не весящих моряков предстанет необозримая панорама лазурного, блещущего на ярком солнце открытого моря. Ни ветра, ни волн. С легкой руки Магеллана этот бескрайний океан воды назовут Тихим...

Хочется верить, что, как пишет хронист тех веков, в эту незабываемую минуту по черной, с первой проседью бороде командора покатятся слезы радости. Но верится в это с трудом. Не великий Тихий океан ему нужен, а маленькие острова Пряностей. А ими, образно говоря, здесь и не пахнет.

Пройдет один месяц плавания, другой, третий... Тут впору вспомнить об ученом монахе Пигафете. Это главным образом благодаря ему потомки узнают, во что обойдется Магеллану и его спутникам беспримерный бросок в неизвестность длиною в десятки тысяч миль. "Мы были совершенно лишены свежей пищи, — сообщает он в своих чудом уцелевших записках. — Питались сухарями, но это были уже не сухари, а сухарная пыль, кишевшая червями. Мы пили желтую тухлую воду. Ели также во-

ловью кожу, покрывавшую гроб-мачты; от действия солнца, ветров и дождей она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в течение нескольких дней, после чего клади в раскаленные угли. Часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их не всегда можно было достать... Однако хуже всех этих бед была вот какая. У некоторых из экипажа десны распухли до такой степени, что они не в состоянии были есть какую-то ни было пищу, вследствие чего умирали один за другим". В другом месте записок итальянец отмечает, что их главнокомандующий, не знавший пощады ни к кому, не щадил и самого себя: все эти месяцы он питался тем же, что и остальные моряки...

Миновав несколько пустынных коралловых островов, каравеллы наконец пристанут к Филиппинам. Под впечатляющий гром корабельных пушек Магеллан объявит местным вождям, что отныне эти острова являются собственностью испанского короля. (Поначалу мореплаватели ошибочно примут их за Молукки.) Вожди в душе с этим не очень согласны, но кивают головами и готовы умилостивить всемогущего короля дарами в виде мяса, рыбы, фруктов. Но что такое пряности и где они водятся, туземцы сами имеют смутное представление...

Постепенно командор начинает понимать, что произошла ошибка: это не острова Пряностей. Но, пока суть да дело, он решает попрочнее утвердить испанское владычество на Филиппинах и заодно обратить местное население в христианство. Это отступление от первоначально намеченной цели и погубит Магеллана. Когда один из местных царьков, в отличие от других, проявляет непокорность, разгневанный командор, одевшись по старой привычке в латы, с небольшим отрядом пойдет вразумлять строптивого язычника. Тот выставит против горстки моряков свыше тысячи вооруженных копьями и дротиками воинов. Чтобы навести на них побольше страха, Магеллан прикажет поджечь хижины туземцев. Но добьется противоположного результата. Не обращая внимания на пущенную пальбу с каравелл, воины бросятся в рукопашную с испанцами. По свидетельству Пигафетты, участвовавшего в этом сражении, командор стойко держит круговую оборону, чтобы дать возможность большей части отряда добежать до лодок и укрыться на каравеллах. Но он и еще несколько моряков ничего не могут поделать с сотнями наседавших на них туземцев. "Так он погиб, наш верный вождь, наш светоч, наша опора! — в таком непривычном для беспристрастного летописца стиле описывает Пигафетта последнее сражение Магеллана. — Слава его переживет его смерть! В минуту величайшей опасности он проявил непоколебимую стойкость".

Уже нет армады, остались две потрепанные в тихоокеанских штормах каравеллы (третью из-за полной непригодности

пришлось сжечь), на которых незнамо куда и зачем плывут чуть более сотни унылых, растерянных людей. Добравшись наконец до Молукк, они торопливо набивают трюмы пряностями, в самом деле в большом изобилии произрастающими здесь. На одном из островков произойдет событие, которое, останься Магеллан в живых, наверное, могло расчувствовать сурового командора. Его раб-малаец, заговорив с одним из местных жителей, с удивлением обнаруживает, что тот — понимает его! Это означало, что Магелланова флотилия, двигаясь сначала на запад, потом на юг, потом — на северо-запад, пришла примерно туда, где наш герой когда-то воевал за интересы португальской короны, т.е. он и его спутники фактически обогнули земной шар! “То была величайшая новость, когда-либо слышанная со дня творения человека”, — так оценит это событие средневековый историк.

Три года спустя после начала плавания одна из каравелл с характерным названием “Виктория”, претерпев немыслимые испытания, войдет в ту же испанскую гавань Санлукар-де-Баррамеда, из которой она в составе армады когда-то вышла. На нее нельзя было смотреть без слез: изодранные в клочья паруса, добела выгоревшие штандарты, торчащая отовсюду пакля. Из тридцати оставшихся в живых моряков лишь немногие из-за неимоверного истощения сил смогут самостоятельно сойти на берег. Увы, никто не встретит их как героев. Портовые чиновники приидирчиво изучают судовые документы. Ведь дезертиры с каравеллы “Сан-Антонио” всех убедили, что армада Магеллана погибла. Да и слава мореплавателя, руководившего этим героическим походом, по злой иронии судьбы достанется не Магеллану, а некоему Элькано, капитану “Виктории”, некогда за мяtek приговоренного к смерти и помилованного командором. Лишь много лет спустя благодаря Пигафетте и другим участникам экспедиции будет восстановлена правда о Магеллане.

Итак, кто же он, герой нашего рассказа? Великий мореплаватель? Да, именно так называют его авторы большинства биографий, а некоторые даже относят его к числу суровых, но пылких мечтателей, одержимых идеей соединения народов мира в одну семью. Но ведь как неопровергимо свидетельствует текст заключенного между королем Карлом и Магелланом договора, начальной целью этой экспедиции были пряности. О кругосветном плавании он и не думал, поскольку оно совсем не входило в его планы... Что же тогда мы имеем, как говорят, в сухом остатке? Его незаурядные познания в области географии и навигации? По ходу повествования мы убедились: их у командора почти и не было. Он излишне доверился бытовавшим в те времена легендам и картам, на которых рядом с реально существовавшими материками и островами соседствовал чистой во-

ды географический вымысел. Можно сколько угодно осуждать поведение мятежных капитанов, но их беспокойство за судьбу экспедиции было во многом оправданно: генерал-капитан часто вел армаду фактически наугад, но, будучи весьма самолюбивым человеком, не желал признаваться в этом ни подчиненным, ни самому себе...

Что же получается? Выходит, мы следом за королем Мануэлом должны считать Магеллана проходимцем? Ни в коем случае! Мануэл оттого рвал и метал, стремясь сорвать плавание Магеллана, что португальская монархия однажды уже дала исторического маxу, отказавшись от услуг Колумба и тем самым уступив пальму первенства в открытии Нового света Испании. Правда, Колумб ошибочно примет Америку за Индию. Ну и что? У кого сегодня повернется язык назвать этого великого мореплавателя проходимцем? Согласитесь, почти также самая история повторится с Фернаном Магелланом. Гоняясь за пряностями, он и его спутники первыми в истории доказывают, что земля — круглая и тем самым опрокинут многие неверные представления об устройстве планеты. Плавание Магеллана породит во всем мире массу подражаний, в путь отправятся новые экспедиции, познание Земли как общего космического корабля населяющих ее народов, пойдет более быстрыми темпами. И уже одно это дает нам право поставить имя угрюмого командора в одну строку с Христофором Колумбом, Ваской да Гама, Америго Веспуччи и другими великими мореплавателями.

Да, личность Магеллана вопиюще противоречива. Храбрость в нем мирно уживалась с карьеризмом, жестокость с благочестием, тщеславие с верностью товарищам. Но заметим, что история никогда, особенно в эпоху великих географических открытий и имперских завоеваний, не творилась херувимами. Многое из того, что совершил в своей жизни Магеллан, тогда было в порядке вещей. К примеру, тот же португалец Васка да Гама, проложивший морской путь в Индию, со своим войском, не жалея ни детей, ни старииков, истребил десятки тысяч людей, сожжет до тла немало городов. По сравнению с ним или с испанским конкистадором Кортесом, залившим кровью Мексику, Магеллан выглядит почти что ангелом.

Представим на минуту, что он, слабо представлявший, где находятся острова Пряностей, еще и по натуре был не человек, а душка. Экспедицию ожидал бы полный провал. Но в том-то и дело, что никто в ту пору не верил настолько в свою звезду, не обладал такой волей к победе, как Фернан Магеллан. Назвать его натуре железной будет слишком слабо. Твердая и холодная, как гранит, она помогла великому португальцу выстоять тогда, когда другой на его месте или сдался бы, или покончил с собой, или сошел с ума. Первое кругосветное плавание — пример того, что вера движет не только горами, но и океанами... ■

www.lgz.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Лучшая Газета

для мыслящих людей

"ЛГ" представляет широкий спектр российской и мировой литературы, дает слово писателям всех направлений, регулярно публикует стихи и прозу (новая тематическая вкладка "Читальный зал"), вступает в диалог с читателями, рассказывает о новых книгах и издательских проектах ("Книжный развал").

"ЛГ" следит за современным состоянием родного языка, отстаивает его право звучать по-русски, учитывая традиции и неизбежность обновления; знакомит с самыми неожиданными гипотезами и новейшими открытиями в разных областях науки ("Научная среда").

"ЛГ" уделяет особое внимание проблемам преподавания в средней и высшей школе, предоставляя слово ученым и педагогам, обсуждает проекты реформы образования и новых учебников XXI века.

"ЛГ" изучает историю и современность, проводит журналистские расследования, прогнозирует главные направления развития общества.

"ЛГ" анализирует политическую ситуацию в стране и мире, заботится о судьбе соотечественников в ближнем и дальнем зарубежье, оказывает консультационную помощь читателям в разрешении юридических проблем.

"ЛГ" сохраняет лучшие традиции легендарной 16-й полосы: в "Клубе "12 студентов" читателя ждут встречи с известными и любимыми юмористами страны.

Отдел распространения тел.: 208-98-55 / факс: 208-97-00. lgzraspr@mail.ru

ПОДР

В колонию доставили гуманитарную помощь.

Георгий ЦЕЛМС

"Мама, папа, я..."

Так народ называет три соседствующие колонии в Новосибирске: взрослые для мужчин и женщин и воспитательная колония для подростков. У некоторых детей родители действительно в соседних зонах. Кто-то подростков

пригласили на концерт в женскую колонию и одна женщина там неожиданно увидела сына. Он ее, однако, не узнал: мать считается по тюремным лет десять, да и сын уже сидит несколько лет.

Всего 10 процентов родителей были когда-то осуждены. Го-

АНКИ

Приготовьтесь, уважаемый читатель, испытать шок. Потому что мы с вами сейчас отправимся в места, как говорится, "не столь отдаленные", где колючая проволока на глухом заборе, конвойные с овчарками, сторожевые вышки с часовыми.

Только часовые там без оружия — закон запрещает стрелять по несовершеннолетним. А зоны, точнее, колонии созданы для перевоспитания "малолеток". Противоестественно видеть детские лица в тюремном интерьере...

раздо больше воспитанников, у которых сидят братья и сестры. "На мою семью как будто кто проклятье наложил: сначала старшего брата посадили, потом чуть помладше тоже закрыли. Сейчас он сидит, я тоже сину. Самый младший тоже сидел —

вышел". (Здесь и дальше цитируем письма, присланные на конкурс, который проводил Общественный центр "Содействия реформе уголовного правосудия".)

Почти половина воспитанников колоний жили в неполной семье (одна мать). Чаще всего ро-

Мать и сын встретились "на зоне".

дители сильно пьющие, хотя дети не любят в этом признаваться. Юные правонарушители приобщились к алкоголю и наркотикам с младых, как говорится, ногтей. Вот данные анкетирования, которые приводит начальник Рязанской воспитательной колонии О. Ананьев: "48% систематически подвергались избиению родителями, 71% осужденных — из семей, где родители систематически употребляли алкоголь, 35% употребляли наркотические средства...".

Психолог Алла Семеновна Меркулова работает в колонии для девушек в Томске вот уже 20 лет. Перед ней прошло несколько поколений грешных подростков. Вот как она видит отличительные особенности нынешнего этапа: "Сейчас сидят дети, которые абсолютно никому не

нужны. Ни обществу, ни родителям, ни друзьям, ни даже себе самим. Раньше, конечно, тоже наши воспитанницы чаще всего росли в неблагополучных семьях. Но тогда хоть как-то влияла школа, другие организации... Сегодня у этих детей огромный дефицит любви. И, как показывают тесты, крайне высокая тревожность. Значительно снизился образовательный уровень. Многие приходят с незаконченным начальным образованием, а ведь им по 14-18 лет. Дети совершенно не приучены к книге. Часто они открывают ее здесь впервые. И еще особенность: растет количество краж, на которые детей толкает голод. Но также растет число крайне жестоких преступлений. Раньше, когда в колонию поступала убийца, все воспитанницы бегали на нее смотреть. Нынче же девушек, совершивших убийство, столько, что никто на них не обращает внимания".

Вывод из сказанного угадывался такой: все воспитанницы, несмотря на тяжесть содеянного, жертвы и потому нуждаются в жалости и любви.

К Алле Семеновне я еще вернусь. Пона же поговорим о мифах, к творению которых, каюсь, и сам причастен. Жизнь слишком стремительно летит вперед...

Миф о трех хомячках

Эта история с подачи правозащитников была широко распространена СМИ: подросток унрал трех хомячков из зоомагазина и на несколько лет сел в тюрьму. Правозащитники сообщали журналистам и другие подобные

фант: украл мешок картошки, батон колбасы, железный ломик ... и сразу на нары. Еще пять лет назад именно так и было. Но, похоже, ситуация радикально изменилась. Да, в томской колонии мне встретился сельский паренек, лишенный судом свободы за мешок картошки и несолько банок соленых. И в "письмах на конкурс" есть такие строчки: "Меня посадили из-за еды. Дома никогда не было еды", "Мои родители не алкаши, не наркоманы. Они просто уже на пенсии и не могут заработать денег. А ведь надо еще обеспечить стареньную бабушку и меня с братом".

Сегодня суды, несмотря на их генетическую жестокость, почти перестали сажать несовершеннолетних за первую кражу. Особенно если она незначительная. Чаще всего такое преступление наказывается условным сроком. Вот, например, Ринат из новосибирской колонии. Маленький такой, совсем мальчик с виду, но у него уже три судимости. За первую кражу дали четыре года условно, за вторую добавили еще два. Третий раз он предстал перед судом уже за разбой и вымогательство. Пришлось, как говорят зеки, "закрывать его на тюрьму". То есть, лишать свободы.

Подростка, преступившего закон впервые, как правило, приговаривают к условному сроку наказания. Но оказалось, что у нас эта мера не срабатывает. Весь контроль во время отбытия условного наказания сводится к тому, что осужденный раз в месяц должен "отмечаться". Да еще подростку запрещается поздний выход на улицу. Только

что же его проинспектирует? Родители? Им не до него. Участковый? Он завален работой. Органы социальной защиты? Они просто тонут в море неблагополучных детей. На учете у них, например, в Новосибирской области 225 000 проблемных отроков и отроковиц. Это примерно треть всего детского населения. Причем количество безнадзорных детей ежегодно увеличивается на 10 процентов.

Получившие условный срок, как правило, нигде не работают и не учатся. И начинают верить в свою безнаказанность. Так что почти все они это испытание не выдерживают. Из чего вовсе не следует, что от подобной меры следует отказаться. Прагматичный западный мир накопил богатый опыт работы с юными правонарушителями за пределами тюрьмы. Это, понятно, требует немалых затрат. Но там, в отличие от нас, давно поняли, что скромный платит дважды: рост преступности очень дорого обходит обществу.

Некоторые преступления просто поражают своей жестокостью. Воспитанник С. застрелил отца из охотниччьего ружья за то, что тот не пустил сына на дискотеку. Потом хладнокровно ликвидировал "свидетелей": застрелил мать и сестру. И пытался замести следы — изобразить разбойное нападение. Два друга Н. и Г., 15-ти лет от роду, убили третью-классника, нанеся ему 106 ножевых ранений. Воспитанник Н., сельский подросток, убил свою бабушку, ударив черпаком по голове. Она спрятала брагу, и внучонок не смог опохмелиться. А вот уже в томской колонии 16-лет-

няя Р. задушила подушкой свою соседку по комнате, "потому что она сильно хрюкала"...

Криминологи утверждают, что подобные страшилки журналисты сами выдумывают. И уж по крайней мере такие случаи чрезвычайно редки. Потому, мол, и попадают они в печать. Но вот как выглядит структура преступности несовершеннолетних, если судить по воспитательной колонии Новосибирска. Из 383-х воспитанников за убийство осуждено 10 человек, за причинение тяжкого вреда здоровью — 12, за изнасилование — 10, за разбой — 20, за грабеж — 60... Да, за кражу по-прежнему сидят большинство — 230 человек. Но, как правило, совершена она не впервые. И часто это кража из квартир, гаражей. И отнюдь не батона колбасы.

Подобная же тенденция наблюдается в странах бывшего СССР (в Эстонии, например), а также в Восточной Европе (Польша). В Западной же Европе и в США происходит прямо противоположное — снижение доли тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. Как говорится, информация к размышлению.

Конечно, нельзя сравнивать, сканем, кражу, грабеж или разбой взрослого человека с подобными же преступлениями, совершенными юношами, а то и ребенком. Ювенальная, или подростковая, юстиция хорошо знает это отличие. Но, как бы то ни было, тяжесть преступлений, совершенных в России несовершеннолетними, растет.

Сегодня по условно-досрочному освобождению, по помилова-

нию и амнистии ежегодно покидает стены воспитательных колоний почти четвертая часть осужденных несовершеннолетних. Я видел, что многое идет в колониях пустует. И это хорошо. Плохо, что значительная часть из вышедших на волю вскоре же возвращается обратно...

Путь в тюрьму

Для некоторых он начинается в 11-13 лет. Безо всякого следствия и суда комиссия по делам несовершеннолетних определяет в неволю проштрафившихся детей (воришек, мелких хулиганов, а иногда просто бродяг) — в спецшколы и в спецучилища. Это по сути уже тюрьма со всеми ее жестокими нравами, "понятиями", настами, насилием. Никто, увы, не считал, но уверен — большинство учащихся спецшкол после освобождения совершают преступление посеребренное и прямиком отправляются в колонию. Однажды до колонии им предстоит пережить еще арест и следствие. Снятие отпечатков пальцев, фотографирование в анфас и профиль, прочие тюремные прелести. Да, сегодня наша криминальная политика чутчку смягчилась, и суды многие подростки дожидаются дома. Но немало и таких, которые попадают в изоляторы временного содержания (ИВС) и в следственные изоляторы (СИЗО).

Все, кто пережил арест и заключение под стражу до суда, уверяли в разговорах со мной, что оперы-дознаватели их истязали. "Я не верю, что Зоя Космодемьянская молчала на допросах, — сказал один из них. — Когда так бьют, признаешься в чем угодно".

В следственных изоляторах подростки проходят воровские университеты. И хотя сидят они вроде бы отдельно от взрослых, криминальные авторитеты успешно занимаются их воспитанием. Стены камер вполне проникаемы. И общение посредством записок ("маляв") идет полным ходом.

Здесь надо сказать, что несовершеннолетние проводят в СИЗО — сначала в ожидании конца следствия, затем в ожидании суда и, наконец, отправки на этап — до безобразия долгие сроки. Среди воспитанников новосибирской колонии провели в СИЗО от 1 до 3 месяцев 38 человек, от 6 до 9 месяцев — 21 человек, а свыше, в том числе и более года — 6 человек.

Многие после такого временного пребывания в совершенстве овладевают блатной "феней", "понятиями", украшают себя наруками. У 15-летнего Саши, например, татуировка "ЛОРД". На лорда он похож, прямо скажем, мало, но надпись вовсе это и не утверждает. А утверждает она, что "лягавым отомстят родные дети". Саша сам еще по виду дитя, однако загадывает далеко.

В камерах многие вынуждены выдерживать страшный экзамен "на настоящего пачана". После чего им присваивается ранг — и какой, высшей или низшей расе, насте, "масти" каждый принадлежит. И это уже на всю оставшуюся жизнь.

Учителя к детям в СИЗО не заглядывают, хотя по закону должны. Адвокаты тоже почти не ходят. Большинство юных грешников из малообеспеченных семей — им услуги адвокатов не по

карману. Государство назначает подросткам в порядке статьи 49 УПК бесплатных защитников. Но они, как правило, пренебрегают своими обязанностями. Откровенно халтурият. Можно, конечно, осуждать за халтуру, но государство платит им за эту работу существенные копейки — за полный рабочий день в суде, например, менее 50 рублей. Так что несовершеннолетние в большинстве своем лишены права на защиту. Но всему этому стоит добавить, что работать подследственным не полагается. Вот дети и дуреют от безделья, предоставленные сами себе. Да еще криминальным наставникам из соседних камер. Большинство из них вспоминает с ужасом время, проведенное в СИЗО. Особенно первые дни, "когда закрыли". Не могу не процитировать еще одно "конкурсное письмо": "Когда меня в первый раз завели в камеру, я почувствовал страх... Я встал в проходе: не хотел заходить в это темное, сырое, пахнувшее сигаретным дымом и сыростью помещение размером 2,5 на 3,5 метра. Но дверь захлопнулась — как будто прогремел пушечный залп. Это было так страшно, как будто наступили последние секунды моей жизни. На меня смотрело шесть малолеток с голыми глазами. Было такое ощущение, что они разорвут меня на части... Вдруг один из них сказал: "Заходи, присаживайся". После этих слов мне стало еще страшнее... Страх живет во мне и по сей день".

Криминологам давно известно, что впервые попавший в камеру подросток живет в состоянии шока от одного до трех месяцев. Потом происходит привыка-

Хороша тюремная клубнична!

ние. Вот он, казалось бы, оптимальный срок лишения свободы. Так ведь держим в камерах по несколько месяцев, а то и лет. А затем даем сроки на полную катушку...

После СИЗО юных осужденных везут этапом к месту отбывания наказания. И это тоже тяжкое испытание. А также продолжение обучения воровским наукам. Особенно тяжело приходится на пересылках, где царит беспредел. И со стороны конвоя, и со стороны блатных. Слава Богу, за последние годы все-таки сделали так, что места, где приходится перевоспитываться, и впрямь стали не столь отдаленными — почти в каждом крупном регионе своя колония. Но девичьих колоний на страну всего три. Так что в Томск везут юных правонарушительниц и с Сахали-

на, и с Камчатки... Этап длится месяцами. А главное, родным потом не проводить своих грешных чад. Ведь билет на дорогу может стоить несколько тысяч.

В воспитательных колониях юные правонарушители содержатся до 21 года. (Еще недавно было до 18). Потом тот, у кого срок не окончен, а досрочного освобождения не заслужил, отправляется "на взрослян". То есть во взрослую исправительную колонию общего режима. Законодатели продлили срок "несовершеннолетия", чтобы дать большинству отбыть наказание именно в воспитательной колонии. Тут все-таки еще есть шанс исправления. Но сроки, к которым суды приговаривают несовершеннолетних, зачастую настолько велики, что "взрослян" многим не избежать. Вот стати-

стика по воспитанникам новосибирской колонии. На срок от 1 до 3 лет лишения свободы приговорено 112 человек, от 3 до 5 лет — 241 человек, от 5 до 10 — 49 человек. Наш Уголовный кодекс не делает различий между подростком и взрослым.

"Не забуду матер родную"

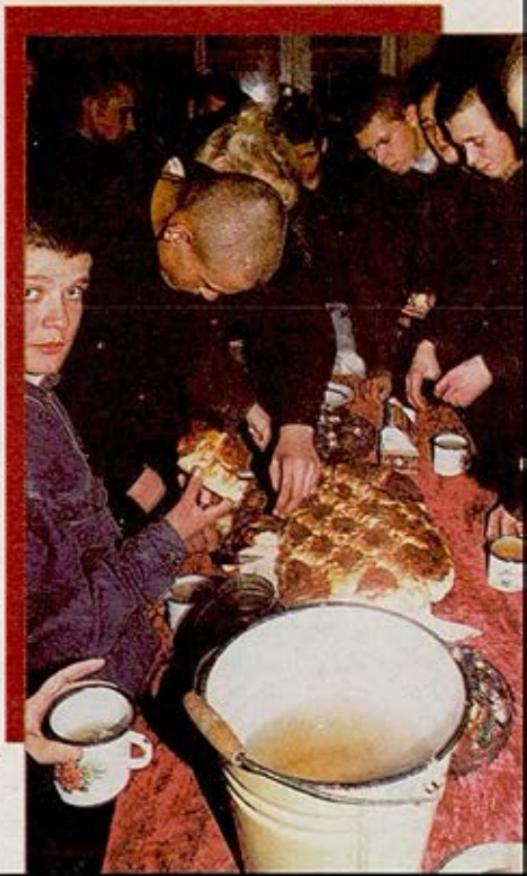
Знатоки криминальной культуры утверждают, что эта распространенная татуировка относится к зоне, к тюрьме, а не к матери. Вполне готовы допустить, что многие воспитанники колоний, с которыми познакомился, на воле не раз добрым словом вспомнят эту свою "мать родную". По крайней мере здесь их кормили досыта. И это, к счастью, крах еще одного расхожего мифа — про пытку голодом в зоне. Во взрослых колониях с питанием похоже, но и там в большинстве своем голода сегодня уже нет. На "малолетке" же наедаются все. За последние годы в большинстве колоний развили натуральное хозяйство, завели снот, огороды, зону превратили в пастью. Приварок в общий котел добавляют те, кто имеет право работать без конвоя. Одни рыбну ловят, другие грибы, ягоды собирают, а кто-то за харч на полях пашет. Каждый уважающий себя начальник завел в колонии хлебопекарню, а также "коевую корову" — установку для переработки сои в молоко.

Рассказывая это, не хочу быть превратно понятым — бедности и даже нищеты в колониях хватает. И в так называемой гуманитарной помощи они крайне нуждаются. В одежду, в ленарст-

вах, в хороших книгах... Пока только удалось худо-бедно накормить "сидельцев" (да и то не везде).

И еще, как я убедился, в колониях встречаются люди, способные отнестись к "заблудшим душам" с чуткостью и любовью. А ведь именно любви большинство из них было лишено на воле. Одно не будем идеализировать. Среди персонала колоний видел разных людей. Встретился, например, "воспитатель", который обманул своего подопечного, убедив его сознаться в нераскрытом преступлении. "Тебе ничего не будет" — внушил он. Мальчишка поверил и получил дополнительный срок, воспитатель — звез-

Эти пироги для колонистов сплаще домашних.

дочку на погоны. Встречались и такие, которые любят пускать в ход нулани. В то же время я видел по-настоящему добрых и чутких людей. Увы, далеко не все в их власти...

"Все. Не могу больше"

17-летняя Надя на приеме у психолога плачет навзрыд.

Психологическая служба в томской колонии для девушек возникла первой в стране — 20 лет назад. Тогда и пришла сюда работать Алла Семеновна Меркулова, классный специалист. За эти годы психологи в воспитательных колониях появлялись и исчезали, службы ликвидировали и создавали заново. А Алла Семеновна бессменно несет свое деяние.

Сейчас она осторожно пытается выяснить у Нади причину ее отчаяния. "Давно писем из дома не было?" "Да нет, было письмо на той неделе". "Может, с подругой поругалась?" "Нет, все нормально. Только подруга тоже раздражает. Сама не понимаю, что со мной?" Постепенно выявляется конфликт с учителем литературы. "Знаете, как она нас унижает? Говорит, что мы не сочинение написали, а бред сумасшедшего..." Алла Семеновна догадывается, что не этот конфликт причина депрессии. Но и его не сбрасывает со счета. "Ты же умненькая, — говорит она. — Давай вместе напишем сочинение". Нервный срыв девушки, как предполагает Меркулова, объясняется необходимостью выбора. Подошло время решать — оставаться ей в этой колонии или переводиться во взрослую.

Выбирать всегда тяжело, вот и срывы. Да и вообще любая колония, так или иначе, напрягает нервную систему. Это не курорт. Срывы здесь неизбежны. Протестировав девушку и еще поговорив с ней, психолог начинает лечение: "Ты же не раз уже выкарабнивалась из подобных ситуаций. Вот разложишь все по полочкам и поймешь, что унывать не стоит. Ты же знаешь свою особенность из муhi делать слона". Вроде бы самые обычные слова. Но девушка видит, что Алла Семеновна встревожена ее настроением и хочет помочь. Подобного отношения она не встречала в вольной жизни. Как потом узнаю, Надя жила без родителей, у пьячужки и дебошира деда. Сидит Надя "за нанесение тяжких телесных", почти за убийство. Как считает Алла Семеновна, "девочка очень переживает свое преступление".

Прием продолжается. Желающих поговорить по душам с Аллой Семеновной очень много. Лишь малую часть из них успевает она принять. На одного психолога в колонии приходится полтораста девчонок. И почти каждая из них с израненной, искновернанной душой. Подранки.

Тех, кто на грани срыва (их Алла Семеновна безошибочно определяет), она направляет в так называемое отделение психологической реабилитации. Это маленькая, уютная комната с двумя койками и столом. Главное, что здесь можно побывать одной. Отдохнуть от постоянного отряда многолюдья. Меркулова добилась права помещать туда девушек от 2 до 10 суток: "Пусть ребенок высится там вволю, по-

думает, расслабится немножко". Есть в колонии еще и кабинет психологической реабилитации. Там проходят групповые занятия, психотренинг.

Без "визы" психолога, кстати говоря, в этой колонии не происходит ни одного производства в активисты, в командиры отрядов и пр. Если Алла Семеновна видит, что девушка чересчур высокомерна или чванлива, она никогда своей визы не даст. Был бы подобный подход в мальчишеской колонии того же Томска, не стал бы председателем совета командиров 19-летний С., получивший срок за убийство отца, матери и сестры. Ему самому нужна длительная коррекция психиатров и психотерапевта, а он над всеми начальниц. Я видел, с каким страхом подчиняются ему воспитанники. Настоящий молодой пахан. Но руководству колонии так удобно — дисциплину пахан и его быки (бойцы) держат без проблем...

Письма с воли, которые получают девочки, приходят редко и не ко всем. А потребность излить душу большая. Вот некоторые воспитанницы и пишут письма начальнику колонии Леониду Петровичу Орловскому. Изливают ему свои обиды, делятся тревогами. Ногда несколько месяцев назад он только приступил к своим новым обязанностям, одна девочка написала ему письмо. Он слегка удивился: что за форма общения? Но ответил. Так и пошло. Казалось бы, чего прибегать к эпистолярному жанру, когда видишься по несколько раз на дню? Но Орловский понял эту девичью потребность. И, несмотря на занятость, находит время

отвечать своим корреспонденткам. Чтобы поддержать, успокоить, наставить.

Ни в коем случае не хочу, чтобы читатель упрендунал меня в лакировке действительности: видит, мол, все в розовом свете. Жизнь колоний, в том числе и томской, где содержатся девушки, далека от идиллии. И несторонности, мягко говоря, хватает. Я уже рассказывал о воспитаннице, удушившей свою соседку подушкой. За то, что та "сильно хрюпела". Этот чудовищный случай произошел как раз в этой колонии. Не изнito здесь до конца и лесбиянство. Так называемые влюбленки, страдалки имеют место быть. Однополая любовь — это чаще всего унаследованные нравы СИЗО. Но еще и огромная потребность в любви. Хоть в ненастоящей, так в придуманной.

"Мы ломаем понятия уже в карантине"

Так сказали в колонии для несовершеннолетних в Новосибирске.

Юные правонарушители, отсидев в СИЗО и пройдя этап, набираются гнилостного блатного духа, "понятий" или воровских законов. Зачастую они приходят в колонию уже разделенные на маски. Это как клеймо, несмыываемое, вечное.

По данным правозащитников чуть ли не 40 процентов подростков насилиются в СИЗО. Иногда за нарушение воровских законов ("косяки"), иногда просто по беспределу. И получают унизительный ранг "опущенных" или "обиженных". Это изгибы зоны, непри-

насаемые. Они вынуждены делать всю черную работу (стирать носки другим, чистить туалеты), беспренословно подчиняться, занимать самые худшие места и в спальне, и в столовой. А главное: обслуживать извращенные сексуальные фантазии каждого желающего.

В колонии Новосибирска наработано несколько приемов по разрушению этой гнусной иерархии. По инициативе начальника Сергея Витальевича Полянского воспитанников, например, постоянно пересаживают в столовой. Так что приходится сидеть рядом представителям самых разных "наст". В унисон работают педагоги вечерней школы. Они стараются на уроках использовать групповые состязания. И тоже при этом меняют составы команд. Изгой, продемонстрировав смысленость и находчивость, получает шанс принести очки своей команде. И шанс хоть на время перестать быть последним.

Учительниц здесь часто называют "мамами". Среди учителей в колониях мне встречалось немало талантливых и увлеченных людей. Дети это чувствуют. И те, кто учился на воле на одни двойники, вдруг начинают получать четверки и пятерки. И еще дети остро чувствуют исходящую от учителей доброту.

Колония дает шанс на другую, не преступную жизнь. Овладение профессиями — важнейший элемент этого. При всей своей нищете здесь стараются соответствовать рыночной конъюнктуре. В томской девичьей колонии, например, организовали компьютерный класс: готовят се-

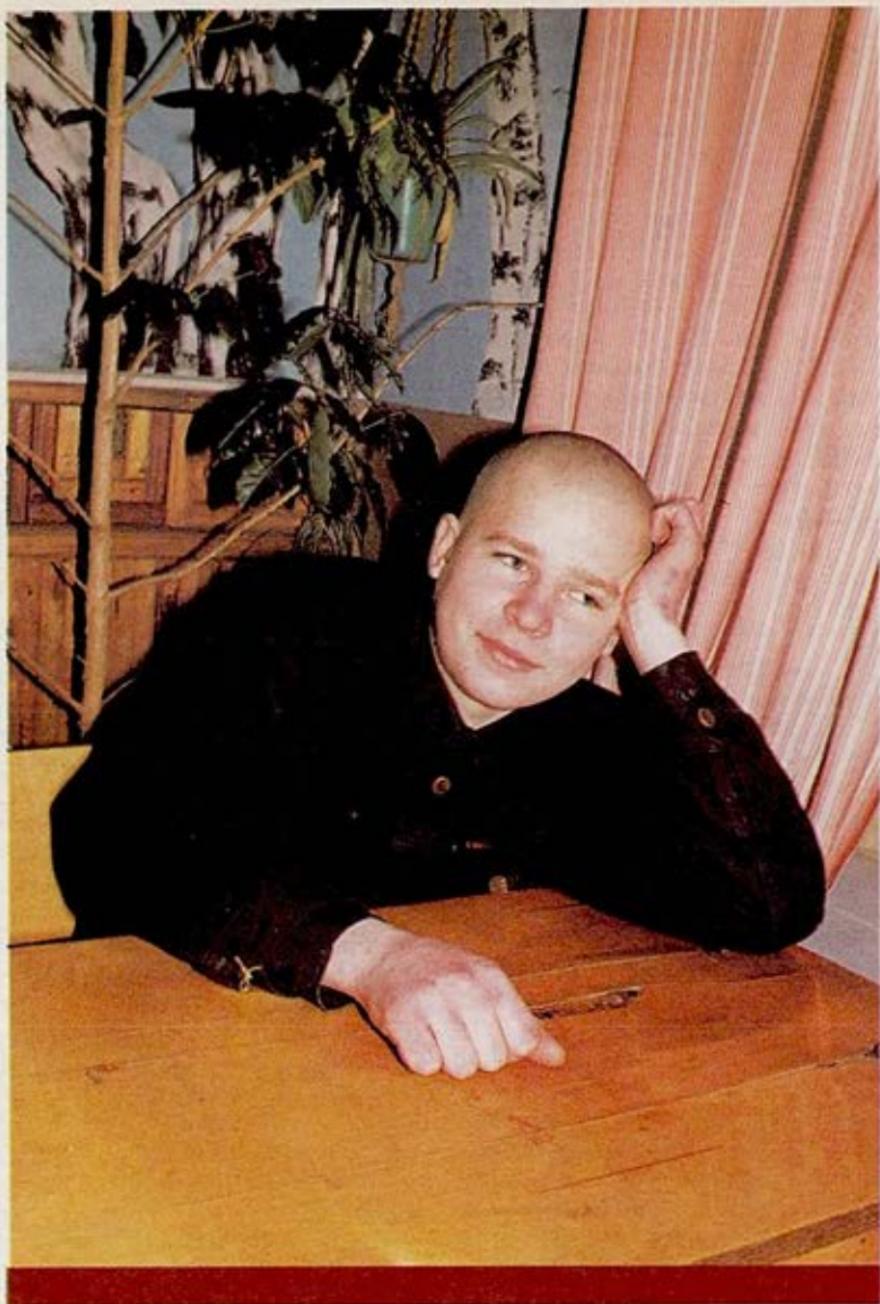
кретарей-референтов. Есть еще там группа парикмахеров-визажистов. Но такой модной профессии обучается всего 20 человек. И низкий образовательный уровень мешает, и оборудования не достает. Большинство осваивают профессию швеи-мотористки. Не уверен, что в условиях безработицы они будут востребованы. Но другого варианта пока нет. И тан-то повезло: выиграли конкурс, организованный службой занятости. И получили в дар швейные машинки.

Мальчишок учат на токарей, слесарей, трактористов и каменщиков. Кроме учебы есть еще и работа — ребята вырезают канцелярские папки. Товар, конечно, копеечный, но по сегодняшней безработице в зонах и то хлеб.

Главное: каждая минута у воспитанников и воспитанниц расписана. Если утром ПТУ, то вечером — школа. И наоборот. Плюс к тому строевая подготовка, кружки, различные общественные мероприятия. Не всем это нравится. Некоторые мечтают о вольнице "взросляня". Но, конечно же, такая загрузка необходима в колонии. Особенно для подростков.

"На свободу с чистой совестью"

О свободе подростки начинают мечтать уже в первые дни неволи. В упомянутых не раз письмах воспитанников колоний видно, какой они представляют себе свою будущую вольную жизнь. "С первой получни куплю себе все новое, со второй все куплю маме". "Заработаю себе на машину, на коттедж двухкомнатный. Так и

"Что ждет меня на воле?"

буду жить в домашнем очаге". "Заведу себе супругу, потом детей. Буду гулять с детьми по парку, есть мороженое да пирожное". "Мои дети не будут даже знать, где находится милиция". Такие вот розовые мечты. Редко-редко встретишь в них трезвые строчки. "Воровать я не буду, но если придется, что тут поделешь...". "Выходя, ты снова столкнешься с повседневной проблемой — как найти денег, чтобы хорошо одеться, поесть, вечером сходить в клуб отдохнуть. А в заключении таких проблем не существует".

Воспитатели рассказывают, что когда "малолетки" выходят на свободу, за железными воротами они чувствуют себя перепуганными мышатами. Даже самые крутые из них.

За полгода до освобождения начинается подготовка к воле. В новосибирской колонии этим занимается Елена Анатольевна Раевская. Работа у нее адова. Особые трудности возникают у Раевской с сиротами и детьми тех, кто лишен родительских прав. Если освобождающимся не исполнилось еще восемнадцати, деваться им просто некуда. В детдом обратно брать отказываются. Опекунов для них найти почти невозможно. Елена Анатольевна загодя начинает бомбить инстанции письмами. Добивается приема у высоких чиновников. И в конце концов ее пытцы получают место в общежитии или иную жилплощадь. Часто чиновники обманывают: отвечают на запросы, что все сделают, а потом не делают ничего. Болит сердце у Раевской и о тех, кто вроде бы возвращается в отчий

дом. Она хорошо знает, что часто этот дом встретит пьяной, драками и все теми же блатными дружками. А значит, не долго ждать нового преступления. По ее данным после освобождения повторно совершают преступления до 30-40 процентов бывших колонистов.

"Давайте спасать детей!" Эта мысль все больше овладевает умами людей, причастных к учреждениям исполнения наказания. В этом я убедился и в Томске, и в Новосибирске. Большинство понимает, что необходима радикальная реформа всей системы исполнения наказаний. В центре этой реформы должны быть несовершеннолетние правонарушители. Если добиться успехов на "детском направлении", то можно разорвать порочный круг и значительно снизить преступность взрослую. Она, как известно, вырастает из детства.

В Новосибирске начальник колонии С.В. Полянский с большим воодушевлением показывал мне проект создания воспитательного реабилитационного центра в городе Апатиты. Разработали проект специалисты из Мурманского УИНа. Не обошлось без влияния и со стороны соседей — Финляндии, Норвегии, Швеции, религиозные и общественные организации которых готовы помочь в реализации проекта.

Суть же его вкратце такова. В структуру Центра, во-первых, включается следственный изолятор для несовершеннолетних. Таким образом влияние криминальных авторитетов в момент нахождения в СИЗО пресекается. Затем — воспитательная колония.

Причем те воспитанники, которые переведены на легкий режим, или, как раньше говорили, "доносили свое исправление", отбывают оставшийся срок за пределами зоны, но под некоторым контролем воспитателей. Их трудоустраивают. И накое-то время они адаптируются к вольной жизни. Те же, кому положено переходить во взрослую колонию, остаются здесь. Ведь колония эта тоже является звеном Центра. Вот и получается, что любой несовершеннолетний, а потом даже и совершеннолетний арестант постоянно находится в одних руках. Уже с момента следствия его изучает психолог, а потом и сопровождает на всем тернистом пути. И все прочие сотрудники колонии тоже.

Этот проект, понятно, всех проблем не решит. Но есть и другие идеи, ждущие своей реализации. В планах томских сотрудни-

ков УИНа, например, проведение эксперимента относительно прохождения условного срока. Суть эксперимента: обязательное привлечение "условников" к труду. Скажем, на общественные работы. Идея не Бог весть какая, но все-таки лучше хоть так занять подростков, чем они будут болтаться без дела. Нстать, закон вполне позволяет это. Вот только суды почему-то не любят делать соответствующее указание в приговоре.

...Присутствуя на утренней линейке. После "разбора полетов" объявляется задание на день — кому и что делать. Затем колонисты демонстрируют успехи строевой подготовки: лихо топают по плацу валенками и ботами (и еще какой-то невразумительной обувью).

Счастливо, ребята. Желаю скорее освободиться! ■

Андрей ДЫШЕВ

катание на яхте в бархатный сезон

1

У самого берега ей стало совсем плохо. "Argo" на прибое принялась подскакивать, словно дикий мустанг. Моя несчастная пассажирка ухватилась обеими руками за леер, голова ее безвольно повисла, и я испугался, как бы она не свалилась за борт.

— Это в последний раз... — простонала она, обращаясь к своему мужу, который, несмотря на состояние жены, оставался спокойным и безразличным ко всему, что его окружало. — Никаких больше авантюров, так и знай... Все, конец моему терпению!

Как раз в эту минуту форштевень мягко въехал в прибрежный песок, "Argo" накренилась, и женщина судорожно обняла мачту. Мужчина отсчитал мне деньги, подмигнул, а я, будто сочувствую его жене, развел руки в стороны.

— Подай же мне руну! — требовательно сказала она.

Я оказался проворнее ее мужа, который уже спрыгнул на берег и был занят тем, что искал в карманах рубашки спички. Мадам подала мне руку с таким видом, будто подавала деньги нищему. Я помог ей сойти, все еще сохраняя на лице выражение сострадания, хотя, скорее, готов был утопить ее, так как она своим видом и недовольными репликами могла расплыть мне клиентуру.

Я оттащил якорь подальше от воды, и когда яхта приподнялась на очередной волне, вогнал его лапу глубоко в песок. Едва я присел и принялся подворачивать намокшие внизу джинсы, как ко мне подлетела

полная женщина в белой панаме с не менее пухлой девочкой, которую держала за руку, и затараторила:

— Вы катаете? И можно всем? А вот нас с ребенком не возьмете?

Я смотрел на нее и ее прежде временно раздутую девочку с состраданием и даже не пытался скрыть своих чувств. Этого унаучает точно, подумал я.

— По три доллара с носа, мамаша.

— И с детей?

— И с детей тоже.

— Хорошо! Мы согласны! Лерочка, полезай наверх, дядя разрешил.

Пока я принидал, кого первого закидывать на палубу — мамашу или Лерочку, меня тронули за плечо. Хорошо загоревший мужчина с длинными волосами, перетянутыми сзади резинкой, крутил на пальце веревку с привязанным к ней плоским намешком. Я понял, что начинается настоящая работа.

— Катаешь, капитан?

— Три доллара с носа, — повторил я и уже сделал шаг к спелому заду Лерочки, которая топтаясь у форштевня, пытаясь вскарабкаться на палубу, как длинноволосый снова тронул меня за плечо.

— Только без этой мамаши и ребенка, — негромко попросил он.

Я остановился. Мужчина продолжал крутить свой дурацкий камешек. На пальце правой руки поблескивал перстень. Он был на полголовы выше меня, мне лень было поднимать голову, потому мой взгляд блуждал по его волосатой груди и нарманам джинсов.

— На яхте дюннина уместится. — Я снова повернулся лицом к ребенку, который в очередной раз мешком упал в воду.

— Ты что, не понимаешь? — улыбнулся длинноволосый. — Со мной телки, шампанское... Не надо детей.

На этот раз я посмотрел на него с любопытством. Пожалуй, этот тип может неплохо заплатить.

— Сколько вас?

— Трое.

— До Алчака со всех тридцать банков.

— Идет.

Мамаша, несмотря на свой внушительный вес, оказалась гораздо ловчее дочери. С первого прыжка она достала леерную стойку и повисла на ней, отчего "Арго" накренилась еще сильнее. Опасаясь, что она сейчас опрокинет яхту, я крепко схватил ее сзади за то место, где должна быть талия, и потянул на себя. Женщина взвизгнула, а стоявшая рядом Лерочка вдруг громко захахотала да вдобавок ушипнула свою маму за ягодицу.

— Вы что! — крикнула мадам, замахнувшись на меня кулаком. — Маньян! Принесите лестницу, а то стоите здесь, как пень!

Кажется, весь пляж покатывался от хохота.

— Дело в том, что яхта не пойдет на прогулку, в трюме открылась течь, — сказал я.

Не помню, что она там еще кричала. Длинноволосый помогал своим девушкам подняться на палубу, а я вытаскивал засевший глубоко в пе-

сон янорь. Одна из пассажирок была невысокого роста, с короткой стрижкой и восхитительным бюстом, и ее сильно выгоревшие светлые волосы хорошо оттеняли шоколадный загар на плечах. Вторая была намного болеестройная, темноволосая, смуглена, мелкая завивка струилась вдоль спины, доставая почти до пояса. Она напоминала мне менсикианку, каких показывают в телесериалах, к тому же говорила она с легким и приятным акцентом. И еще я обратил внимание на то, что она страшно боится медуз. Войдя в воду по колено, девушка с выражением ужаса на лице смотрела на покачивающиеся рядом с ней полупрозрачные зонтики.

Оказавшись на палубе, пассажирки приняли одежду, туфли, пакеты, после чего наверх начал взбираться длинноволосый. Я хотел помочь ему и взялся за лямку рюкзана, который висел у него на плечах, но длинноволосый грубо отдернул мою руку.

— Хотел помочь, — сказал я.

— Обойдусь.

Ему, в самом деле, не надо было помогать. Легко поднялся на палубу и пошел на корму, где уже сидели его подруги. Блондинка расположилась на задней скамейке, и мне пришлось попросить ее пересесть, пока я буду заводить мотор. Она перешла на крышу каюты, но я объяснил, что там ее может задеть гин. Блондинка почему-то стала нервничать, и длинноволосый, заглянув в каюту, кивнул ей на нары:

— Сиди здесь.

Брюнетка расположилась на бане, где никому не мешала и, свесив с борта красивые ноги, смотрела на удаляющийся берег. Длинноволосый стоял у переборки и следил за моими действиями. Нажался, он не торопился откупоривать шампанское и развлекаться со своими девочками.

Выведя "Арго" из бухты, я заглушил мотор, и нас сразу же заначало на волнах. Я стал тянуть шноты, раксы весело зазвенели, устремляясь вверх по мачте, парус наполнился ветром, и яхта медленно пошла вдоль берега. Пока я возился с румпелем, длинноволосый, низко пригнувшись, исчез в каюте. Над мачтой принялись баражировать чайки, едва не задевая стеньгу своими гигантскими белыми крыльями, кливер вяло хлопал на слабом ветру, нас плавно разворачивало носом на далекий Алчан, похожий на допотопное животное, пьющее воду из моря. Справа, в трех милях от нас, шел пассажирский лайнер, и едва заметный дымок из его труб быстро таял в теплом воздухе, дрожащем над водой.

— Можно выходить, — сказал я. — Желающие испупаться, не забудьте сначала обвязаться веревкой.

Из каюты не раздавалось ни звука, и я подумал, что длинноволосый с блондинкой меня не слышали.

— Вам не плохо? — спросил я, приседая перед створками двери.

Блондинка полулежала на самых дальних нарах, подложив под спину подушку. Перед ней сидел длинноволосый, глядя на меня. Посреди стола лежал его рюкзак, и оттого я видел только голову. Взгляд длинноволосого был неприятным.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Случилось, — ответил он. — Придется поменять курс. — И вытянул в мою сторону руку.

На меня уставился черный зрачок револьверного ствола.

2

Минуту я разглядывал его руку с пистолетом, потом спросил:

— Простите, я не совсем вас понял. Вы что-нибудь хотите?

— Сейчас ты изменишь курс, — ответил длинноволосый.

— Ради Бога! Разве это проблема? Но если вы намерены плыть в Турцию, должен вас сразу предупредить, это невозможно, потому что на яхте нет достаточного количества воды и...

— Заткнись, — оборвал он меня, понимая, что я позволяю себе иронизировать. — Выходи на палубу! Быстро!

Я вышел и сел на лавку рядом с румпелем. Отсюда я мог видеть их всех, не опасаясь, что кто-то окажется за моей спиной. Брюнетка все еще пребывала на баке, я видел ее ноги из-под нижней шнаторины паруса, иказалось, что она совершенно не причастна к тому, что сейчас происходило на яхте. Блондинка, в отличие от нее, сильно волновалась, и это было хорошо заметно по ее глазам. Длинноволосый, помахивая пистолетом, вышел следом за мной, сел на крышу каюты, свесив ноги вниз. На его шее болтался бинокль. Не сводя ствола с моей груди, он приложил бинокль к глазам, рассматривая белый лайнер, потом скончдал:

— К теплоходу!

Я глянул на быстро удаляющийся лайнер, затем перевел взгляд на длинноволосого, стараясь передать на своем лице все, что я о нем думаю.

— С превеликим удовольствием, но яхта не сумеет догнать теплоход.

— Идиот! — зарычал он. — Я не требую догонять его. Плыши к тому месту, где он находится сейчас!

Стараясь не нервировать более своего пассажира, я стал манипулировать брасами, разворачивая гик, как вдруг брюнетка показалась из-за паруса. Легкая тень тревоги лежала на ее лице.

— Тима, — негромко сказала она длинноволосому. — Там впереди на нас идет моторка.

Обладатель кошачьего имени, кажется, здорово струхнул. Он спрыгнул на палубу, ткнул стволом мне в живот и зашипел:

— В каюту, гнида, быстро! И не дай Бог высунешь свою харю наружи!

Я не заставил себя долго упрашивать и, нагнувшись, спустился вниз. Между столом и нарами оставалось слишком мало места, чтобы я мог свободно разойтись с блондинкой, поспешившей занять место на палубе. Она откинулась назад изо всех сил, но все равно коснулась меня. Я нарочно выпятил живот. Блондинка застяла между столом и мною, как в вагоне метро в час пик. Мгновение мы стояли в тесном единении. Если бы не Тимка со своей пушкой, я бы, нлянувшись всеми морскими богами, обнял ее. Нанялся, она почувствовала это, толкнула меня обеими руками в грудь и выскошила на палубу. Мгновением позже я понял, что за

шутки подобного рода всегда приходится расплачиваться. Перед моими глазами мелькнул кулан Тимуни с рукоятью, и сильный удар в снуле опрокинул меня на нары. Я успел бы увернуться, но не стал этого делать лишь по той причине, что интуитивно почувствовал неукротимое желание длинноволосого прострелить мне голову, и он непременно сделал бы это, если бы не погасил свою ярость точным попаданием в мой фейс.

Моторна прокнула где-то рядом. Я увидел, как Тимуния и блондинка снованными движениями махали находящимся там пассажирам. Всего мгновение никто не смотрел в мою сторону, и я успел дотянуться до лежащего на нарах полизиленового пакета, раскрыть его, порыться среди вещей и вытащить то, что могло иметь смысл в этой ситуации. Мятый паспорт с потертыми углами я незаметно сунул под матрац нар. В это время с моторки что-то пронзили насчет чайников, и смысл этого термина стал мне понятен позже, когда Тима снова заглянул в наюту и закричал:

— Ты что, придушен, наделал?! Нуда нас несет?

Я вмог забыл про паспорт и Тимкин пистолет и рванул к выходу, отталкивая пирата на ходу. Незакрепленный гик носой ходил над крышей наюты, яхту расзначивало и стремительно несло на прибрежные камни. Я, конечно, не мастер-яхтсмен, но мне хватило нескольких секунд на то, чтобы перенести шкоты на правый борт, зафиксировать гик и отвести "Арго" от снала.

Обе дамочки крепко держали друг друга за руки, их мордашки исказились от испуга. Тимуния тоже не мог похвастать выдержанной и бормотал ругательства, словно молитву. Тут уж я дал волю своим эмоциям.

— Вот что, Флинт, — зло сказали я, — хватит меня пугать. В крабов будешь тыкать своим стволом. Говори нормально, чего хочешь, или веди яхту сам.

— Курс на теплоход, — повторил Тима после недолгой паузы, но уже спокойным голосом. — И больше не вярай, иначе я в самом деле пропстрели тебе голову.

— Вы засветились, ребята, — сказали я наобум, проверяя реакцию Тимки. — Водитель моторки — мой друг. Если со мной что-то случится, вас найдут.

Реакция Тимки оказалась непредсказуемой и чрезмерно бурной. Признаться, я не был готов к такому развитию событий. Он схватил меня за горло, сдавил так, что у меня потемнело в глазах, приставил к виску ствол и сказали в самое ухо:

— Вот что, морской волк, я отучу тебя шутки с нами шутить. Эту моторку дают напрокат, и сегодня мы уже на ней плавали без всячного водителя.

Свалочь, он ударил меня по той же снуле, по каной уже бил. Нажется, он всерьез взялся за меня, и боль была столь ощущимой, что я на некоторое время замолчал, усердно выравнивая яхту по курсу "на теплоход".

Некоторое время мы плыли молча. Девушки спустились в наюту и расположились на дальних нарах. Тимка снова уселся на крышу наюты лицом ко мне и некоторое время буравил меня своими черными зрачками.

ми. Потом повернулся и попытался разглядеть что-то по курсу, но ему мешали "бермудна" и кливер. Пришлось ему встать, но прежде чем отойти на борт, он махнул пистолетом и приказал:

— Ну-ка, руки на борт и смотреть в воду! Если повернешь башку — сделаю дырку!

Не доверяет и правильно делает, подумал я, садясь на борт и свесив ноги в воду. Зачерпнул рукой, прилонил к скуле. Кажется, немного вспухла, но крови нет.

Я положил руку на сваленную в кучу одежду моих пиратов, осторожно потянул за брючину тан, чтобы ее конец свисал с борта.

— Ты позволишь мне повернуться?

— Поворачивайся, — разрешил Тимна.

Я не торопясь развернулся, встал и, поназывая рукой на одежду, сказал:

— Мне поназалось, что-то выпало из карманов.

— А, черт! — выругался Тимна и, оттолкнув меня плечом, посмотрел за борт.

— Не там, левее. Видишь, краснеет?.. Кажется, записная книжка в красной обложке.

— Какая, к черту, книжка?.. Валери, посмотри свой паспорт! — крикнул он кому-то из девушек.

Брюнетка хлопнула рукой по пакету.

— Он на месте, — ответила она. — Мы как моторную сдали, я его в этот пакет положила.

— Посмотри, я тебе говорю! — крикнул Тимна.

Брюнетка нехотя стала новыряться в пакете.

— Ну?

— Пока не видно!..

— Дура! Какого черта он оказался в моих джинсах? Утонул твой паспорт! — Тимна повернулся ко мне: — Ты копался в вещах, трюмная крыса? Сейчас нырнешь за ним.

— С удовольствием.

Он замахнулся, но на этот раз не ударил, лишь выругался и сплюнул за борт. Валери поднялась к нему с пакетом в руках, молча покала плечами. Тима постучал себя пальцем по лбу и сказал сквозь зубы:

— Чучело!

Он снова стал осматривать море в бинокль, но, похоже, не нашел то, что искал, и махнул рукой в сторону:

— Нука, давай левее!

Минут десять мы плыли в другом направлении. Блондинка тоже вышла наружу. Воспользовавшись тем, что Тимна разглядывает море в бинокль, я показал ей глазами, что восхищен ее бюстом. В ответ она лишь иронично усмехнулась, села рядом с Тимой, закурила длинную сигарету.

— Не видно? — спросила она.

— Пока нет, — ответил Тима. — Мы еще мало проплыли.

Втроем они пристально всматривались вдаль, лишь ствол пистолета продолжал целиться в меня. Я внимательно рассмотрел эту машину. Заряжен ли?

Мои террористы были настолько увлечены исследованием поверхности моря, что и я невольно присоединился к их занятию.

— Вижу! — крикнул Тима, не опуская бинокля. — Эй, капитан, давай правее... Да не так круто! Тише, тише... Хорошо! Полный вперед!

Паруса мешали увидеть мне то, к чему мы плыли, и я не мог маневрировать.

— Надо убрать паруса, — сказал я Тиме.

— Зачем?

— Если ты собираешься что-то подобрать с воды, то это лучше делать на моторе, — сказал я, изо всех сил делая вид, что всей душой принимаю ту лапшу, которую мне вешали на уши.

Тима подозрительно уставился на меня, задумался, потом нехотя проговорил:

— Ладно, валяй. Только без фонусов.

Я быстро очистил снасти, и клювер съехал с леера на палубу, скользя в комок. Следом за ним погасла и опустилась вниз треугольная "бермудна". Движение прекратилось, яхта свободно поначивалась на волнах. По курсу, метрах в ста от нас, на поверхности воды плавало черное пятно.

— Рули к мешку, — приказал Тима.

Я быстро завел мотор и, управляемый румпелем, приблизил "Арго" к черному полизиэтиленовому мешку, надутому пузырем, а оттого плавающему на самой поверхности. Мотор через минуту заглох, по-видимому, закончился бензин, но яхту еще несло по инерции. Тима выругался, сказал, что заставит меня грести веслами и продолжал целиться мне в голову. Девицы тем временем свесили руки вниз и вытащили мешон на палубу.

Я подумал, что Тима снова заставит меня спрятаться в наюте, чтобы я не узнал лишнего, но он, кажется, забыл обо мне. Тут же, на моих глазах, разорвал мешон и вытащил из него обыкновенный дипломат, осмотрел его со всех сторон, положил перед собой, обернулся в мою сторону и зачем-то спросил:

— Любопытствуешь, мариман?

После чего щелкнул обоими замками сразу и поднял крышку.

Дипломат был совершенно пуст.

3

Не знаю, что они хотели в нем найти, но рожи, надо признаться, вытянулись у них изрядно. Тима посмотрел на Валери, Валери — на блондинку, а блондинка — на меня, будто я мог разъяснить им ситуацию.

— Пусто, — сказал я. — А дипломат почти новый, еще можно пользоваться.

Тима в ярости шарахнул кулаком по его крышке, словно мои слова окончательно убедили его в том, что все это ему не мешается.

— Я не понял! — взревел он, глядя на блондинку. — Сделай милость, объясни нам, что все это значит?

— Я знаю ровно столько же, сколько и ты. — Блондинка на всякий случай отошла к мачте и взялась за нее рукой. — План разрабатывали вы со Слоном. С него и спрашивай. И не надо кричать на меня.

Валери сидела на палубе, свесив ножки в воду. Не поворачивая головы, она произнесла:

— В последнюю ночь ты оставалась с ним наедине. Ты же и провожала его в порт. И хорошо бы узнать, о чем вы тогда с ним шептались?

Блондинка подбоченила руки и закачала головой.

— Что ты сказала? Мы шептались? Мы были наедине?.. — Она сжала кулаки, словно собиралась броситься на девушку. — Да, мы были наедине, мы спали вместе, и не тебе знать, о чем мы шептались.

Валери спокойно ответила:

— Если не скажешь, куда твой женишок подевал деньги, будешь плавать здесь среди этих омерзительных тварей. — Она кивнула на стайну очаровательных медуз с фиолетовыми прожилками, а потом перевела взгляд на меня. — И на пару с этим боцманом.

— Я, вообще-то, намерен вернуться на берег, — заметил я.

— Заткнись! — рявкнул Тимка и поднес пистолет к лицу блондинки. — Хорошо, допускаю, ты ничего не знаешь, что Слон свалил с деньгами один. Но на берег пока не выйдешь. Подождем.

Валери прошла мимо меня, спустилась в каюту, села на нары и положила ноги на стол. Я смотрел, как она изящно прикуривает сигарету.

Тима пнул ногой дипломат, тот упал в воду и закачался на волнах.

— Не понимаю, почему ты не хочешь мне верить, — сказала блондинка. — Я удивлена не меньше тебя.

— Он твой любовник! Почему я должен тебе верить?

— Да, мне ты не веришь. Ты больше веришь этой метиске, — и она кивнула на каюту.

— Попрошу без оскорблений, — донесся из каюты певучий голосок Валери.

— Я никому не верю, —рыкнул Тима.

— Ну подумай спокойно. — Блондинка отвела ствол пистолета от своего лица. — Ты продержишь меня здесь день, два, неделю. А что потом? За это время Слон вместе с деньгами исчезнет навсегда, и мы уже никогда его не найдем.

— Я тебя не отпущу, — твердо повторил Тима.

— Но это же смешно! Слон всех нас обул, нам надо действовать вместе и быстро, а ты вбил себе в голову какой-то заговор! Надо гнать к берегу, брать машину и мчаться в порт, пасти его у таможни и там брать.

— Все! — рявкнул Тима и ударил кулаком по стволу мачты. — Молчи! Не делай из меня идиота!

— Ты зациклился на обмане, Тима! Мы не знаем, что случилось с ним на теплоходе. Может быть, на него стали наезжать, и он кинул пустой чемодан в воду, а деньги спрятал.

— С таким бы удовольствием я бросил тебя за борт. Может, научилась бы плавать, — прошипел Тима и перевел взгляд на меня. — Ставь свои паруса, будем фланировать вдоль берега и наслаждаться сентябрьским солнышком.

На палубе появилась Валери. По-ношачки плавно она поднялась на крышу каюты, нацепила темные очки, села напротив солнца, подставляя его лучам лицо.

В полукилометре от берега Тима приказал взять курс на восток, и мы поплыли вдоль берега. За час дошли до Алчака, а там я развернулся в обратном направлении, к Напчину. Тима притих, он безучастно сидел на крыше каюты с револьвером в руке и полусонными глазами смотрел на берег. Блондинка стояла на баке, держась за тугой леер, и смотрела вперед. Валери, кажется, уснула на нарах, уткнувшись лицом в подушку.

Стемнело. Стало прохладно. Блондинка показалась из-за паруса. Она перешагнула гик и хотела спуститься в каюту, но Тима схватил ее за руку.

— Стоять!

— Я замерзла и хочу одеться, — ответила она.

Тима ударили нулаком по крыше каюты.

— Валери! Кинь сюда ее шмотки!

На палубу вылетел тугой пакет и шлепнулся у моих ног. Я поднял его и протянул девушке. Она взяла, нивнула мне и прикрыла на мгновение глаза, как будто хотела сказаться, что мы с ней теперь друзья по несчастью.

В самом деле, я невольно обрел союзника. Блондинка, как и я, — заложница. У нас общие враги, а значит, на определенном этапе — общие цели.

— Хотите порулить немного? — спросил я ее, пока она одевалась и была рядом.

— Назад! — вяло пригрозил пистолетом Тима.

Блондинка подчинилась, отошла к мачте, но я успел поймать ее понимающий взгляд.

Тима снова стукнул нулаком по крыше и криннул:

— Подай мой рюнзан!

Он принялся развязывать бечевни рюнзана, затем долго копался внутри, выкладывая рядом с собой консервы, флягу, чашки. В это же время я начал очередной маневр, разворачивая "Арго" в обратном направлении. Тима заворчал, выругался, ему пришлось переносить все с крыши на палубу, чтобы можно было повернуть гик. Палуба же показалась ему неудобным местом для трапезы, и он приказал:

— Стоп, машина! Снимай паруса!

— На моторе мы не сможем идти, — напомнил я ему. — Бензина нет.

— Мы никуда не пойдем, — ответил Тима. — Кидай якорь, будем делать баиньки.

Я посмотрел на берег. До него — пятьсот метров, для меня это не расстояние. Потом вверх по заповеднику, километр по реликтовому лесу, и я на трассе. Если не найду попутную, бегом по серпантину. За час на веряка доберусь до поселка. У пристани всегда ночует дюжина рыбаков, которым утром выходить на лов. Три моторных лодки на подводных крыльях — и группа захвата через пятнадцать минут очутится на "Арго". А там разговор с Тимкой будет коротким, рыбаки — парни крутые.

С легкой нервной дрожью в пальцах я снял оба паруса, кинул якорь и включил сигнальный фонарь. Тимке красная лампочка на стенке не понравилась.

— Выруби этот прожектор, — сказал он и, не дождавшись, пока я снова спущусь в каюту к приборному щитку, перерезал ножом тонкий проводок, бегущий по мачте. Убрал нож в рюкзак и вынул оттуда небольшой темный предмет.

— Руку! — вдруг сказали они.

— Что? — не понял я.

Тимка не стал повторять, схватил меня за лоночку, потянул на себя, и я почувствовал на запястье холодный металл. Раздался щелчок. Пока я соображал, что он творит, Тима подтолкнул ко мне блондинку, легко заломил ее руку и защелкнул на ее запястье второй наручник.

Снованные одной цепью, связанные одной цепью... — пропел Тимка и похлопал меня по плечу. — Извини, напитан, но я не уверен, что ты не слиняешь из нашей дружной компании. Милочка — прекрасный балласт, мастер спорта по скоростному утоплению, она поможет тебе быстро пойти ко дну... Желаю вам приятной ночи!

Он зевнул и, рассовав под мышки консервы, флягу, рюкзак, исчез в каюте.

4

— Ну что ж, — сказал я, расстилая одной рукой одеяло на крыше, — кажется, на сегодня программа исчерпана. Тебе повезло, я не хрюлю во сне.

Я лег на спину, подложив под голову свободную руку. Блондинка сидела рядом, глядя в темноту и прислушиваясь к невнятным голосам в каюте.

— Сволочь, — выдавила она из себя и повалилась рядом со мной.

— Да брось ты! Не принимай близко к сердцу. Вы, разбойники, должны быть ко всему приучены, так ведь?.. Так как тебя зовут? Милочка?

— Ольга.

Она лежала тихо, я не слышал даже ее дыхания. Принованный к не умеющей плавать девице, я не рискну прыгнуть в воду, даже если Тимка станет угрожать мне пистолетом. Совсем не хочется в тридцать два года разделить участь My-My.

— Поворачиваться во сне только лицом друг к другу, — сказал я. — Во избежание травмы руки.

Девица молча смотрела на звезды.

— Я вот все думаю, — никак не мог замолкнуть я, — а можно ли заниматься любовью в наручниках?

— Послушай, — тихо проговорила Ольга, не поворачивая головы.. — Надеюсь, ты плаваешь хорошо?

— Не настолько, милая, чтобы тащить тебя на бунсире.

— Тссс, — Ольга приложила палец к губам.

Из каюты раздался стук, похожий на звук падающего тела. Затем Тимка невнятно выругался, а еще через минуту его голова высунулась из каюты.

— Господа заложники! — едва ворочая языком, произнес он. — А не желаете ли выпить по бокальчику доброго испанского вина?.. Вы

что, не любите Испанию? Напрасно! Нет ничего прекраснее этой страны. Только вам, бегемотам, ее не видать, как своих ушей... Ну так что?

Он покрутил в руке флягу, в ней что-то бульнуло. Мы промолчали.

— Ну, как хотите!

Он, пошатываясь, встал на краю борта спиной к нам. Занурчала вода. Затем Тимна громко иннул, пожелал нам спокойной ночи и исчез в проеме.

— Здорово нажрался, — вслух подумала Ольга и, свесившись немнога вниз, посмотрела в маленькое оношко. — Ух ты! — сказала она со странной интонацией.

— Нехорошо подглядывать, — ответил я и, когда Ольга снова легла рядом, в свою очередь сделал то же самое.

Тимна сидел за столом, заваленным зануссами, станками, кусками хлеба. Валери лежала на нарах рядом с ним, кое-как укрывшись простыней, ненавязчиво демонстрируя смуглую круглую грудь.

Вдруг Ольга дернула рукой в наручнике, и металлический браслет сильно врезался мне в кожу.

— Послушай меня, — тихо сказала она. — Сейчас эти негодяи уснут, и мы прыгнем в воду.

— Давай лучше по очереди, — предложил я.

— Не волнуйся, я отлично плаваю.

— Вот как? А у твоего приятеля на этот счет другое мнение.

— Я нарочно говорила ему неправду, он поверил. Это козырь, который я припрятала на всякий случай. И этот случай наступил.

— Может, нам все-таки лучше заняться любовью? — продолжал ходить я. — Это не так опасно.

— Ты еще ничего не понимаешь, — говорила она, не обращая внимания на мои реплики. — Тима — страшный человек, его за аферы выгнали из назиона. Ему ничего не стоит пристрелить нас обоих. Так, скорее всего, он и сделает, если мы сами не побеспокоимся о себе.

— А может быть, ты в самом деле хочешь улизнуть к своему Слону? — Я повернулся на бок и оказался лицом к ней, провел рукой по ее щеке. — Признайся, что вы вдвоем нинули Тиму. Признайся, я не сняжу ему, честное пионерское!

— Дуран! Кретин! — Она хлестно ударила меня ладонью по щеке. — Отвали от меня!

Я, морщась, потирал скулу, которая за сегодняшний сумасшедший день натерпелась вдоволь.

— Простите, мадам, но дальше чем на метр отвалить от вас никак не смогу.

— Если мы со Слоном решили бы завладеть всеми деньгами, то сделали бы это, уверяю тебя, быстро и красиво... К сожалению, он оказался дерьмом и предал меня.

Она отвернулась, и я почувствовал, что плечи ее вздрогивают. Я привстал.

— Нажется, ты пытаешься добавить соли в море? Напрасное занятие. Эх, и платочна у меня нет.

Я погладил ее по плечу и стал раздумывать, смог бы я бросить из-за чемодана денег такую мягкотелую девчонку. Прийти к какому-либо конкретному решению мне не удалось, но вслух я красиво солгал:

— На месте Слона я бы так не поступил.

— Я думала, он любит меня, — всхлипнула Ольга.

— Правда? — искренне удивился я. — А мне показалось, что ты ревнешь Тимну к Валери.

— Вот еще! Мало ли что тебе может показаться.

— А откуда у Слона чемодан денег?

Она долго молчала, словно раздумывая, можно ли мне доверить тайну. Потом медленно ответила:

— Это мои деньги.

— Понятно. И часто тебе кидают чемоданы с проходящих мимо кораблей?

Неожиданно из наутии снова раздался звук, словно на пол упало что-то тяжелое. Мы свесились с крыши — каждый в свою сторону — и посмотрели в окошки. Валери, кажется, крепко спала, накрывшись простыней с головой. Тимну я не сразу увидел. Наверное, он упал с нар, но так и не проснулся. Только потом я заметил его две ноги, торчащие из-под стола.

— Готов, — шепнула Ольга и теснее прижалась ко мне. — Я расскажу все, чтобы ты больше не задавал глупых вопросов... Полгода назад в Тверской области умерла моя бабка. Вместе с домом мне в наследство перешла ее коллекция старинных икон. Иконы как иконы, до встречи со Слоном я понятия не имела, какую ценность они из себя представляют. Слон, войдя в дом, схватился за голову. "Если продать их за границей, ты станешь миллионершей! Долларовой миллионершей!" — сказал он мне. И мы стали думать, как вывезти их из России. Вышли на Валери. У нее оказались родственники на литовской таможне. Договорились с ней, но она потребовала взять в дело своего друга из местного казино — Тиму. Пришлось согласиться. Из Польши уже не составило особого труда перевезти иконы в Турцию. Там Слон сдал иконы в некую фирму, торговую антивариатом. Прошло три месяца, и нам сообщили, что всю коллекцию взял заезжий богач из Нидерландов за семьсот пятьдесят тысяч долларов. Полмиллиона из них торговая фирма выплачивала нам... Тихо! Это не он бунтует?

Я прислушался, но ничего не различил среди мерного шума волн за бортом.

— Так вот, — продолжала Ольга. — Мы отправили в Стамбул Слона. Пронести через нашу таможню чемодан долларов — дело очень рискованное, можно потерять если не все, то половину. Слон предложил свой план — сбросить с теплохода дипломат в герметичной упаковке, когда они будут проплывать мимо Капчина. Мы выяснили точный день и время, когда это должно было произойти. Оставил пустяк — нанять какое-нибудь суденышко и подобрать дипломат... Ну вот, остальное ты знаешь.

— И вы сначала наняли моторную, но по какой-то причине поиск чемодана не удался. И тогда вы решили взять на абордаж мою яхту?

Ольга, это было хорошо заметно, вдруг смутилась, с испугом посмотрела на меня, потом медленно произнесла:

— Откуда тебе известно про моторну?

Я в свою очередь удивился ее реакции на мои слова.

— А почему это тебя так взволновало? Вы же сами говорили, что брали напрокат моторну, причем на паспорт Валери. Я так понял, что лодка нужна вам была для этой же цели.

— Ну, в общем, да, — ответила Ольга. — У нас, понимаешь, быстро кончился бензин. Да и нельзя моторную далеко от берега уходить. А яхты — мы видели — на самом горизонте плавают.

Это точно, подумал я, яхты плавают на самом горизонте, и снова заглянул в бортовое окошко. В голубом свете дежурной лампы с трудом различил два продолговатых силуэта: Валери и Тимы, лежащих на нарах голова к голове. Значит, он не настолько пьян, раз сам поднялся с пола и лег на нары. Ольга дернула меня за руку и прошептала:

— Можешь не смотреть. До утра он — покойник.

5

Мы плыли, лежа на спине, поочередно делая взмахи свободными руками. Сначала, пока не отплыли далеко от яхты, медленно и почти беззвучно, а затем стали работать изо всех сил, и благодаря этому не замерзли окончательно. Мы вышли на берег, где громоздились гигантские валуны, дрожа от холода, и принялись стаскивать с себя мокрую одежду. Должен сказать, что делать это было чертовски неудобно, и наши свитера, в итоге, повисли тяжелыми мокрыми комьями на перемычке между наручниками. Стащить их для просушки не было никакой возможности. Ольга, назавшаяся почти черной в призрачном свете луны, села на курточки, сказала в комок, совсем не испытывая стыда, но мучаясь от холода, и сердито сказала:

— Ну что ты уставился? Голой женщины не видел? Сделай что-нибудь с этими дурацкими наручниками!

Я подыскал увесистый булыжник и, прихватив перемычку наручников к острому краю камня, тремя ударами разрубил нашу связку.

Мы развесили свитера и джинсы на витиеватых ветвях мониневелового дерева, я насобирал хвороста и зажигалкой, которую перед побегом предусмотрительно завернул в полиэтиленовый пакет, запалил костер. Пламя быстро разрослось, стало тепло, и от нашей одежды повалил густой пар. Мы не боялись, что с яхты могут случайно заметить отблески костра, потому как от моря нас отделяла внушительных размеров скала, за которой мы чувствовали себя в относительной безопасности.

Ольга извлекла из своих волос шпильку, и при помощи этого нехитрого приспособления я освободил наши запястья от железных браслетов.

Мы сидели друг против друга, между нами извивалось жаркое бездымное пламя, и я с нескрываемым удовольствием рассматривал бронзовое тело Ольги, очерченное контрастными тенями.

— Разве мог предположить сегодня утром, — сказал я, — что меня возьмут в заложники пираты, а потом я совершу побег с очаровательной девушкой, и мы проведем ночь у костра... Невероятно!

Чтобы слегка подкрепиться, я наскоро приготовил мидий, поджарив их на листе жести от дорожного знака, невесть откуда взявшемуся тут. Ольга следила за моими поспешными сборами молча. Казалось, она чегото не понимает или же хочет сообщить мне нечто важное.

— Ты серьезно решил бежать сейчас в поселок за рыбаками? — спросила она.

— Серьезней не бывает, — ответил я, тугу зашнуровывая еще не совсем просохшие кроссовки.

— И это необходимо делать именно сейчас?

— А когда же, милая? Накануне минута дорога!

— Ты боишься за яхту? Но что этот пьяница может сделать с ней?

— В самом деле, почти ничего. Разве что стуннется разочек о скалы.

— Сколько стоит твоя дурацкая яхта?

— Несколько миллионов.

— Чего? Долларов? А хочешь заработать двести пятьдесят тысяч долларов?

Я уставился на нее красными от бессонницы глазами, но, уверен, она сумела разглядеть в них неистребимую страсть к альтруизму и бескорыстию.

— Ни в какие авантюры я больше не влезаю, — лаконично ответил я, абсолютно уверенный, однако, в том, что она будет навязывать мне свои дурацкие доллары.

— Это не авантюра, — продолжала Ольга. — Это закон справедливости. Я должна получить свои деньги обратно. Если ты мне поможешь, получишь гонорар.

— Нет-нет, спасибо! — покачал я головой. — Я человек от природы скромный. Мне вполне достаточно яхты, машины и особняка на побережье. Обратись лучше за помощью к Тимне.

— Этот подонок не получит от меня и ломаного гроша! — Ольга в сердцах швырнула ветку в костер. — Я уже никому не верю... А ты, помоему, не сволочь.

— Я признаителен вам за столь высокую оценку моих скромных человеческих качеств, и в связи с этим...

— Да пренебри паясничать! — оборвала меня Ольга. — Дело совершенно простое, стопроцентная гарантия безопасности. Слон один, без оружия, и не станет обращаться в милицию за помощью, потому как у него самого рыльце в пушку. Я знаю, где его найти. Наверняка деньги при нем. Ну что тебе стоит отобрать у него то, что принадлежит мне? Разве ты не можешь сделать это ради меня?

— Светает, — заметил я неожиданно.

— У нас мало времени, — глухо сказала Ольга и, подойдя ко мне со спины, положила свои нежные руки мне на плечи. Не составило большого труда показать ей, что я стремительно склоняю с ума и уже готов нынче ради этих рук в огонь и в воду, потому как Ольга в самом деле взволновала меня.

Мы шли по тропе через реликтовый лес к поселку. Ночь рассеивалась, мягкие синие тени окружили нас со всех сторон. На небе погасли последние звезды, и вскоре мы отчетливо увидели бухту и матовые горы, обрамляющие ее.

— Откуда ты знаешь, что его можно будет найти рядом с казино? — спросил я.

Ольга тяжело дышала, подъем утомил ее. Поэтому, остановившись, она ответила не сразу, подождала, пока успокоится дыхание.

— Интуиция. Я просто хорошо его знаю.

— В шесть утра — в казино?

— Оно работает круглосуточно... Ты не о том думаешь. Слушай меня внимательно и запоминай: мы устроим ему засаду рядом с казино и будем наблюдать. Когда он появится, я покажу его тебе, а сама уйду и буду ждать в машине...

— У тебя есть машина?

— Не совсем у меня, но не в этом дело! Не перебивай! Тебе надо будет пробежать через старый проходной двор. Его мало кто знает, он весь зарос виноградником, и скрыться там — проще простого. Выбежишь на другой улице, за частным сектором. Там будет стоять белый "пежо". Прыгнешь за руль и гонишь к твоим рыбакам. Все тебе ясно?

Я пожал плечами.

— Не все. Например, мне совсем не ясно, с чего ты взяла, что Слон к шести утра припрется в казино?

— Господи! — воздела Ольга руки к небу. — Да никак тебе разница, откуда я это взяла? Время?

— Пять тридцать пять.

— Скорее! Мы плетемся, как тарантулы.

— Ольга, откуда ты взялась на мою голову?

— Я — твоя судьба... Грузовик! Хватай его! Догони, ну же!

Я нынулся наперевес грузовику, который сворачивал на дорогу, ведущую к поселку. На его бортах было написано "Молено". Водитель с перепугу рванул руль в сторону и затормозил, когда машина уже успела примять худосочный нипарис.

— Доброе утро! — крикнул я водиле, влезая в кабину. — Гони к Алчану! Девушка роняет, надо успеть до роддома.

— Э, приятель! — нанонец пришел в себя и осмелился водитель. — На какой роддом? Вылезай из машины, мне молоко развозить надо.

Ольга стояла перед машиной, подбоченив руки, и начала головой:

— Ай, ай, ай, наной неотзычивый гражданин! Человек человеку — брат, отец и мать.

— Понял, антигуманист? — добавил я и повторил: — Заводи и поехали.

Водила вцепился в руль, будто нам была нужна только эта деталь машины, и насупил брови. Пришло натянуть ему на глаза кепку и вытащить из кабину. Он громко угрожал нам расправой, но мы не стали слушать его. Ольга засnochila ко мне в кабину уже на ходу. Грузовик на горном серпантине — это, конечно, не яхта во время шторма, но тем не ме-

нее трижды на крутых поворотах мы едва не вылетали с полотна в пропасть. Ольга при этом не издавала никаких возгласов, лишь принуждала губу да хваталась за мое плечо, готовясь, должно быть, совершить свой последний в жизни поцелуй.

С грохотом, поднимая облака пыли, мы въехали в курортную зону. Справа замелькала еще пустынная прибрежная полоса с черным кварцевым песком, слева — строй кипарисов, ограждающий дома отдыха, рестораны, бары и кафе.

— Сворачивай! — приказала Ольга. — Смотри направо! Виноградник видишь? Побежиша сквозь него.

Я едва не наехал на одиночного престарелого бегуна и затормозил в кустах между шашлычной и рестораном-казино "Магнолия". Ольга сидела, не шевелясь и не сводя глаз с неоновой вывески, по периметру которой бегали разноцветные огоньки.

— Заводи, — наконец сказала она. — Надо встать с противоположной стороны, у "черного" входа.

Я больше не задавал вопросов, порылся в шоферском бардачке и выудил оттуда начатую пачку дешевых сигарет. Ольга махнула рукой, и я дал ей прикурить. Мои электронные часы промурлыкали шесть сиянок. Ольга полулежала на сиденье и, казалось, потихоньку впадала в дремоту. Я принял раздумывать над тем, как бы нам отмыться от угона молотовоза, но Ольга вдруг крепко сжала мне лоноть.

— Не шевелись, — тихо сказала она. — Вот он.

Н "черному" входу быстро шел человек, который с превеликим трудом вписывался в мои представления о Слоне. Это был парень лет двадцати двух, бритый почти наголо, в широкой майке, спортивных брюках и с хорошими бицепсами. Типичный юный "качок".

— Такой молодой? — удивился я.

— Он просто молодо выглядит, — быстро пояснила Ольга, не отрывая взгляда от лобового стекла. — Ему за тридцать. Сейчас он зайдет внутрь, а выйдет минут через десять с чемоданом. Не спи же, надо действовать!

Как только молодо выглядящий Слон скрылся в дверях назиона, Ольга открыла дверцу и выпрыгнула из кабинки. Она посмотрела на меня с бешеною любовью в глазах, и я едва не кинулась к ней.

— Только не подведи меня, — прошептала она и вытянула губы в символическом поцелуе. — И у нас с тобой будет все!.. Я люблю тебя!

От таких слов в моем богатом воображении сразу возникли все возможные картины сладкой жизни, и я хотел было сказать Ольге, что готов отправиться с ней в кругосветку на яхте, но она вмиг упорхнула, предоставив мне возможность продемонстрировать свою удивительную способность гармонично влезать в авантюрные истории.

Я подогнал грузовик нузовом к входу в назиона, раскрыл двери фургона и стал выгружать ящики с молоком на асфальт. Я как раз выволанивал третий ящик, когда из дверей вышел "качок" с каким-то странным ярко-оранжевым кейсом. Мельком глянул на меня, затем оглянулся по сторонам. Опустив ящик, я с короткого разворота заехал ему кулаком в

шею под правую скулу. Этому удару я научился давно, когда служил старшиной разведроты в Афгане. С тех пор успешно им пользуюсь. Гарантия: противник вырубается минимум на пятнадцать минут. И без особого ущерба для здоровья.

Так и случилось, хотя мне показалось, что мой нулан сриношетил о его плечо, и потому удар получился слабым. "Начок" тем не менее вырубился, правда, не сразу. Я подхватил его под мышни и заставил в фургон. Придет в себя, молочна попьет. Захлопнул двери. В эту минуту из казино выскочили двое типов в костюмах, глянули подозрительно на меня.

— Мужички, — сказал я им, — накладную на молоко не подпишете?

Они снова посмотрели на меня, на этот раз, как на говорящего дельфина, и быстро удалились в сторону набережной. Я выволон кейс из-под машины и спокойно направился к зарослям виноградника, куда мне вела убегать Ольга.

Через заросли и развалины сарай я в самом деле вышел на параллельную улицу, по обе стороны которой шел ряд частных домиков. Белую машину я увидел сразу, правда, это был не "пежо", а безнадежно заржавелый "мерс" с фанерной вместо левого бокового стекла и без номерных знаков. Ольга, как ненормальная, махала мне из кабины и делала страшные глаза. Я на секунду остановился и попытался открыть замки кейса. Чертова с два! На каждом обычном замке сидели кроме того и четырехзначные кодовые.

— Быстрее же, быстрей! — кричала она так настойчиво, что я невольно побежкал трусцой.

Машина уже выла и скрежетала, Ольга раскрыла передо мной дверцу.

— Нидай чемодан!

— А ты разве водишь машину? — ответил я, с воздушным поцелуем отправляя на переднее сиденье кейс.

Ольга не стала объяснять, водит она машину или нет. Она вообще ничего больше не сказала, лишь сильным рывком захлопнула дверцу перед моим носом. "Мерс" с визгом сорвался с места и через мгновение скрылся за поворотом.

Должно быть, не меньше трех минут я с интересом следил за тем, как кружится в воздухе и оседает на землю белая пыль.

7

Я умирал от жажды и, спускаясь к набережной, рыскал по сторонам в поисках пивной. К моему несчастью, в это время ни пивные, ни кафе, торгующие прохладительной жидкостью, еще не работали. В голове витал туман, и мыслей пока не было никаких — ровным счетом ни одной мыслишки, если исходить из того, что они в сознании всплывают в виде слов и междометий. Зато колыхалось целое море чувств — неясных, смутных, больше напоминающих ощущение тупой боли.

Так я добрел до казино. Сверкающая стеклами и никелем иномарка едва не переехала меня, потому что я не отреагировал на ее сигналы. Из окошка высунулся человек и зачем-то постучал себя по лбу. Я

брел вперед до тех пор, пока сам чуть не наткнулся на человека — мне под ноги высочил тот самый тупорылый мужчина в костюме, которого я просил подписать накладную на молоко. "Вот он!", — крикнул мужчина кому-то и, пытаясь что-то вытащить из-за пояса, бросился на меня. Я ломанулся через заросли нипарисов в сторону. Мысли все еще не приходили в мою голову, и мной пока управляли натренированные на войне инстинкты и рефлексы. Через кусты с фонтаном я добежал до забора дома отдыха, перемахнул через него, там недолго петляя по аллее, расталкивая отдыхающих, нынче в стеклянную дверь, очутился в столовой — что это была столовая, понял по запахам, снарядом пролетел через какой-то жаркий и скользкий цех, снова очутился на улице, быстро пересек волейбольную площадку и ускоренным шагом зашел в спальный корпус. Первая попавшаяся дверь, к счастью, оказалась не запертой. Я проскочил в номер, тихо прикрыл за собой дверь и немножко отдохнул. В комнате не было никого. Смятая постель, одежда на спинках стульев, распахнутая настежь балконная дверь. Желтые шторы колыхались на легком ветру.

— Ты уже пришел? — раздался женский голос из душевой. — Принеси мне полотенце!

Я нашел его на балконе, снял, подошел к душевой, просунул туда.

— Не мое! — взвигнула невидимая женщина, но я не стал исправлять ошибку, схватил графин, сделал несколько жадных глотков, быстро лег на пол и залез под кровать.

Хлопнула входная дверь, я увидел голые волосатые ноги в кроссовках. Пока мужчина и женщина вяло переругивались по поводу того, у кого из них старческий склероз, я обдумывал свое положение.

Значит, Ольга надула меня. Этого следовало ожидать. Я слишком доверяю красивым женщинам. А вот им-то как раз доверять надо меньше всего. Второе: я засветился у казино, и теперь на меня ведется охота. Молодо выглядящий Слон — или кто он там — будет разыскивать меня с той же самоотверженностью, с какой он облапошил своих недавних товарищей.

— Мы опаздываем на завтрак! — сказала женщина. Ее ноги в пляжных тапочках стояли напротив волосатых ног, уже одетых в светлые патиновые брюки.

— Никто за нас его не съест, — промурлыкал мужчина.

— Ты мне размажешь весь макияж... Ну подонки... Какой ты нетерпеливый...

Две пары ног вытанцовывали перед моими глазами, словно стояли на горячей сновородке, затем женские медленно оторвались от пола, и через секунду меня сильно придавило пружинами. Эта пытка продолжалась довольно долго — во всяком случае для меня; те, кто находились сверху, должно быть, с радостью пропустили бы завтрак, но мужчина наконец размазал женщине весь макияж, и они, спешно одевшись, вышли из номера. Когда щелкнул замок, я, основательно подавленный, как намбала, вылез из-под кровати.

Из того, что было в гардеробе мужчины, самый нелепый и даже глупый вид придали бы мне спортивные трусы и желтая майка с нарисо-

ванным бегемотом. Мои джинсы и свитер, хоть были далеко не новы, стоили намного больше, и совесть не мучила меня, когда я совершил взаимовыгодный обмен одеждой. Потом разберемся! В трусах и майке я, в самом деле, выглядел совершенным кретином, зато мои преследователи вряд ли узнают меня, столкнувшись с ними даже нос к носу.

Я вышел из номера через балкон и легкой трусцой побежал к причалу. Почти все рыбаки уже наверняка ушли в море, но я надеялся, что все же сумею раздобыть моторку. По пути я дважды окунулся в море, потому что солнце, несмотря на то, что едва поднялось над горизонтом, уже припекало вовсю, и прибежал на пристань мокрый с головы до ног.

Наш сторож, старик-кореец, долго таращил свои узкие глазки, пока не узнал меня.

— А, это ты, капитан? А где ж "Арго"? Мы думали, ты на Ай-Фока пошел, ребята видели твои паруса вчера поздно вечером.

— Кто-нибудь здесь остался? — спросил я, глядя на занесенные лодочные гаражи и пустые опоры, на которых обычно висят сети.

Старик покачал головой.

— Все ушли. Еще до рассвета. Нилька косяком идет. Все в море.

— Тогда вот что, — сказал я. — Берем Геннину моторку и мчим к Напчину.

Сторож отрицательно покачал головой.

— Ну как я тут все оставлю? — начал ныть он, но я взял его под лопоть и силой потащил к лодке.

— Надо, дед, надо! Дело серьезное. Я потом тебе заплачу. "Арго" угнали, аферисты повсюду бесчинствуют... Поплыли!

Я усадил его в лодку, удивленного до такой степени, что его узкие глаза сразу округлились, занес туда канистру с бензином, столкнул лодку в воду, завел мотор и рванул прямиком на мыс.

Высоно задрав нос, лодка неслась по зеркальной поверхности моря с такой скоростью, что от ветра я задыхался, как рыба, вытащенная на берег. Кореец, крепко держась за борт, зорко смотрел вперед, глаза его слезились от ветра, но он не обращал на слезы внимания, словно они помогали ему лучше видеть. И в самом деле — "Арго" он заметил раньше меня. Махнул рукой вперед, затем опустил голову и стал что-то высматривать под ногами. Поднял с пола полуметровую металлическую трубку и положил ее себе на колени. Кулани сжаты, вены на руках вздулись, даже синяя наколка — несущийся по волнам фрегат — порозовела. Волнуется дед, подумал я, с улыбкой глядя на него, старый вояна!

"Арго" стояла в пятистах метрах от берега, на якоре, без парусов, то есть в том же состоянии, в каком я оставил ее минувшей ночью. Я заглушил мотор, сделал вираж, плавно причаливая к борту яхты, приказал деду швартоваться, а сам пересночил на палубу "Арго". Подошел к переборке, склонился над входом в каюту. Несколько секунд мои глаза привыкали к сумраку, и я ничего не видел. Потом различил стол, бутилку и стананы на нем, смятые простыни на нарах.

Каюта была пуста.

Я выпрямился и сделал знак деду, чтобы он бросил свою железяку, поставил на палубу канистру и отчаливал обратно. Затем спустился в каюту.

На столе белел разлинованный лист бумаги, выдранный, наверное, из бортового журнала. На нем печатными буквами было нацарапано:

"Дорогой капитан!

Нам было очень неприятно узнать, что вы сегодня утром совершили преступление — ограбили инкассатора из назиона "Магнолия". По вашему виду не скажешь, что вы дерзкий разбойник, потому мы так горько ошиблись в вас. Опечаленные столь грустным завершением нашей морской прогулки, мы вынуждены были покинуть вашу мрачную яхту, не прощавшись с вами.

Однако, будучи людьми гуманными, мы хотели бы предостеречь вас от необдуманных шагов, чтобы предотвратить ненужное кровопролитие. Работники назиона, к сожалению, не могут обратиться за помощью в милицию, и вами займется служба безопасности назиона. Поверьте, это очень жестокие ребята, и мы желаем вам не попасть в их ручки.

Исчезните с побережья, если хотите жить, — вот добрый вам совет. Ваши добропорядочные пассажиры: Тима, Ольга и Валери".

8

За бортом раздался всплеск воды. Кто-то шумно высморкался, а затем постучал в борт.

— Эй, капитан!

Я поднялся на палубу. Никаких плавсредств рядом не было, лишь далеко за мысом, в обрамлении белой пены, мчалась моторная, ведомая нашим стороннем. Я осторожно заглянул за борт. Ухватившись рукой за якорный трос, в воде плескался мужчина с загорелой лысиной.

— Чего надо? — спросил я.

— Катаешь?

— Нет!

— Нас всего двое. Я и подруга.

— Я же внятно сказал!

— Я хорошо заплачу, — не унимался лысый. — Бансами.

— Вот что, — зло ответил я. — Не вынуждайте меня говорить вам грубые слова. Отцепитесь от троса!

— Психопат! — буркнул лысый, но тотчас отшвартовался и быстро поплыл к берегу, ежеминутно оглядываясь и плюясь по сторонам.

Я снова спустился в каюту, убрал со стола мусор, наскоро заправил нары и достал из-под матраца паспорт. С первой фотографии на меня глянуло темноглазое ангельское лицо восемнадцатилетней девочки, со следующей — красивой, многое повидавшей в жизни женщины. Арикян Валери Августовна. Литовна. Прописана в Вильнюсе, затем в Ленинграде, затем в Сочи. Брак зарегистрирован с гранданином Арикяном Алексеем Новиковичем, потом брак расторгнут. Детиши? Детишен не обозначено. Группа крови — четвертая положительная. Все, больше никаких сведений.

К причалу я шел на моторе, полный штиль, паруса только мешали бы. Я сидел на корме, одной рукой управляя румпелем, а второй поддерживая голову. Меня укачивало, мерный звук мотора убаюкивал, я несколько раз погружался в дремоту и вздрагивал, когда голова падала на грудь. Перед глазами кружились разноцветные пятна, незнакомые лица, машины, чемоданы, люди в костюмах, о чем-то говорили десятки голосов, и, как я ни прислушивался к ним, все не мог понять, о чем. Чтобы окончательно не заснуть, я заглушил мотор, искупался, а затем сварил себе на плитке крепкий кофе. Голова моя начала медленно проясняться.

Итан, я уже достаточно глубоко увяз в афере, но еще далеко не все было мне понятно. Что мы имеем? Молодо выглядящий Слон, который вынес оранжевый кейс, белый "мерс", увезший этот кейс, паспорт литовца с армянской фамилией и двое сотрудников службы безопасности казино, которые спят и видят как можно быстрее поймать меня. Насчет милиции, они, конечно, правы, думал я, наливая себе вторую чашку кофе. Работники казино в милицию не пойдут, а на запрос широнко разуют глаза и разведут рунами: Бог с вами, какой еще чемодан денег? Какой нелегальный доход? Все, что мы заработали, — до копеечки учтено в финансовых отчетах, с налоговой инспекцией мы дружим, никаких ограблений не было, тьфу-тьфу! — и поступат по дереву.

Я запустил мотор и направил яхту прямо на причал, выглядывавший из-под мыса. Волны не было, я пришвартовался быстро и высочил на бетон. Только тогда я обратил внимание на то, что моторна, на которой мы плавали с корейцем, лежит на берегу килем вверх, рядом с ней — желтый милиционский "УАЗин", "Скорая помощь", три милиционера, люди, толпящиеся у веревочного ограждения.

Почувствовав недоброе, я подошел к группе мужчин в плавках, стоявших недалеко от "скорой".

— Что здесь случилось? — спросил я одного из них.

— Несчастный случай, — ответил мужчина, и лицо его исказила гримаса. — Старик попал под лодочный мотор.

— Какой старик? — машинально переспросил я, хотя уже понял на кой, и, не обращая внимания на окрики милиционеров, бросился к машине "Скорой помощи", у раскрытых дверок которой лежали на песке носилки, покрытые белой простыней, присел рядом, чувствуя, как от ужаса немеет лицо, протянул руку и сдвинул край простыни. Лица, если, конечно, это можно было назвать лицом, не было — кровавое месиво вперемешку с песком и водорослями. И я бы не смог сразу опознать корейца, если бы не лиловый фрегат, несущийся по волнам, выколотый на его руке...

— Знамомый? — спросил меня человек в белом халате, попыхивающий "беломориной". — Жаль деда. Должно быть, по неосторожности упал в воду и прямо — под винт. А до берега-то всего метров двадцать. Видать, уж слишком стар был, чтобы самому в море ходить.

Слишком стар, мысленно повторил я. Что ты знаешь о морских волнах, эскулап?

Я сидел в пустой лодочной мастерской, уставившись в мутное окно-це. Солнце уже стояло высоко над морем, и толпы отдыхающих шлифовали набережную. Я думал о том, как ближе к вечеру у причала будут швартоваться тяжелые, переполненные рыбой баркасы, и сойдут на причал вернувшиеся с промысла рыбаки, и что мне предстоит им рассказать.

Меня жестоко и страшно предупредили, и я понял: то же произойдет и с тобой, если не вернешь деньги. Несчастный кореец по моей вине — желал я этого или нет — безвременно рас прощался с жизнью, и от этой мысли мне становилось дурно.

Я напялил на себя вылинявшие джинсовые шорты и майку-тельняшку и теперь мало чем отличался от курортников, особенно если принять во внимание огромные черные очки, закрывающие пол лица. Я неторопливо шел по набережной, разглядывая отдыхающих и прислушиваясь к разговорам. Постоял за столиком в прохладной пивной. Несколько мужчин громко обсуждали трагедию у причала. Ничего нового они не сказали, ни один из них не высказал даже сомнения по поводу того, что это заурядный несчастный случай.

Испытывая судьбу, я прошел недалеко от казино, краем глаза взглянув на "пятак" у "черного" входа. Тихо, порядок. Молоновоза уже нет, должно быть, хозяин нашел его.

Я шел вдоль крепостной стены, рассматривая археологов, новыряющихся в неглубоких пыльных ямах. Навстречу мне, к морю, плыл поток отдыхающих. Почти все парами: мужчина и женщина. Или втроем — с ребенком. Странная, однако, та компания — Тима, Ольга и Валери. Шведская семья, что ли? Все же с одной из девчонок у Тимы должны быть более перспективные отношения. Это закон природы, неосознанное стремление к моногамии. Во всяком случае, Ольга или Валери тайно или явно должны рассчитывать на взаимность Тимы. Ольга или Валери?

Я купил у старушки пакетик креветок и стал лузгать их, как семечки.

Первоначальная легенда была такова: Тима с Валери, а Ольга со Слоном. Потом выясняется, что Слона не существует вовсе, а Ольга бесится от ревности, когда Тима остается с Валери наедине. Значит, можно предположить, что все-таки Ольга — подруга Тимы, а Валери вроде как третья лишняя, всего лишь соучастница?.. Что ж, примем это предположение как рабочую гипотезу.

Я поднялся до шумного и пыльного базара, прошел по его рядам, попутно спрашивая цены. Цены, впрочем, меня совершенно не интересовали, просто я надеялся, что мне в голову снизойдет простая и гениальная идея.

Идея не снисходила, зато появилось хорошо знакомое навязчивое чувство, что за мной кто-то следит. На всякий случай я сделал еще несколько путанных кругов по базару, резко меняя направление и поминутно оглядываясь, но ничего подозрительного не заметил.

Я вышел на улицу и уже собрался было повернуть к набережной, как вдруг застыл напротив автобусной остановки. В окне я отчетливо увидел знакомый силуэт: тонкий нос, губы, накрашенные перламутровой помадой.

дой, темные волосы, вьющиеся как металлическая стружка. Валери! Я рванул к автобусу со скоростью спринтера, но двери его закрылись перед самым моим носом. Я врезал кулаком по пыльному борту, но автобус лишь окунул меня сизым облаком выхлопа и тронулся с места.

Бежать за ним было глупо, но мне ничего другого не оставалось и я рванул наискосок к следующей остановке — через пустырь, поросший выжженной травой. Дыхание рвалось из моей груди, тропа неслась под ноги, ветер свистел в ушах, и мне уже казалось, что я смогу обогнать автобус, как вдруг за спиной я услышал гулкий топот ног, чье-то шумное дыхание, а затем почувствовал, как теряю опору под ногами и лечу руами вперед на землю.

Я мешком повалился в траву, содрав кожу на локтях, попытался тут же вскочить, но на меня навалилось грузное тело. В нос шибанул крепкий запах пота и табака, и, пытаясь вывернуться из-под своего противника, я вдруг увидел его лицо. Водитель молоновоза!

— Попался, морда, — сказал он мне со злорадной улыбкой, пытаясь выкрутить руку.

— А ну, прекратить! — крикнул подбежавший к нам милиционер и зачем-то засвистел. — Прекратить, я сказал!

Водитель, нанонец, оставил меня в покое, поднялся, отряхивая с брюк пыль.

Я видел, как автобус остановился на автостанции, из него вышла Валери, накинула на плечи голубой рюкзакон. Я вскочил на ноги, легонько стукнул свободной рукой водителя по затылку, но тот не отстал и попытался ответить мне ударом в челюсть.

— Да в конце концов! — заорал мент прямо мне в лицо.

— Старшина! — сказал я ему. — На пять минут!.. Мне срочно надо на автостанцию! Я вернусь, клянусь тебе! Вернусь, и ты меня посадишь!

Валери подошла к "Инарусу". Пассажиры толпились у дверей автобуса. Диспетчер проверяла билеты. Водитель захлопнул крышку багажного отсека.

Я попытался снова рвануть по тропе, но старшина мертвый хватной вцепился в мой локоть.

— Сначала пройдем в отделение, а потом побежишь дальше. Разберемся, выясним, что ты натворил, и я тебя отпущу, — ласково приговаривал он.

— Я его еще на базаре засек, — сказал водитель молоновоза и погрозил мне кулаком. — Баба у тебя рожает! Я тебе рожу, гадина!

— Я подам на вас в суд за основление, — сказал я водителю и снова оглянулся. "Инарус" задним ходом отъезжал от платформы. Я сплюнул и с тоской посмотрел на милиционера.

— Веди теперь, чего застряли здесь...

10

— Значит, сегодня утром вы угнали молоновоз? — спросил старшина, постукивая карандашом по краю стола.

— Нет, я не угонял. Я вежливо попросил этого гражданина довезти мою девушку до роддома, а он отказался помочь ближнему.

— Че? — завыл водитель. — До роддома! Да что ты мне сказки рассказываешь?

— Замолчите, гражданин! — прикрикнул на него старшина и снова обратился ко мне. — И что было дальше?

— Мы доехали до ресторана "Магнолия", но ей там стало намного лучше, и мы пошли пешком.

— Врет, пес! — снова вмешался водитель.

Старшина смотрел на меня и думал. Я ему нравился. В том смысле, что я относился к представителю власти с должным уважением, и старшина не находил состава преступления в моем поступке.

— А вы знаете, что из-за вас пронисло все молоко, и его пришлось продать как простоквашу?

— Я оплачу разницу, — пообещал я.

— И за моральный ущерб! — рявкнул водитель, но я выразительно посмотрел на него, так сказать, лицо, давая понять, что морально ущербным он уже родился на свет.

— А вас, — сказал я, поочередно загибая пальцы на руке, — следует привлечь за: первое — неоказание помощи, второе — оскорбление личности, третье — за управление автотранспортом в нетрезвом состоянии (это я уже на ходу придумал).

— Тоже верно, — согласился старшина, снова постунивая карандашом по столу и подозрительно глядя на водилу.

Этот инцидент, к счастью, завершился благополучно, если не считать, что я упустил Валери из-под самого носа. Она уехала, думал я, бредя в сторону автостанции. Нуда уехала? В Симферополь? Или дальше? Надолго? Что в рюкзачке? Ее вещи? Или ее доля денег? Почему одна?

Вопросы сыпались один за другим, но я не торопился отвечать на них, тем более что ни одного ответа пока не было.

Я походил по автостанции, почитал объявления, расписание, выяснив, что Валери уехала в Симферополь рейсом 11-50. Зашел в диспетчерскую, оттуда позвонил в Симферополь своему приятелю, после чего попросил у диспетчера лист бумаги и карандаш и крупно написал на нем:

АРИНЯН ВАЛЕРИ АВГУСТОВНА, ПОТЕРЯВШАЯ СВОЙ ПАСПОРТ, ОБРАТИТЕСЬ В МЕДКАБИНЕТ НА СПАСАТЕЛЬНОЙ СТАНЦИИ.

Объявление я привесил на самом видном месте — на входе в кассовый зал.

Мой давний приятель — фельдшер спасательной станции Борис — настоящая находка для тех людей, которые нуждаются в мудром советчике. По известной причине я не смог рассказать ему все, но, к счастью, Борис не отличался чрезмерным любопытством.

— Нороче, ты влюбился по уши и пытаешься заманить свою вумэн сюда, — по-своему понял он меня, и я не стал его переубеждать. — Ноу проблем, — добавил он, через белый халат почесывая волосатую грудь. — Топчан есть, холодильник есть, спирт есть. Хоть всю ночь здесь проведите. А за это покатаешь мою детвору на "Арго".

На том мы и порешили. Я не очень верил в успех, но трюк с объявлением давал мне хоть и вялую, но надежду.

— Эта, какой станочек!.. И что ж ты, моя цыпа, так водички боишься? — бормотал Борис, наблюдая в бинокль за пляжем. — О, новое введение, дама с голым торсом. Третий размерчик, как минимум... Что-то резность плоховата...

— Послушай, Борис! — Я лежал на топчане, застланном полиэтиленовой пленкой, и сквозь полуоткрытые веки смотрел на грузную фигуру фельдшера. — Ты же у нас автолюбитель?

— Ну, не только авто, — поправил Борис.

— Вот отвешь мне, есть ли у него из наших местных "мерседесы"?

— "Мерсов" у нас — как собак нерезанных... Ты что, надумал тачку брать?

— Да не то, чтоб надумал, — уклончиво ответил я. — А, скажем, "пежо" есть у него-нибудь?

— Вот это да! — воскликнул Борис, и мне показалось, что он сейчас раздавит онулярами свои глаза. — И на лодку лезет! Да ты посмотри, что делает! Она же утопит ее, к чертовой матери! — У него снова сбылась резность, и Борис оторвал от лица бинокль. — "Пежо", говоришь? Нет, не припомню. Это машинка редкая, в наших краях еще не завелась. Езжай в Париж, — посоветовал он через минуту, встал и открыл дверцу ходильнина. — Ну что, коль утопленников пока нет, примем по пятьдесят медицинского? — Он разлил спирт в странные бокальчики с яйцеобразным дном, которые невозможно было поставить на стол, и насыпал на кусок газеты горсть копченой мойвы. — Три года работаю тут, но до сих пор не могу понять, почему нам выдают спирт? Они думают, что я курортникам наливать буду? Или их обожженные спины протирать?.. Ну, вздрогнем! — Он выпил и стал шумно занюхивать мойвой, прижимая рыбешку к носу с такой силой, будто намеревался всунуть ее в ноздрю. — А разве ты не слышал про фирму "Авто-гон"? Тачками подержанными торгуют. Не слышал? Пять кэмэ по Феодосийскому шоссе и направо. Там, кстати, и "пежо" может быть... Еще по полста?

Опасаясь, что Борис нальет по новой, и тогда уже невозможно будет отказаться от выпивки, потому как стакан нельзя поставить на стол, не выпив его содержимое, я поблагодарил и вышел на пляж вроде бы как прогуляться. На самом же деле я побежал через санаторий на автостраду, и пятьдесят граммов допинга оказались кстати — по жаре так легко я давно уже не бегал. За наших-нибудь десять минут я пересек территорию двух санаториев, миновал стройку и высочил на шоссе. Мне везло, и первый попавшийся грузовик тормознул рядом со мной.

— "Авто-гон"? — переспросил водитель и нивнул: — Садись.

Я бы с превеликим трудом назвал это автомобильное кладбище фирмой по продаже авто. Прямо посреди степи, огражденные колючей проволоной, жарились на солнце отбегавшие свое автомобили. Здесь были и наши развалюхи, и иномарки, потерявшие не только товарный, но даже мало-мальски приличный вид. Ворота зоны были заперты, рядом с ними стояла вышка, увенчанная жестяной набиной с окном.

Я постучал ногой в ворота, и сверху, из окна, высунулась голова мужика.

-
- Чего гремишь?
— Машинами интересуюсь.
— Завтра приходи. Сегодня выходной.
— Я хочу только посмотреть.
— Завтра, дорогой, завтра, — ответила голова и зевнула.

Пришлось вынимать из нармана доллар. Сторож через мгновение оказался внизу, будто съехал на лифте. Загремел засовом, открыл налиту.

— Все машины на ходу, — начал он рекламное вступление. — Заправлены топливом и маслом под завязку, возраст — от десяти до двадцати пяти лет. Зато недорого.

— Меня "пеню" интересует.

— Есть одна, но, к соjalению, почему-то не заводится. Ее тоже один товарищ хотел взять, приходил несолько дней назад, договорился, а сегодня утром стали ее заводить, так она, собака, только веет стартером. Но пришла сюда своим ходом и вроде работала нормально...

— И что же, тот товарищ ушел без машины? — спросил я как бы между прочим, идя за сторожем вдоль ряда автомобилей.

— Нет, схватил "мерседес" и погнал. Потом, правда, мы сами его назад перегоняли.

— Что значит, назад перегоняли? — не понял я.

— Понимаете, в чем дело, — сторож вытер пот со лба. — Мы иногда даем машины вроде как напрокат. На сутки там или на двое. Отдыхающим иногда хочется баб по берегу покатать, вот мы и идем навстречу. Тоже получается выгодно. Записываем паспортные данные, клиент платит — и езжай себе на здоровье. Машины все без номеров, далеко не уедут, а с местными гаишниками у нас договоренность, так что за пределы района ее не выпустят... Да вот она, старушка.

Мы стояли напротив белого "мерседеса", левое окно которого было заделано фанерой. Я обошел машину, постучал ногой по колесам, заглянул в салон, словно надеялся увидеть там Ольгу с оранжевым кейсом.

— Еще хорошая, — ласково сказал сторож и погладил машину по бортам. — Еще побегает. Этую надумали брать?

— Да, наверное, эту. А вы учитываете, сколько километров клиент намотает за прокат?

— А как же! — кивнул сторож. — Все учитываем, все финсируем. Пойдем ко мне, глянем в журнал.

Мы еще немного поболтали о преимуществах "жигуленка" в сравнении с подержанными иномарками и поднялись по лестнице в жестянную набину.

— Вот глядите. — Сторож открыл замусоленную тетрадь на последней странице, нацепил очки и стал водить пальцем по каранулям. — БМВ, БМВ, "Москвич", еще "Москвич", а вот и "мерседес" А-12. Это наш учетный номер. Глядите-на сюда: вот сегодняшняя дата, а это — пробег. Сто семь тысяч двести тридцать — перед сдачей в прокат. Сто семь тысяч двести сорок один — последнее показание. Значит, всего двадцать восемь километров клиент накрутил.

— Вы же говорите, что сами ее назад пригнали, — подсказал я, не отрывая взгляда от журнала, где ужасно неразборчиво были записаны паспортные данные клиента.

— Значит, он еще меньше накрутил, — согласился сторож, снял очки и положил их на стол. — Сколько тут будет до развязки на Новый Свет?

— Нилометров десять.

— Правильно, десять-пятнадцать, не больше. Вот там он и кинул машину вместе с ключами! Наши ребята, правда, сразу ее нашли и сами пригнали... Бывают такие случаи, что поделаешь! Привезет мужик бабу на берег, выпьют они там, туда-сюда, потом на лодке кататься поедут, потом еще куда, а про машину и забывают. Отдыхающие, что с них взять! И не своя же машина, так чего о ней беспокоиться?

Я прочел фамилию и имя: Тимон Давид. Отчество не разобрал, такие нааранули только криминальному инспектору разбирать.

— Спасибо! — поблагодарили я сторожа, прерывая начавшийся у него словесный поток, который мог запросто вымыть из моей памяти Тимона Давида. — Завтра я приду с деньгами.

11

Ногда я вернулся на спасательную станцию, Борис уже крепко спал под навесом на топчане. Дверь в медкабинет была открыта, и на легком ветру колыхалась белая марля.

Крепкий сон эскулапа был очень истати, и я, вооружившись телефонным справочником, принялся накручивать диск аппарата.

— Алло, здравствуйте! — кричал я, потому что слышимость была скверной. — Это гостиница "Весна"?.. Вас со спасательной станции беспокоят... Нет, пока никто не утонул. Только вот какой-то рассеянный гражданин забыл свою сумку с документами. Давид Тимон его зовут. Посмотрите, не значится у вас такой?.. Нет? Спасибо, простите за беспокойство! — И снова набор. — Гостиница "Горизонт"? Со спасательной станцией вас беспокоят...

Через полчаса у меня онемел палец, которым я крутил телефонный диск, как вдруг администратор интуристовского "Золотого пляжа" вяло и безрадостно ответила мне:

— Да, проживает у нас Тимон. Только не знаю, что вы там нашли, паспорт его здесь лежит, передо мной.

— Мы не паспорт его нашли, — ответил я, — а удостоверение члена географического общества.

— Где вы находитесь, сообщите адрес, мы передадим Тимону, — монотонно произнесла администратор.

— Ради Бога, не беспокойте человека! — как можно убедительнее ответил я. — Скажите мне номер его комнаты, и мы сами доставим удостоверение ему прямо в руки.

— Номер комнаты не даем, записывайте телефон Тимона: два-три-семь-пять-три...

И короткие гудки.

Я подсночил на стуле, потирая руки. Два-три-семь-пять-три, повторял я цифры, как стишок. Номер телефона Тимона — это уже кое-что!

Я просидел в своей засаде за белой марлей до вечера. Жара спала, народ повалил на ужин, лишь еще немного темнокожих фанатов трупами валялись на песне.

Подошел опухший от сна и жары Борис, надел какие-то дурацкие трусы с пальмами и кепку с огромным нозырьком, кинул мне связку ключей, буркнул "до завтра" и вышел.

Вооружившись биноклем, я смотрел на причал, где началась на слабых волнах моя злополучная "Арго" и причаливали груженные килькой баркасы, и выходили на берег крепкие парни с просоленной и загоревшей до черноты кожей, и нучновались они, обсуждая страшную новость. А я прячусь в медпункте, знаю все, но не могу рассказать. И рыбаки так и не поймут, как это старый волк, который мог на весельной лодке выйти в море в любой шторм и снять сети, упал с моторки под винт в двух десятках метров от берега.

Я лег на топчан, лицо прикрыл газетой, чтобы не донимали мухи, и, кажется, заснул, потому что когда в дверной косяк тихо постучали, я вздрогнул и подсночил, как по тревоге.

Было сумрачно, с набережной доносились звуки музыки, тихий ветер колыхал марлевую занавеску. За ней — я видел только силуэт — стоял человек.

Я неслышно взял с холодильника ключи, кашлянул и сказал:

— Да-да!

— Простите, я туда попала? Я пришла за паспортом.

Это была Валери! Не зажигая света, я метнулся к двери.

— Заходите, вот ваш паспорт.

Она осторожно отодвинула марлю в сторону, но не вошла. Тогда я схватил ее за руку, рывком втащил в кабинет и тут же захлопнул за ней дверь. Валери вскрикнула, но не громко, а приглушенно, даже обреченно, будто уже приготовилась к тому, что сейчас ее будут убивать. Я запер дверь на ключ и включил свет.

Сначала Валери щурилась, прикрывая глаза ладонью, потом узнала меня и ахнула.

— Ты? — удивленно произнесла она, словно я давно умер. — Надо же...

Отдав ей должное, она быстро взяла себя в руки, села на топчан, засинула ногу на ногу и даже попыталась иронически усмехнуться.

— Если я правильно понимаю, ты, в свою очередь, взял меня в заложницы?

— Ты правильно поняла, — ответил я, зашторивая оконце и придвигая к себе табурет.

— И чего ты хочешь?

— Денег.

Валери пожала плечами.

— Деньги у Ольги. Где она их спрятала — не знаю.

— И ты так спокойно об этом говоришь?
— А чего мне волноваться?
— Вы толкнули меня на преступление...
— Я никого нинуда не толкнала, — перебила меня Валери. — Объясняйся с Ольгой.

— Ты соучастница!
— Это не доказано.
— Где сейчас Тима и Ольга?
— Понятия не имею, где могут сейчас быть жених и невеста. Мы мало знакомы и больше не общаемся.

Я начинал заводиться, потому что не мог ухватить ее. Она легко и быстро парировала любой мой выпад.

— А зачем ты ездила сегодня в Симферополь?
Возникла пауза. Валери не изменилась в лице, но не смогла ответить сразу.

— Это допрос? — спросила она. — А ты кто — мент? Прокурор? Следователь?

Я сжал кулаки, скрипнул табуретом, но ничего веского не мог сказать. Валери поняла это. Расслабилась, вынула из сумочки сигареты, закурила, стряхивая пепел в мензурку с яйцевидным дном (оказывается, это была медицинская банка).

— Так что, милый, гони паспорт и открывай дверь, — протянула она. — Иначе тебе будет плохо.

— Хуже не будет.
— Будет, если я наведу на тебя боевиков из казино. Они повесят тебя на рее.

Я смотрел ей в глаза и пытался понять, знает она про корейца или нет. Кажется, не знала.

— Повесят на рее, говоришь? — переспросил я. — Или кинут под моторную лодку, как сторожа с причала, да?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — ответила Валери. Похоже, это была правда, но я разыгрывал недоверие.

— Надо же — не понимаешь! Ничего, прокуратура разберется, кто навел убийц на несчастного старика, и ты, как соучастница, получишь свой срок.

— Что ты несешь? — поморщилась она. — Какой старик? При чем здесь я?

— Не строй, девочка, невинных глазон! Повторяю для тех, кто не понял: сегодня утром наемные убийцы, чтобы приугнуть меня, затянули под лодочный мотор сторожа, с которым за полчаса до этого мы вместе ездили на "Арго". И не надо утверждать, что ты здесь ни при чем.

Наконец-то я заметил в глазах Валери испорченную испугом. Впрочем, она быстро справилась с собой, и снова ироническая улыбка заиграла на ее перламутровых губах.

— Ничего ты не докажешь! Это все ложь. Тебе угрожают боевики из казино и правильно делают, потому что ты ограбил инкассатора.

Снова ускользнула. И все же дважды я замечал в ее глазах страх. Значит, есть бреши в ее обороне, и я должен их найти.

— Хорошо, — продолжил я. — Предположим, что сейчас с деньгами спрятала Ольга, и ты не знаешь, где именно он спрятан. Тогда я беру тебя в союзники, и мы будем искать его вдвоем.

— Нет, капитан, — поначала головой Валери. — Никакого союзничества у меня с тобой не получится. Меня не интересуют твои темные делишки с этой сладкой парочкой.

— Тебе придется здесь долго сидеть, — пригрозил я.

— Думаю, что тебе сидеть придется намного больше, — отпарировала она.

И тут я понял, что делать дальше.

— Сейчас ты позвонишь Ольге и скажешь, что на несколько дней уезжаешь в Вильнюс к маме, поэтому твою долю пусть пока придержит у себя Тима.

Валери устало поначала головой и легла на топчан.

— Мамы моей давно уже нет, и бабушки уже нет... Никому, никуда, никогда я звонить не буду, — медленно проговорила она. — Я устала и хочу спать. Учи, что каждая лишняя минута, которую я проведу здесь, тебе потом зачтется. Ты играешь с огнем.

— Повторяю: бери телефон и набирай номер. Динту...

— Как ты мне надоел, — она зевнула.

— Ну хорошо, — сказал я сквозь зубы. — Видит Бог, я не хотел.

С этими словами я поднял с пола тазик для мытья пола, открыл дверь и, выйдя наружу, запер ее снова. Быстро побежал к морю, зашел по колено, опустил руки в спокойную и теплую воду.

— Ах, вы, мои миленькие, мои скользенькие, мои холодненькие...

Через пять минут я возвращался на спасательную станцию с тазом отборных разноалиберных медуз. Валери продолжала лежать на топчане, поджав ноги и сонными глазами глядя на меня. Я только сейчас подумал о том, что в мое отсутствие она могла запросто позвонить куда угодно, в том числе и в казино.

— Знаешь, что у меня здесь? — спросил я, медленно подходя к ней с тазом.

— Что? — без особого любопытства спросила Валери.

— Твои любимые медузы...

Такого дикого визга я никогда еще не слышал в своей жизни. Валери в одно мгновение вскочила с топчана и буквально принлилась к запертой входной двери.

— Убери!!! Убери, пожалуйста, эту гадость! Я позвоню, честное слово! Унеси это, я сейчас умру!..

— Ты посмотри, какие они прекрасные! — продолжал я свою экзекцию. — Особенно вот эта, с синим ободком и бахромой! — Я вытащил номон таявшего на глазах желе и только тогда понял, что немного переборщил: у Валери вот-вот мог начаться истерический припадок. Она страшно побледнела, опустилась перед дверью на колени и дико, по-звериному, завыла. Признаюсь, я еще не видел, чтобы женщины так своеобразно реагировали на медуз.

Мы спали тихо и мирно, как детишки в детском саду. Валери — на топчане, укрытая Бориным белым халатом, я — на полу, на надувном матрасе, очень кстати оказавшемся здесь. Как только начало светать, я принялся будить Валери. Сделать это было достаточно сложно, Валери, не открывая глаз, тихо поснуливалась и невнятно просила меня оставить ее в покое. Если бы в эту минуту к нам ворвались ее сообщники, Валери наверняка продолжала бы крепко спать.

Ну что ж, подумал я, так даже лучше, и взял ее на руки, как дитя. Девушка обняла меня за шею, продолжая мерно посапывать.

Рядом с медицинским кабинетом находился лодочный склад, а за ним, запертая на ржавую, но достаточно крепкую дверь, заброшенная ремонтная мастерская. Я открыл ее Бориными ключами, взвалив спящую красавицу на плечо, зашел внутрь и осмотрелся. Окон нет, стены крепкие, под потолком — тусклая лампочка, в углу, за стальной перегородкой, — гальюн. В прошлом году я разместил здесь на отдых целую бригаду парней, с которыми когда-то служил на флоте. Сарай он и есть сарай, но жить можно.

Валери я уложил на раскладушку, и она даже не проснулась, лишь перевернулась на другой бок. Я нашел одеяло, подушку и облагородил ее ложе. Затем протер от пыли металлический столик для токарных работ, застелил его простыней и накрыл легкий завтрак для моей узницы, состоящий из банки пива, вяленой майвы и черствого кусочка хлеба. Не ахти, конечно, но до обеда потерпит, а потом я принесу ей с набережной шашлыков.

Я запер дверь, подергал ее, проверяя, надежны ли замки, и сочинил коротенькую записку Борису, в которой просил его не беспокоиться, если из мастерской будут доноситься крики, так как моя возлюбленная — девушка со странностями. Ключ от кабинета я оставил в двери, а от мастерской взял с собой.

Опасаясь засады, я незаметно приблизился к своему дому, несолько минут наблюдал за всеми подходами, но ничего подозрительного не заметил. Кинулся в подъезд, забежал на второй этаж. Все, вроде, в порядке, дверь не выломана. Я уже достал ключи, когда заметил торчащий из щели маленький листон.

Записка была очень лаконична. Посредине ее красным карандашом был нарисован чемоданчик, а ниже надпись: "24 часа".

Все ясно, мои недруги дали мне сутки на то, чтобы я одумался и вернул им деньги. Только вот непонятно, с какого момента отсчитывать эти сутки.

Четыреста долларов — все, что я успел заработать за курортный сезон, — я сунул в карман, где лежал паспорт Валери, и, жуя на ходу бутерброд с сыром, выбежал обратно.

Всего полтора часа понадобилось мне на то, чтобы добежать до "Авто-гона", оформить прокат "мерседеса" с фанерой вместо бокового стекла и домчаться на нем до агентства по продаже авиабилетов на международные рейсы.

Возвращался я не торопясь. У "мерса" здорово барахлила коробка передач, и колеса были какие-то дефективные, из-за чего автомобиль все время сносил вправо, как бывает с яхтой при сильном боковом ветре.

К "Золотому пляжу" я подкатил к девяти пятнадцати — как раз к разгару завтрака. Поставил свое убогое авто на стоянку рядом с новеньчими сверкающими иномарками и направился к телефонной будке. Набрал два-три-семь-пять-три. Трубку взяла Ольга.

— Алло, доброе утро! — сказал я слаживым голосом. — Вас беспокоит метрдотель. Прикажете подавать завтрак в номер?

— Сейчас, — пробубнила Ольга, и было слышно, как она спрашивала у Тимы, заказывать ли завтрак. Нажется, Тима сказала что-то вроде "Дорогое удовольствие". Ольга ответила в трубку: — Не надо, мы позавтракаем в баре.

В баре было сумрачно, но я выбрал самый темный его уголок, заказал кофе и ветчину, сел так, чтобы видеть входную дверь, и стал ждать. Сначала в бар зашла какая-то немолодая парочка, почитала меню и не заметно вышла. Потом с хохотом завалила компания бронзоволицых мускулистых мужчин со спортивными сумками, они заказали сони со льдом, тут же, у стойки, выпили их и ушли. Две негритянки в коротких юбках сели на врачающиеся стульчики у стойки и стали цедить шампанское, стреляя в мою сторону глазами. Я закрылся от них свежей газетой.

Затем вошли Тима с Ольгой.

— Эй, друг! — громко сказала Тима, направляясь к стойке. — У нас мало времени. Яичницу с беконом на двоих и кофе. Только быстро.

Ольга выбирала столик. Я опустил газету и сделал жест рукой.

— Здесь свободно, Ольга.

Надо было видеть ее физиономию! И чем еще недавно я восторгался? Этой раздobreвшей, грудастой бабой, сильно напоминающей проаввицу на колхозном рынке?

Тима, делая массу всяких ненужных движений, шуршал своим бумажником, щелкал пальцами, барабанил по стойке, брал и нидал на место меню, словом, пытался казаться респектабельным господином. Пона он красовался, Ольга, едва переставляя ноги, шла ко мне с какой-то идиотской улыбкой на лице.

— Садись, — сказал я, придвигая ей стул.

Ольга глянула на Тиму, прикидывая, успеет ли он защитить ее в случае непредвиденной опасности, после чего села на предложенный стул.

— Как дела, милочка?

— Прекрасно! — в тон мне ответила Ольга. — А ты что ж, еще не в тюрьме?

— Пона не собираюсь.

— Понятненько. А не страшно?

— Чего опасаться, Ольга?

— Ты же ограбил иннессатора, тебя разыскивают.

— Ерунда! — махнул я рукой и сделал глоток кофе. — Ребята уже во всем разобрались. Теперь ищут белонурую водительницу старого "мерсе-

деса" с фанерной вместо бокового стенла. Я, кстати, перегоняю его к кинозалу для динамической экспертизы. Стоит у гостиницы, можешь глянуть.

Ольга снова посмотрела на Тиму. Потом — на меня.

— Пусть ищут, — сказала она. — Очень далеко нас иснать придется.

— Должно быть, в Испании? — подсказал я.

— А тебя мы все-таки заложим охранке, — продолжала Ольга, не обратив внимания на мои слова. — А там посмотрим, в чем ребята разобрались, а в чем нет. Предупреждали тебя? Предупреждали! Вот и не обижайся.

— Чего это вы вдвоем? — изменил я тему разговора.

— А зачем нам еще кто-то? — И снова быстрый взгляд на Тиму. Долго жарится бекон с яичницей, ничего не поделаешь.

— Вот смотрю я на тебя, — медленно произнес я. — С виду — неглупая баба, а дала облапошить себя... Ты, случайно, не знаешь, где сейчас Валери?

По ее лицу пробежала тень тревоги, и Ольга закурила, прикрываясь ладонью.

— Валери у мамы, — ответила она. — Накая тебе, к черту, разница?

— В Вильнюсе у мамы, которой давно нет?.. Эх, милочка, милочка, жаль мне тебя! Была дурой, дурой и останешься. — Я придинулася к ней ближе, нависая над столом. — Я провожал Валери до Вильнюсского аэропорта. Сегодня утром она улетела в Мадрид.

Ольга молча рассматривала мое лицо. Я выждал паузу, затем достал из кармана отрывной корешок авиабилета.

— Читай: Аринян Валери Августовна, Вильнюс — Мадрид... Возьми себе на память. — И я протянул ей корешон.

Лицо Ольги помертвело. Пепел упал с сигареты ей на белую юбку.

— Так что ты в планы Тимы не входишь, и не сегодня-завтра он прихватит оранжевый кейс и полетит следом за своей возлюбленной... Надеется, ты не ошиблась, когда говорила мне о том, что у нее есть онкона таможне.

— Подонок, — прошептала Ольга.

— А я ведь тебя еще на яхте предупреждал, что у Тимы с Валери сквор. Постороннему человеку это сразу было заметно.

— Дрянь, подонок, ничточество, — шептала Ольга, а я удивлялся тому, как легко она поверила в этот бред. — Денег он не увидит, это дерьмо полетит к своей проститутке с пустыми наркотиками, клянусь всеми богами!

Я встал.

— Я так не думаю. Надеюсь, Тима знает много способов, как выбить из непокорной девушки деньги. Порезать бритвой лицо, отдать на расщерзание маньякам, посадить на "якорь"... Ну, не буду тебе всего рассказывать, сама узнаешь!

Тима ужешел к столину с подносом в руках.

— О! — восхлинул он, увидев меня. — Господин грабитель! — И, наклонувшись к моему лицу, громко прошептал: — Мы пока еще никому не рассказали о вашем преступлении. Но так, знаете ли, хочется! Аж язык чешется!

— И у меня тоже чешется, — ответил я ему с улыбкой. — Хочется кое-что вам рассказать.

Я почувствовал, как Ольга носнулась моей ноги кончиком туфли.

— Тогда присаживайтесь к нам! — ответил Тима, подталкивая ко мне стул. — Вот только угостить вас нечем. Да ладно, перебьетесь! Кандидатов в покойники, знаете ли, незачем нормить. Вскрытие в морге, судмедэкспертиза — к чему полный желудок, правда?

Ольга не сводила с меня глаз и снова толкнула туфлей.

— У вас отличный юмор! — похвалил я Тиму. — Но представляю, как вы станете шутить, когда узнаете, о чем я только что рассказал вашей очаровательной подруге.

Она уже не толкала меня туфлей, а вонзила каблук в ногу. Глаза ее молили о пощаде.

— Интересно, интересно, о чем же? — Тима посмотрел на Ольгу.

— Думаю, она сама вам расскажет. А нет — вечером позвоню. — И я пошел к выходу.

В фойе меня догнала Ольга, схватила за руку. Она была красной, будто выпила невероятное количество вина, глаза блестели.

— Этот подонок действительно станет пытать меня, а потом убьет, если ты скажешь ему, что я знаю про их заговор, — прошептала она. — Только зачем тебе это надо? Что ты хочешь?

— Денег, — ответил я.

Она посмотрела на дверь бара, потом снова на меня.

— Если поможешь незаметно уйти от него и спрячешь на своей яхте, я дам тебе... десять процентов.

— Гуд бай, милая! — Я повернулся к выходу. — Вечером позвоню!

— Подожди! — Она снова схватила меня. — Двадцать пять процентов тебя устроит?

— От какой суммы?

— Да я сама не знаю! — Ольга прижала руки к груди. — Нлянусь, я не обманываю тебя!

— Ты мне очень много лгала.

— Ну поверь в этот раз! Кейс был закрыт на кодовый замок, я не могла открыть, его только киркой открыть можно. Я спрятала его в надежное место... Ты мне не веришь?

Она заглядывала мне в глаза, в которых горела собачья преданность вперемешку с пламенем жажды.

— Хорошо, — делая вид, что с трудом соглашаюсь на ее условие, ответил я. — Завтра в семь утра ты выйдешь из номера, скажешь, что в бар за сигаретами или шампанским, — сама придумаешь. Я буду ждать тебя на стоянке, в знакомом тебе "мерседесе". Если опоздаешь — не обижайся. Все, иди!

Она не опаздывает, думал я, выходя из гостиницы и принимая поклон швейцара.

13

— К тебе гость, — сказал мне Борис, когда я зашел в медицинский кабинет, и навел на парня, сидящего спиной ко мне на табурете.

Парень обернулся, и я, признаюсь, сразу потерял дар речи, потому как к такой встрече совершенно не был готов. Короткая стрижка, коренастая фигура, темные глаза... Молодо выглядящий Слон! Инкассатор из казино "Магнолия"!

— Привет, — сказал парень, поднялся с табуретки и протянул мне руку.

Уложить его, пожалуй, сумею, подумал я, без ложной скромности оценивая свои возможности. В крайнем случае поможет Борис.

— Глеб, — представился парень.

— Очень приятно, — ответил я, потрогал его руку и подумал, что не был готов к такому повороту событий.

— Ну, вы тут поболтайте, — сказал Борис совсем некстати и перекинул через плечо махровое полотенце, — а я схожу искупаться.

Глеб водил глазами, рассматривая кабинет. Потом посмотрел на меня и улыбнулся. Симпатичный парень, отметил я, и заботливо спросил:

— Шея не болит? А то у нас тут спирт есть, можно примочку сделать.

— Прошла уже, — махнул он рукой и демонстративно покачал головой. — А удар был классный.

— Я еще и не так умею, — на всякий случай предупредил я. — Но ты не сердишься на меня?

— Да брось ты! Чего мне на тебя сердиться?

— Теперь, должно быть, у тебя неприятности на работе?

— Меня уволили, — усмехнулся Глеб. — Такие вещи в казино не прощаются...

— Послушай, дружище, — сказал я, внимательно глядя ему в глаза, чтобы вовремя разглядеть недоверие. — Меня втянули в эту историю аферисты. Я совсем не предполагал, что буду грабить инкассатора. Деньги я отдал малознакомой бабе и теперь прячусь от сотрудников службы безопасности казино.

— Я знаю, — сказал Глеб. — То, что ты олух, человек случайный, я понял сразу. Зачем-то молоковоз подогнал, а через десять минут, как слизнял с нейсом, снова пришел к казино и, естественно, засветился... Я нашим ребятам говорил, что не тот след взяли, но они и слушать меня не стали. Выгнали с работы, к чертовой матери! Теперь с такой славой меня в охрану ни одна фирма не возьмет.

— Я возьму тебя матросом на свою яхту.

Глеб усмехнулся.

— Спасибо.

— Послушай, а как ты меня нашел?

— Есть источники, — неопределенно ответил он.

Минуту мы сидели молча. Я рассматривал Глеба. Он кого-то напоминал мне, но я никак не мог понять, кого именно.

— Нас с тобой обули, — сказал он. — Сама жизнь требует, чтобы мы теперь действовали сообща.

— Точно, — ответил я.

— Мы должны найти тех аферистов... Ты случайно ни на кого из них не вышел?

Я сделал неопределенный жест рукой:

- Не то чтобы вышел...
- Понимаю, — ответил Глеб. И после паузы: — Послушай, а что ты хочешь?
- Восстановить статус-кво.
- То есть?
- Я хочу вернуть деньги в назисо и наназать убийц. Глеб кивнул.
- Да, со стороны они пакостно поступили.
- Ты знаешь, кто это сделал?
- Знаю. Есть там двое наемных убийц. Они же и за тобой охотятся. Я положил ему руку на плечо.
- Глеб, ты должен показать мне их.
- Хорошо, но только за услугу.
- Наную?
- Ты отдашь мне аферистов.
- Ты знаешь, что их было несколько?
- Я многое знаю.

Мы покали друг другу руки. Я еще раз попытался вспомнить, на кого же он похож.

14

— Работать будешь сам, — сказал Глеб, когда мы ехали на дряхлом "мерсе" на набережную, где он снимал комнату. — И именно сегодня. Понедельник — их смена. Но сразу предупреждаю: я в этом деле неучаствую. Подстраховать могу, но не больше... Ты когда-нибудь альпинистским снаряжением пользовался?

Мы тормознули рядом с уютным дачным домиком, утонувшим среди вишневых деревьев.

— Не глуши, — сказал Глеб. — Я только на минутку.

Он вернулся с мешком, из которого торчал мотон пестрого альпинистского троса, нинул его на заднее сиденье.

— Погнали к Соколу.

— Куда? — не понял я.

— Ну вот, живешь в Крыму, а не знаешь, что это скала, которая находится по пути к Новому Свету.

— У нас еще и санаторий "Сокол" есть.

Вверх по серпантину машина едва шла, ежеминутно стреляя выхлопом. Приборы на щитке, показывающие температуру и давление, зашкалили, но мы все же добрались до перевала.

— Стой! — скомандовал Глеб, взял мешок, перекинул его через плечо и вышел из машины.

Следом за ним я поднимался по тропе между кривостольных можжевельников и сосен. Горячий воздух был напоен запахом хвои. Пронзительно трещали цикады.

— Запомниай дорогу, — не оборачиваясь, сказал Глеб и у пенька свернул в сторону.

Теперь мы шли по камням. Подул ветер. Я увидел впереди дымчатую синь моря. Еще несколько шагов — и мы остановились на краю обрыва,

рядом с одиночно стоящей нарлиновой сосной. Я посмотрел вниз, и внутри у меня что-то сжалось. Нуткая высота притягивала.

— Будем прыгать? — спросил я.

— Именно так. — Глеб принял выкладывать из мешка веревку, кусок красной тряпки, молоток, снальные крючья и нарабины. Я молча следил за его действиями. Он затянул на себе альпинистскую обвязку, пристегнулся к веревке, свободный конец которой привязал к дереву, и стал спускаться с обрыва. Лена на животе, я следил за ним. Метров через пять он встал на крохотный выступ и вдруг исчез. Я даже не понял, куда он подевался. Веревка, казалось, вросла в толщу скалы.

— Не спи, замерзнешь, — услышал я вдруг за своей спиной и даже вздрогнул от неожиданности. Обернулся. Глеб стоял сзади меня и снимал обвязку.

— Ты как здесь очутился?

— Обыкновенная промоина, — ответил он. — Дождевая вода просверлила. Щель за деревом видишь? Иди, примерь ее на себя.

За деревом, среди камней, зияла черная дыра. Я с трудом протиснулся в нее. Опустился с головой, нащупал ногами опору, пролез несолько метров вперед по узкому лазу и вышел на балкон, прикрытый сверху нозырьком — таким гладким, отшлифованным водой; чтоказалось, будто сделан человеческими руками. Конец веревки Глеб привязал к снальному выступу накинутым узлом.

Я вернулся к Глебу. Его замысел все еще не доходил до меня.

Тем временем он освободил веревку от дерева, привязал к ней нарабин, положил его на самый край обрыва и накрыл сверху булыжником. Затем извлечен из мешка еще один мотон веревки, один конец снова привязал к дереву, другой сбросил вниз, а посередине слегка закрепил на двух металлических штырях, которые воткнул в щель между камней. Красную тряпку разорвал на узкие лоскутки и привязал их к веревке. Получилось обыкновенное ограждение, накие натягивают перед опасными обрывами, чтобы любопытные не подходили слишком близко.

— Глеб, — сказал я, — ты так ловко сооружаешь эту конструкцию, будто уже когда-то делал это.

— Было дело. — Он нахмурился и протянул мне обвязку. — Надевай!

Я надел это странное приспособление, напоминающее снаряжение парашютистов, только без парашюта, Глеб проверил, подтянул замки, подвел к краю обрыва и сказал:

— Теперь вытаскивай из-под камня нарабин.

Я вытащил.

— Пристегивайся... Так, хорошо. Прыгай вниз.

И я прыгнул. Не могу сказать, что это удовольствие из приятных, но свободное падение продолжалось недолго, веревка натянулась, ремни обвязки впились мне в тело, и я повис над пропастью.

— Отлично! — крикнул сверху Глеб. — Теперь выбирайся на балкон.

Я ухватился руками за каменный выступ, подтянулся и очутился на балконе. Отсюда я не видел Глеба, нан, в общем-то, и он меня.

— Все это, конечно, замечательно! — крикнул я. — Но в чем смысл?

— А смысл, — ответил Глеб, — в веревке, которая висит у тебя перед глазами.

Я взял в руку толстый плетеный шнур, нижний конец "перил", которые натянул перед обрывом Глеб, и только тогда почувствовал страшную силу, которая была сейчас в нем.

15

Опаснее всего будет на подъеме, думал я, подъезжая к назину. Если движок заглохнет, они меня догонят.

"Мерс" тихо булькал на холостых оборотах. Я поставил его так, чтобы не нужно было разворачиваться. Две "тойоты" уткнулись передками в клумбу. Пона их заведут и развернут, я выиграю две-три минуты.

Распахнул тяжелую, обитую бронзовым литьем дверь. В маленьком сумрачном фойе, напротив огромных зеркал, не было никого, кроме них. Позвавшая связной ключей и насыпывая похоронный марш, я бодро приблизился к бритоголовым. Один из охранников, тупорылый, громко чавкающий жвачкой, привстал со стула, преграждая мне дорогу.

— У нас только в костюмах... — начал было он, как вдруг челюсть его прекратила двигаться, и он уставился на мое лицо. Узнал! Тут же вскочил и второй. Оба переглянулись.

Для меня это было равнозначно выстрелу стартового пистолета. Я буркнул "Пардон" и круто развернулся к выходу.

— А нуна постой! — крикнул мне один из них, но я уже вылетел на улицу.

Черт подери! Напротив моего "мерса" тормознул синий "джип", преграждая дорогу, и я несколько раз нервно ударил кулаком по сигнальной кнопке. Водитель не спеша принялся отъезжать назад, и я понял, что охранники, выскочившие из дверей, всего через секунду выволокут меня из машины, и дал задний ход. Что-то затрещало, машину тряхнуло, и через газон я выехал на пешеходную дорожку. К счастью, отдыхающих было не так много — время полуденной сиесты, и я смог развитьличную скорость. На перекрестке выскоичил на Новосветское шоссе и погнал по трассе. Зеркальца заднего вида, разумеется, в кабине не было, и мне приходилось все время оборачиваться назад. Сначала показалось, что я прилично оторвался от своих преследователей, но очень скоро увидел, как ко мне прочно приклеился "хвост" — серебристая "тойота". Расстояние между нами стремительно уменьшалось, хоть я почти вдавил педаль акселератора в пол, и старина- "мерседес" старался изо всех своих хилых лошадиных сил. На повороте у крепости нас уже отделяло всего три-четыре метра. "Тойота" посигналила. Я от злости на машину врезал кулаком по "баранке". Как назло, впереди меня медленно подъезжали к стоянке два туристских "Инаруса". Сейчас будут сворачивать влево, к крепостному барабану, подумал я, и окончательно закроют всю дорогу.

Едва "Инарусы" притормозили и замигали поворотными огнями, я дал газ и пошел на обгон автобусов с левой стороны. "Инарус" закрывал дорогу, и мне остался узкий проход, через который я успел проскочить в последнее мгновение. Автобусы дико засигналили, водитель, высунув-

шийся из окна, проорал матерную тираду в мой адрес, но моя старая кляча уже вырвалась на простор, все дальше и дальше удаляясь от преследователей.

На середине подъема "тойота" снова села мне на "хвост". Она легко обогнала бы меня и преградила путь, если бы встречная полоса в эту минуту была свободной. Мне везло, как никогда. Навстречу медленно сполз зелый эсорт грузовых машин со стройматериалами. "Тойота" несколько раз пыталась обогнать меня, но многотонные НамАЗы, не терпящие суеты легковушек, вынуждали ее занять свое место на полосе. До перевала, где я должен был покинуть машину и побежать по тропе, оставалось совсем немного, и мне позарез нужны были несколько десятков метров отрыва.

Я опустил педаль акселератора, отжал сцепление, и у "мерседеса" быстро упала скорость, он остановился и стал медленно съезжать назад.

"Тойота" засигналила, остановилась, но подставлять сверкающий никелем бампер охранники не захотели — пожалели машину. Что-то крикнули и тоже стали медленно пятиться назад. Они, наверное, решили, что у меня заглох двигатель. Я рванул на себя рычаг тормоза и выскоил из кабины. Пятьдесят метров вверх по шоссе, затем вправо — на тропу, по ней до сухого пня и влево, к обрыву.

Бегаю я неплохо, но к плаванию отношусь с большей симпатией. На водной дорожке вряд ли бы эти "качки" смогли потягаться со мной, а здесь мне пришлось лезть из нонни вон, и все равно отрыв сокращался с каждой секундой. Стрелять они не станут, я был в этом почти уверен, постараются взять живым... Вот и пень, еще немного! Я уже слышал за своей спиной хриплое дыхание одного из преследователей. Все, кранты мне...

Глухой стук, сдержанный крик, ругань... Я обернулся. Оба охранника с перекошенными лицами стояли на четвереньках. Хоть и странно, что они споткнулись одновременно, но зато очень кстати. Может, это Глеб помог мне?

Когда я добежал до обрыва, сердце было готово разорвать грудь, а перед глазами плыли разноцветные круги. Я перешагнул через веревочное ограждение, сел, свесив ноги в пропасть, пристегнулся карабином и в последний раз оглянулся. Из-за куста хвои показался первый охранник. Он увидел меня, перешел на шаг. Его физиономия переносилась от довольной ухмылки.

Господи, прости меня! — сотворил я в уме молитву, демонстративно перенестись и свалился вниз. Свист в ушах, пустота в животе, динамический удар — и я повис под спасительным балконом. Взобрался на него, лег на камни под прикрытием нозырька и отдыхался.

— Он что — прыгнул? — услышал я крик сверху.

— Понкончил с собой, придурун.

— Надо было стрелять по ногам.

— Иди к черту со своими дурацкими советами!

Я встал на краю балкона, взялся за конец "перил", намотал веревку на руку и посмотрел вверх.

Две физиономии уставились на меня. Я видел только пару изумленных глаз.

— Ах, вот ты куда залез! — обрадовался тупорылый. — А мы, грешным делом, тебя уже похоронили. Ну, вылезай к нам, пообщаемся.

Они стояли на самом краю обрыва.

— За что старина убили, мясники? — спросил я, предоставляем подсудимым последнее слово.

— А вот как вылезешь, так мы тебе и объясним.

— Да что ты с ним трепещешься! — крикнул второй, ловним движением вытаскивая из-за пояса пистолет.

Я изо всех сил рванул веревку на себя. Коротко звякнули штыри, вырываясь из щелей, "перила" тугой струной ударили в спины убийц, ставив их в пропасть. Темными пятнами они промелькнули перед моими глазами и с протяжным воем унеслись вниз.

Высота этой скалы, если не ошибаюсь, что-то около пятисот метров над уровнем моря. Я не стал смотреть, что от них осталось.

16

— Если бы ты знал, чего я только не насмотрелся за три месяца работы у них, — сказал мне Глеб, заводя мотор. — Налоговая инспекция с утра до вечера пасет, а все без толку — кто знает, какой у них доход? Официально казино отчитывается о доходах еженедельно, и процентов шестьдесят прибыли вывозит инкассаторской машиной. Инспекторы наряжут в казино, как только к нему бронеавтомобиль подъедет, пошмывают, проведут ревизию доходов и на этом успокаются. А сорон процентов два раза в неделю, обычно по утрам, выносят чемоданами малоприметные ребята, вроде меня... А потом появляется и недвижимость за бугром, и счета в банках.

Мы медленно понатили к набережной.

— Не стоило их, конечно, мочить, но зато теперь ты можешь вздохнуть свободно, — продолжал Глеб.

— Ты думаешь, от меня теперь отстанут?

— А кто тебя еще видел, кроме меня и тех двух охранников? Администрация наймет новых костоломов, благо, уголовников вокруг полно, а про ограбление хозяину ничего не сообщат. Зачем босса тревожить из-за каких-то пятидесяти тысяч банков?

— Так в нейсе было пятьдесят тысяч банков?

— Что-то около того, — кивнул Глеб и остановил машину.

Мы находились на перекрестке. Одна дорога вела в поселок, другая — на набережную. Глеб посмотрел на меня.

— За тобой должен, — напомнил он.

— Завтра утром у гостиницы "Золотой пляж" мы возьмем девушку, которая спрятала нейс, — сказал я.

— Меня интересует только организатор.

— Ты знаешь, кто это? — удивился я.

— Да. Валери.

Только сейчас я понял, что во всей этой истории не понимаю ровным счетом ничего. Пона я моргал глазами, Глеб повторил:

— Ну так как?

— Хорошо, — ответил я. — Я отдам тебе Валери. Но только после того, как здесь, в машине, будет сидеть Ольга.

Глеб подумал, нивнул, вышел из машины и сделал рукой прощальный жест:

— Тогда до завтра!

Не заводя мотора, я съехал вниз, на набережную, и остановился рядом со спасательной станцией. Посидел немного в кабине, проверил, не следит ли за мной Глеб, и только после этого вышел на пляж. У мангила я купил четыре палочки свиного шашлыка, бутылку сухого вина, помидоры и лепешку.

Борис все так же сидел на деревянных ступеньках у входа в кабинет и выискивал в бинокль утопающих.

— Твоя подруга с самого утра поет песни, — сказал он, не отрываясь от своего занятия. — Признайся, что ты с ней такое сделал?

Я пошел в мастерскую, открыл дверь и сразу увидел гневное лицо Валери.

— Ты думаешь, что я объявила голодовку? — крикнула она с порога. — Дудки! Я требую... А, шашлычки принес! Давай сюда!

Пока я откупоривал вино и нарезал кружочками помидоры, Валери с невероятной скоростью поглощала мясо.

— Если ты... — болтала она, тщательно проневывая шашлык, — будешь меня исправно нормить, то, так и быть, я согласна пожить здесь еще пару дней... Давай; я из горла! — Она отхлебнула вина. — Помидоры солил?.. Послушай, заключенным полагается прогулка на свежем воздухе. Отпустишь меня искупаться?

Я рассматривал ее лицо, по-детски наивное и безвинное выражение глаз и думал о том, что мне сказал Глеб. Ну и девочка! Душа — потемки.

Потом мы лежали на горячем песке, и Валери рассказывала мне о том, что она обожает всякие захламленные склады или мастерские, потому что они напоминают ей детство. Когда-то давно она жила с мамой в Вильнюсе, и огромный старый коммунальный дом с подвалом и чердаком казался ей сказочной страной, в которой обитали и колдуны, и Нащечи бессмертные, и ведьмы, и бабы Яги, но все же добрые, потому что каждый старичок всегда с радостью принимал Валери у себя в комнате, угождал чаем и удивительно вкусными баранками с маслом.

— А потом я увидела, что Нащечи бессмертные — очень даже смертные, — сказала Валери с грустью, — и они часто болеют, и у них не бывает сил, чтобы спуститься в магазин за молоком, и не всегда находятся деньги на то, чтобы вызвать слесаря... Потом и мама умерла, и сказочной страны не стало.

— А что же осталось?

Валери села, насыпала мне на грудь горсть горячего песка.

— Ты хоть и благородный капитан, но, боюсь, не поймешь меня... Наконец тебе дело до какого-то полуразрушенного дома, где еще пока живут старухи? Зимой они мерзнут, потому как в доме давно отключено отопле-

ние и горячая вода. А летом ходят, как тени, по двору и собирают ветки и щепки, чтобы зимой топить печи. Весной я была там, представляешь, высохшие старушки — все голубоглазые — за обе руки тянут, какая в свою конуре, и умоляют меня: "Валери, милая, зайди ко мне, ты же так любила мое варенье, а у меня еще полбаночки осталось и чаек есть"... День побыла там — вся изревелась.

17

Глеб, как мы и условились, ждал меня на перекрестке у автостанции в шесть тридцать. Он занизил на заднее сиденье увесистую сумку, сел рядом со мной, и мы помчали по пустынной автостраде к интуристовскому отелю.

— Похоже, что ты далеко собрался? — спросил я.

— Да, нашел работу в Таджикистане.

— По профилю? — усмехнулся я.

Глеб сегодня не был склонен к разговорам, и до отеля мы ехали молча.

На стоянке я заблаговременно развернулся, но ждать долго не пришлось. Ольга, по всей видимости, уже ждала меня в вестибюле и сразу выскошла на улицу. Без косметики, в каких-то легкомысленных домашних тапочках, она выглядела комично, и по этому поводу Глеб отпустил соленую шуточку.

Ольга нырнула в машину, села на заднее сиденье, рядом с сумкой Глеба, перевела дух. Мы тронулись. Глеб не смог отказать себе в удовольствии поиздеваться над девушкой. Он обернулся, и она его тотчас узнала.

— Ну что, попалась, красотка?

Ольга зачем-то стала дергать ручки двери, словно собираясь выпрыгнуть из машины на скорость 80 км/ч. Дверь не поддалась, и она жалобным голосом проговорила:

— Я могу предложить вам на двоих тридцать процентов.

— Триста тридцать! — рявкнул Глеб и нацепил ей в глаза два своих крепких пальца.

Ольга стала толкать меня в плечо, прося защиты.

— Ну что же ты! — притянула она, едва не плача. — Пообещал помочь, а сам!..

Глеб удовлетворился и до набережной ехал молча. Рядом со спасательной станцией он попросил меня остановиться.

Мы оба вышли из машины. Глеб повесил сумку на плечо.

— Ну что, — сказал он, — Ольга твоя, а Валери — моя.

В его голосе мне послышался жесткий намек. Я подошел к нему вплотную и негромко спросил:

— Глеб, что ты намерен с ней делать?

— Это уже моя забота.

Я пожалел о том, что пообещал ему отдать Валери.

— Понимаешь, я не хотел бы... — начал я, но Глеб протянул мне руку и коротко сказал:

— Ключ!

— Глеб, мне нужны гарантии, что ты не сделаешь с ней ничего плохого.

— Накие еще могут быть гарантии? — Он усмехнулся. — Она моя сестра.

18

Я был рассеян и не совсем внимательно слушал то, что мне щебетала в спину Ольга.

— С тебя, вообще-то, хватит и двадцати процентов. Я и так порастратилась. Тима, считай, живет за мой счет. Гостиницу я сняла, прокат машины тоже за мой счет. Доля Валери как раз составляла двадцать процентов, вот я тебе ее и отдаю. А сама, на правах пострадавшей, забираю долю Тимы... Послушай, если я заплачу тебе за топливо, ты отвечаешь меня на яхте в Алту?..

Я свернула к причалу, как вдруг прямо под колеса автомобиля метнулся человек. Я ударил по тормозам, Ольга закричала. Мы еще не успели опомниться, как распахнулась дверца, и мне в лицо ткнулся ствол пистолета. Я скосил глаза и с трудом узнал переношенное от ненависти лицо Тимы.

— Руки! — орал он. — За голову! Оба! Выходите из машины! Быстро!

Я медленно выставила на асфальт ноги, но Тима поторопил меня своим любимым приемом — ударом рукоятки по снуле.

— Продалась! — кричал он, вытаскивая за волосы Ольгу. — Дрянь, сука продажная!

— Это я продалась? — в ответ закричала Ольга. — А кто спровадил эту цыганку в Мадрид? Идиотку из меня делаешь! Ничего ты не получишь!

— Что?! — хрюпал Тима, размахивая пистолетом. — Что ты мелешь, пугало безобразное! Какой Мадрид? У тебя что, совсем мозги протухли на жаре? — Он перенинулся на меня. — А тебя я замочу, понял? Тебе не жить на этом свете! Заводи драндулет, живо! Поедем по горным дорожкам нататься!

Он уже замахнулся, чтобы снова меня ударить, как вдруг Ольга, повернувшись лицом к крепости, схватилась за голову и завыла:

— Боже мой, что это? Что это? Занапывает! Там же ней! — и нинулась по склону к стене, рядом с которой чернели длинные траншеи археологических раскопов. Ближе к нам таращил трактор, зарывая новшом старые ямы, давно поросшие травой.

— А-а, вот ты куда его упрятала! — заорал Тима и кинулся следом за ней.

Я сел на кипот, наблюдая за парочкой, резво бегущей по склону к стене. Тима обогнал Ольгу, подбежал к трактору и принялся махать руками. Нажется, он так и не спрятал пистолет, потому что тракторист пулей вылетел из кабины и запрыгал по склону вниз, то и дело оглядываясь назад. Ольга упала на колени и принялась обеими руками загребать рыхлую землю под себя. Это было любопытное зрелище! Дама в белой юбке и длинноволосый мужик со страшной скоростью выкалывают голыми руками яму. Долго им придется копать, подумал я, тракторист постарался на совесть.

Неслышно ко мне подошел Глеб, сел рядом, с интересом наблюдая за землекопами.

— Роют, — заметил я.

— Ну и пусть роют хоть до посинения, — ответил Глеб. — Денег-то в кейсе все равно нет.

— Как то есть нет? — удивился я.

— А их там никогда и не было.

— Привет, капитан! — С другой стороны ко мне подсела Валери. — Любуюсь на чужое горе?

— А я все думал, кого же мне Глеб напоминает. Вы в самом деле здорово похони.

— У нас была одна мама, — ответил Глеб.

— Но, к сожалению, разные папы, — добавила Валери. — Между прочим меня сегодня не нормили завтраком.

— В дороге поешь. — Глеб обнял меня одной рукой. — Ты подкинешь нас до автовокзала? Здесь делать больше нечего. Сейчас нагрянет милиционский наряд. Им уже известно, что какой-то ненормальный с оружием рушит археологические раскопки.

Валери села рядом со мной. Волосы ее были мокрые, наверное, она только что искупалась. Я выругал на набережную.

— А ты куда уезжаешь? — спросил я ее. — Тоже в Таджикистан?

— Нет, в Вильнюс.

— В сказочную страну.

— Да. — Она открыла сумочку, вынула оттуда квитанцию и показала ее мне. — Деньги переведены на счет строительной фирмы "Блэн вуд корпорэйшн", и теперь будем проводить отопление, горячую воду, ставить стекла, задельывать трещины. Работы много.

— Те самые злополучные деньги?

— Те самые, — вздохнула Валери.

— Мы с Валери уже давно думаем над тем, где взять деньги на капремонт.

— И ты предложил ей инсценировать ограбление? — подсказал я.

— Нет, я всего лишь рассказал ей в письмах обо всем, что творится в "Магнолии". Тогда Валери и написала мне, что грехно не использовать эти грязные деньги на благое дело.

— Я приехала сюда из Сочи и в первый же вечер придумала план ограбления. Нужен был мужик, который согласился бы нам помочь...

— И я предложил Давида, которого три месяца назад выгнали из этого же казино за аферы, и у него был огромный зуб на его работников, — добавил Глеб.

— А Тима, не будь дураком, решил найти для этого дела какого-нибудь олуха, — продолжил я. — И в один прекрасный день увидел яхту с белыми парусами.

— Точно! — усмехнулась Валери. — Но мы скоро пожалели, что рассказали о наших планах Тимону. Своловной мужик, жадный до безумия и жестокий. Приплел к делу свою дебильную Ольгу и потребовал, чтобы большая часть денег досталась им. И мы с братишкой подумали...

— Мы подумали, — подхватил фразу Глеб, — что какого лешего будем делиться деньгами с этими гнусными людьми. И за двадцать минут до того, как я должен был выйти из казино с красным кейсом, я вынес бабки за пазухой и вручил их Валери, которая ждала меня с рюкзачком на берегу.

— А я в то же утро отвезла деньги в Симферополь, где перевела их через надежный коммерческий банк в Вильнюс.

— Мы уехали бы в тот же день, но ты подстроил ловушку с паспортом, и Валери в нее попалась, — сказал Глеб.

— А когда ты пошел к морю за своими гадними медузами, — добавила Валери и скривилась от презрительности, — я успела позвонить брату и сказать, где нахожусь... О, Глеб, я еще не рассказала тебе, как он меня пытал! Противный матрос! — Она ушипнула меня, и я чуть не наехал на столб.

— Я мог, конечно, взять спасательную станцию штурмом и вызволить сестру, — продолжал Глеб. — Но мне стало жалко тебя, когда ты рассказал про корейца. К тому же, у меня были свои счеты с этими убийцами.

— С ними убийцами? — вмешалась Валери. — Ты мне ничего про убийц не говорил.

— Это наши мужские дела, — прервал сестру Глеб.

Мы остановились напротив здания автовокзала. Глеб вынес из машины сумку, пожал мне руку.

— Мы наверняка снова увидимся, — сказал он с прозрачным намеком. — Не сердись. Самое интересное — впереди.

— А я и не серднусь. Просто мне грустно.

Валери стояла рядом со мной, смотрела на меня, глаза ее странно блестели.

— До свидания! — тихо прошептала она.

— Прощай.

Валери покачала головой, словно что-то еще хотела добавить, но промолчала, потом поцеловала меня и побежала к автобусу, откуда Глеб махал ей рукой.

Романтик виолончели

Он вырос в семье, весьма далекой от музыки. Но еще учась в музыкальной школе по классу виолончели, добился таких успехов, что принял участие в конкурсе имени Чайковского и стал самым юным лауреатом. Затем принимал участие во многих престижных международных конкурсах и почти всегда выходил победителем. Сейчас Александр Нязев — один из лидеров современного исполнительского искусства. Он не только сыграл весь виолончельный репертуар, но и сделал переложение произведений для скрипки и альта, стал играть на органе, участвовал в крупнейших музыкальных фестивалях русской музыки в Нанте, Лиссабоне и Москве. Одна из самых влиятельных газет Франции "Ле Монд" в рецензии о фестивале в Нанте лучшими назвала концерты Светланова, Репина и Нязева...

— Александр, ваши впечатления от фестиваля?

— Три сумасшедших дня в Нанте — марафон продолжался с девяти утра до позднего вечера в нескольких залах одновременно. Девяносто тысяч билетов было продано — это невероятно! Приехали Евгений Светланов, Николай Луганский, Наталья Гутман, Александр Рудин, Вадим Репин, звезды первой величины из разных стран. Невероятная популяризация классической музыки! Представляете — ни одного свободного места ни на одном концерте... В апреле эстафету принял Лиссабон. Аналогов таким событиям я пока не знаю. Поразил меня и фестиваль классической музыки в Эльмау. Это очень красивое место в Баварии, недалеко от Мюнхена, высоко в горах, где природа и музыка дополняют друг

друга, сливаются в единое целое, и начинаешь ощущать, что такое подлинная гармония...

— Видимо, мы сильно отстали в этом смысле от Запада. Наша молодежь в основном слушает попсу и рок. Вас это не задевает?

— Классическая музыка всегда была элитарной. Есть такое понятие — средний уровень культуры. Я считаю, что в нашей стране он ниже, чем в странах Западной Европы, Японии. Например, в Токио двенадцать крупнейших концертных залов, которые всегда заполнены. У нас три на всю Москву... Но нельзя сказать, что за рубежом вся молодежь слушает исключительно Баха и Моцарта. Многие предпочитают рок, эстраду. И это нормально. А то, что у нас молодые люди не ходят на концерты классической музыки — неправда. Я на своих концертах вижу много молодежи, и это радует. Если говорить об органных концертах, то дело в том, что в Западной Европе орган есть почти в каждой церкви. А для нашей публики это в некотором роде экзотика. Приходят просто послушать орган, а не Баха. И я к этому спокойно отношусь. Мне не интересна легкая развлекательная музыка, но раз миллионы людей ее слушают, значит, она нужна.

— У вас репутация музыканта, играющего только классику. Неужели никогда не хотели, чтобы кто-то из современных композиторов писал специально для вас?

— Мне не слишком интересна современная музыка. Исключения — произведения Десятникова, Каидзе, Гилю, Канчели.

— Некие музыканты оказали наибольшее влияние на ваше творчество?

— Прежде всего Мстислав Ростропович. Он был моим кумиром с детства. Наверное, если бы он не уехал из России, я бы стал его учеником. Но я учился у него наизусть заочно. Когда попал на его концерты — я тогда только начинал, — они произвели на меня сильнейшее впечатление. Потом из-за границы кто-то привозил записи, мы их слушали и восторгались. Позже, впервые выехав за границу, на конкурс в Италию, я весь свой гонорар потратил на пластинки с его записями. В 1994 году познакомился с Ростроповичем лично. В Париже, в его квартире, уже прощаясь, он подарил мне огромное количество своих дисков. И когда я признался, что почти все они у меня есть, он очень удивился и сказал, что может считать меня своим учеником. И это была не просто фраза. Через год Ростропович пригласил меня принять участие в концерте "Мстислав Ростропович и его ученики в России", который проходил в Американском посольстве.

Очень близка мне по своей манере игры и английская виолончелистка Жаклин дю Пре. Невероятная энергетика, эмоциональность. Считаю ее одной из самых талантливых виолончелисток нашего времени...

— Вам довелось играть с самыми разными оркестрами. Случалось ли, что ваша интерпретация произведения не совпадала с дирижерской?

— Случалось, что наши транскрипции не совпадали, но мы всегда находили общий язык, драм не происходило. Мне довелось играть с самыми лучшими дирижерами — Юрием Темиркановым, Евгением Светлановым, Владими-

ром Федосеевым. Выступал с оркестром Баварского радио, с Лондонским Королевским и с превосходным Гетеборгским... Хотелось бы продолжать это сотрудничество.

— За рубежом вышло очень много ваших дисков. Это и "Шеломо" Эрнеста Блоха, который вы записали с Евгением Светлановым во Франции, и "Чанона" Баха, записанная в Японии, и соната для альта с фортепиано Шостаковича в переложении для виолончели... Где их можно приобрести?

— Пока что мои диски продаются только во Франции и Японии. Но очень скоро они появятся и на нашем рынке. Во всяком случае, надеюсь на это.

— Александр, почему вы, уже будучи известным виолончелистом, стали осваивать еще и орган? В одной из рецензий вам приписывали такие слова: "Если голос виолончели напоминает человеческий, то орган — это голос Бога!"

— Красивая фраза, кто-то из журналистов придумал. Просто нравится звук органа. Может быть, еще и потому, что мой любимый композитор — Бах. Во всей его музыке есть оргальная основа — в произведениях для клавира, скрипки, виолончели. Я посетил все места, связанные с жизнью великого композитора, играл в церкви, где он венчался с Анной-Магдалиной. Разве легко сказать, почему ты любишь кого-то или что-то? Любишь, потому что любишь, и все.

— Часто ли меняется взгляд на уже сыгранную вещь?

— Жизнь меняется каждую секунду. То, что я играл вчера, се-

годня уже играю по-другому. Пять лет назад записал сюиты Баха, в прошлом сезоне сыграл их в Большом зале консерватории. Пожалуй, самый напряженный концерт в моей жизни. А сейчас мне предложила их записать фирма "Эрато", и это будут совсем другие сюиты... Музыка Баха не только безумно красива. Когда смотришь ноты "Искусства фуги" — это же сложнейшая математическая задача. Зеркальные фуги, например, настоящее чудо, что-то невероятное, высшее выражение интеллекта в музыке. Мечтаю сыграть "Искусство фуги" в Большом зале консерватории. Понимаю, что безумно трудно, и хватит ли сил, не знаю.

Совсем недавно в Большом зале консерватории вы выступали уже вместе со своим учеником. У вас появилась своя школа. Что дает профессору Нязеву преподавательская деятельность?

— Никакой я не профессор, как пишут в программах и объявляют во время концертов. И даже звания доцента не удостоился за шесть лет преподавания в консерватории. Сейчас могу себе позволить иметь лишь двоих учеников. Времени не хватает — гастроли, достаточно бурная концертная деятельность. Конечно, преподаю не ради денег. На Западе мой частный урок стоит раз в сто дороже. Главное — удовлетворение, которое получаешь, когда видишь, как в твоих руках рождается музыкант. Я учу их играть ярко, оригинально, эмоционально. Чтобы добиться успеха, нужно иметь свой неповторимый почерк.

Сегодня вы в Москве, завтра во Франции или Австралии...

— Да, мой творческий график расписан на несколько лет вперед — по дням.

Но это же какой-то безумный музыкальный марафон. Все привыкли, что вы играете на пределе человеческих возможностей, отдаете бешенную энергию залу. Аналогов такой бурной творческой деятельности очень мало. Как вы восстанавливаитесь?

— Я не склонен жалеть и щадить себя. Нужно уметь очень сильно чувствовать самому, чтобы заставить чувствовать других. Все дни заполнены музыкой, репетициями. Изредка удается вырваться на несколько дней на дачу. Там в основном отсыпаюсь, дышу воздухом и играю в шахматы.

Говорят, что недавно вы обыграли даже гроссмейстера, одну из сильнейших шахматисток мира. Что связывает музыку и шахматы?

— Здесь есть действительно какая-то взаимосвязь, которая пока не исследована. Например, любили играть в шахматы Пронофьев и Ойстрых, они даже устраивали матчи между собой. Знаменитые шахматисты Смыслов и Тайманов — прекрасные музыканты. Что объединяет — сказать трудно. Наверное, сильнейший творческий момент. Ведь шахматы — синтез науки, искусства и спорта. Трудно сказать, в какой пропорции они находятся, но мне кажется, искусство превалирует. Казалось бы, все можно просчитать, все подвергается анализу, но в какой-то момент ходы делаются интуитивно.

Музыку тоже можно проанализировать, откуда взялся тот или иной звук, а когда играешь, мно-

гое делается по творческой интуиции. Мы довольно часто сражаемся на шахматной доске с Нолей Луганским, замечательным пианистом, моим партнером по сцене. А недавно в Париже довелось познакомиться с чемпионом мира по шахматам Крамником.

— Ваша старинная виолончель не ревнует вас к партнерам, друзьям, близним? О ней, темновишиневой красавице, ходят легенды...

— Она напризна, всегда звучит по-разному. Это инструмент работы Нардо Бергонци, лучшего ученика Страдивари. Когда-то на нем играл знаменитый Пятигорский, потом — русский виолончелист Кнушевицкий. Вот уже тридцать лет этот инструмент у меня.

— Семь лет назад, выступая в Южной Африке, вы попали в автомобильную аварию. Погибла ваша жена, прекрасная пианистка Натя Воскресенская. Да и вы сами долгое время находились между жизнью и смертью. Тогда пострадала и ваша знаменитая виолончель. Сказалось ли это на звучании инструмента?

— После аварии виолончель реставрировал знаменитый французский мастер Ватло. Когда я забирал ее в Париже и попытался играть, звук был ужасный. Но мастер заверил, что ровно через девять месяцев она вернется к жизни. И представьте, так и произошло. Она словно родилась заново, звучит фантастически... ■

Беседовала
Татьяна ХАРЛАМОВА.

Игорь ЛОГВИНОВ

ЛЕКАРСТВО от СТРЕССА

Многие люди сегодня вынуждены работать в экстремальных условиях, вызывающих огромное эмоциональное напряжение. К этой категории относятся руководящие работники, бизнесмены, политики, авиадиспетчеры, водители автотранспорта, машинисты, летчики, военнослужащие, люди, работающие в неблагоприятных условиях Крайнего Севера и жаркого климата. К ним также можно отнести огромную часть населения, которая испытывает многочисленные отрицательные эмоции в силу сложившихся неблагополучных социально-бытовых условий, многочисленных конфликтных ситуаций, возникающих в результате неудовлетворенности, безысходности, материального неблагополучия.

Без преувеличения можно сказать, что каждый человек в той или иной степени находится в состоянии эмоциональных перегрузок, рискуя в любой момент превысить предельно-допустимый уровень стресса и тем самым поставить свою жизнь под угрозу. О том, как побеждать стрессы, рассказывает профессор кафедры нормальной физиологии Московской Медицинской академии им. И.М. Сеченова, генеральный директор Международного регионального центра профилактики стресса, доктор медицинских наук Евгений Антонович ЮМАТОВ

— Евгений Антонович, что порождает эмоциональные перегрузки и приводит к стрессам?

— Возросший темп жизни, избыток информации, снижение

физической активности, необходимость работать в экстремальных ситуациях. Систематическая неудовлетворенность результатами деятельности и социальными

условиями жизни, неуверенность, безысходность в решении поставленных задач, сдерживание эмоциональных проявлений — и вот уже современный человек теряет душевный покой, равновесие. Это и приводит к стрессам.

Многочисленные конфликтные ситуации провоцируются, как правило, низким уровнем культуры взаимоотношений, неумением считаться с мнением окружающих людей, находить правильный путь решения поставленных задач. Многие люди не желают адекватно оценивать результаты своего поведения и контролировать свои эмоции. А избыток их и есть неосознанное выражение своей беспомощности, неспособности прогнозировать целесообразность поступков. Истоки этих конфликтов — в отсутствии нравственного и духовного воспитания. Культурный человек, руководствуясь общественными интересами, умеет подавлять негативные для окружающих эмоции. Но с медицинской точки зрения такие "неотреагированные всплески" опасны. Не находя выхода вовне, они отрицательно влияют на здоровье человека.

Существуют и особые "внутренние конфликты", при которых человек мучительно переживает уже состоявшиеся драматические события своей жизни. Их нельзя исправить, тогда он испытывает угрызения совести, раскаяние, неудовлетворенность собой. Болезнь и смерть родственников могут сами по себе вызывать глубокие изменения в психике человека, его восприятии окружающей среды, в его взаимоотношениях с коллегами. Установлена прямая связь

между длительным психологическим дискомфортом, нервно-психической травмой и развитием эмоционального перенапряжения.

— По статистике многие люди, занимающиеся бизнесом, испытывают стрессы. Почему именно деловая активность часто сопровождается эмоциональными срывами, депрессией?

— Потому, что люди вынуждены работать в экстремальных условиях, вызывающих огромное эмоциональное напряжение. Само по себе эмоции имеют важное биологическое и социальное значение. Они являются мощным стимулом, создающим личную заинтересованность человека в удовлетворении своих потребностей. Они — источник нашей творческой энергии, преобразовательной деятельности человека. Через призму эмоций мы воспринимаем мир, свое собственное состояние, здоровье, взаимоотношения друг с другом, счастье и беду.

Однако эмоции — это не всегда благо. При появлении непредодолимых препятствий на пути к цели могут возникнуть продолжительные, сверхсильные отрицательные эмоции. И тогда человек не может достичь поставленной цели, а значит удовлетворить свои социальные и биологические потребности. В этих условиях эмоции суммируются и переходят в "застойную" форму, при которой состояние переживания значительно удлиняется. Рождается конфликт.

Занятие бизнесом само по себе часто сопровождается конфликтными ситуациями, деловые партнеры нередко нарушают правила взаимоотношений, свои обя-

зательства. Все это тоже вызывает отрицательные эмоции. Чем еще отличается бизнес от любой другой области человеческой деятельности? Тем, что здесь конкуренция возведена в ранг обычных повседневных отношений. Огромный объем информации, который приходится отслеживать, принятие жизненно важных решений в условиях остройшего дефицита времени, риск банкротства — все эти факторы являются провоцирующими для стресса. Если такие ситуации повторяются, то негативные эмоции начинают суммироваться, создавая стойкое отрицательное эмоциональное состояние. Вот это состояние и есть первый предвестник стресса.

Наковы симптоматика стресса и его последствия?

— Проявления стресса универсальны. Независимо от того, кто испытывает стресс — домохозяйка, живущая в ужасных условиях без горячей воды и отопления, или принцесса Диана, преследуемая папарацци. А вот последствия стресса зависят от индивидуальных особенностей человека. У одного могут проявиться ишемические нарушения работы сердца, у другого гипертоническая болезнь или нарушения функции мозга, у третьего — язвенно-дистрофические изменения, у четвертого — гормональные расстройства, у пятого — онкологические заболевания, у шестого — онкология.

Установлено, что эмоциональное перенапряжение является причиной невротических реакций. Человек становится конфликтен, вспыльчив, раздражителен, с ним невозможно общаться. Невротические реакции могут проявлять-

ся в нарушениях сна, или, как это было у принцессы Дианы, в виде булемии, попросту говоря, обжорства. Так что, мнение о том, что все болезни происходят от стресса — однозначно справедливо.

Эмоциональное перенапряжение — основная причина смертности от сердечно-сосудистых патологий, инфарктов, инсультов. Заболевания, вызванные эмоциональным стрессом, развиваются исподволь, незаметно, "подкрадываясь из-за угла", как бы без видимой причины. Болезнь накапливается "по каплям" и в один из дней может неожиданно проявиться на фоне будто бы безоблачного здоровья. Часто пациент узнает об этом случайно. При обследовании у него неожиданно обнаруживают повышенное артериальное давление или язвенную болезнь желудка, двенадцатиперстной кишки. Затем он лечится, едет на курорт. Часто наблюдается временный эффект выздоровления, например, нормализуется артериальное давление. Однако как только он вновь оказывается в обычной для себя рабочей или иной обстановке, в среде с высоким уровнем психо-эмоционального напряжения, то вновь дают о себе знать болезни, вызванные стрессовыми нагрузками.

Поэтому если "колонольчин не благополучия" прозвучал, необходимо сразу же начать борьбу с этим состоянием. Прежде всего нужно определить, в связи с чем у вас возникли отрицательные эмоции, и таким образом можно решить эту проблему.

Можно ли диагностировать уровень стресса?

— Все говорят о стрессе, а если спросить, какой у вас уровень

стресса, то никто не знает. Потому что диагностика эмоционального стресса крайне затруднительна. Вот ведь парадокс: человек работает на современных быстродействующих машинах с большими степенями защиты, а сам практически беззащитен. В обычном автомобиле при неисправности загораются красные лампочки, индикаторы давления, температуры. В самолете еще больше приборов, на электростанции вообще целый зал, а человек полагается лишь на свои субъективные ощущения.

Конечно, боль — наша охранная сигнализация: если где-то заболело, значит, надо идти к врачу. Но боль нас подводит, иногда ее не бывает вовсе, или она возникает не сразу, а то и не в том месте. И человек становится жертвой эмоциональных стрессов. Сколько таких примеров, когда человек был здоров и вдруг — внезапная смерть. Современное здравоохранение обладает широким арсеналом лечебных средств. Однако во многих случаях они оказываются невостребованными из-за несвоевременности оказания медицинской помощи.

Как показывает практика, профилактическое здравоохранение оказывается не до конца реализованным и востребованным людьми. Сконцентрированный на внешней социальной деятельности человек не в состоянии самостоятельно контролировать внутренние жизненно важные функции своего организма и своевременно реагировать на возникающие в организме нарушения. Раскрыть потенциал современной медицины — значит, создать условия для своевременного оказания по-

мощи. Для эффективной профилактики вызванных стрессом заболеваний человек должен иметь возможность получать своевременный сигнал о первых объективных признаках нарушений жизненно важных функций, который послужит стимулом для обращения к врачу.

В клиниках, конечно, существует прекрасная медицинская аппаратура — диагностическая и лечебная. Однако для того, чтобы в реальной повседневной жизни человек мог своевременно получать сигналы о малейших неполадках в организме, необходимы бытовые медицинские устройства индивидуального пользования.

— То есть нечто вроде термометра: сунул под мышку, померил — и вот тебе твой уровень стресса?

— Совершенно верно. Стress — это не нечто одномоментное, раз — и появился. Он напоминает разрыв каната — сначала рвутся тонкие ниточки, потом потопще, и в конце концов канат рвется полностью. Мы долгие годы изучали проблему стресса во всех отношениях — фундаментальном, принадлом, молекулярном и нейрохимическом. И, наконец, нащупали критерий стресса. Это не отклонение той или иной жизненно-важной функции от нормы, а некий интегральный критерий. Я называю это "лебедь, ран и щука".

В организме человека все органы работают слаженно, но как только нарастает стресс, возникает дезинтеграция: один тянет сюда, другой туда, и наступает как бы разобщение, анархия. На основе регистрации вегетативных показателей — частоты сердечных сокращений, артериального

давления, частоты дыхания разработан "Дозатор стресса". Это устройство дает текущую информацию о состоянии жизненно-важных функций человека, фиксирует все отклонения от нормы — так, как это делают приборы в технике. С помощью "Дозатора стресса" те функции организма, которые находились вне досягаемости нашего мышления, переходят в разряд осознаваемых.

В отличие от клинической диагностической и лечебной аппаратуры "Дозатор стресса" принадлежит к разряду информационно-бытовых приборов, предназначенный для использования человеком в реальной повседневной жизни. Это микропроцессорное устройство представляет собой портативный переносной прибор в виде пейджера, миниатюрные датчики которого устанавливаются на поверхности тела. Питание прибора осуществляется с помощью автономного источника тока — батареек или аккумулятора.

"Дозатор стресса" предназначен для индивидуального пользования и персонально программируется. Предварительно, на основании своего опыта или по рекомендации врача, вы заносите в блок памяти предельно допустимый уровень стресса. Эта норма может быть разной: для здорового — она одна, для человека с повышенным давлением или перенесшего инфаркт — другая. Человек постоянно ходит с этим прибором, который замеряет уровень стресса в данный конкретный момент и выдает его в виде числа или в форме индикации. Когда уровень стресса выходит за грань нормы, прибор срабаты-

вает, как сигнализация автомобиля.

Далее вы можете своевременно снять психоэмоциональную или физическую нагрузку, релаксироваться, либо обратиться к врачу, принять лекарства, которые вам назначены. При этом прибор позволяет определить эффективность лекарств.

...Удивительное все-таки создание — человек. Всю свою жизнь занимается тем, что гробит собственное здоровье. Начинает уже с раннего детства, когда заботливые родители, пичная ребенку двойной порцией колбасы и оберегая от любых физических усилий, активно этому способствуют. А подрастет немножко — и приобщается к другим "плодам цивилизации": безудержному курению, потреблению алкогольных напитков, а то и наркотиков — этой чумы ХХ, а теперь и ХXI века. Есть при этом продолжает много, двигаться, напротив, мало. Прибавьте к этому испоганенную самим человеком окружающую среду, постоянные стрессы и результат налицо: к сорока годам, а то и раньше, нуча всевозможных заболеваний.

Тут-то человек и вспоминает о собственном здоровье, начинает суетиться, бегать по врачам. Современное здравоохранение, конечно, обладает широким арсеналом лечебных средств. Однако во многих случаях они оказываются невостребованными из-за трудности, а порой невозможности оказания своевременной помощи больному. Поэтому, считает профессор Е. Юматов, главное в борьбе со стрессом, — это профилактика.

Специально для читателей "Смены" генеральный директор Международного регионального центра профилактики стресса дал несколько рекомендаций в качестве "лекарства от стресса":

■ Любое занятие имеет вполне конкретную цель — достижение успеха. При появлении непреодолимых препятствий на пути к этой цели у человека возникает стресс. Поэтому в таких случаях иногда бывает лучше отказаться от принятого решения и направить все свои силы в другую область. То есть, с одной стороны человеку для достижения успеха нужно быть предельно целеустремленным, а с другой — необходимо уметь отступать на заранее подготовленные позиции.

■ Каждую проблему нужно рассматривать под двумя углами зрения: что надо сделать, чтобы достичь своей цели, и что будет, если это не получится. Не нужно упираться лбом в стенку, всегда старайтесь иметь веер возможностей.

■ В деловой сфере важна культура эмоций, поведения, взаимоотношений с людьми. Поэтому очень важно воспитывать в себе умение не реагировать в конфликтных ситуациях

неоправданными эмоциональными реакциями и тем самым препятствовать переходу их в форму длительных "застойных" переживаний.

■ Помните: для гармоничного существования важны не только деловые факторы. Конечно можно пожертвовать ради благополучия семьи и своего собственного здоровья. В нужный момент отдохнуть, заняться воспитанием детей, поинтересоваться успехами мужа, дочери или сына.

■ Следите за своим сном, он должен быть полноценным. Многих людей тревожат проблемы, они не могут освободиться от тягостных мыслей. Поэтому важно иметь красивую мечту, она, как лакомая конфетка, пусть будет всегда про запас. Ложишься — и все, наконец-то я могу помечтать и засыпаю с красивой мыслью. Если вы спите плохо, если вас тревожат сны, то вы на пути к стрессу.

■ Важно уметь переключаться — на хорошее хобби, на дачные хлопоты, на друзей. Нужно ценить любое проявление доброжелательности и внимания. И самому творить добро — это мощный и доступный фактор эмоциональной разрядки и профилактики стресса. ■

Быть здоровым - это современно!
Иметь оригинальное хобби - это модно!

досуг и хобби

www.hobbyexpo.ru

2001

РОССИЯ, МОСКВА,
КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"
20-24 СЕНТЯБРЯ

Международная выставка товаров и услуг
для популярного, активного, элитного и
экстремального видов отдыха и хобби.

Вы должны участвовать в нашей выставке!

ОРГАНИЗATOR

информационная
поддержка

К участию в выставке приглашаются
производители товаров и услуг для
традиционных, элитных, экстремальных
видов спорта, туризма, отдыха и хобби

Директор выставки - Любовь Петровна Архипова
Тел/факс: (095) 268-7605, 268-7603

Адрес: Россия, 107113, Москва,

Сокольнический вал, 1, павильон 4

Факс (095) 268-0891

e-mail: arhipova@exposokol.ru

<http://www.exposokol.ru>

новый
www.you
Венесуэла

ЦЕХТАЗ
досуг

Новый офис продаж на Петровке

АВИАКАССЫ:

- Енисейская ул., 19
- Коровий вал, 7
- Кузнецкий мост, 3
- Ленинградский пр-т., 37.
кассы № 51, 63

NEW **Петровка ул., 20/1**

- Фрунзенская наб., 4
- Фрунзенская наб., 8
- Шереметьево - 1 и 2

ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ И БРОНИРОВАНИЯ АВИАБИЛЕТОВ:

☎ (095) 753 - 55 55 <http://www.aeroflot.ru>

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

ЧИСТЕЙШАЯ ВОДА?

"ДЕЛЬФИН" СДЕЛАЕТ ЕЕ ДЛЯ ВАС!

В предыдущем номере «Смены» мы рассказали о бытовых фильтрах зеленоградской фирмы «Фильтр». Зеленоградцы выпускают также промышленные установки для очистки воды и в том числе — «Дельфин-1000».

Установка используется для очистки воды в коттеджах, детских садах, больницах, столовых, кафе, прачечных.

Ее отличают большая производительность (до 1000 л/час), удобство и простота в эксплуатации, надежность. «Дельфин-1000» обеспечивает превосходное качество очистки, — удаляет механические и органические загрязнения, железо, тяжелые металлы. По вкусу — это натуральная родниковая вода!

Систему можно организовать из одного, двух, трех или четырех модулей. Состав воды, поступающей на очистку, определяется:

- содержанием железа (превышение предельно допустимых концентраций в 2-10 раз — до 50 мг/л);
- наличием в воде таких исключительно вредных для здоровья тяжелых металлов как кадмий, стронций, свинец, ртуть, цинк, медь, а также органических загрязнений, в том числе фенолов, пестицидов и т.д.;
- наличием хлорорганических соединений, поверхностно-активных веществ.

Один модуль используют при расходе воды не более 200 л/час и в том случае, если загрязнение воды не превышает ПДК в 2-3 раза.

Два модуля устанавливают при превышении ПДК в 5 раз.

При степени загрязнений, превышающих предельно допустимую концентрацию в 10 и более раз, необходимо установить 3-4 модуля. Такая система обеспечит годовой ресурс эксплуатации при расходе 1000 л/час.

Замена фильтра производится фирмой через год, причем стоимость заказа снижается до 50 %.

«Дельфин-1000» — превосходный подарок для всей семьи. Он особенно нужен детям и старикам, ибо позволяет восстановить иммунитет (за счет серебра, имеющегося в воде на выходе из модуля), защитить от болезней.

Продукция МВП «Фильтр» имеет Международный знак Европейского качества, дипломы и золотые медали выставки «Лучшие товары и услуги на рынках России». Предприятие является победителем конкурса «1000 ЛУЧШИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ XXI ВЕКА».

Мы с удовольствием ответим на все ваши вопросы по телефонам: (095) 531-65-33, (095) 532-80-58.

ЗДОРОВАЯ КОЖА — ЗДОРОВЫЙ МАЛЫШ

Чем отличается лечебная косметика, производимая "ИНФАРМОЙ", от продукции других фирм? "ИНФАРМА" — практически единственный в России разработчик и производитель детской косметики, обладающей лечебным эффектом.

"ДЕТСКИЙ КРЕМ" в течение нескольких минут снимает зуд, успокаивает воспаление и раздражение кожи, ускоряет заживление при контактном дерматите, экземе, псориазе, юношеских угрях, ожогах и опрелостях.

"ДЕТСКИЙ БАЛЬЗАМ" применяют при воспалительных заболеваниях кожи для предупреждения появления трещин, шелушения, зуда, заживления высыпаний.

"ДЕТСКИЙ ШАМПУНЬ" (и "ДЕТСКАЯ ПЕНА для ванн") поможет нежно ухаживать за раздраженной кожей.

Все это можно приобрести в аптечной сети или заказать по почте наложенным платежом (цена комплекта из 5-ти наименований — 158 руб. без стоимости доставки).

БЕСПЛАТНО прилагаются диетические инструкции и другие рекомендации по уходу за кожей. **ПОДАРОК** — противовирусный, противогрибковый крем "ВИРАЗОЛ".

"ИНФАРМА": 117571, Москва, ул. 26-ти Бакинских Комиссаров, 1-2-17.
Тел./факс: (095)141-90-65

Ищите "32 ЖЕМЧУЖИНЫ"!

Помните зубной порошок? Это "невкусное" средство тем не менее прекрасно отбеливает зубы. Ранее считалось, что мел — слишком жесткий абразив, он истончает, "стирает" зубную эмаль. Но мел, который используется при изготовлении зубных паст нового поколения (и, в частности, паст белорусской фирмы "Модум", известной по своим маркам — "Кедровый бальзам", "Семейная", "Фтородент", "Мятная", "Лесная"), изготавливают по специальной технологии, и размер его частиц сопоставим с размером частиц кремния в хорошо знакомых кремниевых пастах иностранного производства типа "Бленд-а-мед". Последние исследования показали, что для наших зубов предпочтительнее и роднее зубные пасты на меловой основе. К тому же мел — природный, естественный материал. Новая серия "32 жемчужины" представлена тремя видами паст, оказывающими разное лечебно-профилактическое действие. Паста "32 жемчужины" с фтором предотвращает заболевания зубов и десен. Второй вид — с добавлением кальция, строительного материала для костных тканей. "32 жемчужины" отбеливающая — паста, осветляющая зубы и разрыхляющая зубной камень.

Вся продукция фирмы — шампуни, кремы, лосьоны и, разумеется, зубная паста проходят исследования в клинике НИИ радиационной медицины и эндокринологии в Аксаковщине и только после отличных рекомендаций поступают в продажу. Так что смело отправляйтесь в магазины на поиски драгоценностей!

ЗАО "МОДУМ" Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Энгельса, 34, 3-й этаж, тел./ф.: (017)227-22-11, 229-22-33

Официальный дистрибутор в России:

Компания "ТОРН".

Москва тел.: (095)786-20-00/02

 NATURELLE

Варшавское шоссе, д. 17   тел.: (095) 9 555 888
www.naturelle.ru   info@naturelleinc.com

Знакомьтесь, "ЛитА-Цвет"...

Всех почитателей продукции московской НПФ "ЛитА-Цвет", известной своими косметическими сериями "Прикосновение...", "Мастер и Маргарита", приглашаем познакомиться с новой разработкой фирмы — косметической линией "ЛитА-Цвет".

Во всех косметических средствах линии, а их — 26 наименований, присутствует "Эксолин" — уникальный, не имеющий аналогов биологический стимулятор регенерации тканей. "Эксолин" — производный коллагена, который содержит весь необходимый для кожи комплекс аминокислот, пептиды, уроновые кислоты, микроэлементы и минеральные вещества. "Эксолин", идеально усваиваясь, обновляет кожу, способствует синтезу новых коллагеновых клеток, отвечающих за упругость и эластичность кожи, обеспечивает полноценное питание и защиту кожного покрова от вредных воздействий окружающей среды.

ЛитА-Цвет — косметика для тех,
кто хочет выглядеть молодо всегда,
независимо от возраста.

Приобрести косметику "ЛитА-Цвет" можно в
магазинах Москвы и России.

Приглашаем оптовых покупателей:

Москва, ул. 9-я Парковая, дом 37, корп.1.

Телефоны: (095) 965-20-38,

(095) 467-18-80, (095) 466-68-44,

(095) 165-90-01, (095) 965-05-39.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
Х международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

109. В. ЛУКАШЕВ

Таганрог

2

110. В. СУХНЕВ

г. Климовск
Московской обл.

2

111. А. ВАРИЦКИЙ

Беларусь

2

112. В. ГРЕБЕШКОВ

п. Середка
Псковской обл.

2

113. А. КОШЕЛЬКОВ

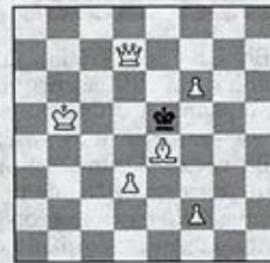
Псков

2

114. В. ЧЕРНЫХ

Воронеж

2

115. В. МАТЭУШ

Старая Русса
Новгородской обл.

3

116. В. КОЗЫРЕВ

Эстония

3

117. Н. ВЛАСЕНКО,
В. ИВАНОВ

Россия

3

118. М. МАРАНДЮК
Украина

3

119. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

3

120. Г. КОЗЮРА
Украина

3

121. Л. ЛЕБЕДЕВ
Беларусь

б) Cc2-c3 в) Ke4-a4 # 3

122. В. СИМОНОВ
Самара

б) Ke3-e4 # 3

123. Е. БОГДАНОВ
Украина

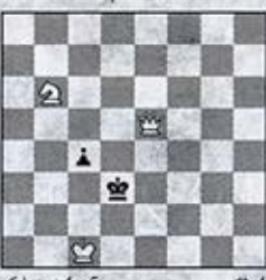
3

124. Л. ПРОНИН
Москва

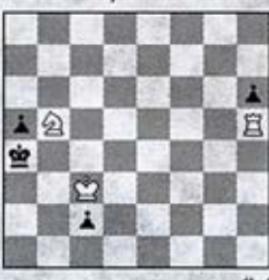
4

125. М. МАТРЕНИН
г. Колпино
Ленинградской обл.

б) п.c4-c5 # 4

126. С. ИЛЯСОВ
г. Новоаннинский
Волгоградской обл.

4

127. В. НАПАНДАДЗЕ
Грузия

4

128. В. КОНДАНИН
Магадан

4

129. В. МОРОЗОВ
Москва

7

- Лошади
- Амуниция
- Оборудование конюшн и проекты их строительства
- Снаряжение для ковхи
- Ветрепараторы и ветоборудование
- Корма и кормовые добавки
- Одежда и обувь для верховой езды и работы с лошадью
- Ипподромное оборудование
- Оборудование для проведения конных соревнований

ЭКВИРОС

2001

3-Я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА

с 20 по 24 СЕНТЯБРЯ

www.equiros.ru

МОСКВА , КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"

ОРГАНИЗАТОРЫ

Министерство
сельского хозяйства РФ

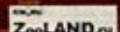
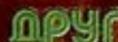
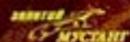

Федерация
конного спорта
России

Ассоциация
конноспортивных
клубов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СПОНСОРЫ

Вниманию подписчиков!

В первом полугодии 2002-го года цена за один номер журнала — 36 руб., за три — 108 руб., полугодовая подписка — 216 рублей (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

"Смена"

(индекс издания)

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

"Смена"

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество
комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

При оформлении подписки на газету или журнал в бланк абонемента проставляется оттиск кассовой машины с номером до 1000 и более. Оттиск от кассы (номера до 100) проставляется в бланк абонемента в виде комбинации из трех цифр, соответствующих оттиску кассы. ТНУ подпись № 93-110

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

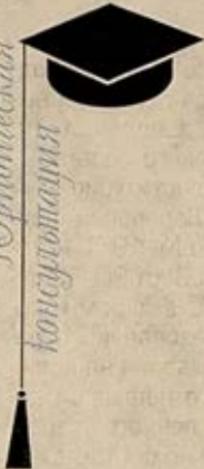
На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточной заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

С военным иском — в военный суд

"Сын служил в армии по контракту, уволился, не получив при читающихся ему денег. Районный суд иск не принимает. Куда нужно обращаться?"

А.Федосеева,

Пермская обл.

В связи с тем, что ваш сын является (или являлся) военнослужащим, исковые требования к органам военного управления должны предъявляться в военный суд. В соответствии со ст.7 Федерального конституционного закона от 23.06.99 г. "О военных судах Российской Федерации" военным судам подсудны гражданские дела по искам и жалобам о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений. Если гражданин уволился с военной службы, то его иск также должен рассматриваться военным судом, при условии, что права и охраняемые законом интересы были на-

рушены в период прохождения военной службы. Согласно п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 9 "О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих" к таким искам, в частности, относятся иски граждан,уволенных с военной службы, о взыскании невыданного денежного и иных видов довольствия. В соответствии с указаниями Пленума Верховного Суда РФ права военнослужащего должны быть восстановлены в полном объеме: убытки, вызванные задержкой выплаты, потери от инфляции и т.д.

Не живете, но платите

"Я в своей квартире временно не живу. Соответственно, не расходую воду, электричество и т.д. Оплату за это время все равно требуют. Должен ли я оплачивать коммунальные услуги, если я ими не пользуюсь?"

Д. Маслов,

Тверская обл.

В соответствии с "Правилами предоставления коммунальных услуг", утвержденных Постановлением Правительства РФ от 26.09.94 г., коммунальные услуги предоставляются гражданам на основании договора между нанимателем, собственником или арендатором жилого помещения и предприятием, предоставляющим коммунальные услуги. После заключения этого договора потребитель обязан соблюдать его условия, касающиеся порядка, размера и формы оплаты коммунальных услуг. Согласно п.4.3.1 Пра-

вил потребитель вправе не оплачивать предоставляемые коммунальные услуги только в том случае, если перерыв в пользовании услугами наступил по инициативе исполнителя (организации, предоставляющей услуги) и длится сверх установленной в договоре продолжительности. При этом в конкретном договоре может быть установлен другой порядок оплаты коммунальных услуг, в том числе и особенности оплаты в те периоды, когда коммунальные услуги не требуются потребителю.

Возраст должности не помеха

"Заведующему кафедрой нашего института (государственно-го) исполняется 70 лет. Может ли администрация вуза продлить пребывание заведующего кафедрой на этой должности после достижения им 70 лет?"

П. Ларин,

Новосибирская обл.

До недавнего времени в таком случае применялось положение п.3 ст.20 Федерального закона от 22.08.96 г. "О высшем и послевузовском профессиональном образовании". В соответствии с указанной нормой в государственных и муниципальных высших учебных заведениях должности заведующих кафедрами замещаются лицами в возрасте не старше 65 лет независимо от времени заключения контрактов. Лицо, достигшее указанного возраста в период нахождения в должности заведующего кафедрой, с его согласия переводится на другую должность, соответствующую его квалификации. Закон предусматривает возможность продления срока пребывания на должности заведу-

ющего кафедрой до 70 лет. Продление производится ректором вышего учебного заведения по представлению ученого совета.

27.12.99 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление № 19-П, которым положение п.3 ст.20 Федерального закона "О высшем и послевузовском образовании", ограничивающее пребывание на должности заведующего кафедрой до достижением определенного возраста, было признано не соответствующим Конституции РФ, а именно ее статьям 19 (ч. 1 и 2) и 37 (ч. 1). Таким образом, в настоящее время пребывание в вышеуказанной должности не ограничено возрастом гражданина, продление срока его полномочий ректором по представлению ученого совета не требуется.

Работать можно и дома

"Моему сыну уже три с половиной года, отпуск по уходу за ребенком закончился. Могу ли я попросить администрацию предприятия, где работаю, чтобы меня перевели на работу на дому?"

А. Филлипова,

Оренбургская обл.

Работа на дому является, согласно ст.253 Ноденса законов о труде РФ, одной из форм трудовой деятельности, для которой предусмотрены особые условия. Эти условия установлены в специальном Положении, утвержденном Постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 29.09.81 г.

В соответствии с п.4 некоторые категории граждан имеют преимущественное право на заключение трудового договора (пе-

ревод) на работу на дому. К ним, в частности, относятся женщины, имеющие детей в возрасте до 15 лет; инвалиды и пенсионеры; лица, достигшие пенсионного возраста, но не получающие пенсию; лица с пониженной трудоспособностью, которым в установленном порядке рекомендован труд в надомных условиях; лица, осуществляющие уход за инвалидами или длительно болеющими членами семьи, которые по состоянию здоровья нуждаются в уходе; лица, занятые на работах с сезонным характером производства (в межсезонный период), а также обучающиеся в очных учебных заведениях; лица, которые по объективным причинам не могут быть заняты непосредственно на производстве в данной местности (например, в районах и местностях, имеющих свободные трудовые ресурсы).

Таким образом, если по характеру и технологии производства надомный труд возможен и экономически целесообразен, то администрация должна предоставить вам возможность работать на дому личным трудом, а также при участии членов вашей семьи. При этом на надомного работника распространяется законодательство Российской Федерации о труде, в том числе в отношении времени отдыха, льгот, гарантий и т.д.

Литература нужна всем учителям

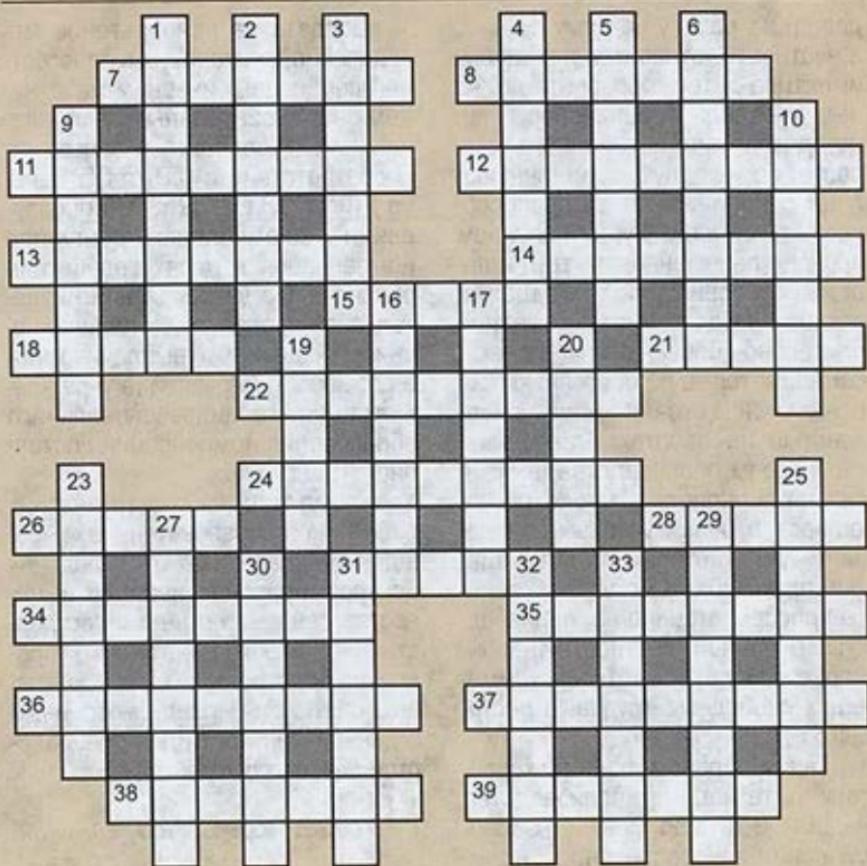
"Собираюсь работать учителем в сельской школе. Полагается ли сельским учителям доплата на приобретение методической литературы?"

Н. Потапов,
Краснодарский край

Доплата на приобретение методической литературы полагается всем педагогическим работникам образовательных учреждений — и городским, и сельским. В соответствии с п.8 ст.55 Закона РФ от 10.07.92 г. "Об образовании" ежемесячная денежная компенсация в целях содействия обеспечению учителей книгоиздательской продукцией и периодическими изданиями выплачивается в размере 100 рублей (в учреждениях высшего профессионального образования компенсация составляет 150 рублей).

Кроме того, на педагогических работников образовательных учреждений, удаленных от городских центров и рассматриваемых в качестве таковых органами государственной власти и органами управления образованием, распространяются льготы, предусмотренные в данной местности для специалистов сельского хозяйства. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Русская нафельная плитка, часто расписная. 8. Химическая специальность ученого Н. Зинина. 11. Азарт костра или пожара. 12. Математический способ определить, в какой точке пути на данный момент находится корабль или самолет. 13. Сенная девушка, которой царица приказала отвести в лес на съедение волнам царевну в "Сказке о мертвой царевне" А. Пушкина. 14. Прочный и стойкий сплав на основе никеля. 15. Притон Олекмы в бассейне Лены. 18. Большой начальник. 21. Повесть Мопассана, сделавшая его известным. 22. Меломан, не боящийся оглохнуть. 24. Человек, готовый умереть с голода, лишь бы вы не ели инку. 26. Гофмановский крошка по прозванию Циннобер, которого А. Ахматова сравнила со Сталиным: к обоим "прилипали" чужие добрые дела. 28. Информация, необходимая

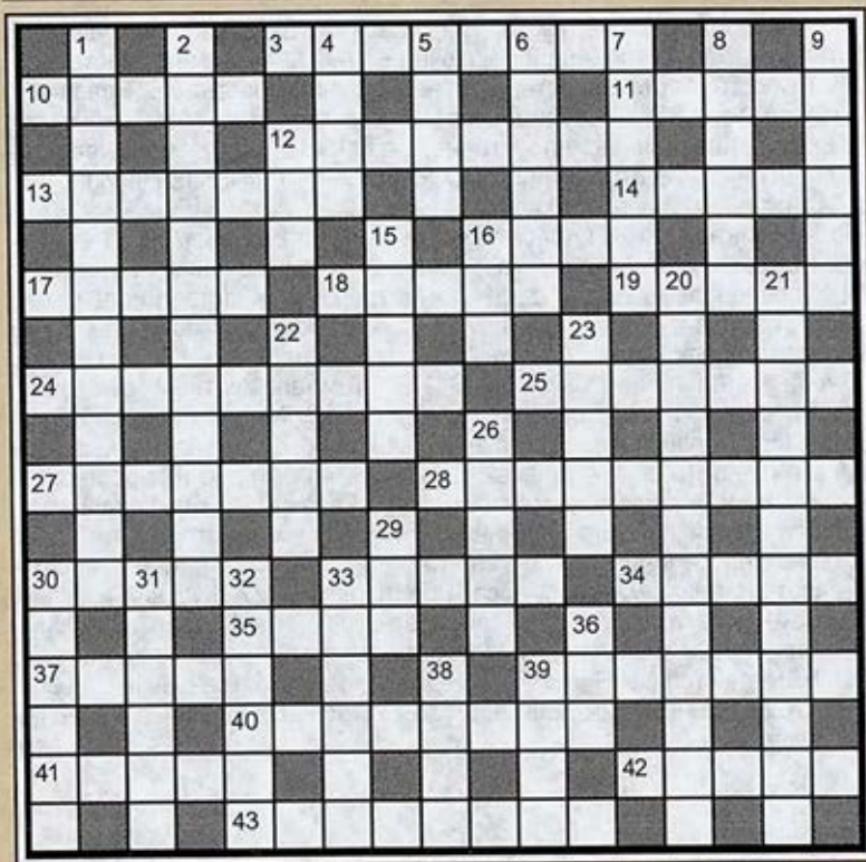
человену, идущему в гости. 31. Весьма дальноворкий человек. 34. Артистка с принципом: хочешь жить — умей вертеться. 35. Глупость, бесталанность, духовная ограниченность. 36. Ясновидец на плохое. 37. "Специальность" Г. Хазанова по техникуму. 38. Западноафриканская страна, в 1985 году прерывавшая дипломатические отношения с СССР. 39. Актер, сыгравший Ипполита в "новогоднем" фильме "Ирония судьбы".

По вертикали. 1. Потрясающе громкий специалист. 2. Антиса, сыгравшая Лису Алису в фильме "Приключения Буратино". 3. Художник-пейзажист, друг А. Чехова. 4. Поставщица самой дефицитной в 70-80-е годы крупы. 5. Зеленоглазый водитель. 6. "В веселых масках ходят ..., готовы целовать меня враги" (Я. Полонский. "Вчера священники служили..."). 9. Темпераментный шустрила. 10. Мелкое насекомое, вредитель яблонь. 16. Малочисленный народ, древнейшее население Восточной Сибири. 17. Одежда, в которой нельзя работать спустя рукава. 19. Птица, на которую в окрестностях Энса в юности вместе охотились Золя и Сезанн. 20. Афинский поэт, "отец трагедии". 23. Великий английский ученый, у которого любовь к физике пробудила, когда он работал переплетчиком, весьма бесцветная книга миссис Марсэ. 25. Глашатай. 27. Русский историк, по чьей инициативе созданы музеи этнографии в Назани и Москве. 29. Одногорбый верблюд, в диком виде давно не встречающийся. 30. Житель столицы Нигера. 31. Герой в романе И. Гончарова "Обрыв". 32. Птица, выносящая приговор. 33. Устное обращение в небесную канцелярию. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 7. Перепляс. 9. Френчель. 10. Глухомань. 11. Энтузиаст. 13. Интернационализация. 15. Колядование. 22. Жена. 23. Узы. 24. Грех. 25. Центр. 26. Харчо. 27. Юрта. 28. "АМО". 30. Зять. 31. Плюснодонка. 40. Неблагопристойность. 41. Болиголов. 42. Кратность. 43. Шкворень. 44. Якубович.

По вертикали. 1. Теплынь. 2. Верхнее. 3. Фламинго. 4. Нерубини. 5. Скрипач. 6. Хлястик. 8. Саннция. 9. Фанфара. 12. Рогоз. 14. Метро. 15. Кацап. 16. Лento. 17. ...дуран. 18. Выход. 19. Нерон. 20. Егоза. 21. Честь. 29. Мориц. 32. Легновес. 33. Септоль. 34. Остерия. 35. Нейптаун. 36. Щекотна. 37. Эллисон. 38. Болотов. 39. Утятник.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Хорватский ученый-энциклопедист и писатель, сторонник "славянского единства". 10. Опера Генделя, чья премьера была в Лондоне в январе 1723 года. 11. Терраса на колоннах или столбах в среднеазиатских жилищах и мечетях. 12. Подмигивающий регулировщик уличного движения. 13. Горный массив, который кабардинцы называют Ошхомахо, а балкарцы — Минги-тау. 14. Живший на Маскаренских островах очень крупный голубь, истребленный к концу XVII века человеком и завезенными свиньями. 16. Итальянский город, где фреска "Танец смерти" на кладбище Нампосанто вдохновила Ф. Листа на первый вариант одноименного произведения. 17. Летняя оденда Н. Нюева. 18. Один из двух инструментов, звучящих в начале "Ренвиема" Моцарта. 19. Средневековый насмешливый жанр, в котором особенно отличился Ганс Санс. 24. Засилье власти. 25. Оперная героиня, воскликнувшая, обращаясь к Водемону: "Ты дал мне свет, ты дал любовь!" 27. Онкультная наука, с которой И. Гете познакомила С. Клетенберг, подруга его матери. 28. Столовая в доме древнего римлянина. 30. Лу-

чина, отнолотая от чурбана тонкая деревяшка. 33. Представитель секты, которую поэт А. Добролюбов называл "пляшущей церковью". 34. Поверхность озера при безветрии. 35. Девичья фамилия Аделаиды, жены Осипа Сенновского. 37. Исполнение музыки всем оркестром или хором. 39. У А. Пушкина: "положили молодых и оставили одних" (объект). 40. Второй этаж дилинанса или омнибуса. 41. Действо стукача. 42. Спортивный "гребень". 43. Головной убор героини на картине М. Врубеля "Царевна-Лебедь".

По вертикали. 1. Посетитель лондонских собраний светских дам, ходивший на эти "ученые беседы" в синих, а не в черных чулках, что и породило выражение "синий чулок". 2. Помещение, спасающее от смерти, падающей с неба. 4. Исследователь Антарктиды, чьим именем назван ледник на Земле Виктории. 5. Движение в балете с броском ноги. 6. Самоцвет, называемый китайцами "куском застывшего в горах тумана". 7. "...смерти" — одно из самых обращенных в будущее произведений Ф. Листа. 8. ... — нентавр, Русь — китоврас. 9. "Страус и Гунгль" по отношению к женскому сердцу (мнение Лидии в пьесе А. Островского "Бешеные деньги"). 12. В сонете "Поэту" А. Пушкин писал: "Услышишь ... глупца и смех толпы холодной, но ты останься тверд, споноен и угрюм". 15. "Страна огня", старший ангел геенны огненной (по Корану). 16. "Сан" Лазаря, сожженного в 1686 году вместе с Аввакумом и Епифанием. 20. Философ, первый переводчик на русский язык "Критики чистого разума" И. Канта. 21. П.И. Юргенсон по своей деятельности. 22. Один из семи холмов, на которых возник Рим. 23. Инструмент музыканта, который, надо думать, щи лаптём хлебает. 26. Писатель, чья эпопея "В поисках утраченного времени" во французской анкете 1956 года заняла третье место после Библии и драматургии Шекспира. 29. Датский посланник при Петре I, оставилший записки о России. 30. Голландский живописец, основоположник "крестьянского бытового жанра". 31. Шерсть барсука. 32. Золотое предприятие. 33. "Шерсть", растущая в Индии, по Геродоту, на кустах. 36. Скандинавский средневековый дворянин. 38. Бросовая цена в базарный день. 39. Черная ипостась Деви, жены Шивы, изображаемая в онкерелье из черепов. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 5. Бюлов. 10. Уроженец. 12. Мита. 13. Харappa. 14. Едarma. 15. Шейн. 16. Чуковский. 17. Волонтиир. 21. Театр. 23. Романтизм. 24. Начев. 25. Диван. 26. Бесправие. 27. Свита. 32. Мирабель. 34. Ненасилие. 35. Ясон. 36. Эснарп. 37. Берлиоз. 39. Обух. 40. Клюворыл. 41. Дьюар.

По вертикали. 1. Гузеева. 2. Норабль. 3. Лермонтов. 4. Вех. 6. Южаков. 7. Отпсн. 8. Лицей. 9. ...бабки. 11. Цахур. 15. Шипение. 16. Чикарец. 18. Атлас. 19. Ступа. 20. Издание. 22. "Жатва". 23. Рентген. 25. Динарство. 28. Денабрь. 29. Тьеполо. 30. Щавель. 31. Фиална. 32. Мирон. 33. Пятов. 34. Номуд. 38. Зло.

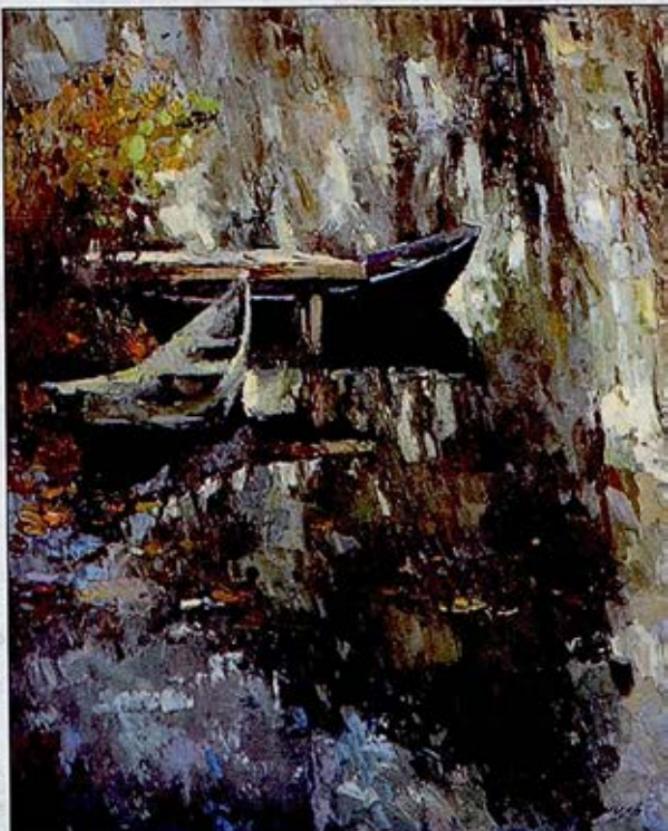

Алексей ЗАЙЦЕВ

Он все время в поездках: Подмосковье, Волга, маленькие стариные города и деревни центральной России. И создается впечатление, что только длительные путешествия дают ему творческое вдохновение. Может, поэтому и живопись Алексея столь разнообразна. Он пишет пейзажи, натюрморты, портреты, городские композиции. Очень любит писать с натуры, видимо, чтобы сохранить свежесть и непосредственность впечатлений. А у себя в мастер-

ской, в Москве, художник на основе этих этюдов, набросков, зарисовок создает крупные полотна, но уже старается отойти от конкретности мотива, освободиться от излишней детализации, чтобы выявить главное. И природа превращается на его холстах в гармоничный художественный образ, где свежесть восприятия уступает место картинной завершенности, отточенности, глубине. Отличительная черта работ Алексея — необычная композиция, звучный колорит, экспрессивность.

Особое место в творчестве художника занимают виды Москвы и Подмосковья. Он пишет их в разные времена года, при различном освещении и состоянии природы, отчего хорошо знакомый город выглядит таинственно, загадочно, а порой и неизвестно. Хороши портреты — в них не только внешнее сходство с моделями, но и глубокий психологизм. Что же касается пейзажных работ, то они просто заворажива-

Лодки на Трубеже.

Прогулка по берегу моря.

ют. И зелень сочных трав, пьянящих своим ароматом, и мощные дубы, и степи под знаменем небом... Вся эта мягкая поэтичность достигается тщательной колористической нюансированной, легкой вибрацией света и воздуха. "Я люблю все родное — говорит художник, — просторы, плавное течение рек, рыбачки лодки, утесы, дубравы, поля. Люблю наблюдать закаты и восходы, состояние природы после дождя, а зимой прислушиваюсь к звонкому крепкому морозцу". И не верится, что когда-то Алексей был совершенно равнодушен к живописи, отдавая предпочтение графике, и окончил в Казани, где родился и вырос, художественный факультет по специальности книжная графика.

Выставляясь Алексей Зайцев стал лет десять назад. С тех пор его персональные выставки прошли во многих городах России, Европы и даже в Индонезии.

Людмила КАНДАЛОВА

Дельфиниумы.

Saeco® GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Встроенная кофемолка

Регулировка степени

помола кофе

Подогрев чашек,

таймер

Счетчик чашек

*Изумительный
эспрессо
и капучино*

**за 20
секунд**

**20 сортов
свежеобжаренного
колумбийского кофе**

Гарантия 12 месяцев

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

